

ВЫСШЕЕ
ОБРАЗОВАНИЕ

ИСТОРИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ IX—XX ВВ.

В Ы С Ш Е Е
О Б Р А З О В А Н И Е

ИСТОРИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ IX—XIX вв.

Под редакцией Л. В. Кошман

5-е издание, стереотипное

Допущено Министерством образования
Российской Федерации
в качестве учебного пособия
для студентов исторических факультетов
высших учебных заведений

ДРОФА

Москва • 2004

УДК 008(470)
ББК 71(2)я73
И90

**В. С. Шульгин, Л. В. Кошман,
Е. К. Сысоева, М. Р. Зезина**

Рецензенты:

д-р ист. наук, проф. А. А. Данилов
(зав. кафедрой истории Московского педагогического
государственного университета);

д-р ист. наук, проф. А. И. Уткин
(зав. кафедрой культурологии Московского автодорожного
института — ГТУ)

История русской культуры IX—XX вв.: Пособие для ву-
зов / В. С. Шульгин, Л. В. Кошман, Е. К. Сысоева, М. Р. Зе-
зина; Под ред. Л. В. Кошман. — 5-е изд., стереотип. —
М.: Дрофа, 2004. — 480 с.

ISBN 5—7107—8453—2

С учетом новых историко-культурных и теоретико-методологических исследований в учебном пособии рассматриваются основные черты, тенденции и условия развития отечественной культуры, начиная с IX в. и до конца XX в. Наиболее подробно анализируются такие сферы культуры, как просвещение, наука, общественная мысль, художественная культура.

Книга предназначена для студентов университетов и высших учебных заведений, где преподается курс истории русской культуры. Может быть использована учащимися гимназий и лицеев гуманитарного профиля.

УДК 008(470)
ББК 71(2)я73

ISBN 5—7107—8453—2

© ООО «Дрофа», 2003

Предисловие

Пособие по истории русской культуры написано в соответствии с программой «История русской культуры», разработанной на историческом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова, и охватывает весь период развития отечественной культуры, начиная с IX и до конца XX в. В основу книги легли лекции по истории русской культуры, которые читаются на историческом факультете Московского государственного университета с середины 1950-х гг. Авторы в разное время участвовали в чтении этого курса.

Структура книги основана на хронологически-проблемном принципе. В каждом из четырех разделов («Средневековая культура IX—XVII вв.», «Культура нового времени: XVIII век», «Русская культура XIX века», «Русская культура XX века») определяются основные черты, тенденции и условия развития культуры, а также факторы, повлиявшие на это развитие.

В четвертое издание внесен ряд исправлений. Третье издание пособия (2002) было существенно переработано с учетом новых историко-культурных и теоретико-методологических исследований, современных подходов к изучению культуры. Был значительно расширен материал, представляющий систему образования и просвещения в России, а также включены разделы, освещающие состояние профессиональной и духовной школы.

Авторы разделов: «Введение» — Л. В. Кошман; «Средневековая культура IX—XVII вв.» — В. С. Шульгин; «Культура нового времени: XVIII век» — Л. В. Кошман; «Русская культура XIX века» — Л. В. Кошман, Е. К. Сысоева (7.1, 8.1); «Русская культура XX века» — М. Р. Зезина, Е. К. Сысоева (9.1), Л. В. Кошман (9.2, 9.3).

Культура — это образование умственное
и нравственное.

В. И. Даль

Введение

Культура — одна из важнейших областей общественной жизни, духовно-творческий потенциал общества. В настоящее время возрастает познавательная-нравственная функция культуры. Большинство людей, интересующихся прошлым России, прежде всего через историю культуры познают отечественную историю.

Слово «культура» (лат. — *cultūra*) переводится как возделывание, обработка, улучшение. В русском языке оно известно уже с середины 30-х гг. XIX в. В эпоху Пушкина ему соответствовало слово «просвещение».

Определение понятия «культура» впервые встречается в книге английского исследователя, этнографа Э. Б. Тейлора «Первобытная культура» (1871). Однако до настоящего времени общепринятого определения этого понятия не существует (известно более 500 его дефиниций). Но как бы ни определять понятие «культура», оно всегда «связано с умственным и нравственным образованием». Андрей Платонов называл культуру духовным опытом народа.

Культура — результат творчества человека в различных сферах его деятельности, совокупность всех тех знаний, которыми располагает общество на той или иной стадии своего развития. Но в процессе культурного развития человек, создавая мир предметов и идей, изменяется сам, более полно и всесторонне начинает видеть окружающий его мир. Многомерность этого познания во многом зависит от образовательного, культурного уровня личности.

Двум основным сферам человеческой деятельности соответствуют и два понятия: материальная и духовная культура. Однако в известной степени они условны. Действительно, при изучении культуры не удастся провести четкого разграничения между сферами материальной и духовной деятельности человека, так как они тесно связаны между собой. Памятники материальной культуры — культовые и гражданские сооружения, средства сообщения, средства связи, включая современные информационные

технологии, и т. д. — являются овеществленным выражением творческой деятельности человека, его знаний, интеллекта, т. е. содержат духовный компонент. Произведения духовной культуры, как правило, имеют материальное воплощение (книги, живописные полотна, кино- и фотопленки, аудио- и видеокассеты, дискеты и т. д.). Развитие культуры, таким образом, представляется процессом, охватывающим одновременно и область духовного, и область материального производства. Повышение интеллектуального, нравственного, эстетического потенциала обеспечивает общественный прогресс в целом. В этом заключается важнейшая социальная функция культуры.

Изучение культуры — по сути своей комплексной дисциплины — во многом способствует всестороннему изучению жизни общества и более глубокому осознанию человеком многообразия мира. Это важно для формирования в общественном сознании бережного отношения к культурному наследию, понимания важности его сохранения.

Памятники культуры прошлого несут в себе не только идейные черты эпохи, но обладают общечеловеческим содержанием и художественными достоинствами. Именно поэтому они являются достоянием будущего.

Культура прошлых эпох, таким образом, выступает одной из форм преемственности в историческом развитии общества. Бережное отношение к национальному культурному наследию, его творческое освоение могут стать серьезным препятствием на пути распространения современной массовой культуры, как правило не отличающейся высоким художественным вкусом.

Предмет истории культуры имеет свое содержание и специфику. По отношению к культуроведческим дисциплинам история культуры выступает как обобщающая дисциплина, раскрывающая в многообразных явлениях историко-культурного процесса его общие закономерности; она изучает культуру как систему, рассматривая особенности ее функционирования в определенные исторические периоды.

Интерес к истории культуры начал проявляться в русском обществе и в науке примерно с 30—40-х гг. XIX в. Он был связан с ростом национального самосознания, вниманием к историческому прошлому народа, известными спорами западников и славянофилов о путях развития и судьбах России. В этот период появляются исследования о проблемах народного быта, фольклоре. Намечается интерес к русской литературе, деятельности отдельных

личностей и учреждений, сыгравших определенную роль в формировании русской культуры.

Дальнейший этап изучения культуры связан с появлением в начале XX в. работ по истории общественной мысли и русской интеллигенции. Д. Н. Овсяннико-Куликовский в книге «История русской интеллигенции» рассматривает эту проблему на материале русской художественной литературы. Исследуя социально-психологические типы, он, пожалуй, впервые показал огромную общественную роль русской литературы.

В дореволюционный период появились исследования по истории культуры как определенной области исторических знаний. На рубеже XIX—XX вв. были широко известны «Очерки по истории русской культуры» П. Н. Милюкова, в которых нашла отражение его общая концепция русской истории. Автор был сторонником государственно-юридической школы, хотя и причислял себя к последователям экономического материализма. Термин «культурная история» он понимал широко, как включающий «все стороны внутренней жизни: и экономическую, и социальную, и государственную, и религиозную, и эстетическую». Признавая «внутренние закономерности исторического развития», Милюков фактически отдавал приоритет «западному влиянию» в культурном развитии России. Петровские преобразования он оценивал отрицательно.

М. Н. Покровский в 1915 г., находясь в эмиграции, издал «Очерки русской культуры», в которых схеме исторического развития Милюкова противопоставил материалистическую концепцию. Главное внимание автор уделял экономическим сюжетам, доказывая, что развитие экономики лежит в основе исторического процесса, в том числе и культурного. Он рассматривал весь историко-культурный процесс как бы разрезанным по вертикали, т. е. за основу брал типологию разных сторон общественного бытия. История культуры, таким образом, превращалась в сжатое изложение ее основных областей (религии, литературы, архитектуры и др.), рассматриваемых изолированно, вне связи с определенной исторической эпохой.

С конца 1940-х гг. как самостоятельная отрасль историографии отечественной истории выделяется история культуры XX в. Особенно активное изучение этого периода началось с 1960-х гг.

В работах советских историков преобладала марксистская концепция изучения истории культуры, в основе которой лежал формационный принцип рассмотрения историко-культурного про-

цесса. Большое внимание уделялось изучению теоретического наследия В. И. Ленина и политики коммунистической партии в области культуры. В оценках историко-культурных явлений преобладали политический и идеологический подходы, что ограничивало возможности их всестороннего исследования.

Тем не менее в результате большой и многолетней работы советские ученые создали обстоятельные и серьезные труды по отдельным отраслям отечественной культуры. Результатом отраслевого изучения культуры явилось издание ряда энциклопедий.

Большое значение для исследования отечественной культуры имеют «Очерки русской культуры XIII—XVIII вв.», подготовленные лабораторией русской культуры исторического факультета Московского университета в 1970—1990 гг., а также «Очерки русской культуры XIX в.», издание которых началось с 1998 г.

Крупными обобщающими исследованиями по истории культуры советского периода стали коллективные монографии под редакцией М. П. Кима «Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры: 1917—1927» (1985) и «Советская культура в реконструктивный период: 1928—1941» (1998). Наряду с традиционными сюжетами — народное образование, наука, художественная культура — в них рассматриваются такие проблемы, как изменения в духовном облике народных масс, духовное возрождение ранее отсталых народов, материальная база культуры.

С конца 1980-х гг. появились возможности для изучения ранее закрытых тем истории отечественной культуры. Были опубликованы работы по истории культуры русского зарубежья, по-новому стали освещаться такие проблемы, как наследие духовного ренессанса рубежа XIX—XX вв., взаимоотношения власти и интеллигенции, церкви и государства, роль религии в общественно-культурной жизни XIX—XX вв. и др.

В последние десятилетия XX в. значительно возрос интерес исследователей к системному изучению культуры, теоретико-методологическим вопросам. Отраслевой подход к историографической традиции историко-культурных исследований существовал в течение длительного времени. Он сохраняется как один из путей изучения культуры и сегодня. Однако данный подход, как правило, отражает имманентное, внутреннее развитие той или иной ее области. Он не дает полного представления о культуре как

определенной сфере общественной жизни, внутренне целостной системе.

Сохранение традиций и появление новаций, вызванных потребностями времени, составляют суть историко-культурного процесса. В его изучении необходимо сочетать традиционные методы с поисками новых, способствующих более глубокому пониманию общественно-культурной жизни в целом. Один из таких подходов — системно-функциональный, предполагающий изучение прежде всего той среды, где формировались и распространялись новые явления культуры и сохранялись ее традиционные элементы.

Среди историков культуры, культурологов, философов получает распространение цивилизационная концепция в исследовании культуры. Под цивилизацией чаще всего понимаются социокультурные системы с определенным уровнем общественно-культурного развития, не всегда совпадающие с социально-экономическими формациями. В некоторых исследованиях понятия «культура» и «цивилизация» определяются также как сферы духовной и материальной деятельности человека.

Цивилизационный подход к осмыслению истории культуры получил обоснование в работах ряда исследователей второй половины XIX — начала XX в., таких, как Н. Я. Данилевский, А.-Д. Тойнби, Г. Т. Бокль, О. Шпенглер, и др. Эти ученые были сторонниками теории цивилизационных замкнутых периодов, которые они называли «культурами». Так, Данилевский в работе «Россия и Европа» (1871) обосновал существование особого культурно-исторического славянского типа наряду с другими, присущими разным историческим эпохам и регионам. С культурно-историческим славянским типом ученый связывал идею самобытности России.

Настоящее учебное пособие посвящено истории русской культуры начиная с IX и до конца XX в. Такой широкий хронологический охват является одной из его особенностей.

Кроме основных историко-культурных процессов, в книге рассматриваются важные социальные аспекты: взаимоотношение власти и культуры, роль интеллигенции, народа в ее развитии, причинно-следственная зависимость тех или иных культурных явлений, специфика их связи с социально-экономическими процессами с учетом относительной самостоятельности развития самой культуры. Для историка интересны вопросы развития различных

форм общественного сознания, возникновение и расширение культурно-информационной системы: формы образования и просвещения, средства связи и массовой информации и др.

Развитие грамотности и образования, состояние науки, распространение знаний представляют собой культурно-творческий аспект общественной жизни и лежат в основе системно-функционального подхода к изучению истории культуры. Он позволяет рассматривать сферу культурной жизни как процесс, в котором при всей важности «культурных вершин» не только производство, но и распределение, потребление культурных ценностей приобретают социально важное значение. Один из аспектов системно-функционального подхода составляет изучение общественно-культурной среды или культурного пространства, основных его региональных и социокультурных элементов (город и деревня, столица и провинция, дворянская усадьба).

Развитие отдельных сфер русской культуры происходило неравномерно в различные исторические периоды. Так, в средневековые архитектура наиболее полно отражала и религиозное мировоззрение, и известное социальное единство средневекового мира по сравнению с последующим временем. Более сложные в социальном отношении XVIII—XIX столетия характеризовались тем, что литература становилась ведущей областью отечественной культуры. В XIX в. она являлась одной из форм общественного сознания.

В развитии современной культуры огромная роль принадлежит науке. Школа также является важнейшим фундаментом культуры, определяя возможность ее распространения в обществе. Она усиливает интеграционные процессы, укрепляет связи между профессиональной и традиционной культурой, между городом и деревней. Состояние системы образования в обществе в известной степени определяет динамику модернизационных процессов.

Изучению системы образования, различных форм общеобразовательной и профессиональной школы как важнейшей историко-культурной проблемы в данном пособии уделяется большое внимание. Авторы рассматривают различные аспекты культурной жизни, формирования культурной среды города и деревни, анализируют изменения, происходившие в ней в ту или иную эпоху под влиянием многих жизненных обстоятельств, политики правительства.

При изучении отечественной культуры встает вопрос о ее взаимосвязях с культурами других стран и народов. Для каждой культу-

ры одинаково вредны как замкнутость, так и игнорирование национальных традиций, составляющих ее внутреннюю основу. В истории каждой культуры, в том числе и русской, межкультурные контакты играли большую роль. Но при этом развитие русской культуры всегда оставалось внутренне цельным и самобытным.

Историко-культурный процесс, подчиняясь в целом общеисторическим закономерностям, сохраняет известную внутреннюю самостоятельность. Этот принцип лежит в основе периодизации истории отечественной культуры в настоящем пособии: «Средневековая культура IX—XVII вв.», «Культура нового времени: XVIII век», «Русская культура XIX века», «Русская культура XX века». Внутри каждого из разделов материал организован в хронологическом порядке.

Авторы не ставили перед собой цели всеобъемлющего рассмотрения всех проблем истории русской культуры. Основное внимание было уделено выявлению главных закономерностей и характерных черт отечественной культуры на различных этапах ее развития с учетом последних научных исследований. С этой точки зрения наиболее значительными являются такие сферы культуры, как просвещение, наука, общественная мысль, художественная культура (литература, живопись, архитектура).

Для более глубокого самостоятельного изучения рекомендуется дополнительная литература: историографические труды, работы по истории русской культуры, публикации по отдельным отраслям и проблемам культуры, а также справочные и энциклопедические издания, альбомы репродукций.

Раздел I

СРЕДНЕВЕКОВАЯ
КУЛЬТУРА
IX—XVII вв.

...Заложил Ярослав город великий, в того же града Золотые ворота... И собрал писцов многих, и переводили они с греческого на славянский язык. И написали они книг множество, ими же побужаются верующие люди и наслаждаются учением божественным. Как если бы один земаю вспашет, другой же засеет, а иные живут и едят нишѣ неоскудевающю, — так и этот. Отец ведь его Владимир земаю вспахал и размагчил, то есть крещением просветил. Этот же засеал книжными словами сердца верующих людей, а мы поживаем, учение принимая книжное...

Повесть временных лет

Основные черты русской средневековой культуры определяются, с одной стороны, особенностями феодальной системы, свойственным ей способом производства, с другой — конкретно-историческими условиями развития России, своеобразием ее социального и политического строя, а также внешнеполитическими факторами.

Основу экономики этого периода составляло сельское хозяйство, главное место в котором занимали земледелие, хлебопашество со свойственными для того времени рутинностью техники, повторяемостью хозяйственных циклов. Большое значение имел опыт, накопленный предыдущими поколениями и передаваемый в форме традиций, обычаев, точное и неукоснительное следование которым обеспечивало успех хозяйственной деятельности. Этим объясняется такая особенность мировосприятия средневекового человека, как представление о том, что в мире ничего не меняется, все в нем только повторяется, движение совершается по замкнутому кругу. Консерватизм, господство традиции, высокий авторитет опыта прошлых поколений порождали и специфическую черту средневековой культуры — традиционализм. Эта черта проявилась во всех сферах культуры (например, роль прецедента в праве, постоянная апелляция к старине в политической жизни, что предопределило особую роль летописания, и т. п.).

Однако не следует делать вывод о полной неподвижности средневековой культуры, о ее неизменности в течение веков. Она развивалась, а в основе ее развития лежало естественное стремление человека к совершенствованию материального и духовного бытия. Но все новое, что появлялось в культуре, всегда встречалось с недоверием и поэтому зачастую было вынуждено апеллировать к старине, рядиться в одежды старого.

Другая черта феодальной системы — господство натурального хозяйства. Следствием хозяйственной обособленности была разобщенность людей, целых регионов, что определило характерные черты средневековой культуры: ее замкнутость, локальность, большую роль местных традиций. Становление и развитие феодальных отношений, утверждение крепостной зависимости сформировали и соответствующее средневековое мышление с его авторитарностью — подчинением человека властям, догматам религии.

Хранительницей традиций являлась прежде всего народная культура. Эти традиции, уходящие в глубокую древность, питали и официальную культуру, придавая ей специфические, присущие лишь данной народности черты.

Наиболее заметная черта средневековой культуры — господство в ней религии, которая, пронизывая все ее сферы, выступала как интегрирующий элемент, придавала ей определенную цельность. Деятельность церкви являлась одним из важных факторов, обеспечивавших и поддерживавших главенство религиозного мировоззрения. Место религии в культуре средневековья во многом определялось силой и влиянием церкви на все сферы общественной жизни, что в первую очередь зависело от характера складывавшихся отношений между ней и государством.

При изучении конкретного материала по истории русской средневековой культуры неизбежно встает вопрос о влиянии церкви на культурно-исторический процесс, об оценке ее культурной деятельности. Однозначного ответа здесь быть не может. С одной стороны, церковь стимулировала развитие отдельных сфер культуры (письменность, архитектура, живопись и др.), используя арсенал их средств для распространения религиозного мировоззрения. С другой — подчинение этих сфер культуры ее интересам, установление строжайшего контроля и регламентации в конечном счете сковывали их развитие. Оценка роли церкви в развитии культуры должна быть конкретно-исторической, она не может быть однозначной по отношению к раз-

ным периодам. Столь значительное место, которое занимала религия в средневековой культуре, не приводило, однако, к полному и безраздельному господству церкви в этой сфере жизни общества.

Во-первых, христианство не могло вытеснить язычество, потому что эти две религии отражали разные стороны жизни человека: язычество касалось взаимоотношений человека с природой, а христианство — взаимоотношений между людьми. В средневековой культуре всегда сохранялся значительный пласт, связанный с языческими верованиями и представлениями. Во-вторых, отражавшееся в религии бессилие человека перед лицом довлевших над ним природных и общественных сил никогда не было абсолютным, оно выступало лишь как одна из сторон общественного бытия, в котором всегда была другая сторона — тенденция к познанию и преобразованию объективного мира.

Наряду с религиозным всегда существовало, хотя бы в виде элементов, мировоззрение рационалистическое. Поэтому и в средневековом обществе существовала культура, ориентированная на светское, рационалистическое мировоззрение, наследовавшая и развивавшая тот положительный опыт, который имелся в народной культуре и был результатом практической деятельности, прежде всего в сфере материального производства. Противоречие между светскими элементами и преобладавшим религиозным мирозерцанием — основное противоречие в культуре средневековья, определявшее линию борьбы в ней разных направлений и тенденций и являвшееся источником ее развития. Эта борьба и привела в конце концов к победе светского направления в культуре. Большую роль в этом сыграли города.

Города в средневековье — центры ремесла и торговли, обмена товарами. Для ремесленного производства характерны меньшая зависимость от внешних сил природы, большая роль личного опыта ремесленника, его личной инициативы. Крут общения горожанина, а следовательно, и его кругозор были значительно шире, чем у сельского жителя. Ремесленные изделия, полученные в результате обмена, являлись носителями информации о новых технических приемах и технологиях.

Развитие торговли вело к необходимости совершенствования знаний в области математики, этнографии, мореплавания, строительного дела и т. п. Все это — область конкретного, практического знания. Особенно велика была роль торговли в установле-

нии и развитии связей с культурами других народов, во взаимном обмене культурными достижениями. Именно городская культура воплощала все новое, прогрессивное в средневековой культуре вообще.

Глава 1

Древнерусская культура IX — первой половины XIII в.

В IX в. возникло Древнерусское государство — Киевская Русь, объединившее восточнославянские и некоторые неславянские племена. Политическое объединение этих племен способствовало их этнической консолидации, формированию единой древнерусской народности и складыванию ее культуры. Однако в ней еще долгое время сохранялись местные особенности, сложившиеся в предшествующую эпоху племенных союзов. Определенную роль здесь сыграла и разница в уровне социально-экономического развития различных регионов Древнерусского государства.

Мощной основой формирования и развития самобытной древнерусской культуры было богатое культурное наследие восточных славян. Уже в VII—VIII вв. у них сложился основной комплекс ремесленных и сельскохозяйственных орудий труда, использовавшихся в течение последующих столетий. Определились основные виды производственной деятельности, в процессе которой формировались трудовые навыки, были накоплены практические знания о природе. Закреплению и передаче производственного и социального опыта служила языческая религия. С язычеством связано и устное народное творчество, которое не только оставалось одним из важных компонентов культуры следующих столетий, но и оказало огромное воздействие на литературу.

Государство Киевская Русь сложилось на многоэтнической основе. В состав древнерусской народности, кроме восточнославянских племен — основного ее компонента, — вошли и некоторые неславянские племена. Элементы их культуры влились в древнерусскую культуру, проявившись в этнографических особенностях населения ряда областей.

Однако культура Древней Руси не стала простым продолжением культуры предшествующего времени. Глубокие изменения в

социально-экономической и политической жизни, выразившиеся в вызревании феодальных отношений, в возникновении государства и в формировании древнерусской народности, привели к качественным сдвигам в жизни восточных славян и обусловили быстрый подъем в развитии, в результате которого их культура за сравнительно короткий исторический период достигла высокого уровня и заняла достойное место в мировой средневековой культуре.

Становление и развитие феодальных отношений привело к появлению и росту различий между народной культурой и культурой княжеско-дружинной среды, которые особенно возросли после принятия христианства. На протяжении всего средневековья официальная культура многое заимствовала у народной культуры, хранительницы самобытных начал (например, в ней широко использовались богатые традиции устного народного творчества). Тесное взаимодействие «двух культур», объединяющая их идея единства Русской земли, пронизывающий их дух высокого патриотизма придавали всей древнерусской культуре известное идейное единство, общенародный характер.

Формируясь на основе традиций восточного славянства, древнерусская культура в то же время активно взаимодействовала с культурой других стран и народов.

Киевская Русь, будучи одним из крупнейших государств средневековья, занимала важное географическое положение. Через ее территорию пролегли транзитные торговые пути, связывавшие Северную Европу с Византией и Западную Европу со странами Востока. Развитие торговых и политических связей Древней Руси со странами Запада и Востока предопределило широту и многообразие ее культурных контактов, которые складывались по-разному и различались по степени интенсивности. Наиболее многогранными были культурные связи с Византией, особенно усилившиеся после принятия Русью христианства.

Что касается оценки характера, масштабов и значения византийского влияния на древнерусскую культуру, то одинаково неприемлемыми являются две противоположные точки зрения. Сторонники одной из них, отстаивая мысль о византийском политическом, идейном и культурном преобладании на Руси, считают византийскую цивилизацию чуть ли не единственным источником культуры Древней Руси, а древнерусское искусство — провинциальной ветвью византийского искусства. Противоположная концепция состоит в отстаивании полной самостоятельности древне-

русской культуры, в признании ее свободной от каких бы то ни было внешних влияний.

Византийское влияние на древнерусскую культуру очевидно и в доказательствах не нуждается. Несомненно и его большое положительное значение для Руси, но ни о каком византийском «засилье» говорить не приходится. Во-первых, византийское влияние было не источником, а следствием развития древнерусской культуры, оно было вызвано внутренними потребностями общества, его готовностью к восприятию достижений более высоко-развитой культуры. Во-вторых, оно не было насильственным. Русь не была пассивным объектом его приложения, наоборот, она играла активную роль в этом процессе. В-третьих, заимствованные культурные достижения подвергались глубокой трансформации под воздействием местных традиций, творчески перерабатывались и становились достоянием самобытной древнерусской культуры.

Влияние Византии не было ни всеобъемлющим, ни постоянным. Культурные связи между государствами наиболее интенсивно развивались с конца X до середины XII в. Значительным было воздействие византийской культуры на высшие слои общества, гораздо меньше его испытывали широкие слои населения. Особенно сильно это влияние проявлялось в области канонического права, культового изобразительного искусства. Светская культура была затронута им слабее, хотя переводная светская литература получила в Древней Руси широкое распространение. Если в архитектуре с середины XII в. это влияние ослабевает, то в живописи оно было длительным и устойчивым.

Иной характер имели культурные контакты Киевской Руси со странами Центральной и Западной Европы. В домонгольский период Русь не уступала в своем культурном развитии большинству европейских стран, культурное взаимодействие ее со странами Европы было обоюдным и равноправным. Способствовала развитию этих связей принадлежность обоих регионов к христианскому миру. Что же касается расхождений между католичеством и православием, то русская церковь в начальный период своей истории была еще недостаточно сильна, чтобы воспрепятствовать общению с «латинами», и должна была проявлять веротерпимость по отношению к католическому миру.

Культурные связи Киевской Руси с Западной Европой особенно усилились во второй половине XII — начале XIII в., в период расцвета романского искусства на Западе и постепенного ослаб-

ления византийского влияния на Руси. Они затронули различные области культуры. Благодаря развитию торговли шел обмен изделиями ремесла и прикладного искусства, а следовательно, техническими навыками. Изделия русских ювелиров высоко ценились в других странах. В области архитектуры эти связи выразились в том, что с середины XI в. на Русь стали проникать отдельные элементы романского стиля (Новгород, Полоцк), особенно ярко проявившиеся в декоре владимиро-суздальских храмов, а в литературе и фольклоре это нашло выражение в распространении «бродячих» фольклорных сюжетов и в обмене литературными произведениями, особенно со славянскими странами. Отдельные русские мотивы (например, связанные с образом Ильи Муромца) вошли в немецкий и скандинавский фольклор. На Западе были известны русские летописи, которые использовались при составлении латинских хроник. Развитие культурных связей Руси с Западной Европой было затруднено с середины XIII в. в связи с монголо-татарским нашествием и установлением золотоордынского ига.

Самобытная культура Древней Руси, развивавшаяся в постоянных контактах с культурами других стран и народов, стала важным компонентом культуры средневекового мира.

С начала XII в. в истории Руси наступает период политической раздробленности. Единое государство распадается на самостоятельные земли и княжества, но продолжают сохраняться элементы их политического единства. Этот процесс был закономерным и прогрессивным этапом в развитии общества и его государственности. Выделение отдельных княжеств не только не приостановило развитие культуры, но и содействовало ее дальнейшему расцвету. Наиболее совершенные и замечательные памятники искусства и литературы Древней Руси были созданы в этот период.

С появлением новых культурных центров становились более заметными локальные особенности в культуре различных земель и княжеств, обусловленные их социально-экономическим и политическим развитием, направлением и характером их культурных связей, влиянием местных традиций. Но это не свидетельствовало о начавшемся распаде древнерусской народности и ее культуры. Наоборот, идея единства Русской земли продолжала оставаться одной из ведущих, что нашло отражение в фольклоре и в памятниках литературы (например, в «Слове о полку Игореве», в «Слове о гибели Русской земли» и др.).

За исключением некоторых сепаратистских тенденций, проявившихся в новгородской культуре, в целом не было стремления оправдать и обосновать политическую раздробленность. Как справедливо заметил Н. Г. Чернышевский, «удельная разрозненность не оставила никаких следов в понятиях народа, потому что никогда не имела корней в его сердце». Несмотря на пестроту местных школ, стилей, традиций, древнерусская культура продолжала оставаться единой в своей основе.

1.1. Фольклор

Письменные источники свидетельствуют о богатстве и разнообразии фольклора Киевской Руси. Значительное место в нем занимала календарная обрядовая поэзия: заговоры, заклинания, песни, являвшиеся неотъемлемой частью аграрного культа. Обрядовый фольклор включал в себя также свадебные песни, похоронные плачи-причитания, песни на пирах и тризнах. Распространены были и мифологические сказания, отражавшие языческие представления древних славян. На протяжении многих столетий церковь, стремясь искоренить остатки язычества, вела упорную борьбу с «поганскими» обычаями, «бесовскими игрищами» и «кощунами». Тем не менее эти виды фольклора сохранились в народном быту вплоть до XIX—XX вв., потеряв со временем свой изначальный религиозный смысл.

Существовали также такие формы фольклора, не связанные с языческим культом, как пословицы, поговорки, загадки, сказки, трудовые песни. Авторы литературных произведений широко использовали их в своем творчестве. Сказочные мотивы и образы нашли свое отражение в летописи, в житийной литературе (например, в «Киево-Печерском патерике»).

Письменные памятники донесли до нас многочисленные предания и легенды о родоначальниках племен и княжеских династий, об основателях городов, о борьбе с чужеземцами. Народные сказания о событиях II—VI вв. отразились в «Слове о полку Игореве»: его автор упоминает о «веках Трояних» (II—IV вв.), о «времени Бусовом» (IV в.), о движении славян на Балканы в VI в. «Повесть временных лет» сохранила предания о борьбе славян с аварами в VII в.

Значение исторических жанров фольклора возрастает с образованием государства и началом складывания древнерусской народности. На протяжении многих поколений народ создавал и хранил своеобразную «устную летопись» в виде прозаических

преданий и эпических сказаний о прошлом родной земли. «Устная летопись» предшествовала летописи письменной и послужила одним из ее основных источников. К числу таких преданий, использованных летописцами, относятся предания о Кие, Щеке и Хориве и основании Киева, о призвании варягов, о походах на Константинополь, об Олеге и его смерти от укуса змеи, о мести Ольги древлянам, о белгородском киселе, о единоборстве Мстислава и Редеди и многие другие. Летописное повествование о событиях IX—X вв. практически целиком основано на фольклорном материале.

К X в. относится возникновение нового эпического жанра — героического былинного эпоса, явившегося вершиной устного народного творчества. Былины — устные поэтические произведения о прошлом. В основе их лежат реальные исторические события, прототипами некоторых былинных героев являются реально существовавшие люди. Так, прообразом былинного Добрыни Никитича был дядя Владимира Святославича — воевода Добрыня, имя которого неоднократно упоминается в летописи. Однако былины редко сохраняли точность фактических деталей. Но не в точном следовании историческим фактам достоинство былин. Главная их ценность в том, что эти произведения созданы народом и отражают его воззрения, оценку сущности исторических событий и понимание социальных отношений, сложившихся в Древнерусском государстве, его идеалы.

Большинство былинных сюжетов связано со временем княжения Владимира Святославича — временем единства и могущества Руси и успешной борьбы со степными кочевниками. Но истинный герой былинного эпоса не князь Владимир, а богатыри, олицетворявшие народ. Любимейшим народным героем стал Илья Муромец, крестьянский сын, мужественный воин-патриот, защитник «вдов и сирот». Народ воспел и крестьянина-пахаря Микулу Селяниновича.

В былинах отразилось представление о Руси как едином государстве. Главная их тема — борьба народа с иноземными завоевателями, они проникнуты духом патриотизма. Идеи единства и величия Руси, служения родине сохранялись в былинах и во времена политической раздробленности, золотоордынского ига. На протяжении многих столетий эти идеи, образы героев-богатырей вдохновляли народ на борьбу с неприятелем, что и предопределило долговечность былинного эпоса, сохранившегося в народной памяти.

Существовала устная поэзия и в княжеско-дружинной среде. В дружинных песнях прославлялись князья и их подвиги. Отзвуки этих песен слышатся, например, в летописной характеристике князя Святослава и в описании его походов. В княжеских дружинах были свои «песнотворцы» — профессионалы, слагавшие песни-«славы» в честь князей и их воинов. Такими придворными певцами были, вероятно, упоминаемый в «Слове о полку Игореве» Боян и «словутый певец Митуса», о котором говорится в Галицко-Волынской летописи.

Устное народное творчество продолжало жить и развиваться и после появления письменной литературы, оставаясь важным элементом культуры средневековья. Его влияние на литературу сохранялось и в последующие столетия: писатели, поэты использовали сюжеты устной поэзии и арсенал ее художественных средств и приемов.

1.2. Религия. Принятие христианства

Важной вехой в истории древнерусской культуры является принятие Русью христианства, оказавшего влияние на всю средневековую культуру и ставшего ее идеологической основой.

Дохристианская религия, именуемая обычно по старой церковной традиции языческой, представляла собой целый комплекс первобытных воззрений, верований и культов, которые отражали зависимость людей от окружающих природных условий, но в то же время служили и формой закрепления и передачи многовекового хозяйственного опыта, конкретных практических знаний, накопленных многими поколениями.

В язычестве можно выделить несколько разновременных пластов, восходящих к различным историческим эпохам. Наиболее архаичный пласт составляли: одухотворение природы, вера в добрых и злых духов (леших, водяных, русалок, берегинь и т. д.), якобы управлявших стихиями и отдельными земными объектами (лесами, водными источниками и т. д.), почитание земли, воды, огня, растений и некоторых животных. Более поздний пласт представлен общинными аграрными культами и семейно-родовым культом предков. Позже сформировались племенные культы: каждое племя имело своих богов-покровителей. Письменные источники сохранили имена богов, символизировавших главные природные стихии и выступавших как покровители различных отраслей хозяйства: бог грозы и молнии Перун, солнечные божества Дажьбог и Сварог, бог ветров Стрибог, божество женского начала природы

и женских работ Мокошь, покровитель скотоводства Велес (Волос) и др. В период образования государства культ Перуна стал княжеско-дружинным культом.

Сохранение племенных культов, многобожие мешали реальному объединению племен. Попытка Владимира создать единый пантеон из наиболее почитаемых богов во главе с Перуном и придать ему общегосударственный характер не увенчалась успехом. Молодое государство нуждалось в соответствующем идеологическом оформлении. С утверждением феодальных отношений язычество должно было уступить место религии, освящавшей социальное неравенство. Такой религией стало христианство с его монотеизмом, иерархией святых, идеей посмертного воздаяния, развитым учением о господстве и подчинении, проповедью непротавления злу насилием.

Новая религия далеко не сразу внедрилась в жизнь. Крещение Руси, состоявшееся в 988 г., практически означало лишь провозглашение христианства официальной религией и запрещение языческих культов. Даже чисто формальная христианизация населения встречала сильное сопротивление и растянулась на длительный период. Языческие верования, связанные тысячами нитей с повседневной хозяйственной деятельностью, оказались чрезвычайно живучими. Еще многие столетия в народе «отай» (тайно) поклонялись языческим богам, приносили жертвы «бесом, болотом и кладезем». Даже в княжеско-дружинной среде, более всего заинтересованной в утверждении новой религии, на протяжении XI—XIII вв. сохранялись пережитки языческих верований и обрядов (например, культ Рода и Земли), что отразилось в дружинной поэзии, прикладном искусстве.

Христианство так и не смогло вытеснить язычество. Оказавшись не в состоянии полностью искоренить древнеславянские верования и культы, оно вынуждено было приспособляться к народному языческому сознанию, ассимилировать эти культы, вбирать в себя их элементы. В результате архаические верования и обряды сохранились не только в виде непризнанных и гонимых церковью языческих обычаев, праздников, культов, но и продолжали существовать под внешней оболочкой официально-церковного культа. Преследовавшееся церковью «идолопоклонство» сохранилось в виде почитания икон, особенно «чудотворных». В культе «святых мест» и «явленных» икон видны следы почитания объектов природы — растений, водных источников. Уступкой языче-

скому политеизму стал культ святых, принявших функции дохристианских богов-покровителей.

В народной среде образы христианской религии связывались с повседневной трудовой жизнью, с реальными потребностями людей. Древние славянские боги — покровители различных областей человеческой деятельности, управители природы, боги-целители — продолжали свое существование под именами святых православного пантеона. Так, образ Ильи Пророка слился с образом Перуна-громовержца, святые Модест, Власий, Георгий стали покровителями скота. В основе Богородичного культа лежало почитание древней богини плодородия, в ее образе, как и в образе Параскевы Пятницы, олицетворялись земля, земное плодородие, плодородящее начало в целом. Христианские праздники приурочивались к праздникам языческого аграрного календаря, были связаны с определенными этапами сельскохозяйственных работ.

Таким образом, воспринятое извне христианство, внедряясь в народные массы, существенно трансформировалось под влиянием местных традиционных верований и культов. В то же время и христианство оказывало воздействие на мировоззрение, подчиняя народное сознание официальной идеологии.

В отечественной исторической науке принятие Русью христианства оценивается как прогрессивное явление. Новая религия способствовала становлению и укреплению раннефеодальной государственности, международного положения Руси, занявшей достойное место среди христианских государств. Она содействовала дальнейшей консолидации восточнославянских племен в единую народность, государственному единству всех русских земель. Принятие христианства привело к расширению международных культурных связей Руси и создало условия для приобщения ее к культурным достижениям Византии и всего христианского мира.

Признается и большая роль церкви в развитии русской культуры: в распространении письменности и «книжности», создании значительных художественных ценностей. Но в то же время церковь препятствовала развитию светской культуры, научных знаний, народного творчества. Следует, однако, заметить, что в домонгольский период эта тенденция еще не проявилась в полной мере, так как церковь была еще недостаточно сильна, чтобы подчинить себе всю культуру и установить контроль над ней. Этим объясняется тот факт, что в культуре данного времени так ощутимо светское направление.

1.3. Письменность. Просвещение. Книжное дело

Появление письменности было обусловлено внутренними потребностями общества на определенной стадии его развития: усложнением социально-экономических отношений и формированием государства. Это означало качественный скачок в развитии культуры, так как письменность является важнейшим средством закрепления и передачи во времени и в пространстве знаний, мыслей, идей, сохранения и распространения достижений культуры.

Существование у восточных славян письменности в дохристианский период не вызывает сомнения. Об этом свидетельствуют многочисленные письменные источники и археологические находки. По ним можно составить общую картину становления славянской письменности.

В сказаниях черноризца Храбра «О письменах» (конец IX — начало X в.) сообщается, что «прежде убо словене не имеху книг, но чертами и резами чьтаху и гадаху». Возникновение этого примитивного пиктографического письма («черты и резы») исследователи относят к первой половине I тысячелетия н. э. Область применения его была ограниченной. Это были, видимо, простейшие счетные знаки в форме черточек и зарубок, родовые и личные знаки собственности, знаки для гадания, календарные знаки, служившие для датировки сроков начала различных сельскохозяйственных работ, языческих праздников и т. п. Такое письмо было непригодно для записи сложных текстов, потребность в которой появилась с зарождением первых славянских государств. Славяне стали использовать для записи родной речи греческие буквы, но «без устроения», т. е. не приспособив греческий алфавит к особенностям фонетики славянских языков (протокириллица).

Создание славянской азбуки связывают с именами византийских монахов-миссионеров Кирилла и Мефодия. Но древнейшие памятники славянской письменности знают два алфавита — кириллицу и глаголицу. В науке долго шли споры о том, какая из этих азбук появилась раньше, создателями какой из них были знаменитые «солунские братья» (из Солуни, современный город Салоники). В настоящее время можно считать установленным, что Кириллом во второй половине IX в. был создан глаголический алфавит (глаголица), на котором были написаны первые переводы церковных книг для славянского населения Моравии и Паннонии. На рубеже IX—X вв. на территории Первого Болгарского царства в результате синтеза издавна распространенного здесь греческого письма и тех элементов глаголицы, которые удачно пере-

давали особенности славянских языков, возникла азбука, получившая позднее название кириллица. В дальнейшем этот более легкий и удобный алфавит вытеснил глаголицу и стал единственным у южных и восточных славян.

Принятие христианства способствовало широкому распространению и быстрому развитию письменности и письменной культуры. Существенное значение имело то, что христианство было принято в его восточном, православном варианте, допускавшем, в отличие от католичества, богослужение на национальных языках. Это создавало благоприятные условия для развития письменности на родном языке.

Вместе с богослужебными книгами и богословской литературой на Русь из Болгарии, принявшей христианство на 120 лет раньше, проник и первый межславянский язык, возникший на основе одного из диалектов древнеболгарского языка. Этот язык, именуемый обычно старославянским (или церковнославянским), стал языком культа и религиозной литературы. В то же время на местной восточнославянской основе сформировался древнерусский язык, обслуживавший различные сферы культурной, общественной и государственной жизни. Это язык деловой письменности, исторической и повествовательной литературы, как оригинальной, так и переводной. Это язык Русской Правды, «Слова о полку Игореве», русских летописей, «Поучения» Владимира Мономаха и других памятников.

Развитие письменности на родном языке привело к тому, что русская церковь с самого начала не стала монополистом в сфере грамотности и образования. О распространении грамотности среди демократических слоев городского населения свидетельствуют берестяные грамоты, обнаруженные во время археологических раскопок в Новгороде и других городах. Это письма, памятные записки, владельческие записи, учебные упражнения и т. п. Письмо, таким образом, использовалось не только для создания книг, государственных и юридических актов, но и в быту. Нередко встречаются надписи на ремесленных изделиях. Простыми горожанами оставлены многочисленные надписи-граффити на стенах церквей Киева, Новгорода, Смоленска, Владимира и других городов.

В Древней Руси существовало и школьное образование. После введения христианства Владимир приказал отдавать «на книжное учение» детей «лучших людей», т. е. местной аристократии. Ярослав Мудрый создал школу в Новгороде для детей старост и духовных лиц. Обучение велось на родном языке. Учили чтению, пись-

му, основам христианского вероучения и счету. Имелись и школы высшего типа, готовившие к государственной и церковной деятельности. Одна из них существовала при Киево-Печерском монастыре. Из нее вышли многие видные деятели древнерусской культуры. В таких школах наряду с богословием изучали философию, риторику, грамматику, исторические сочинения, высказывания античных авторов, географические и естественнонаучные труды.

Высокообразованные люди встречались не только в среде духовенства, но и в светских аристократических кругах. Такими «книжными мужами» (так летопись называет широкообразованных и начитанных людей) были, например, князья Ярослав Мудрый, Всеволод Ярославич, Владимир Мономах, Ярослав Осмомысл, Константин Всеволодович Ростовский и др. В аристократической среде было широко распространено знание иностранных языков. Получали образование в княжеских семьях и женщины. Черниговская княжна Ефросинья обучалась у боярина Федора и, как сказано в ее житии, хотя она «не во Афинех учися, но афинейски премудрости изучи», освоив «философию, риторию и всю грамматику». Княгиня Ефросинья Полоцкая «была умна книжному писанию» и сама писала книги.

Образованность ценилась очень высоко. В литературе того времени можно найти немало панегириков книге, высказываний о пользе книг и «книжного учения»: книги — «суть реки, напоющие вселенную»; «аше бо поищеши в книгах мудрости прилежно, то обрящеши великую пользу души своей»; «именье книг паче злата»; «сладко медвен сок и добро есть сахар, обо его же добрее книжный разум».

Большинство памятников письменности домонгольского времени погибло во время многочисленных пожаров и иноземных нашествий. Сохранилась лишь их незначительная часть — всего около 150 книг. Древнейшими из них являются «Остромирово Евангелие», написанное дьяконом Григорием для новгородского посадника Остромира в 1057 г., и два «Изборника» князя Святослава Ярославича 1073 и 1076 гг. Высокий уровень профессионального мастерства, с которым исполнены эти книги, свидетельствует о налаженном производстве рукописных книг уже в первой половине XI в., а также об устоявшихся к этому времени навыках «книжного строения».

Переписка книг была сосредоточена главным образом в монастырях. Однако в XII в. в крупных городах также возникло ремесло

«книжных описателей». Это свидетельствует, во-первых, о распространении грамотности среди городского населения, во-вторых, о возрастании потребности в книге, которую не могли удовлетворить монастырские писцы. Переписчиков книг содержали при себе многие князья, а некоторые из них и сами переписывали книги. Из 39 известных нам по имени писцов XI—XIII вв. только 15 относились к лицам духовного звания, остальные не указали свою принадлежность к церкви. Тем не менее основными центрами книжности продолжали оставаться монастыри и соборные церкви, при которых существовали специальные мастерские с постоянными коллективами переписчиков. Здесь не только переписывались книги, но и велись летописи, создавались оригинальные литературные произведения, переводились иностранные книги. Одним из ведущих центров был Киево-Печерский монастырь, в котором сложилось особое литературное направление, оказавшее большое влияние на литературу и культуру Древней Руси. Как свидетельствуют летописи, уже в XI в. на Руси при монастырях и соборных церквях создавались библиотеки, имеющие до нескольких сотен книг.

Отдельные случайно сохранившиеся экземпляры не отражают полностью всего богатства и многообразия книг Киевской Руси. Многие литературные произведения, несомненно, существовавшие в домонгольское время, дошли до нас в более поздних списках, а часть их вообще погибла. По мнению историков русской книги, книжный фонд Древней Руси был достаточно обширен и исчислялся сотнями названий.

Потребности христианского культа требовали большого количества богослужебных книг, служивших руководством при совершении церковных обрядов (Минеи, Триоди, Часословы). С принятием христианства было связано появление основных книг Священного Писания.

Переводная литература религиозного и светского содержания занимала большое место в книжном фонде Древней Руси. Отбор произведений для перевода определялся внутренними потребностями общества, вкусами и запросами читателя. При этом переводчики не ставили своей целью точную передачу оригинала, а стремились максимально приблизить его к действительности, к запросам времени и среды. Особенно существенной переработке подвергались произведения светской литературы. В них широко проникали элементы фольклора, использовались приемы оригинальной литературы. В дальнейшем эти произведения неод-

нократно перерабатывались и становились русскими по своему характеру.

С задачами распространения христианского вероучения связано появление сочинений христианских писателей III—VII вв. («отцов церкви») и сборников их произведений. Особенно широкое распространение получили сочинения Иоанна Златоуста в составе сборников «Златоструй», «Златоуст» и др.

На Руси были популярны, как и во всем средневековом мире, сборники изречений известных поэтов, философов, богословов. Кроме цитат из Священного Писания и сочинений «отцов церкви», в них включались выдержки из произведений античных писателей и философов. Наиболее популярным был сборник «Пчела», в котором особенно много было изречений античных авторов. На Руси эти сборники перерабатывались и дополнялись в соответствии с потребностями времени. Их широко использовали древнерусские писатели в своих произведениях.

Большое место в литературе занимали жития святых, служившие важным средством внедрения христианского мировоззрения и морали. Вместе с тем они представляли собой увлекательное чтение, в котором элементы чудесного переплетались с народной фантазией, давали читателю разнообразные сведения исторического, географического и бытового характера. На русской почве многие из житий были переработаны и дополнены новыми эпизодами. На Руси распространился такой специфический вид религиозной литературы, как апокрифы — иудейские и христианские легендарные сочинения, которые не признавались официальной церковью достоверными, считались даже еретическими. Будучи тесно связанными своим происхождением с античной мифологией, дохристианской религией и ближневосточным фольклором, апокрифы отражали народные представления о мироздании, добре и зле, о загробной жизни. Занимательность рассказов, близость к устным народным легендам способствовали распространению апокрифов во всем средневековом мире. Наибольшей популярностью на Руси пользовались «Хождение Богородицы по мукам», «Откровения Мефодия Патарского», сказания, связанные с именем библейского царя Соломона, и др. На русской почве апокрифическая литература получила дальнейшее развитие, ее сюжеты использовались в литературе, изобразительном искусстве, фольклоре.

Особый интерес, связанный со стремлением определить место Руси, всего славянства в мировой истории, вызывали историче-

ские сочинения. Византийская историческая литература была представлена хрониками Георгия Амартола, Иоанна Малалы, «Летописцем вскоре» патриарха Никифора и некоторыми другими менее значительными произведениями. На основании этих сочинений была составлена обширная компиляция по всемирной истории — «Еллинский и римский летописец».

На Руси были известны и сочинения, отражавшие средневековые представления о мироздании, о явлениях природы, полуфантастические сведения о животном и растительном мире («Физиолог», различные «Шестодневы»). Одним из самых популярных произведений на протяжении всего средневековья была «Христианская топография» Космы (Козьмы) Индикоплова, византийского купца, совершившего в VI в. путешествие в Индию.

Переводились и светские воинские повести, широко распространенные в мировой средневековой литературе. К их числу принадлежит одно из крупнейших произведений этого жанра — «История Иудейской войны» Иосифа Флавия, в русском переводе получившая название «Повесть о разорении Иерусалима». Большой известностью пользовалась повесть о жизни и подвигах Александра Македонского — «Александрия», восходящая к эллинистической литературе. Это типичный приключенческий роман эпохи эллинизма, в котором много легендарного и фантастического. Русского читателя в «Александрии» привлекали образ мужественного героя-воина, описание диковинных стран с их фантастическими обитателями и многочисленных сражений. В дальнейшем, приспосабливаясь к запросам времени, «Александрия» подвергалась переработке и все меньше соответствовала оригиналу.

Другой воинской повестью, популярной вплоть до XVII в., было «Девгениево деяние». Это подвергшаяся довольно свободной переработке византийская эпическая поэма X в. о подвигах Дигениса Акрита, мужественного воина-христианина, защитника границ своего государства. Сюжет произведения, отдельные эпизоды, образ героя сближают его с русским героическим эпосом, что еще более подчеркнуто в переводе использованием элементов устной народной поэзии.

Особой популярностью на Руси пользовались также повести сказочно-дидактического характера, сюжеты которых восходят к литературам Древнего Востока. Особенностью их является обилие афоризмов и мудрых изречений, до которых средневековый читатель был большим охотником. Одной из них была «Повесть об Акире Премудром», возникшая в Ассирии-Вавилонии в VII—V вв.

до н. э. Это остросюжетное произведение, значительную часть которого составляют нравоучительные притчи.

Одним из самых распространенных произведений мировой средневековой литературы является «Повесть о Варлааме и Иоасафе», известная в разных версиях более чем на 30 языках народов Азии, Европы и Африки. Повесть представляет собой христианскую версию жизнеописания Будды. В ней содержится большое количество нравоучительных притч, которые на понятных каждому бытовых примерах поясняют актуальные мировоззренческие проблемы. На Руси она была наиболее читаемым произведением на протяжении нескольких столетий, вплоть до XVII в. Эта повесть нашла отражение и в устном народном творчестве.

Переводная литература способствовала обогащению и развитию оригинальной древнерусской литературы. Однако это не дает оснований связывать ее возникновение только с влиянием переводных произведений. Оно было вызвано внутренними политическими и культурными потребностями формирующегося раннефеодального общества. Переводная литература не предшествовала развитию русской оригинальной литературы, а сопутствовала ей.

1.4. Литература. Общественная мысль

Русская письменная литература возникла на основе богатых традиций устного народного творчества, уходящего своими корнями в глубину столетий. За многими оригинальными произведениями древнерусской литературы стоит фольклор как один из важнейших источников. Устная поэзия оказала большое влияние на художественные особенности и идейную направленность письменной литературы, на формирование древнерусского языка.

Характерная особенность русской средневековой литературы — ее острая публицистичность. Памятники литературы являются одновременно и памятниками общественной мысли. В основе их содержания — важнейшие проблемы общества и государства.

Одним из основных оригинальных жанров формирующейся русской литературы стало летописание. Летописи — это не просто памятники литературы или исторической мысли. Они являются крупнейшими памятниками всей духовной культуры средневекового общества. В них воплотился широкий круг представлений и понятий того времени, отразилось многообразие явлений общественной жизни. На протяжении всего средневековья летописание играло важную роль в политической и культурной жизни страны.

Самым значительным памятником летописания является «Повесть временных лет», написанная в 1113 г. монахом Киево-Печерского монастыря Нестором и дошедшая до нас в составе более поздних летописных сводов XIV—XV вв.

Однако «Повесть временных лет» не самое первое летописное произведение. Ей предшествовали другие летописные своды. Можно считать точно установленным существование сводов, составленных в 70-х и в 90-х гг. XI в. в Киево-Печерском монастыре. Достаточно обоснованным является мнение о существовании Новгородского летописного свода 50-х гг. XI в. Летописная работа велась и в других центрах (например, при Десятинной церкви в Киеве). Отголоски летописных традиций, отличных от киево-печерской, обнаруживаются в более поздних летописных сводах.

Что касается времени возникновения русского летописания и его начальных этапов, то здесь многое продолжает оставаться неясным. По этому вопросу существует несколько гипотез. А. А. Шахматов считал, что «Древнейший» свод был составлен в 1039 г. в связи с установлением Киевской митрополии. По мнению Д. С. Лихачева, первым историческим произведением было «Сказание о первоначальном распространении христианства на Руси», составленное в 40-х гг. XI в. и послужившее основой для свода 70-х гг. М. Н. Тихомиров начало летописания связывал со «Сказанием о русских князьях» (X в.), составленным, по его мнению, вскоре после крещения Руси и имевшим нецерковный характер. Б. А. Рыбаков первым летописным сводом считает свод, созданный в 996—997 гг. при Десятинной церкви в Киеве и обобщивший материал кратких погодных записей и устных сказаний. К концу X в. относил начало русского летописания и Л. В. Черепнин. Таким образом, становление оригинальной русской литературы связано с возникновением летописания, наиболее полно отразившего в себе ее характерные особенности.

Как и всякая летопись, «Повесть временных лет» отличается сложностью состава и разнообразием включенного в нее материала. Кроме кратких погодных записей и более подробных рассказов о политических событиях, в нее вошли и тексты дипломатических и юридических документов, и пересказы фольклорных преданий, и выдержки из памятников переводной литературы, и записи о явлениях природы, и самостоятельные литературные произведения — исторические повести, жития, богословские трактаты и поучения, похвальные слова. Это позволяет говорить о летописи как о синтетическом памятнике средневековой куль-

туры, как о своеобразной энциклопедии средневековых знаний. Но это не простая механическая сводка разнородного материала, а цельное произведение, отличающееся единством темы и идейного содержания.

Цель труда сформулирована автором в его заглавии: «Се повести времянных лет, откуда есть пошла Руская земля, кто в Киеве нача первее княжити, и откуда Руская земля стала есть». Из этих слов следует, что происхождение и история государства рассматривались автором в неразрывной связи с происхождением и историей киевской княжеской власти. При этом история Руси давалась на широком фоне всемирной истории.

«Повесть временных лет» — памятник средневековой идеологии. Позиция автора сказалась и на отборе материала, и на оценках различных фактов и событий. Основное внимание уделено событиям политической истории, деяниям князей и других представителей знати. Хозяйственная жизнь и быт народа остаются в тени. К массовым народным движениям летописец относится враждебно, рассматривая их как «казнь божию». Отчетливо проявилось в летописи и религиозное мировоззрение ее составителя: конечную причину всех событий и поступков людей он видит в действии божественных сил, «провидения». Но за религиозными рассуждениями и ссылками на волю Бога часто скрываются практический подход к действительности, попытки выявить реальные причинно-следственные связи между событиями.

«Повесть», возникшая в период, когда уже начался распад государства на отдельные земли и княжества, проникнута идеей единства Русской земли, которое мыслилось как сплочение всех земель под властью великих князей киевских. Автор резко осуждал княжеские раздоры, обосновывал необходимость «единачества» перед лицом внешней опасности. Он обращается к князьям: «Почто вы распря имати межи собою? А погании губят землю Рускую». Тема героической борьбы с внешними врагами проходит через всю летопись. Патриотическая направленность, способность возвыситься до понимания общенародных интересов сближают «Повесть» с устным народным эпосом и становятся ведущими тенденциями всей древнерусской литературы.

Послужив основой местных летописных сводов периода политической раздробленности, «Повесть временных лет» сыграла огромную роль в утверждении и сохранении идеи единства Руси в сознании последующих поколений, живших во времена княжеских усобиц и суровых испытаний монголо-татарского ига. Она

оказала большое влияние на формирование самосознания русской народности на протяжении нескольких последующих столетий.

С XII в. начинается новый период в истории русского летописания. В условиях политической раздробленности оно приобретает областной характер. Значительно увеличивается количество центров летописания. Кроме Киева и Новгорода, летописи велись в Чернигове и Переяславле, в Полоцке и Смоленске, во Владимире и Ростове, в Галиче и Владимире-Волынском, в Переяславле-Залесском, Рязани и в других городах. Летописцы сосредоточивали внимание на локальных событиях, рассматривая историю своих земель как продолжение истории Киевской Руси и сохраняя в составе местных летописей «Повесть временных лет». Создаются родовые княжеские летописи, жизнеописания отдельных князей, исторические повести об отношениях между князьями. Составителями их были, как правило, не монахи, а бояре и дружинники, а иногда и сами князья. Это усиливало светское направление в летописании.

В летописании появлялись местные индивидуальные черты. Так, в Галицко-Волынской летописи, повествующей о жизни князя Даниила Романовича и отличающейся светским характером, главное внимание было уделено борьбе княжеской власти с непокорным боярством, описанию междоусобных войн. В летописи почти нет и рассуждений религиозного характера, зато в ней явственно слышны отзвуки дружинной поэзии.

Местный характер особенно отличает новгородское летописание, скрупулезно и точно фиксировавшее события внутригородской жизни. В нем наиболее полно отразились демократическая направленность, роль городского населения в общественной жизни. Стиль новгородских летописей отличается простотой и деловитостью, отсутствием церковной риторики.

Владими́ро-Суздальское летописание отражало интересы все более усиливавшейся великокняжеской власти. Стремясь утвердить авторитет Владимиро-Суздальского княжества и обосновать притязания его князей на политическое и церковное главенство на Руси, летописцы не ограничивались описанием местных событий, а старались придать летописанию общерусский характер. Ведущая тенденция владимирских сводов — обоснование необходимости единой и сильной власти владимирского князя, которая представлялась преемницей власти великих князей киевских. Для этого широко использовалась религиозная аргументация. Эту традицию восприняло в XIV—XV вв. московское летописание.

Один из древнейших памятников древнерусской литературы — «Слово о законе и благодати». Оно написано в 30—40-х гг. XI в. придворным княжеским священником Иларионом, ставшим позднее первым киевским митрополитом из русских. Используя форму церковной проповеди, Иларион создал политический трактат, в котором нашли отражение злободневные проблемы русской действительности. Противопоставляя «благодать» (христианство) «закону» (иудаизм), Иларион отвергает свойственное иудаизму понятие богоизбранничества и утверждает идею перенесения небесного внимания и расположения с одного избранного народа на все человечество, равноправия всех народов. Своим острием «Слово» направлено против притязаний Византии на культурное и политическое главенство в Восточной Европе. Этому положению Иларион противопоставляет идею равноправия всех христианских народов независимо от времени их крещения, выдвигает теорию всемирной истории как процесса постепенного и равного приобщения всех народов к христианству. Русь, приняв христианство, заняла достойное место среди других христианских государств. Тем самым дается религиозное обоснование государственной самостоятельности и международного значения Руси. «Слово» пронизано патриотическим пафосом, гордостью за Русскую землю, которая «ведома и слышима есть всеми конци земля».

С борьбой Руси за утверждение церковной самостоятельности связано появление оригинальной житийной литературы. И для этого типично церковного жанра характерно проникновение в него публицистических мотивов. Разновидностью житийной литературы стали княжеские жития. Образцом такого жития является «Сказание о Борисе и Глебе». Культ Бориса и Глеба, ставших жертвами междоусобной борьбы (они были убиты в 1015 г. их братом Святополком), имел глубокий политический смысл: он освящал идею, согласно которой все русские князья — братья. В то же время в произведении подчеркивалась обязанность «покорения» младших князей старшим. «Сказание» существенно отличается от канонического жития византийского типа. Основная его идея — не мученичество святых за веру, а единство Русской земли, осуждение княжеских междоусобиц. И по форме «Сказание», хотя в нем и использованы агиографические приемы, является, по существу, исторической повестью с точным названием имен, фактов, с подробным описанием реальных событий.

Иным характером отличается написанное Нестором «Чтение о Борисе и Глебе». Оно значительно ближе к житийному канону.

Удалив весь конкретный исторический материал, автор сделал изложение более отвлеченным, усилил назидательные и церковные элементы. Но при этом он сохранил основную идейную тенденцию «Сказания»: осуждение братоубийственных распрей и признание необходимости повиновения младших князей старшим в роду.

Важные социальные, политические и нравственные проблемы затронуты в «Поучении» Владимира Мономаха. Это политическое и нравственное завещание выдающегося государственного деятеля, проникнутое глубокой тревогой за судьбу Руси, вступившей в сложный период своей истории. Состоявшийся в 1097 г. в Любече княжеский съезд признал факт раздробленности Руси и, выдвинув принцип «каждо да держит отчину свою», санкционировал новую форму политического строя. «Поучение» Мономаха было попыткой предотвратить княжеские раздоры и сохранить единство Руси в условиях раздробленности. За требованиями соблюдать нормы христианской морали явно просматривается определенная политическая программа.

Центральная идея «Поучения» — укрепление государственного единства, для чего необходимо строго соблюдать требования установленного правопорядка, подчинять интересы отдельных княжений, личные и семейные интересы князей общегосударственным задачам. Князь должен жить в мире с другими князьями, беспрекословно подчиняться «старейшему», не притеснять младших, избегать ненужного кровопролития. Свои наставления Мономах подкрепляет примерами из собственной жизни. К «Поучению» присоединено письмо Мономаха к князю Олегу Святославичу Черниговскому, в котором он, желая добра «братьи» и «Русьской земли», выступая за единство действий русских князей против внешних врагов, обращается с предложением о примирении к своему давнему врагу и убийце своего сына, продемонстрировав тем самым торжество государственного долга над личным чувством.

Одной из обязанностей князя Мономах считает праведный суд, защиту «смердов», «убогих», «вдовиц» от чинимых им притеснений. Эта тенденция, направленная на смягчение остроты социальных противоречий, получила свое отражение и в законодательстве («Устав Владимира Мономаха», вошедший в Русскую Правду).

Вопрос о месте княжеской власти в жизни государства, о ее обязанностях и способах осуществления становится одним из центральных в литературе. Возникает мысль о необходимости сильной

власти как условия успешной борьбы с внешними врагами и преодоления внутренних противоречий. Этой мыслью пронизано «Моление Даниила Заточника» (первая четверть XIII в.). Осуждая засилье бояр и чинимый ими произвол, автор создает идеальный образ князя — защитника сирот и вдов, всех обездоленных, заботящегося о своих подданных. Развивается идея о необходимости «княжеской грозы». Но под «грозой» имеются в виду не деспотизм и произвол, а дееспособность и надежность власти: только княжеская «сила и гроза» могут оградить «яко оградом твердым» подданных от произвола «сильных людей», преодолеть внутренние раздоры и обеспечить внешнюю безопасность. Актуальность проблематики, яркость языка, обилие пословиц и афоризмов, остросатирические выпады против бояр и духовенства обеспечили этому произведению большую популярность на долгое время.

Наиболее выдающимся произведением древнерусской литературы, в котором нашли воплощение лучшие ее стороны, является «Слово о полку Игореве» (конец XII в.). В нем повествуется о неудачном походе на половцев в 1185 г. новгород-северского князя Игоря Святославича. Но не описание этого похода является целью автора. Оно служит ему лишь поводом для размышлений о судьбах Русской земли. Причины поражений в борьбе с кочевниками, причины бедствий Руси автор видит в княжеских междоусобицах, в эгоистической политике князей, жаждущих личной славы. «Невеселая година встала» тогда, когда «начаяша князи сами на себе крамолу ковати; а погании с всех стран приходяду с победами на землю Рускую».

«Слово о полку Игореве» — произведение общерусское, в нем нет местных черт. Оно свидетельствует о высоком патриотизме его автора, сумевшего подняться над узостью интересов своего княжества до высоты общерусских интересов. Центральным в «Слове» является образ Русской земли. Автор обращается к князьям с горячим призывом прекратить усобицы и объединиться перед лицом внешней опасности, чтобы «загородить Полю ворота», постоять «за землю Рускую», защитить южные границы Руси.

Автор принадлежал к дружинной среде. Он постоянно пользовался свойственными ей понятиями «честь» и «слава», но наполнял их более широким, патриотическим содержанием. Осуждая князей за поиски личной «славы» и «чести», он прежде всего выступал за честь и славу Русской земли.

«Слово» — произведение светское. В нем отсутствуют церковная риторика, христианские символы и понятия. Оно тесно связа-

но с устным народным творчеством, что проявляется в поэтическом одушевлении природы, в широком использовании языческой символики и образов языческой мифологии, а также типичных для фольклора форм (например, плача) и изобразительно-выразительных средств. О связи с народным творчеством свидетельствуют и идейное содержание, и художественная форма произведения.

В «Слове о полку Игореве» воплотились характерные черты древнерусской литературы этого периода: живая связь с исторической действительностью, гражданственность и патриотизм. Появление подобного шедевра свидетельствовало о высокой степени зрелости литературы Древней Руси, о ее самобытности, о высоком уровне развития культуры в целом.

1.5. Архитектура. Живопись

До конца X в. на Руси не было монументального каменного зодчества, но существовали богатые традиции деревянного строительства, некоторые формы которого повлияли впоследствии на каменную архитектуру. После принятия христианства начинается возведение каменных храмов, принципы строительства которых были заимствованы из Византии. На Руси получил распространение крестово-купольный тип храма. Внутреннее пространство здания делилось четырьмя массивными столбами, образуя в плане крест. На этих столбах, соединенных попарно арками, возводился «барабан», завершавшийся полусферическим куполом. Концы пространственного креста перекрывались цилиндрическими сводами, а угловые части — купольными сводами. Восточная часть здания имела выступы для алтаря — апсиды. Внутреннее пространство храма делилось столбами на нефы (межрядные пространства). Столбов в храме могло быть и больше. В западной части располагался балкон — хоры, где во время богослужения находились князь с семьей и его приближенные. На хоры вела винтовая лестница, находившаяся в специально для этого предназначенной башне. Иногда хоры соединялись переходом с княжеским дворцом.

Первой каменной постройкой была Десятинная церковь, возведенная в Киеве в конце X в. греческими мастерами. Она была разрушена монголо-татарами в 1240 г. В 1031—1036 гг. в Чернигове греческими зодчими был воздвигнут Спасо-Преображенский собор — самый «византийский», по мнению специалистов, храм Древней Руси.

Вершиной южнорусского зодчества XI в. является Софийский собор в Киеве — огромный пятинефный храм, построенный в 1037—1054 гг. греческими и русскими мастерами. В древности он был окружен двумя открытыми галереями. Стены сложены из рядов тесаного камня, чередующихся с рядами плоского кирпича (плинфы). Такая же кладка стен была и у большинства других древнерусских храмов. Киевская София уже значительно отличалась от византийских образцов ступенчатой композицией храма, наличием тринадцати венчавших его куполов, в чем сказались, вероятно, традиции деревянного строительства. В XI в. в Киеве было возведено еще несколько каменных построек, в том числе и светских. Успенская церковь Печерского монастыря положила начало распространению однокупольных храмов.

Вслед за киевской Софией были построены Софийские соборы в Новгороде и Полоцке. Новгородская София (1045—1060) существенно отличается от киевского собора. Она проще, лаконичнее, строже своего оригинала. Для нее характерны некоторые художественные и конструктивные решения, не известные ни южнорусскому, ни византийскому зодчеству: кладка стен из огромных, неправильной формы камней, двускатные перекрытия, наличие лопаток на фасадах, аркатурный пояс на барабане и др. Частично это объясняется связями Новгорода с Западной Европой и влиянием романской архитектуры. Новгородская София послужила образцом для последующих новгородских построек начала XII в.: Николо-Дворищенского собора (1113), соборов Антониева (1117—1119) и Юрьева (1119) монастырей. Последней княжеской постройкой этого типа является церковь Иоанна на Опоках (1127).

С XII в. начался новый этап в развитии русского зодчества, которое отличается от архитектуры предшествующего времени меньшей масштабностью зданий, поисками простых, но в то же время выразительных форм. Наиболее типичным стал кубический храм с позакомарным покрытием и массивной главой. При сохранении общих черт архитектуры в разных центрах Руси вырабатывались местные ее особенности.

Со второй половины XII в. заметно ослабевает византийское влияние, что ознаменовалось появлением в древнерусской архитектуре храмов башнеобразной формы, неведомой византийскому зодчеству. Наиболее ранним примером такого храма является собор Спасо-Евфросиниева монастыря в Полоцке (до 1159 г.), а также собор Михаила Архангела в Смоленске (1191—1194) и церковь Параскевы Пятницы в Чернигове (конец XII в.). Устремленность

здания вверх подчеркивалась высоким стройным барабаном, вторым ярусом закомар и декоративными кокошниками у основания барабана.

Заметнее становится влияние романского стиля. Оно не затрагивало основ древнерусской архитектуры — крестово-купольной конструкции храма с позакомарным покрытием, но сказалось на внешнем оформлении построек: аркатурные пояса, подбоя контрфорсов на внешних стенах, группы полуколонн и пилястр, колончатые пояса на стенах, перспективные порталы и, наконец, причудливая каменная резьба на внешней поверхности стен. Использование элементов романского стиля распространилось в XII в. в Смоленском и Галицко-Волынском княжествах, а затем и во Владимиро-Суздальской Руси.

К сожалению, памятники зодчества Галицко-Волынской земли сохранились плохо. 30 каменных построек Галича известны лишь по археологическим данным. Образцом местной архитектурной школы был Успенский собор, сооруженный в Галиче при Ярославе Осмомысле. Особенность галицкой архитектуры состояла в органическом соединении византийско-киевской пространственной композиции с романской строительной техникой и элементами романского декоративного убранства.

Установление в Новгороде республиканского строя привело к значительной демократизации культуры, что не могло не сказаться и на архитектуре. Сокращалось княжеское строительство. Заказчиками церквей стали выступать бояре, купцы, коллективы прихожан. Церкви были центрами общественной жизни отдельных районов города, нередко они служили складом товаров, местом хранения имущества горожан, в них собирались братчины. Возник новый тип храма — четырехстолпный кубический храм с одним куполом и тремя апсидами, отличавшийся небольшими размерами и простотой в оформлении фасадов, как, например, церкви Благовещения в Аркажах близ Новгорода (1179), Петра и Павла на Синичьей горке (1185—1192), Параскевы Пятницы на Торгу (1207). Подобные храмы строили и князья в своей загородной резиденции на Городище. К этому типу принадлежала построенная в 1198 г. церковь Спаса-Нередицы, которая сильно пострадала в годы Великой Отечественной войны (фрески были уничтожены).

Древнейшим памятником псковской архитектуры является дошедшая до нас церковь Спаса в Мирожском монастыре (середина XII в.), отличающаяся от новгородских построек отсутствием столбов. Приземистый трехглавый собор Ивановского монастыря

напоминает церковь Спаса-Нередицы. Из памятников Старой Ладоги сохранились только церкви Георгия и Успения, близкие по своему архитектурному облику к новгородским памятникам.

Каменное строительство во Владимиро-Суздальской земле начинается на рубеже XI—XII вв. с возведением Владимиром Мономахом собора в Суздале, но наивысшего расцвета оно достигает в XII — начале XIII в. В отличие от суровой архитектуры Новгорода, зодчество Владимиро-Суздальской Руси носило парадный характер, отличалось изысканностью пропорций, изяществом линий.

Влияние романской архитектуры особенно сказалось на владими́ро-суздальском зодчестве. Согласно летописи, Андрей Боголюбский, обстраивая свою столицу, собирал «из всех земель мастеров», среди них были и «латиняне». Сказались и прочные связи с Галицко-Волынской Русью, откуда, вероятно, были заимствованы технические приемы строительства. Из точно подогнанных и гладко отшлифованных белокаменных блоков выкладывали наружную и внутреннюю поверхности стен, а промежуток заполняли камнями и заливали раствором извести. Это — типично романская кладка. Романское происхождение имеют многие элементы декора, в частности рельефная резьба по камню.

Первые постройки этого типа — Спасо-Преображенский собор в Переяславле-Залесском и церковь Бориса и Глеба в Кидекше, под Суздалем, возведенные в 1152 г. Это одноглавые четырехстолпные храмы, для которых еще характерны грузность пропорций и декоративная простота фасадов.

Большого подъема достигло строительство во Владимире при Андрее Боголюбском. Возводятся городские укрепления, от которых сохранились белокаменные Золотые ворота. В загородной княжеской резиденции Боголюбово был сооружен замок, состоявший из комплекса построек, окруженных стенами с белокаменными башнями. Собор Рождества Богородицы, являвшийся центром всего ансамбля, был соединен переходами с двухэтажным каменным дворцом. До нас дошли только остатки этих сооружений. В 1158—1161 гг. был построен Успенский собор, богато декорированный резным камнем. Признанным шедевром древнерусской архитектуры является церковь Покрова на Нерли (1165), отличающаяся совершенством и легкостью пропорций, стройностью и устремленностью ввысь.

В последней четверти XII в. завершается в основном возведение архитектурного ансамбля Владимира. После пожара 1184 г. перестраивается и получает окончательные формы Успенский собор.

Формируются ансамбли Рождественского (1192—1196) и Княгинина (1200—1201) монастырей.

Особое место во владимирской архитектуре этого времени занимает Дмитриевский собор, возведенный в 1194—1197 гг. в центре княжеского дворца. Он отличается богатством белокаменной резьбы и представляет собой великолепный синтез архитектуры, пластики и живописи. В пластическом оформлении Дмитриевского собора гораздо отчетливее по сравнению со скульптурой предшествующего времени проявляется художественная манера местных мастеров. Каменная резьба приобретает неповторимую оригинальность: под влиянием традиций народной деревянной резьбы она становится более плоской и орнаментальной в отличие от «круглой» романской. Русские камнерезчики мрачным и устрашающим сюжетам, преобладавшим в западноевропейской романской пластике, предпочитали более жизнерадостные мотивы. Резной декор Дмитриевского собора называют «поэмой в камне» — в нем причудливо переплетаются библейские, апокрифические и языческие мотивы.

Традиции и приемы, выработанные мастерами владимирской школы, продолжали развиваться в Суздале, Юрьеве-Польском, Нижнем Новгороде. Георгиевский собор Юрьева-Польского (1230—1234) был покрыт декоративной резьбой сверху донизу. Рельефные изображения на фоне сплошного коврового узора образовывали законченные сюжетные композиции. К сожалению, собор не сохранился в первоначальном виде. После того как обрушились его своды и верхние части стен, он был заново сложен в 1471 г., при этом блоки белого камня были частично утрачены и перепутаны. Георгиевский собор является последним памятником владими́ро-суздальского зодчества. Его называют «лебединой песней» русской архитектуры домонгольского времени.

С принятием христианства из Византии на Русь пришли новые виды монументальной живописи — мозаика и фреска, а также станковая живопись (иконопись). Византия не только познакомила русских художников с новой для них техникой живописи, но и дала им иконографический канон, неизменность которого строго оберегалась церковью. Это в известной степени сковывало художественное творчество и предопределило более длительное и устойчивое византийское влияние в живописи, нежели в архитектуре.

Самые ранние из сохранившихся произведений древнерусской живописи были созданы в Киеве. Согласно летописям, первые

храмы украшали приезжие мастера-греки, которые привнесли в сложившуюся иконографию систему расположения сюжетов в интерьере храма, а также манеру плоскостного письма. Суровой красотой и монументальностью отличаются мозаики и фрески Софийского собора. Они выполнены в строгой и торжественной манере, свойственной византийской монументальной живописи. Их создатели мастерски использовали разнообразие оттенков смальты, искусно объединили мозаику с фреской. Из мозаичных работ особенно значительны изображения Богоматери-Оранты в алтарной апсиде и погрудное изображение Христа Вседержителя в центральном куполе. Все изображения пронизаны идеей величия, торжества и незыблемости православной церкви и земной власти.

Уникальными памятниками светской живописи являются росписи стен двух башен киевской Софии. Здесь изображены сцены княжеской охоты, цирковых состязаний, музыканты, скоморохи, акробаты, фантастические звери и птицы. По своему характеру они далеки от обычных церковных росписей. Среди фресок Софии — два групповых портрета семьи Ярослава Мудрого.

Мозаики Златоверхого собора Михайловского монастыря отличаются довольно свободной композицией, живостью движений и индивидуальными характеристиками отдельных персонажей. Хорошо известно мозаичное изображение Дмитрия Солунского — воина в золоченом панцире и синем плаще. К началу XII в. дорогая и трудоемкая мозаика целиком вытесняется фреской.

В XII—XIII вв. в живописи отдельных культурных центров все заметнее проявляются местные особенности. Во второй половине XII в. формируется специфический новгородский стиль монументальной живописи, который достигает наиболее полного выражения в росписях церквей Георгия в Старой Ладогe, Благовещения в Аркажах и особенно Спаса-Нередицы. В этих фресковых циклах, в отличие от киевских, заметно стремление к упрощению художественных приемов, к экспрессивной трактовке иконографических типов, что диктовалось желанием создать искусство, доступное для восприятия неискушенного в теологических тонкостях человека, способное непосредственно воздействовать на его чувства. В меньшей мере демократизм новгородского искусства проявился в станковой живописи, где местные черты выражены слабее. К новгородской школе относится икона «Ангел Златые власы», привлекающая внимание лиризмом образа и светлым колоритом.

От живописи Владимиро-Суздальской Руси домонгольского времени до нас дошли фрагменты фресок Дмитриевского и Успенского соборов во Владимире и церкви Бориса и Глеба в Кидекше, а также несколько икон. Основываясь на этом материале, исследователи считают возможным говорить о постепенном становлении владими́ро-суздальской школы живописи. Наилучшей сохранностью отличается фреска Дмитриевского собора с изображением Страшного суда. Она создана двумя мастерами — греком и русским. Лики апостолов и ангелов, принадлежащие кисти русского мастера, проще и задушевнее, они наделены добротой и мягкостью, в них нет напряженного психологизма, свойственного манере греческого мастера. К владими́ро-суздальской школе относятся несколько больших икон XII — начала XIII в. Самой ранней из них является «Боголюбская Богоматерь» (середина XII в.), стилистически близкая к знаменитой «Владимирской Богоматери» — иконе византийского происхождения. Большой интерес представляет икона «Дмитрий Солунский» (предполагают, что это портретное изображение князя Всеволода Большое Гнездо). Дмитрий изображен сидящим на троне в дорогих одеждах, в венце, с полуобнаженным мечом в руках.

Распространение письменности, появление рукописных книг привело к возникновению еще одного вида живописи — книжной миниатюры. Древнейшие русские миниатюры имеются в «Остромировом Евангелии», где помещены изображения трех евангелистов. Яркое орнаментальное окружение их фигур и обилие золота делают эти иллюстрации похожими на ювелирное изделие (на перегородчатую эмаль). В «Изборнике» князя Святослава (1073) помещена миниатюра, изображающая семью князя, а также рисунки на полях, имеющие сходство со светской живописью киевской Софии.

Глава 2

Культура второй половины XIII—XV в.

В середине XIII в. Русь подверглась монголо-татарскому нашествию, что имело катастрофические последствия для ее экономики и культуры. Оно сопровождалось истреблением и уводом в плен значительной части населения, уничтожением материальных ценностей, разрушением городов и селений. Установившееся на

два с половиной столетия золотоордынское иго, частые набеги завоевателей, приводившие к новым опустошениям, систематическое выкачивание материальных средств в виде дани — все это создало крайне неблагоприятные условия для развития экономики и культуры.

Одним из самых тяжелых последствий нашествия и установления ига было резкое ослабление городов, от развития которых зависел общественный прогресс в средневековую эпоху. Разрушение городов, подрыв экономики замедлили темпы их развития.

Истребление и увод в плен ремесленников привели к падению уровня ремесленного производства — основы материальной культуры. Были утеряны многие технические приемы и навыки, некоторые виды ремесел вообще исчезли. От монголо-татарского нашествия пострадало русское зодчество. Многие его памятники были разрушены. На полвека прекратилось каменное строительство из-за отсутствия материальных средств и мастеров-строителей. Когда оно возобновилось в конце XIII в., оказались утраченными основные виды используемых ранее строительных материалов, технические приемы и средства. Поэтому так недолговечны были здания, возведенные в это время. Погибло огромное количество памятников письменности, пришло в упадок летописание, пережили упадок живопись и прикладное искусство.

Но завоеватели, причинив огромный ущерб русской культуре, не смогли уничтожить ее. Культура Руси, возрождавшаяся на базе прочных традиций, которые были созданы в домонгольский период, сохранила свой национальный облик, оставаясь европейской по типу и направленности. Монголо-татары ничем не обогатили ее. Как заметил А. С. Пушкин, монголо-татары не походили на мавров. Они, завоевав Русь, не подарили ей ни алгебры, ни Аристотеля. Их влияние было весьма незначительным и ограничилось заимствованием некоторого количества восточных слов, отдельных мотивов в прикладном искусстве, элементов одежды. Не обнаруживается никаких заимствований у монголо-татар ни в общественной мысли, ни в литературе, ни в живописи, ни в архитектуре.

В результате политических событий XIII—XIV вв. различные части древнерусской народности оказались разделены, оторваны друг от друга. Вхождение в разные государственные образования затрудняло развитие экономических и культурных связей между отдельными регионами прежде единой Руси, углубляло различия в языке и культуре, существовавшие и ранее. Это привело к форми-

рованию на основе древнерусской трех народностей — русской (великорусской), украинской и белорусской. Основу их культур составили традиции древнерусской культуры, что предопределило наличие в них общих черт. Но вместе с тем культура каждой народности постепенно приобрела свои специфические черты, отражавшие складывавшиеся этнические особенности и конкретно-исторические условия их экономического, политического и культурного развития.

Формированию русской (великорусской) народности (XIV—XVI вв.) способствовало возникновение общности языка (при сохранении в нем диалектных различий) и культуры, а также общей государственной территории. Большую роль в стирании этнических и культурных различий сыграли перемещение масс населения из одних районов в другие, вызванное монголо-татарским нашествием, народная колонизация новых регионов на севере и северо-востоке страны.

Два основных, тесно связанных между собой обстоятельства исторической жизни народа в это время определяли содержание культуры и направление ее развития: борьба с золотоордынским игом и борьба за создание единого государства.

Монголо-татарское нашествие привело к углублению политической раздробленности. Этому способствовала политика завоевателей — поощрение и разжигание княжеских междоусобиц. Дальнейшее дробление русских земель обособляло местные культуры и усиливало в них локальные особенности. Однако в любом княжестве были силы, стремившиеся к государственному единству. Их настроения и активная борьба получали отражение в памятниках культуры, которые тем самым выходили далеко за рамки областных явлений и разрушали культурную обособленность местных центров. В культуре разобщенных княжеств наряду с сепаратистскими тенденциями все более отчетливо проявлялись и тенденции объединительные.

Идея единства Русской земли и борьбы с иноземным игом становилась одной из ведущих в культуре. Эта мысль проходит красной нитью через произведения устного народного творчества, литературы, живописи, архитектуры.

Для культуры этого времени характерна также идея неразрывной связи государства XIV—XV вв. с Киевской Русью и Владимиро-Суздальской Русью. Обращение к славному прошлому своей родины, к традициям и памятникам культуры времен независимости, к своей «античности» возбуждало патриотические чувства,

внушало уверенность в успехе борьбы с иноземными поработителями. Эта тенденция отчетливо проявилась в устном народном творчестве, летописании, литературе, в общественной мысли, архитектуре.

В пределах рассматриваемого периода можно выделить два этапа историко-культурного процесса. Первый из них (примерно до середины XIV столетия) отмечен заметным упадком в различных сферах культуры. Внешние связи русской культуры в это время почти полностью прерваны. Только Новгород и Псков сохраняли общение со странами Запада, оставаясь крупнейшими центрами европейской культуры. Эти города, не испытывавшие нашествия, сыграли важную роль в сохранении традиций и памятников культуры домонгольского времени и оказали большое влияние на развитие культуры в других русских землях.

Со второй половины XIV в. начинается второй этап этого процесса. Он отмечен подъемом русской культуры, обусловленным успехами хозяйственного развития и первой крупной победой над завоевателями в Куликовской битве, которая явилась важной вехой на пути освобождения страны от иноземного ига. Определяется ведущая роль Москвы в объединении русских земель, возрастает ее значение как одного из главных культурных центров. Куликовская победа вызвала подъем народного самосознания, что нашло отражение во всех областях культуры. При сохранении существенных местных особенностей идея единства Русской земли становится ведущей.

С конца XIV в. устанавливаются прочные связи с болгарской и сербской культурами. Оживленный обмен рукописями происходил через монастыри Афона и Константинополя, в которых жили русские монахи, занимавшиеся их переводами и переписыванием.

На Русь переселялись выходцы из Балканских стран, подвергшихся турецкому нашествию. Некоторые из них сыграли выдающуюся роль в развитии русской культуры: митрополит Киприан, Григорий Цамблак, Пахомий Логофет. Южнославянское влияние на русскую культуру заметно проявилось в литературе и в искусстве.

2.1. Фольклор

Борьба против золотоордынского ига стала главной темой устного народного творчества. Многие поэтические произведения вошли в переработанном виде в письменную литературу. Среди них — сказания о битве на Калке, о разорении Рязани Батыем и рязанском богатыре Евпатии Коловрате, о подвигах Меркурия

Смоленского, о Невской битве и Ледовом побоище, о Куликовской битве.

Наивысшего подъема достиг героический былинный эпос. Древние былины получали новую жизнь. Слагатели былин о монголо-татарском нашествии обращались к образам киевских богатырей, объединившихся вокруг старого князя Владимира Красное Солнышко. В них повествуется о том, как завоеватели подступали к Киеву и как киевские богатыри их изгоняли. Киев в былинах предстает как воплощение русской государственности, как идеальный эпический центр всей Русской земли. В этот период создание цикла былинного эпоса, связанного с Киевом и князем Владимиром, завершалось. В нем в полной мере проявился характерный для всей русской культуры этого времени интерес к героическому прошлому народа.

В XIV в. сложились новгородские былины о Василии Буслаеве и о Садко, отразившие богатство и могущество Великого Новгорода во времена его самостоятельности, вольнолюбивый дух новгородцев.

В этот же период оформился новый жанр устного народного творчества — жанр исторической песни. В отличие от былинного эпоса герои и события в исторической песне изображаются гораздо более приближенными к реальности, время действия не условно-эпическое, а конкретно-историческое, хотя сюжет и герои могут быть вымышленными. Это живой, непосредственный отклик на конкретные события. Историческая песня — произведение не о прошлом, а о настоящем, исторической она становится лишь для последующих поколений.

В песнях отразился подвиг простых людей, пытавшихся остановить полчища Батыя. Многие из них сохранились лишь в литературной обработке, но некоторые надолго остались в народной памяти. Одна из них — песня об Авдотье-Рязаночке. Ее героиня, простая горожанка, совершает подвиг, проявляя при этом мудрость, терпение и большую душевную стойкость. Она уводит из полона жителей Рязани и заново возрождает город. Поэтическим откликом на происшедшее в 1327 г. восстание жителей Твери против ханского наместника Чолхана (Шевкала) является песня о Щелкане Дудентьевиче. Она выдержана в оптимистическом духе, в ней отражена идея неизбежного и скорого краха золотоордынского ига. Следы исторических песен, связанных с Куликовской битвой, обнаруживаются в «Задонщине» и в «Сказании о Мамаевом побоище».

Разновидностью этого жанра являются песни о татарском полоне, и прежде всего песни о девушках-полонянках. Они — о судьбах простых людей, через которые раскрывается один из трагических моментов судьбы народной. Образ чистой и стойкой духом девушки, попадающей в плен, воплощает образ страдающей под тяжким игом Русской земли.

Идея независимости Руси, осознание ее героического прошлого, готовность к самоотверженной борьбе за родину — таков основной пафос произведений устного народного творчества.

2.2. Просвещение. Книжное дело

Губительные последствия иноземных вторжений отрицательно сказались на сохранности книжных богатств и на уровне грамотности, но все же традиции письменности и книжности, заложенные в XI—XII вв., удалось сохранить, они получили дальнейшее развитие.

Распространение грамотности, как и всюду в средневековье, в основном было сосредоточено в руках церкви. Но она не была достоянием только духовенства. Грамотным было торгово-ремесленное население городов, ибо занятие торговлей и ремеслом требовало известных знаний и навыков. О широком развитии письменности в быту горожан свидетельствуют берестяные грамоты, найденные во время археологических раскопок в Новгороде и представляющие собой частные письма новгородцев, хозяйственные записи, долговые расписки и т. д. Там же была обнаружена деревянная дощечка с вырезанной на ней азбукой. Вероятно, такие азбуки изготовлялись на продажу и служили учебными пособиями при обучении детей. Уникальной находкой являются учебные тетради новгородского мальчика Онфима (вторая половина XIII в.), дающие представление о методах обучения чтению и письму в школе. В частности, в то время уже существовал метод слогового обучения чтению, применявшийся и несколько столетий спустя.

Многочисленные сведения о существовании училищ для детей и об учителях-«книжниках» содержатся в житиях русских святых XIV—XV вв. Такие училища существовали, как правило, при церквях, и учителями в них были в основном представители низшего духовенства. Обучение начинали с семи лет. Учили чтению, письму, церковному пению и, возможно, счету, т. е. давали самое элементарное образование. В XV в. подобные училища существовали не только в городах, но и в сельской местности. Так,

например, Александр Свирский научился грамоте в родной деревне в Обонежье, Антоний Сийский учился в селе около Белого моря, Мартиниан Белозерский — в деревне близ Кириллова монастыря.

Миниатюра из жития Сергия Радонежского, на которой изображены 11 детей и учитель, объясняющий урок, дает возможность представить обстановку в училище.

Подъем культуры со второй половины XIV в. сопровождался развитием книжного дела. Его крупнейшими центрами были монастыри, при которых существовали книгописные мастерские и библиотеки, насчитывающие сотни томов. Наиболее значительными были сохранившиеся до нашего времени собрания Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского и Соловецкого монастырей. От конца XV в. до нас дошла опись библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря.

Но церковь не обладала монополией на создание и распространение книг. Как свидетельствуют приписки самих писцов на книгах, значительная их часть не принадлежала духовенству. Книгописные мастерские существовали и в городах, при княжеских дворах. Книги изготовлялись, как правило, на заказ, иногда и на продажу.

Развитие письменности и книжного дела сопровождалось изменениями в технике письма. В XIV в. на смену дорогому пергамену пришла бумага, которую доставляли из других стран, главным образом из Италии и Франции. Изменилась графика письма: вместо строгого уставного письма появился так называемый полуустав, а с XV в. — скоропись, что ускоряло процесс изготовления книги. Все это делало книгу более доступной и способствовало удовлетворению возрастающего спроса.

Наибольшее распространение получили богослужебные книги, необходимый набор которых был в каждом культовом учреждении — в церкви, монастыре. Характер читательских интересов отражали «четьи» книги, т. е. книги, предназначенные для индивидуального чтения. Таких книг было много в монастырских библиотеках. Наиболее распространенным типом «четьей» книги в XV в. стали сборники смешанного состава, которые исследователи называют «библиотеками в миниатюре».

Содержание «четьих» сборников достаточно обширно. Наряду с переводными патриотическими и агиографическими произведениями в них включались оригинальные русские сочинения; рядом с религиозно-назидательными текстами соседствовали произведе-

ния светского характера — отрывки из летописей, исторические повести, публицистика. Примечательно появление статей естественнонаучного характера. Так, в одном из сборников библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря начала XV в. помещены статьи «О широте и долготе земли», «О стадиях и поприщах», «О расстоянии между небом и землею», «Лунное течение», «О земном устройении» и др. Автор этих статей решительно порывал с фантастическими представлениями о строении Вселенной. Земля признавалась шаром, хотя по-прежнему ставилась в центр мироздания. В других статьях дано вполне реалистическое объяснение явлений природы (например, грома и молнии, которые, по мнению автора, происходят от столкновения туч). Здесь же статьи по медицине, биологии, выписки из сочинений римского ученого и врача II в. Галена.

Русская книга XIV—XV вв. сыграла выдающуюся роль как в возрождении к жизни памятников литературы прошлого, так и в распространении современных произведений.

2.3. Литература. Общественная мысль

Русская литература XIV—XV вв. унаследовала от древнерусской ее острую публицистичность, она также выдвигала важнейшие проблемы общественной жизни Руси. Будучи историческими трудами, летописи в то же время являлись и политическими документами.

В первые десятилетия после монголо-татарского нашествия летописание переживало упадок. Но оно, прервавшись на время в одних, возобновлялось в новых политических центрах. Летописание по-прежнему отличали локальные особенности, большое внимание к местным событиям и тенденциозное их освещение с позиций того или иного княжеского центра. Но красной нитью во всех летописях проходила тема единства Русской земли и борьбы народа против иноземных завоевателей.

Местный характер вначале имело и московское летописание, появившееся в первой половине XIV в. Однако с возрастанием политической роли Москвы оно постепенно приобрело общегосударственный характер. Оно не только отражало и идеологически закрепляло успехи Москвы в деле объединения русских земель, но и активно участвовало в этой работе, усиленно пропагандируя объединительные идеи.

О росте национального самосознания свидетельствовало возрождение общерусского летописания в конце XIV — начале XV в.

Первый общерусский свод был составлен в Москве в начале XV в. (так называемая Троицкая летопись, погибшая во время московского пожара 1812 г.). Московские летописцы провели большую работу по объединению и обработке разрозненных областных сводов. Около 1418 г. при участии митрополита Фотия создается новый летописный свод — Владимирский полихрон. В нем отстаивалась идея о необходимости союза московской великокняжеской власти с городским населением княжеских центров в целях объединения Руси. Эти своды легли в основу последующих летописных сводов 1456 г. и 1472 г. Одним из самых значительных произведений русского летописания стал Московский свод 1479 г.

Все московские летописи пронизывает мысль о необходимости государственного единства и сильной великокняжеской власти. В них явственно выступает сложившаяся в начале XV в. политическая концепция, согласно которой история Руси XIV—XV вв. является прямым продолжением истории Древней Руси. Летописи утверждали ставшую позднее официальной идею о том, что Москва наследует политические традиции Киева и Владимира, является их преемницей. Это подчеркивалось также и тем, что своды начинались с «Повести временных лет».

Объединительные идеи, отвечавшие жизненным интересам различных слоев общества, получили развитие и в ряде других центров. Даже в Новгороде, отличавшемся особенно сильными сепаратистскими тенденциями, в 30-х гг. XV в. был создан общерусский по своему характеру Новгородско-Софийский свод, включивший в свой состав свод Фотия. Общерусский характер приняло и тверское летописание, в котором утверждалась идея сильной великокняжеской власти и отмечались факты освободительной борьбы против Золотой Орды. Но в нем явно преувеличивалась роль Твери и тверских князей в объединении Руси.

Центральной темой литературы стала борьба русского народа против иноземных завоевателей. Одним из распространенных жанров становится воинская повесть. В основе произведений этого жанра лежали конкретные исторические факты и события, а персонажами были реальные исторические лица. Воинские повести — это светские произведения, близкие к устному творчеству, хотя многие из них подвергались переработке в духе церковной идеологии.

Выдающийся памятник повествовательной литературы воинского жанра — «Повесть о разорении Рязани Батыем». Основную часть ее содержания составляет рассказ о взятии и разорении Ряза-

ни монголо-татарами и о судьбе княжеской семьи. В повести осуждаются княжеские раздоры как основная причина поражения русских и в то же время с точки зрения религиозной морали происходящее оценивается как наказание за грехи. Это свидетельствует о стремлении «отцов церкви» использовать сам факт нашествия для распространения христианских идей и упрочения влияния церкви. Особый интерес представляют включенные в повесть два рассказа народно-поэтического происхождения — о гибели князя Федора, его жены Евпраксии и их сына и о Евпатии Коловрате, — раскрывающие трагизм разгрома Руси монголо-татарами, героизм русских людей, веру в силы народа. Основная мысль произведения выражена в словах: «Лутче нам смертию живота купити, нежели в поганой воли быти».

Борьба против шведских и немецких захватчиков отразилась в светской дружинной повести об Александре Невском, в которой содержалось подробное описание Невской битвы и Ледового побоища. Но эта повесть до нас не дошла. Она была переработана в Житие Александра Невского и получила религиозную окраску. Подобную трансформацию претерпела и повесть о псковском князе Довмонте, посвященная борьбе псковичей с немецкими и литовскими завоевателями.

Памятником тверской литературы начала XIV в. является «Повесть об убиении князя Михаила Ярославича в Орде». Это злободневное сочинение, имевшее антимосковскую направленность (князь Михаил Ярославич был убит по навету московского князя). Однако местные интересы не заслонили основной патриотической идеи произведения. На основе устного народно-поэтического произведения была написана «Повесть о Шевкале», посвященная восстанию в Твери в 1327 г.

Победа над монголо-татарами на Куликовом поле в 1380 г. вызвала подъем национального самосознания, внушила русскому народу уверенность в своих силах. Под ее воздействием возник Куликовский цикл произведений, которые объединяет одна главная мысль — о единстве Русской земли как основе победы над врагом. Четыре основных памятника, входящие в этот цикл, различны по своему характеру, стилю, содержанию, но все они говорят о Куликовской битве как о величайшей исторической победе Руси над монголо-татарами.

Наиболее глубоким и значительным произведением этого цикла является «Задонщина» — поэма, написанная Софронием Рязанцем вскоре после Куликовской битвы. Автор не стремился дать

последовательное и обстоятельное изображение событий. Его цель — воспеть великую победу над ненавистным врагом, прославить ее организаторов и участников. Характерная особенность «Задонщины» — ее связь со «Словом о полку Игореве», из которого заимствованы отдельные литературные образы, стилистические приемы, выражения и даже целые отрывки. Но это не простое подражание, а вполне сознательное сопоставление событий прошлого и настоящего, высветившее основную идею автора: несогласие в действиях князей ведет к поражению, объединение же их для борьбы с врагом — залог победы. Софоний подчеркивает единодушие князей, их решимость совместно выступить под руководством великого князя. Он перечисляет города, откуда стекаются войска, и сознательно замалчивает факт измены Олега Рязанского.

В поэме подчеркнута роль Москвы в организации победы, а князь Дмитрий Иванович представлен как подлинный ее организатор. Сопоставление со «Словом о полку Игореве» подчеркивало также одну из ведущих общественно-политических идей того времени — мысль об органической связи Московской Руси с Киевской. Куликовская победа — это возмездие за поражение в 1185 г., она положила, как считал автор, конец длительному периоду господства степняков над Русью, восстановила прежнюю славу и могущество Русской земли.

В Летописной повести о Куликовской битве впервые дается связный рассказ о событиях 1380 г. В ней подчеркнуты единство и сплоченность всех народных сил вокруг великого князя, поход против неприятеля расценивается как дело общерусское. Однако в повести заметно отступление от реальных исторических фактов, которые осмысливаются с точки зрения религиозной морали: конечной причиной поражения монголо-татар выступает «божественная воля», в духе религиозных понятий осуждается поведение рязанского князя Олега. Дмитрий Донской изображен как христианский подвижник, наделенный благочестием, миролюбием и христоробием.

«Сказание о Мамаевом побоище» — наиболее объемное и самое популярное произведение Куликовского цикла. Оно противоречиво в идейном и художественном отношениях, так как в нем сосуществуют два различных подхода к пониманию событий. С одной стороны, Куликовская победа расценивается как награда за христианские добродетели, свойственные русским. С другой стороны, автор «Сказания» хорошо разбирается в политической

ситуации того времени, высоко оценивает героизм и патриотизм русских людей, дальновидность великого князя, понимает значение единства между князьями. В «Сказании» находит обоснование идея тесного союза церкви и княжеской власти (описание отношений Дмитрия Донского и Сергия Радонежского). С этой целью в повествование вводится митрополит Киприан, хотя на самом деле его в это время в Москве не было, а князь Дмитрий Иванович изображен человеком, полным религиозного благочестия, — он постоянно молится и уповает на Бога. В «Сказании» широко используются устные предания о Куликовской битве и художественно-изобразительные средства устного народного творчества.

Лишь в связи с жизнеописанием Дмитрия Донского говорится о Куликовской битве в «Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя русского». Это торжественный панегирик умершему князю, в котором восхваляются его дела и определяется их значение для настоящего и будущего Руси. В образе Дмитрия Ивановича сочетаются черты житийного героя и идеального государственного деятеля, подчеркиваются христианские добродетели князя. В этом нашло отражение стремление церкви к союзу с великокняжеской властью.

События 1382 г. (нападение Тохтамыша на Москву) легли в основу «Повести о московском взятии от царя Тохтамыша и о пленении земли Русской». Повести присуща такая черта, как демократизм, она занимает особое место в литературе XIV—XV вв., освещающая события с позиций широких народных масс, в данном случае населения Москвы. В ней нет индивидуального героя. Простые горожане, взявшие в свои руки оборону Москвы после того, как из нее сбежали князья и бояре, — вот подлинные герои повести.

Большое развитие получила житийная литература, ряд произведений которой пронизан актуальными публицистическими идеями. Церковная проповедь в них сочеталась с развитием мысли о главенствующей роли Москвы и о тесном союзе княжеской власти и церкви (причем первенствующее значение отводилось церковной власти) как главном условии усиления Руси. В житийной литературе находили отражение и специфически церковные интересы, далеко не всегда совпадавшие с интересами великокняжеской власти. Публицистический характер носило «Житие митрополита Петра», написанное митрополитом Киприаном, который усмотрел общность судьбы митрополита Петра, не признан-

ного в свое время тверским князем, со своей собственной судьбой, а также и со своими сложными взаимоотношениями с московским князем Дмитрием Ивановичем.

В житийной литературе получил распространение риторическо-панегирический, или экспрессивно-эмоциональный стиль. В текст вводились пространные и витиеватые речи-монологи, авторские риторические отступления, рассуждения морально-богословского характера. Большое внимание уделялось описанию чувств героя, его душевного состояния, появлялись психологические мотивировки поступков действующих лиц. Экспрессивно-эмоциональный стиль достиг вершины своего развития в творчестве Епифания Премудрого и Пахомия Логофета.

2.4. Архитектура. Живопись

В результате монголо-татарского нашествия на целых полстолетия на Руси прекратилось каменное строительство. Оно возобновилось лишь с конца XIII в. С этого времени получили новое развитие традиции областных архитектурных школ, сложившиеся в предшествующий период.

Одним из крупнейших центров развития искусства в XIV—XV вв. был Новгород, переживавший в это время экономический и политический подъем. Высокий уровень городской жизни, особенности социально-политического строя Новгородской боярской республики обусловили характерные черты новгородского искусства, наличие в нем сильной демократической струи. Как прежде, новгородские постройки возводились на средства отдельных бояр, купеческих объединений и коллективов «уличан», и в них отражались вкусы заказчиков.

Основываясь на традициях архитектуры домонгольского времени, новгородские зодчие вели поиск новых художественных и строительно-технических решений. Направление этих поисков определилось уже в самой первой постройке, возведенной после значительного перерыва, — в церкви Николы на Липне (1292). Зодчие внесли много нового в традиционный тип четырехстолпного одноглавого храма кубической формы. Они заменили позакomarное покрытие трехлопастным, отказались от членения фасадов лопатками, уменьшили число апсид с трех до одной, опустив ее до половины высоты храма. Это придавало зданию массивность и монолитность. Строители перешли к кладке из грубо отесанных известняковых плит с использованием валунов и частично кирпича, что еще более усиливало впечатление силы и мощи. Здесь ясно

проявилась характерная особенность новгородского искусства, отмеченная И. Э. Грабарем: «Идеал новгородца — сила, и его красота — красота силы».

Новые искания и старые традиции отразились в церкви Спаса на Ковалеве (1345) и церкви Успения на Волотовом поле (1352). Это промежуточное звено в процессе формирования того стиля в новгородском зодчестве, который представлен постройками второй половины XIV в. Классическими образцами этого стиля являются церковь Федора Стратилата (1360—1361) и церковь Спаса на Ильине улице (1374). Характерная черта этого стиля — нарядное внешнее убранство храмов. Их фасады украшены декоративными нишами, треугольными впадинами, скульптурными вкладными крестами. Многие ниши были заполнены фресковыми росписями.

Новый архитектурный стиль в дальнейшем почти не изменялся. Более того, в XV в. проявилось стремление к воспроизведению архитектурных форм XII в. В этом возрождении культурных традиций проявился сепаратизм новгородской аристократии, ее стремление сохранить «старину и пошлину» независимой Новгородской боярской республики.

В Новгороде велось и крупное гражданское строительство. В 1433 г. в кремле немецкие и новгородские мастера построили Грановитую палату, предназначавшуюся для торжественных приемов и заседаний Совета господ. На владычном дворе была возведена Часозвоня (1443) — восьмигранная башня на прямоугольном основании. Некоторые новгородские бояре строили себе каменные палаты с коробовыми сводами. В 1302 г. в Новгороде был заложен каменный детинец, который впоследствии несколько раз перестраивался. Были возведены крепостные укрепления Старой Ладogi, Порхова, Копорья, Яма, Орешка.

Своеобразием отличалось зодчество Пскова, обособившегося в середине XIV в. от Новгорода и ставшего центром самостоятельной феодальной республики. Больших успехов достигли местные зодчие в крепостном строительстве. В 1330 г. были возведены каменные стены Изборска — одного из крупнейших военных сооружений Древней Руси. В самом Пскове был построен большой каменный кремль, общая длина стен которого составляла около девяти километров. Вся архитектура города имела крепостной облик, здания были суровы и лаконичны, почти лишены декоративного убора. В 1365—1367 гг. «на старой основе» храма XII в. был заново выстроен городской собор Троицы, при этом псковские

мастера внесли много нового в традиционную схему крестово-купольного храма, придав верхней части сооружения динамичную устремленность ввысь. Характерны для псковского зодчества каменные звонницы, состоявшие из нескольких пролетов. Местные мастера разработали особую систему перекрытия здания взаимно перекрещивающимися арками, что дало возможность позднее освободить храм от столбов. Этот прием сыграл существенную роль в создании типа малой бесстолпной «посадской» церкви. Своим мастерством псковские зодчие завоевали общерусскую известность. Они сыграли большую роль в московском строительстве в XV—XVI вв.

Первым городом Северо-Восточной Руси, в котором возобновилось каменное строительство, была Тверь. Здесь в 1285—1290 гг. был построен собор Спаса-Преображения — шестистолпный крестово-купольный храм, украшенный белокаменными рельефами. Образцом для него послужил владимирский Успенский собор. В начале XIV в. была построена еще одна каменная церковь, но затем последовал длительный перерыв в строительстве, вызванный ослаблением Твери в результате ее разгрома после восстания 1327 г. Лишь с конца XIV в. наступил новый подъем. Из тверских построек того времени до нас дошла церковь Рождества Богородицы в селе Городне на Волге.

Начало каменного строительства в Москве относится ко второй четверти XIV в. При Иване Калите в Московском Кремле строятся четыре каменных храма: Успенский собор, церкви Ивана Лествичника и Спаса на Бору, Архангельский собор. Ни один из них не дошел до нашего времени, но есть основание предполагать, что выстроены они были в духе традиций владимиросуздальского зодчества. Несколько камней, уцелевших от церкви Спаса на Бору, свидетельствуют о том, что она была украшена резьбой.

В 1367 г. в Москве возводится каменный Кремль, единственный во всей Северо-Восточной Руси того времени. Это свидетельствовало о возрастании политического могущества Москвы. Накануне Куликовской битвы в Коломне был построен Успенский собор, превосходивший по размерам все московские храмы. Древнейшими сохранившимися памятниками московского зодчества являются Успенский собор в Звенигороде (около 1400 г.), собор Саввино-Сторожевского монастыря близ Звенигорода (1405) и Троицкий собор Троице-Сергиева монастыря (1422). Образцами для них послужили церковь Покрова на Нерли и Дмитриевский

собор во Владимире, хотя постройки начала XV в. более приземисты и суровы, а их убранство скромнее. Интерес к архитектуре Владимира обуславливался идеей владимирского наследства, пронизывавшей всю московскую политику и отразившейся в других сферах культуры.

Однако это вовсе не означало, что московские зодчие только копировали имевшиеся образцы. Особый интерес они проявляли к разработке и созданию новой, устремленной ввысь композиции всего храмового здания. Это достигалось за счет ступенчатого расположения сводов и размещения нескольких рядов кокошников у основания барабана. Стремление к преодолению «кубичности» и приданию динамизма всей композиции особенно ярко проявилось в соборе Андроникова монастыря (около 1427 г.). Эта тенденция становилась ведущей в московском зодчестве.

Вторую половину XIV — начало XV в. называют «золотым веком» стенной живописи Древней Руси. Успешно развивается новгородская монументальная живопись, опиравшаяся на местные традиции и использовавшая достижения византийского искусства. Большой вклад в ее развитие внес Феофан Грек, работавший сначала в Новгороде, а потом в Москве. Он приехал из Византии на Русь в 70-х гг. XIV в. уже зрелым живописцем и отдал свое мастерство новой родине. Лучшей работой Феофана, наиболее полно раскрывающей самобытность и мощь его творчества, является фресковая роспись церкви Спаса на Ильине улице. Для Феофана Грека характерны такие черты, как смелая живописная манера, свобода в обращении с иконографическими традициями, виртуозность исполнения, интерес к характеру, внутреннему миру человека. В своих персонажах он воплощал одухотворенность человека, силу его внутренней эмоциональности, стремление к возвышенному. Бурная, темпераментная живопись Феофана — яркое проявление экспрессивно-эмоционального стиля в русском искусстве этого времени.

К фрескам Феофана Грека в церкви Спаса на Ильине близки по манере исполнения фрески церкви Федора Стратилата. Одни исследователи считают их произведением Феофана, другие — работой его учеников.

Замечательным памятником новгородской живописи были и фрески церкви Успения на Волотовом поле (погибли во время Великой Отечественной войны), в котором ярко проявились свобода художественного творчества, стремление преодолеть традиционные каноны церковной живописи. Эти фрески отличали предель-

ная динамика в построении композиции, глубокая эмоциональная насыщенность.

По-иному выглядят фрески церкви Спаса на Ковалеве, которым свойственны черты аскетизма. Исследователи видят в них влияние южнославянской художественной традиции и считают, что они написаны сербскими художниками.

В XV в. монументальная живопись все более усваивала догматические черты официально-церковной идеологии. Но в Новгороде иконописание еще оставалось связанным с демократическими кругами, о чем свидетельствовали простота трактовки сюжетов, широкое распространение икон популярных в народе святых, принявших функции языческих божеств-покровителей различных хозяйственных занятий. Расширялись узкие рамки религиозной тематики.

Обострение отношений Новгорода с Москвой во второй половине XV в. вызвало появление иконы «Битва новгородцев с суздальцами» (Чудо от иконы «Знамение»). Она воспринимается как историческая картина. Тема ее — поражение суздальского войска под стенами Новгорода в 1169 г. Икона должна была вызывать чувство местного патриотизма и вдохновлять на борьбу за сохранение независимости Новгорода, которому в трудный час приходили на помощь «силы небесные». Таков публицистический подтекст иконы. Единственным в своем роде образцом коллективного портрета боярской семьи является икона «Молящиеся новгородцы» (1467).

Высокого расцвета достигла живопись в Москве в конце XIV — начале XV в. В это время здесь окончательно складывается русская национальная школа живописи, наиболее ярким представителем которой был гениальный русский художник Андрей Рублев. Его предшественником по росписи московских церквей был Феофан Грек, переехавший в 90-х гг. XIV в. в Москву (московские росписи Феофана не сохранились).

Рублев родился около 1360 г. Он был монахом Троице-Сергиева, а затем — Спасо-Андроникова монастыря в Москве. В 1405 г. он вместе с Феофаном Греком и Прохором из Городца расписывал стены Благовещенского собора в Московском Кремле. В 1408 г. Рублев вместе с Даниилом Черным работал над фресками Успенского собора во Владимире, а затем они украсили фресками и иконами Троицкий собор Троице-Сергиева монастыря. В конце жизни живописец расписал собор Андроникова монастыря, в котором впоследствии был похоронен (умер около 1430 г.).

Наиболее ранними из известных в настоящее время работ Рублева считаются фрески Успенского собора во Владимире (одна из известных — «Шествие праведников в рай»). В них проявились характерные черты рублевского стиля, которому свойственна лирическая умиротворенность. Персонажи Рублева мягче, человечнее, чем в живописи Феофана.

Самая известная работа этого древнерусского мастера — икона «Троица», написанная им для иконостаса Троицкого собора. В ней с редкой художественной силой выражена гуманистическая идея согласия и человеколюбия, дан обобщенный идеал нравственного совершенства и чистоты. Замечательны по глубине психологической характеристики и мастерству исполнения изображения архангела Гавриила и апостола Павла из того же иконостаса Троицкого собора. Национальный характер творчества иконописца нашел особенно яркое выражение в его «Спасе» из Звенигорода.

В творчестве Рублева «получает свое логическое завершение процесс обособления русской живописи от византийской, наметившийся уже в XII веке и развивавшийся в непрерывном нарастании вплоть до XV века. Рублев окончательно отказывается от византийской суровости и византийского аскетизма. Он извлекает из византийского наследия его античную эллинистическую сердцевину... Краски русской природы он переводит на высокий язык искусства, давая их в таких безупречно верных сочетаниях, что им присуща, подобно творению великого музыканта, абсолютная чистота звучания», — писал исследователь древнерусского искусства В. Н. Лазарев.

Культурное развитие русских земель в XIII—XV вв. было чрезвычайно важным этапом формирования общерусской культуры, вобравшей в себя достижения местных культур. Завершение этого процесса относится к концу XV в.

Глава 3

Культура конца XV—XVI в.

Рубеж XV—XVI вв. — переломный в историческом развитии русских земель. Три связанных между собой явления характерны для этого времени: образование единого Российского государства, освобождение страны от монголо-татарского ига и завершение формирования русской (великорусской) народности. Все они ока-

зали прямое воздействие на духовную жизнь России, на развитие ее культуры, предопределили характер и направление историко-культурного процесса.

Преодоление политической раздробленности, укрепление единой государственной власти создавали благоприятные условия для хозяйственного и культурного развития, послужили могучим стимулом подъема национального самосознания. Благотворное влияние этих факторов сказалось на развитии всей русской культуры в конце XV — первой половине XVI в., особенно ярко проявившись в общественной мысли и архитектуре. Но с середины XVI в. с усилением роли церкви в государстве и феодально-крепостнических отношений темпы развития культуры замедлились.

В XVI в. образовалось единое Российское государство, вобравшее все земли Северо-Восточной и Северо-Западной Руси. Центром культуры русской народности окончательно становится Москва. Происходило постепенное объединение местных культур. Именно в XVI в. выработались многие черты общерусской культуры, сохранявшиеся в основном и в последующие века.

Образование единого государства происходило в неразрывной связи с борьбой против золотоордынского ига, которое было свергнуто в 1480 г. Однако и после этого на протяжении длительного периода Российскому государству пришлось с громадным напряжением сил вести борьбу за сохранение своей национальной независимости с монголо-татарами и западными соседями. Эта борьба наложила заметный отпечаток на материальную культуру, что проявилось, например, в развитии крепостного строительства и производства оружия, в том числе огнестрельного.

И в духовной культуре идея единства и борьбы за независимость с иноземными завоевателями продолжала оставаться одной из ведущих.

В период золотоордынского ига Русь была изолирована от стран Центральной и Западной Европы, которые за это время достигли больших успехов в своем развитии. Для Российского государства установление связей с западноевропейской культурой было важным условием преодоления отсталости и укрепления своего положения среди европейских держав. В конце XV — начале XVI в. успешно развивались контакты с Италией, благотворно сказавшиеся на русской культуре, в Россию приезжали работать выдающиеся зодчие и другие мастера. Однако возрастание влияния церкви на духовную жизнь, усиление ее борьбы против «латинст-

ва», против проникновения светских знаний существенно затрудняли развитие этих связей.

Российское государство сформировалось как государство феодально-крепостническое. Этот процесс сопровождался закрепощением крестьян, нашедшим свое отражение в законодательстве конца XVI в., что в свою очередь вызвало обострение социальных конфликтов. Все это сказалось на характере развития культуры конца XV — первой половины XVI в., отличительной чертой которой было усиление светских и демократических элементов. Это особенно ярко проявилось в еретических движениях. Эти движения, проникнутые антифеодальными и антицерковными мотивами, ознаменовали начало борьбы против стремления церкви к консервации культурного развития и поддержанию культурной изоляции России. Но не следует преувеличивать значение этих явлений: в то время их развитие тормозилось слабостью социальной базы и усиливавшимся феодально-крепостническим гнетом. До кризиса средневекового мировоззрения было еще далеко.

Важнейший фактор развития культуры — влияние церкви на духовную жизнь общества, прочность ее позиций в государстве. В немалой степени это определялось характером взаимоотношений между церковью и государственной властью, которые на протяжении рассматриваемого периода оставались далеко не одинаковыми. Конец XV в. ознаменовался углублением противоречий между ними, вызванных теократическими устремлениями иерархов церкви и замыслами великокняжеской власти, стремившейся к секуляризации церковных владений. Последнее, а также рост еретических движений, борьба различных группировок внутри самой церкви ослабляли ее позиции и влияние на духовную жизнь.

Однако церковь и государство, эти две ведущие силы средневекового общества, не только соперничали друг с другом, но и нуждались во взаимной поддержке. С начала XVI в. постепенно складывается союз государственной власти и «иосифлянской» церкви на основе взаимных уступок. Отказавшись от теократических устремлений и выдвинув теорию божественного происхождения власти, церковь обеспечила себе поддержку государства в борьбе с ее идейными противниками. Со своей стороны, и великокняжеская власть, отказавшись от планов секуляризации церковных земель, обеспечила себе поддержку церкви, без которой не могла обойтись. Дальнейший ход государственной централизации сопровождался укреплением позиций церкви в духовной

жизни России. Прогрессивные общественные силы, выступавшие против усиления самодержавия, все более выражали свое критическое отношение и к официальной церкви. Развитие новых тенденций в культуре, элементов рационалистического мировоззрения оказалось связанным с кругами, оппозиционными самодержавию.

Поскольку церкви отводилась важная роль в укреплении самодержавной власти, ее деятельность приобрела широкий размах. Церковь повела борьбу с «латинством», со светским знанием, инакомыслием, установила жесткую регламентацию живописи, зодчества, литературы, всей духовной жизни, что привело к появлению в культуре консервативных тенденций. Еще более осложнили условия для развития культуры Ливонская война и опричнина, которые нанесли немалый урон хозяйству страны, народу. Политика государства, направленная на закрепощение не только сельского населения, но и посадских людей городов, еще более затрудняла культурный прогресс.

Таким образом, культура в XVI в. развивалась в сложных и противоречивых условиях. Наряду с позитивными факторами, стимулировавшими ее развитие, действовали и факторы негативные, ставившие серьезные преграды на пути культурного прогресса. Тем не менее XVI век отмечен величайшими достижениями в различных сферах культуры, которые послужили основой для ее дальнейшего развития в XVII веке, открывающем «новый период» русской истории.

3.1. Фольклор

Ведущей темой устного народного творчества продолжала оставаться тема героической борьбы народа с внешними врагами. Народ осмысливал борьбу за независимость как самое важное дело своей жизни. В связи с этим подвергались переработке, «осовременивались» былины киевского цикла. Герои богатырского эпоса становились участниками борьбы с Казанским и Крымским ханствами.

Эта тема нашла свое отражение и в исторических песнях, ставших во второй половине XVI в. одним из самых распространенных жанров устного народного творчества. Особенной популярностью пользовалась песня о взятии Казани, которое было воспринято народом как событие большого политического значения. Основные герои песни — это представители народа, пушкарки, своим мастерством и умением добившиеся взрыва крепостных стен и по-

беды над Казанью. Нашла отклик в народном творчестве и героическая оборона Пскова от войск Стефана Батория, «собаки царя крымского».

Народное понимание негативных сторон общественной жизни 60—70-х гг. XVI в. выразилось в песне о гневe Ивана Грозного на сына. Народ осудил жестокость царя по отношению к простым «мужикам новгородским», «старым и малым» и выразил сочувствие безвинным жертвам. Резко отрицательно изображен и «Малюта злодей Скурлатович», «Малюта-враг», не раз проявлявший себя как беспощадный палач.

Образ Ивана Грозного в народном творчестве выглядит весьма противоречиво. Мы видим реальные черты характера и поведения царя, точно подмеченные создателями песен, и в то же время — черты идеальные, выразившие представления народа о «хорошем» царе.

В исторических песнях второй половины XVI в. значительное место занимает социальная проблематика, в основном антифеодалная. Сама идеализация образа царя есть не что иное как утопическая надежда закабаленной крестьянской массы на лучшую долю, на торжество справедливости.

Особенно яркое отражение социальная тема получила в цикле песен о Ермаке, в которых возможность успешной борьбы с царскими воеводами и свобода от крепостнических пут предстают как достижимый идеал. В этих песнях впервые в русском фольклоре изображена действующая, активно утверждающая себя народная масса, возглавляемая своим предводителем, которая жаждет социальных перемен. В некоторых песнях народный герой Ермак оказывается в числе помощников Ивана Грозного при взятии Казани, в чем проявилась народная оценка падения Казанского ханства.

Демократические и патриотические идеи устного народного творчества оказали большое влияние на дальнейшее развитие русской культуры.

3.2. Просвещение. Начало книгопечатания

С развитием феодального хозяйства, ремесла, торговли, а в особенности с развитием аппарата власти и международных отношений значительно возросла потребность в грамотных людях. Нуждалась в них и церковь. На Стоглавом соборе в 1551 г. было принято решение: «В царствующем граде Москве и по всем градам... у священников, у дьяконов и у дьячков учинити в домах училища,

чтобы священники и дьяконы и все православные христиане в ко- емжде граде предавали им своих детей на учение грамоте и на уче- ние книжного письма». Это решение не было реализовано в пол- ной мере, школ все еще было недостаточно, а общий уровень гра- мотности оставался низким.

Как и прежде, обучение осуществлялось особыми «мастерами грамоты», которые содержали своего рода частные училища. Боль- шей частью они открывались при монастырях и приходских церк- вах, учителями в них были лица духовного звания, но иногда такие училища содержали и светские лица. Школы существовали не только в городах, но и в сельской местности. Обучение обычно ограничивалось усвоением элементарной грамоты, хотя, как пола- гают исследователи, имелись школы, в которых учащиеся изучали грамматику, арифметику и другие предметы. Освоившие элемен- тарную грамоту получали возможность пополнять знания путем чтения книг.

Более широкое распространение получила рукописная книга. Основными центрами хранения книг продолжали оставаться мо- настыри, имевшие у себя значительные библиотеки. В них собира- лась преимущественно церковная литература, однако встречались книги и светского содержания — летописи, хронографы, сказания, повести. Книги, судя по владельческим записям на некоторых из них, находились не только в монастырях, но и в боярских усадь- бах, у посадских людей и даже у крестьян.

Изготовление рукописных книг в основном было сосредоточе- но в монастырских мастерских-скрипториях, хотя перепиской их занимались и профессионалы-писцы в городах и даже в сельской местности. Книги продавались на рынках. Стоглавый собор, с целью оградить рынок от рукописей нежелательного содержания, специальным решением запретил продажу рукописей без предва- рительной их проверки представителями церкви. В этом, как и в других постановлениях Стоглавого собора, проявилось стремле- ние церкви к установлению контроля над духовной культурой. В связи с возросшей потребностью в книге ускорился процесс письма, причем скоропись утвердилась не только в деловой пись- менности, но и в книгописании.

Крупнейшим событием в истории русской культуры явилось возникновение книгопечатания. Оно отвечало государственным потребностям, служило укреплению самодержавной власти, уси- ливало роль церкви. Богослужебная книга была одним из средств

распространения официальной идеологии. Поэтому книгопечатание в России началось по инициативе государственной власти, поддержанной церковью.

Первые попытки книгопечатания в России относятся к концу XV в., но началось оно в 1553 г. Первые книги были анонимными, т. е. не содержали имен издателей, выходных данных. Таких изданий в настоящее время известно всего семь. Их несовершенство говорит о том, что они создавались в период становления печатного дела. О первых печатниках нет никаких сведений. Лишь в документах 1556 г. упоминается «мастер печатных книг» Маруша Неведьев.

Новый этап наступил в 1563 г., когда на средства царской казны была устроена типография в Москве. С этого времени книгопечатание стало государственной монополией. Во главе типографии стали дьякон одной из московских церквей Иван Федоров и его помощник и соратник Петр Мстиславец. 1 марта 1564 г. из московской типографии вышел «Апостол» — первая русская датированная печатная книга. В этой же типографии был издан в 1565 г. «Часослов». Затем Иван Федоров и Петр Мстиславец уехали на Украину, захватив с собой шрифты и печатные доски. Там они продолжили свою деятельность сначала в Заблудове, а затем во Львове и Остроге, выпустив несколько книг, в том числе первую русскую Азбуку (1574).

О причинах отъезда И. Федорова и П. Мстиславца существуют различные предположения. Некоторые ученые считают, что он был вызван преследованиями со стороны церкви. Скорее всего, как предполагал М. Н. Тихомиров, они переехали на территорию Великого княжества Литовского с согласия царя для распространения там печатной православной книги, чтобы таким образом способствовать успеху действий России среди православного населения Литвы во время Ливонской войны.

Но в Москве книгопечатание не прекратилось. Здесь дело Ивана Федорова продолжали его ученики: Никифор Тарасиев, Андроник Невежа и его сын — Иван Невежин. Всего до конца XVI в. было издано около двадцати книг религиозного содержания. Книгопечатание явилось событием огромного культурного значения. Сам Федоров смотрел на книгопечатание как на средство распространения знаний, о чем свидетельствует издание им «Азбуки». Русских первопечатников по праву относят к выдающимся деятелям средневековой культуры.

3.3. Общественная мысль. Литература

Образование единого Российского государства происходило в обстановке острой идейной борьбы. Жизнь поставила ряд важных вопросов: о форме политического строя государства, характере и прерогативах складывавшейся самодержавной власти, о формах управления и о месте в нем различных социальных групп, о роли церкви в едином государстве, о правах и обязанностях различных сословий. Идеологического обоснования требовало и изменившееся международное положение России. Все это стимулировало развитие общественно-политической мысли. Публицистическим содержанием, как и прежде, были проникнуты традиционные литературные жанры. Появляются и собственно публицистические произведения в виде посланий и писем, предназначенные для широкого круга читателей.

В первой четверти XVI в. формируется политическая теория Российского государства. Ее основы были заложены еще в предшествующий период, когда разрабатывалась идея о преемственности власти московских великих князей от князей владимирских и киевских. Идеологи московского самодержавия развивают эту мысль, рассматривая образование Российского государства не только как факт русской истории, но и как важное явление мировой истории.

Значительной вехой в процессе разработки официальной теории великокняжеской власти явилось «Сказание о князьях Владимирских». В его основе — две легенды. Одна из них утверждала, что московские государи ведут свое происхождение от римского императора Августа. В другой рассказывалось, как византийский император Константин Мономах передал киевскому князю Владимиру Всеволодовичу царские регалии, которыми Владимир якобы венчался на царство. Отсюда следовало, что и преемники Владимира Мономаха имели законное право на царский титул. Эти легенды обосновывали право великих князей московских как наследников князей киевских на самодержавное правление, способствовали укреплению авторитета их власти внутри страны и упрочению международного престижа Российского государства. Идеи «Сказания», доказывавшие права Москвы на наследие Киева, в том числе и на те русские земли, которые находились под властью Польско-Литовского государства, широко использовались в политике московских князей. «Сказание» было включено в чин венчания Ивана IV на царство в 1547 г., его идеи нашли отражение и в летописании.

Тогда же оформилась идея о Москве как о «третьем Риме», сформулированная игуменом псковского Елеазарова монастыря Филофеем в его посланиях Василию III в 1510—1511 гг. Теория «Москва — третий Рим» была разработана в духе религиозной идеологии. Согласно взглядам Филофея, мировой центр христианства последовательно перемещался из Рима «ветхого» во «второй Рим» — Константинополь, а затем — в Москву. Два Рима пали из-за их измены «истинному христианству». Византия изменила христианству, пойдя на унию с католической церковью в 1439 г., что привело к завоеванию ее турками. Москва же осталась верна православию, она не признала Флорентийскую унию и потому теперь является «третьим Римом», «а четвертому Риму не бывать».

Если идея римского происхождения русских государей устанавливала прямую связь между Россией и «Римской державой» и тем самым закрепляла за ней почетное место среди других европейских стран, то теория «Москва — третий Рим» противопоставляла Россию «латинскому» западному миру. В определенной мере она отражала реакцию церкви на успешно развивавшиеся в то время культурные связи России с католическими странами, прежде всего с Италией. Эта идея никогда не использовалась в практике дипломатических отношений и призвана была служить обоснованию не мирового значения Российского государства, а исключительной роли религии и церкви, укреплению позиций православия в общественной жизни страны. В теории «Москва — третий Рим» воплотились враждебное отношение церкви ко всему иноземному, проповедь национальной исключительности и самоизоляции, религиозной нетерпимости, принципиальное неприятие чего-либо нового в любых сферах жизни.

Вопрос о месте церкви в государстве стал одним из самых актуальных. Обострение социальных и внутривластных противоречий, а также накопление практических знаний способствовали пробуждению критического отношения к религии. Одним из ярких явлений русской общественной и философской мысли этого периода было выступление еретиков, во взглядах которых проявились первые попытки выйти за рамки традиционных религиозных представлений о природе и обществе.

Еретическое движение возникло в Новгороде во второй половине XIV — начале XV в. Социальной средой, его породившей, был городской посад, а выразителями — рядовые представители белого духовенства. Это была типичная средневековая городская

ересь с характерными для нее элементами рационалистического мышления и критического отношения к обрядам и догматам церкви. Новгородские еретики отрицали основной догмат христианства о троичности божества, церковные обряды и церковную иерархию, выступали против церковного стяжательства.

В 80-х гг. в Москве во главе с дьяком Федором Курицыным образовался кружок еретиков, который имел иной социальный состав. Если новгородская ересь была городской по своему характеру, то в московском еретическом движении участвовали преимущественно представители светских феодалов, связанные с великокняжеской властью. Отличительной чертой их взглядов было отрицание монашества, что указывает на тесную связь московской ереси с устремлениями государственной власти, строившей планы секуляризации монастырских земель. Именно поэтому еретики пользовались покровительством Ивана III.

Рационалистическая критика богословских догм открывала пути научному познанию, подрывавшему основы религиозного мировоззрения. Еретики проявляли большой интерес к научным знаниям. Они занимались философией, астрономией, математикой, юриспруденцией, языкознанием, были хорошо знакомы со многими произведениями не только средневековой, но и античной философии и высказывали ряд интересных мыслей по различным вопросам. Так, например, Федор Курицын в «Лаодикийском послании» высказал мысль о свободе воли («самовластии души»), которая непосредственно связывалась с образованностью человека. Брат Ф. Курицына — дьяк Иван-Волк Курицын составил сборник «Мерило праведное». В нем были собраны различные законы, что говорило об интересе участников еретического кружка к вопросам организации суда, которые приобрели особую остроту в связи с централизацией государственной власти.

Отсутствие широкой социальной базы для реформационного движения из-за неразвитости социально-экономических отношений, слабости городов предопределило поражение еретиков в борьбе с официальной церковью. Ценой отказа от своих теократических устремлений церкви удалось добиться поддержки государственной власти и с ее помощью жестоко расправиться со своими идейными противниками. Однако несмотря на поражение еретиков, их смелая критика церкви будила свободолюбивую мысль, а их аргументы использовались в антицерковных выступлениях последующего времени.

В ходе борьбы с еретиками внутри церкви возникли два течения: иосифляне и нестяжатели. Оба направления ставили перед собой одну задачу: усовершенствование церковно-монастырской системы, поднятие авторитета церкви. Но они существенно расходились в определении путей и средств достижения этих целей.

Первое из этих направлений возглавил игумен Иосифо-Волоколамского монастыря Иосиф Волоцкий. Вначале он был тесно связан с удельно-княжескими, сепаратистски настроенными кругами и находился в оппозиции к великокняжеской власти. Определяющей темой его творчества в этот период являлась теория о превосходстве духовной власти над светской. Он отстаивал существующий статус церковной системы и ее экономическое положение. Повышение внутрицерковной дисциплины мыслилось им как основное средство укрепления позиций духовенства. Лишь после 1507 г., когда государственная власть помогла разгромить еретиков, отказавшись одновременно от планов секуляризации церковных земель, Иосиф Волоцкий перешел на позиции поддержки великого князя в его борьбе с удельным сепаратизмом. При этом он выдвинул теорию о божественном происхождении великокняжеской власти и ее ответственности перед Богом. Из этого следовало, что церковь должна иметь привилегированное положение как учреждение, освящающее светскую власть, которая обязана заботиться о ее благополучии и ни в коем случае не покушаться на ее богатства. Иосифлянская доктрина стала официальным направлением в русской общественной мысли, тесно связанным с государственной властью.

Основателем второго направления — доктрины «нестяжания» был Нил Сорский, который выступил с проповедью аскетизма и нравственного самоусовершенствования как основного средства поднятия авторитета церкви. Его идеал — прообраз раннехристианской общины с простой, нестяжательной трудовой жизнью всех ее членов. Социальной основой такого объединения должна была служить общая собственность, а источником доходов — общеобязательный труд.

Учение Нила Сорского довольно абстрактно. Оно было продолжено его учеником Вассианом Косым (Патрикеев В. И.), который пришел к более определенным выводам. Основываясь на теоретических постулатах своего учителя, Вассиан Косой конкретно поставил вопрос о лишении монастырей их владельческих прав и привилегий. Он настаивал вслед за своим учителем на необходимости четкого разграничения сфер деятельности

светской и церковной власти. Вассиан высказал ряд критических замечаний в отношении ортодоксальной церковной литературы, что способствовало развитию рационалистической критики богословских догм.

Взгляды Вассиана Косого во многом разделял Максим Грек, прибывший с Афона в Россию в 1518 г. для исправления и перевода богослужебных книг. Своей деятельностью он внес большой вклад в развитие культуры, познакомив русского читателя со многими ранее неизвестными произведениями. Он создал также много оригинальных сочинений, в которых выступил с критикой организации русской церкви, обличал монахов, писал о тяжелом положении монастырских крестьян. Максима Грека интересовали проблемы политического строя и организации верховной власти. Его идеал государственного строя близок к сословно-представительной монархии. Власть государя, считал он, необходимо ограничить законом, царь должен править вместе с мудрыми советниками и руководствоваться нормами христианской морали.

Критика нестяжателями официальной церкви независимо от того, с каких позиций она велась, имела объективно положительное значение в истории русской общественно-политической мысли.

Памятником поздней нестяжательной публицистики является «Беседа Валаамских чудотворцев», отличающаяся ярко выраженной светской направленностью. На первое место здесь выдвинуты вопросы государственного устройства, дано обоснование принципов сословно-представительной монархии. Автор «Беседы» разработал целую систему организации «совета» царя с «землей». Он рекомендовал создание постоянно действующего земского совета из представителей «от всех городов и от уездов градов тех». Этот совет должен был контролировать деятельность воевод, приказных людей и приближенных царя во избежание «бесчисленных властелинских грехов».

В середине XVI в. все заметнее становится процесс секуляризации общественно-политической мысли. Одним из оригинальных светских писателей-публицистов был Федор Карпов — дипломат, образованный человек, знакомый с древнегреческой философией и западной литературой. К решению политических проблем он подходил с рационалистических позиций, требуя соответствия всякого учения «естественным» законам. Главная его мысль состояла в том, что общество и государство должны строиться на

основе твердого закона, который призван оградить людей от своеволия сильных, от произвола злых, погрязших в пороках властителей.

Центральное место в светской публицистике XVI столетия занимает творчество Ивана Семеновича Пересветова. В своих челобитных, адресованных Ивану Грозному, он разработал стройную концепцию дворянского государства во главе с самодержавным царем, опирающимся на преданных слуг — «воинников». Он выдвинул программу реформ, затрагивавших различные сферы жизни общества. На задачи государства он смотрел через призму интересов одного сословия — дворянства. Для сочинений Пересветова характерно отсутствие интереса к церковным вопросам и аргументов религиозного порядка.

Усиление феодально-крепостнических отношений и обострение социальных противоречий заставляли публицистов из официальной среды все более обращать внимание на положение крестьян. В этой связи немалый интерес представляют труды одного из ярких мыслителей середины XVI в. Ермолая-Еразма, протопопа московского собора. Если нестяжатели затрагивали вопрос о положении крестьян лишь в связи с другими проблемами, то Ермолай-Еразм свой трактат «Благохотящим царем правительница и землемерие» посвятил специально крестьянскому вопросу. Прежде всего привлекает внимание высказанная им мысль о том, что основой общества являются крестьяне. Они создают главное богатство страны — хлеб, и только благодаря их труду могут существовать все остальные сословия: «Вельможи бо сут потребны, но ни от коих же своих трудов доволствующеся. В начале же всего потребны сут ратаеве: от их бо трудов ест хлеб, от сего же всех благих главизна». Обрисовав тяжелое положение крестьян, Ермолай-Еразм предлагал осуществить ряд мер, направленных на его облегчение, и прежде всего регламентировать повинности крестьян, заменить все поборы (как государственные, так и вотчинные) единой податью в размере одной пятой крестьянского дохода, причем брать ее не деньгами, а натурой. При этом публицист не сомневался в необходимости содержания служилого сословия за счет крестьян, не выступал против их зависимости от своих владельцев. Он лишь предостерегал от чрезмерной эксплуатации. Меры, которые он предлагал, защищали интересы власти и были направлены на предотвращение крестьянских выступлений.

Вопросы о характере царской власти и ее взаимоотношениях с подданными были основными в полемике между Иваном Гроз-

ным и князем Андреем Михайловичем Курбским, развернувшейся в 60—70-х гг. Политическая концепция Курбского изложена им в «Истории о великом князе Московском» и посланиях Ивану Грозному. Идеал Курбского — сословно-представительная монархия. Не подвергая сомнению принцип единовластия, т. е. необходимость единого и централизованного государства, он считает наилучшим вариантом монархию с выборным сословно-представительным органом, участвующим в решении всех важнейших дел в государстве: «Царь аще почтен царством... должен искать доброго и полезного совета не токмо у советников, но и всенародных чело-век». Назначение власти он видит в справедливом управлении на основе законов.

Иван IV решал вопрос о природе самодержавия исходя из иосифлянской доктрины. Из тезиса о божественном происхождении самодержавной власти он сделал вывод о ее неограниченном характере. Свои представления Иван Грозный выразил в формуле: «А жаловати есмя своих холопей вольны, а и казнити вольны же есмя». Царская власть не ограничена никакими законами и установлениями. Высший суд принадлежит только самодержцу, вид и меру наказания определяет сам царь. Иван даже обосновал свое право судить и наказывать не только за дела, но и за мысли.

Этот тезис сближал взгляды Грозного и Пересветова. Однако здесь были и существенные различия. Пересветов отстаивал идею сильной власти, но правящей на основе определенных законов («правды»). Иван IV доказывал свое право на любой произвол. Пересветов говорил о том, что опорой самодержавия должны быть служилые люди («воинники»). Грозный и не пытался сформулировать понятие о какой-либо определенной социальной опоре своей власти. Для него все подданные — «холопи», т. е. все равны в своем бесправии перед лицом самовластного монарха. Его концепция неограниченной власти, опирающейся только на свое божественное происхождение, — это оправдание опричного произвола, откровенно деспотических методов правления.

В ходе полемики между Иваном Грозным и Андреем Курбским столкнулись две политические концепции, сложившиеся в XVI в. и отражавшие две тенденции в формировании русской государственности в то время. Первая из них состояла в развитии принципа сочетания власти монарха, учреждений приказного аппарата с органами сословного представительства в центре и на местах. Вторая, проводимая самим царем, заключалась в утверждении прин-

ципа неограниченной монархии с установлением деспотического политического режима.

Целям идеологического обоснования самодержавия были подчинены и исторические сочинения, прежде всего летописи. В связи с этим значительно усилился официальный характер летописания. Для средневековья вообще характерно обращение к историческому материалу для обоснования определенных политических позиций. Летописание становилось государственным делом и, как правило, было связано с правительственными кругами. Включавшиеся в летопись предшествующие своды подвергались определенной обработке в политических целях.

Особенно большое внимание составлению исторических сочинений уделялось во время правления Ивана IV. В 50-х гг. был написан «Летописец начала царства великого князя Ивана Васильевича», охватывавший события с 1534 по 1553 г. и доказывавший необходимость сильной самодержавной власти. Была завершена работа над Никоновской летописью, в состав которой вошел и «Летописец начала царства». Это самый значительный по объему летописный свод, включивший в себя предшествующее летописание и большое количество повестей, сказаний и других произведений.

Самым официозным историческим сочинением этого времени была «Книга Степенная царского родословия». Это систематическое изложение русской истории в виде жизнеописаний великих князей от Владимира Святославича до Ивана Грозного. Все в «Книге» подчинено прославлению правящей династии, обоснованию божественного происхождения самодержавного правления, преемственности и непрерывности власти киевских и московских князей. В повествование вплетены и рассказы о деяниях митрополитов, что дает возможность ярче представить основную внутриполитическую идею того времени — о вечном и нерушимом союзе великокняжеской власти с церковью.

Образы князей предельно идеализированы. Они представлены христианскими подвижниками, исполненными богоугодных добродетелей и истинного благочестия, что приводило к необходимости «исправления» истории. Это выразилось в замалчивании одних фактов (например, о конфликтах светской власти с церковью) и включении в текст вымышленных или заимствованных из устной традиции эпизодов, отсутствовавших в летописных источниках. В «Книге Степенной» в еще большей мере, чем в летописании, сказалось распространившееся в XVI в. вольное обраще-

ние с материалом, подчинение исторического повествования политическим задачам.

Большое культурное значение имело предпринятое по инициативе и под руководством митрополита Макария составление «Великих Четых-Миней». Макарий поставил цель собрать воедино «все книги четы, яже в Русской земле обретаются». Большой коллектив писателей, редакторов, переписчиков более 20 лет трудился над осуществлением этого замысла. В результате был создан грандиозный свод оригинальных и переводных литературных памятников, состоящий из двенадцати томов большого формата (более 27 тыс. страниц). В него вошли сочинения, предназначавшиеся для «душеполезного» чтения. Их состав был подобран и утвержден церковью, чтобы регламентировать годовой «круг чтения» на каждый день.

Весь материал в этом своде расположен по месяцам. В состав каждого тома вошли жития всех святых, память о которых отмечается в данном месяце, и вся литература, прямо или косвенно связанная с этими святыми: сочинения греческих «отцов церкви» и русских церковных писателей, послания митрополитов, церковные уставы, грамоты. В него вошли также популярные на Руси сборники «Пчела», «Златая цепь», «Измарагд», а также «Повесть о разорении Иерусалима» Иосифа Флавия, «Космография» Космы Индикоплова, «Хождение» игумена Даниила и др. Конечно, далеко не все произведения, читавшиеся на Руси в XVI в., включены в этот свод. Здесь нет летописей и хронографов, а также сочинений, признанных церковью «неполезными». Тем не менее «Великие Четы-Минеи» — ценнейший памятник русской культуры. Это собрание произведений литературы до середины XVI в., многие из которых сохранились только благодаря тому, что были включены в этот свод.

3.4. Архитектура. Живопись

С конца XV в. наступает новый этап в развитии русского зодчества. Совершенствование городского ремесла, увеличение финансовых средств государства явились материальными предпосылками расширения масштабов каменного строительства как в культовой, так и в гражданской сфере. Новшеством этого времени стало распространение кирпича и терракоты, кирпичная кладка вытесняла традиционную белокаменную. Рост производства кирпича и его применения в строительстве открыл новые технические и художественные возможности для зодчих.

Объединение русских земель разрушало замкнутость местных архитектурных школ, способствовало их взаимопроникновению, взаимообогащению и формированию на этой основе общерусского архитектурного стиля, соединявшего простоту конструкции с усилением внешней декоративности.

Москва становилась общерусским художественным центром. Развернувшееся в ней грандиозное строительство привлекало внимание лучших специалистов из других княжеских центров. В Москву были приглашены итальянские мастера — Аристотель Фьораванти (Фиораванти), Марк Фрязин (неправильно Руффо), Пьетро Антонио Солари, Алевиз Фрязин (Новый) и другие, познакомившие русских мастеров с архитектурно-строительной техникой итальянского Возрождения.

Полностью был перестроен Московский Кремль, ансамбль которого получил окончательное оформление в конце XV — начале XVI в. Вид резиденции «государя всея Руси» должен был соответствовать возросшему значению и авторитету великокняжеской власти. Перестройка Кремля началась с возведения Успенского собора, порученного Аристотелю Фьораванти. Образцом для него послужил Успенский собор во Владимире. Однако московский Успенский собор (1475—1479) не был простым подражанием образцу. Фьораванти удалось создать совершенно новое, оригинальное произведение, в котором традиции русского зодчества были обогащены элементами итальянской архитектуры. Простой и ясный по своим формам, но в то же время грандиозный и торжественный, Успенский собор стал классическим образцом монументального церковного зодчества XVI в. Пятиглавие, венчавшее собор, получило распространение в строительстве и других церковных сооружений.

С русскими традициями связана архитектура Благовещенского собора, построенного псковскими мастерами в 1484—1489 гг. и являвшегося частью великокняжеского дворцового комплекса. В его внешнем облике сочетаются псковские, владими́ро-суздальские и раннемосковские черты.

В 1505—1508 гг. Алевиз Фрязин построил Архангельский собор, во внешнем облике которого ярко выразились светские черты, наметившиеся уже в архитектуре Успенского собора. Сохранив основную конструкцию (куб, увенчанный пятиглавием), зодчий отступил в наружном убранстве собора от древнерусских традиций, применив пышные архитектурные детали итальянского Ренессанса.

Кроме культовых сооружений, в Кремле возводились и светские постройки. Строится новый великокняжеский дворец, который, согласно старым традициям, состоял из отдельных зданий, связанных между собой переходами, крыльцами, сенями. От этого дворца сохранилась Грановитая палата (Марк Фрязин и Пьетро Антонио Солари, 1487—1491). Она служила в качестве тронного зала, в котором происходили торжественные дворцовые церемонии и приемы иноземных послов. Палата представляет собой просторное квадратное помещение с мощным столбом посередине, на который опираются четыре крестовых свода. В 1485 г. началось возведение кирпичных стен и башен Московского Кремля. При этом зодчие решали не только фортификационные, но и художественные задачи. Стены и башни Кремля вместе с остальными его зданиями составили единый живописный ансамбль. Архитектурным центром его стала построенная в 1505—1508 гг. столпообразная церковь-колокольня Ивана Лествичника (Иван Великий). В этом ансамбле получили воплощение идеи величия и силы единого Российского государства.

Примеру Москвы следовали и другие города. По образцу московских Успенского и Архангельского соборов были воздвигнуты соборы в Волоколамске, Дмитрове, Угличе, Ростове, а также в больших монастырях: Пафнутьево-Боровском, Кирилло-Белозерском, Хутынском монастыре под Новгородом, Лужецком монастыре под Можайском и др. Каменные дворцы появлялись и в удельных столицах. От построенного в Угличе в конце XV в. дворца сохранилась парадная палата, сложенная из кирпича и богато украшенная узорчатой кирпичной кладкой в верхней части фронтонов.

В культовом зодчестве, кроме создания монументальных соборов по образцу московских, существовало и другое направление, связанное со строительством небольших посадских и вотчинных храмов. Изобретение новой системы кирпичных перекрытий — так называемого крещатого свода — привело к возникновению нового типа построек — небольшого бесстолпного храма с единым пространством. В посадских храмах более отчетливо проявлялись светские элементы.

Еще в XV в. выявилось стремление русских зодчих придать зданию динамичную устремленность вверх (например, собор Спасо-Андроникова монастыря в Москве). Это нашло выражение также и в строительстве столпообразных церквей. Дальнейшее развитие этой тенденции, поиски новых архитектурных форм привели к

возникновению шатрового стиля. В шатровых постройках наиболее ярко выразилось национальное своеобразие русского зодчества. Новый стиль решительно порывал с традиционным, заимствованным из Византии крестово-купольным типом храма. Внедрение этой чисто русской формы в церковное строительство стало важной победой народного начала в архитектуре, одним из источников которого было деревянное зодчество: шатровые храмы возводились «на деревянное дело», т. е. по образцу деревянных шатровых построек. Появление этого стиля — наивысшее достижение русской архитектуры XVI в.

Самый выдающийся памятник каменной шатровой архитектуры — храм Вознесения в Коломенском (в Москве), воздвигнутый в 1532 г. Идея устремленности вверх, подъема, воплощенная в церкви Вознесения, отразила духовную атмосферу первой половины XVI в., рост национального самосознания. Восхищение современников этой постройкой летописец выразил следующими словами: «...бе же церковь та велми чюдна высотой и светлостию, такова не бывала прежде того на Руси».

Неповторимо своеобразен храм Иоанна Предтечи (1547) в Дьякове недалеко от Коломенского. Он интересен своей архитектурно-планировочной композицией: центральный столпообразный храм, выполненный в виде многоярусной башни, окружен четырьмя столповидными приделами. Храмы Вознесения и Иоанна Предтечи явились важными вехами на пути к созданию главного памятника эпохи — Покровского собора (1555—1560) на Красной площади в Москве (его называют также собором Василия Блаженного по имени знаменитого юродивого, погребенного в одном из его приделов). Собор Покрова «на рву», воздвигнутый в честь взятия Казани, представляет собой группу из девяти столпообразных храмов, размещенных на общем постаменте — высоком подклете — и объединенных внутренними переходами и наружной галереей — гульбищем. Центральный храм увенчан большим шатром, вокруг которого расположились купола восьми приделов. Все они имеют форму «восьмерика», традиционную для деревянного зодчества. Необычайно богато и разнообразно архитектурно-декоративное убранство. Малая внутренняя площадь храма (в отдельных приделах помещается не более 5—6 человек), его пышное наружное убранство и живописность композиции говорят о том, что Покровский собор был рассчитан на внешнее восприятие, представлял собою скорее храм-памятник, чем культовое сооружение. Соединение на об-

щей основе девяти различных, не похожих друг на друга церквей символизировало объединение русских земель и княжеств в единое государство.

Усиление консервативных тенденций в жизни страны во второй половине XVI в. сказалось и на архитектуре, что выразилось в строительстве храмов традиционного типа по образцу московского Успенского собора. Такими упрощенными, неудачными подражаниями Успенскому собору стали громадный Софийский собор в Вологде (1570) и массивный Успенский собор Троице-Сергиева монастыря.

В XVI в. огромный размах получило крепостное строительство, в котором нашли отражение достижения в области военно-инженерной мысли. Но при этом решались и практические задачи градостроения. Крепостные сооружения этого времени представляют собой целостные архитектурные ансамбли, они играли большую роль в формировании облика городов, определяли их общую планировку.

В 1508—1511 гг. были возведены каменные стены Нижегородского кремля. Затем были построены кремли в Туле (1514), Коломне (1525—1531), Зарайске (1531), Серпухове (1556) и в других городах, реконструированы стены Новгородского кремля. В Москве в 1535—1538 гг. была возведена вторая линия укреплений, опоясавшая торгово-ремесленный район столицы — Китай-город. Мощными крепостями стали и многие монастыри: были построены каменные стены и башни Троице-Сергиева, Кирилло-Белозерского, Соловецкого, Пафнутьево-Боровского, Иосифо-Волоколамского и других монастырей.

Грандиозное крепостное строительство требовало огромных материальных средств и большого количества рабочей силы. Оно могло успешно вестись только при централизованном государственном руководстве. В связи с этим в 80-х гг. был создан Приказ каменных дел. Одной из первых проведенных им работ было возведение в 1585—1593 гг. третьей линии каменных укреплений Москвы — Белого города. Работами руководил известный «городовых дел мастер» Федор Конь. Итогом развития русского крепостного зодчества в XVI в. стал построенный Федором Конем грандиозный Смоленский кремль (1595—1602), в котором техническое совершенство сочеталось с изяществом архитектурного оформления. Борис Годунов назвал этот город-крепость «ожерельем всей Руси... на зависть врагам и на гордость Московского государства...».

Среди всех видов искусства архитектура в XVI в. получила наибольшее развитие, сделала огромный шаг вперед.

Идейная обстановка конца XV—XVI в. сказалась на развитии живописи. Крупнейшим представителем московской школы живописи последней четверти XV — начала XVI в. был Дионисий (около 1440 — после 1502—1503). Современники называли его художником, «пресловущим паче всех», т. е. знаменитейшим. Он написал ряд икон, часть фресок Успенского собора Московского Кремля, расписал собор Рождества Богородицы Ферапонтова монастыря. Его работам свойственны утонченный рисунок, изысканный колорит, пышная декоративность. Они пронизаны настроениями торжественной праздничности, светлой радости, со звучащими духу времени.

Для живописи XVI в. характерны расширение круга тем, возрастание интереса к сюжетам из всемирной и особенно русской истории. Все большее влияние на идейное содержание живописи оказывала официальная идеология. Прославление и возвеличение царской власти и церкви становились основной темой творчества мастеров, выполнявших заказы великого князя и митрополита.

Официальная государственная идея об исторической преемственности власти московских князей от князей владимирских и киевских, а через них — от византийских императоров воплотилась в росписи Благовещенского собора (в Москве), выполненной под руководством Феодосия, сына Дионисия. Здесь изображены византийские императоры и императрицы и наиболее чтимые русские князья.

Та же идея отразилась в несохранившейся, но известной по описанию XVII в. росписи Золотой палаты Кремлевского дворца (1547—1552). Наряду с библейскими рассказами и притчами, использованными для прославления в иносказательной форме деятельности Ивана Грозного, в ней широко были представлены темы русской истории: принятие христианства в Киевской Руси, легендарное венчание князя Владимира венцом Мономаха и др. Здесь же были изображены аллегорические фигуры — «Целомудрие», «Разум», «Правда».

В середине XVI в. в Москве была написана большая, длиной в четыре метра, икона-картина «Церковь воинствующая», посвященная реальному историческому событию — взятию Казани. На ней изображено торжественное шествие «победоносного воинства» во главе с царем Иваном Грозным. Среди воинов —

князь Владимир с сыновьями Борисом и Глебом, Александр Невский, Дмитрий Донской и другие прославленные князья-военачальники. Впереди на крылатом коне летит предводитель «небесного воинства» архангел Михаил. В центре — фигура византийского императора Константина с крестом в руке, навстречу которому летят ангелы. Войско встречает Богородицу с младенцем. Идейный замысел этой аллегории — подчеркнуть значение религии и церкви, истолковать военный успех как результат покровительства небесных сил, а подвиг русских воинов — как служение православию.

С возрастанием интереса к историческим темам связано развитие жанра исторического портрета, хотя изображения реальных лиц носили условный характер. Примечательна в этом отношении роспись галереи Благовещенского собора (1563—1564), где наряду с изображениями московских князей, начиная с Даниила Александровича, помещены и изображения «античных мудрецов» — Аристотеля, Гомера, Вергилия, Плутарха и др.

Церковь, опасаясь еретического вольномыслия в иконописании, стремилась к регламентации живописи, к подчинению ее определенным канонам. Вопросы живописи рассматривались на церковных соборах. Стоглавый собор в 1551 г. принял постановление о введении лицевых иконописных подлинников-трафаретов для изображения святых и целых композиций. Иконописцы должны были писать «с древних образцов, а от сомышления бы своими догадками божества не описывали». Специальные старосты из «нарочитых мастеров» обязаны были следить за соблюдением всех этих требований. Собор 1554 г. вынужден был узаконить символическо-дидактический жанр, разделив живопись на два вида: «письмо бытейное» (традиционные евангельские и библейские сюжеты) и «письмо притчам» (композиции на темы притч, житий святых, литургических песнопений).

Регламентация художественного творчества, подчинение его церковным канонам отрицательно сказались на развитии живописи. Однако полностью остановить этот процесс церковь не могла. И в этих сложных условиях новые веяния пробивали себе дорогу, хотя и с большим трудом. Более заметны они в творчестве мастеров, связанных с посадскими кругами, и в первую очередь в городах Среднего Поволжья — Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде. Шел процесс накопления элементов нового направления в живописи, которое отчетливо проявилось уже в XVII столетии.

Глава 4

Культура XVII в.

В истории русской культуры, как и в истории России в целом, XVII столетие завершает период средневековья, и примерно со второй половины XVII в. начинается новый период. Во всех сферах общественной жизни происходят заметные изменения. В этом столетии, как и в следующем, Россия продолжала оставаться самодержавно-крепостнической страной с феодальной основой экономики и государственности. Эта система продолжала укрепляться, что нашло свое выражение в окончательном оформлении системы крепостного права Соборным уложением 1649 г. Одновременно все большее значение приобретали новые явления в социально-экономической жизни, выразившиеся в развитии общественного разделения труда и товарного производства, в начавшемся процессе формирования всероссийского рынка. Это привело к появлению первых, еще неустойчивых и слабых элементов буржуазных общественных отношений, что и позволяет считать XVII век началом нового периода русской истории.

Противоречивость общественного развития предопределила небывалый размах народной борьбы. Недаром современники называли XVII век «бунташным». Две крестьянские войны, целая серия городских восстаний середины века, прокатившихся по всей стране, знаменитый Медный бунт 1662 г., стрелецкие восстания конца столетия — это лишь одни из самых ярких проявлений народного недовольства. К этому следует добавить обострение внутриполитической борьбы, конфликты между церковью и светской властью, борьбу внутри самой церкви, которая привела к ее расколу, и выступление купечества со своими сословными притязаниями. Конфликты и потрясения, которыми заполнен весь XVII век, отразились в культуре, придав многим ее памятникам невиданную социальную остроту.

Эти обстоятельства заставляли правящий класс совершенствовать и укреплять государственный аппарат. Все более заметной тенденцией в развитии политического строя становилось усиление централизации власти, ее эволюция от сословно-представительной монархии в сторону абсолютизма.

С зарождением буржуазных элементов начался новый этап этнического развития русского народа — формирование русской на-

ции. Развитие экономических связей, укрепление государственного единства, объединение больших масс людей в ходе крестьянских войн, длительные войны с внешними врагами, людские потоки, направлявшиеся в поисках воли в южные степи и далекую Сибирь, — все это способствовало ликвидации местной обособленности, росту национального самосознания. Обобщение накопленных веками традиций, их распространение вширь, усиление взаимопроникновения и слияние местных говоров, обычаев, особенностей быта вели к развитию общности культуры русского народа. Однако этот процесс только начинался и шел очень медленно. Одним из главных факторов, тормозивших его, было крепостное право, прикреплявшее крестьян к земле, а посадских людей — к посадам.

Изменения в общественной жизни предопределили основное направление развития культуры и ее особенности. Главное, что характеризовало содержание культурно-исторического процесса в XVII в., — это начавшееся разрушение традиционного средневекового мировоззрения, религиозного по своей сути. Шел процесс «обмирщения» культуры, т. е. придания ей светского характера.

Это было связано с ростом демократических тенденций в русской культуре. Церковь теряла ведущую роль в производстве и распространении идей и культурных ценностей, в этот процесс все шире включалось ремесленно-торговое городское население. В его среде формировались новые идеалы и представления, моральные и эстетические нормы и вкусы, вступающие в противоречие с аскетическими канонами, утверждавшимися церковью. Крепло представление о самоценности земной жизни с ее радостями и невзгодами, возрастало внимание к самому человеку, к его роли в событиях и в определении собственной судьбы, осознавалось значение его активной деятельности. Подобные взгляды и настроения распространялись и в придворных кругах, среди дворянства и приказной бюрократии. Особенно сильно они проявились в литературе, живописи, в произведениях исторической и общественной мысли.

Возрастание роли демократических элементов в искусстве, литературе усиливало влияние народной культуры на официальную культуру. Литература обогащалась фольклорными сюжетами, литературный язык сближался с живым народным языком. Влияние народного творчества явно проявлялось и в архитектуре, и в живописи и, безусловно, преобладало в прикладном искусстве.

Государственные потребности, общенациональные интересы, все более осознаваемая необходимость преодоления экономической и культурной отсталости России настоятельно требовали использования достижений европейских стран. С ростом международных политических и экономических связей России ширились и ее культурные контакты. О достижениях западноевропейской культуры русские люди узнавали от своих соотечественников, побывавших за границей в составе дипломатических миссий, с торговыми целями или в плену.

Увеличивался приток иностранцев в Россию: купцов, специалистов в различных отраслях производства, поступавших на государственную службу. Слободы торговых и служилых иностранцев существовали в Москве (более 1000 человек в середине века), в Вологде, Нижнем Новгороде, Астрахани, Архангельске, Холмогорах, Туле. Пленных иностранцев правительство расселяло большими партиями во внутренних городах страны вплоть до Сибири. Все более тесным становилось общение русских людей с иностранцами, активизировались культурные связи со странами Западной Европы. Постепенно, хотя и не всегда гладко, преодолевалось утверждавшееся церковью представление о национальной исключительности.

Новые явления развивались в борьбе с традициями средневековой культуры, базировавшейся на религиозном мировоззрении. Консервативные силы в этой борьбе возглавляла церковь. Отстаивая незыблемость традиционной культуры, она противилась свободомыслию, отходу от средневековых канонов, препятствовала распространению светских знаний, занимала враждебную позицию по отношению к любым новшествам, особенно идущим с «еретического» Запада. Борьба светского и религиозного направлений и составляла основное содержание развития русской культуры XVII в.

4.1. Просвещение

Важным показателем и одновременно условием развития культуры было распространение грамотности и просвещения. Этот процесс стимулировался развитием городской жизни, оживлением торговой и промышленной деятельности, появлением первых мануфактур, расширением и усложнением системы государственного аппарата, ростом связей с зарубежными странами. Особенно вырос уровень грамотности посадского населения. В Москве в 80-е гг. XVII в. 24 % посадских людей (взрослого мужского насе-

ления) были грамотными. Для посадского человека овладение грамотой было необходимо не только для занятий торговлей и ремеслом, оно открывало возможность поступления на службу в какой-нибудь приказ или воеводскую канцелярию и таким образом выхода из тягла. Только в московских приказах к концу века служило более 1600 дьяков и подьячих. Кроме того, в городах были и «площадные» подьячие, которые «кормились площадным письмом», т. е. составлением разного рода юридических документов.

Заметно распространилась грамотность в среде дворянства. Если в первой половине столетия среди воевод и дворян, выполнявших различные правительственные поручения, нередко оказывались неграмотные или малограмотные, то во второй половине века таких практически не было. Встречались грамотные люди и в среде черносошного крестьянства. Однако крепостное крестьянство в массе своей продолжало оставаться неграмотным. Слабо распространялась грамотность среди женского населения. Даже в семьях знати и крупного купечества женщины, как правило, были неграмотны.

О растущем стремлении к овладению грамотой свидетельствовали широкое распространение печатных и рукописных учебных пособий и большой спрос на них. Изданная впервые в 1634 г. «Азбука» Василия Бурцова-Протопопова переиздавалась несколько раз и продавалась по доступной цене (по 1 копейке). Ее огромные по тому времени тиражи (до 2400 экземпляров) расходились иногда за несколько дней. Во второй половине века Московский печатный двор выпустил более 300 тыс. пособий для обучения чтению и около 150 тыс. учебных Псалтырей и Часословов. В 1648 г. впервые в России вышла «Грамматика» Мелетия Смотрицкого, а в 1682 г. — таблица умножения («Считание удобное»), предназначенная для «купающих или продающих».

Широкое хождение имели также и рукописные азбучовники, прописи и пособия по арифметике — «цифирные счетные мудрости».

Грамоте обучались в семье (если был грамотный человек) или у «мастеров» (главным образом из низшего духовенства). Учили чтению, письму и счету. Но в семьях знати становилось обычным обучение детей учителями-иностранцами либо из белорусов и украинцев, которые могли дать более широкое образование. Многие обучали своих детей иностранным языкам. Так, сын боярина А. Л. Ордина-Нащокина говорил на нескольких иностранных языках, а боярин А. С. Матвеев сам учился вместе с сыном латыни

и греческому языку. Дети царя Алексея Михайловича обучались латыни и польскому языку. Знание иностранных языков, прежде всего латинского и польского, не было редкостью в кругах феодальной знати и в приказной среде.

С распространением грамотности повысился спрос на книги, в связи с чем Печатный двор значительно увеличил их выпуск. Если за вторую половину XVI в. было напечатано 18 книг, то в течение XVII столетия было выпущено уже 483 издания. Начали выходить книги светского содержания, среди них «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей», «Соборное уложение», «Грамматика» Мелетия Смотрицкого. Но таких изданий, не считая пособий для обучения чтению, было всего семь. В основном печатались богослужебные книги (85 % всех изданий) и книги для чтения религиозного содержания. Книгопечатание находилось в ведении церкви, и потому издательская деятельность определялась ее интересами.

В России распространялись и издания украинских и белорусских типографий. Но церковные власти относились к ним с большим подозрением, подвергали строгой цензуре и запрещали их продажу. Несмотря на запреты, иностранные печатные книги проникали в Россию. Однако их тематика не удовлетворяла интересы русского читателя. Поэтому в XVII в. значение рукописных книг не уменьшилось. Они восполняли пробелы в тематике печатных изданий, в большей степени отражали изменения, происходившие в культуре.

Если прежде приоритет в переписке и издании книг принадлежал духовенству (в частности, монастырским книгописным мастерским), то теперь этим делом все больше начали заниматься представители демократических слоев светского населения — посадские люди, подьячие и т. п. Именно с этой средой связаны становление и развитие демократического направления в литературе, возникновение новых жанров — демократической сатиры, бытовой повести.

С 70-х гг. XVII в. изготовление роскошных рукописных книг светского содержания и разнообразной тематики развернулось в Посольском приказе, но выпускались они в нескольких экземплярах и предназначались для царского двора. Здесь же осуществлялась работа по переводу иностранных книг. Интерес к переводной литературе заметно возрос: если за весь XVI в. было переведено 26 книг, за первую половину XVII в. — 13, то за вторую — 114. Причем из этих 153 книг только 37 было религиозно-нравств-

венного содержания, остальные — светского (естественнонаучная и художественная литература, книги по истории, географии, военному делу).

Изучение владельческих записей на книгах, описей имущества и частных книжных собраний позволяет выявить степень распространения книги в различных социальных слоях, тематику литературы, определить характер интересов тех или иных групп населения и отдельных личностей.

Книга получила широкое распространение среди самых различных слоев общества. Крупными книжными собраниями (до нескольких сотен томов) обладали члены царской семьи, бояре, архиереи, настоятели монастырей и т. д. Владельцами книг были также дьяки и подьячие, купцы и мелкий посадский люд, рядовые дворяне и представители низшего духовенства, крестьяне и даже дворовые люди. Таким образом, книга проникла во все слои русского общества.

Несмотря на преобладание литературы религиозного содержания, у русского читателя этого времени явно возрастал интерес к светской книге, причем это было характерно для всех слоев населения, даже для духовенства. Светская книга начинала играть все большую роль в жизни общества.

Потребность в образованных людях приводила к необходимости создания школ, которые могли бы дать более глубокое и систематическое образование. В России был использован опыт организации подобных школ на Украине и в Белоруссии, где они давно уже существовали. Оттуда же привлекались и образованные люди, которые стали работать в различных сферах культурно-просветительной деятельности — «справщиками» (редакторами) на Печатном дворе, переводчиками иностранных книг, учителями в частных домах и во вновь открываемых школах. Так, в 1649 г. в Москву были вызваны ученые монахи Епифаний Славинецкий, Арсений Сатановский и Дамаскин Птицкий. В том же году видный государственный деятель боярин Ф. М. Ртищев пригласил из Киева в Москву около 30 ученых монахов и организовал школу в основанном им Андреевском (Преображенском) монастыре. Там преподавали славянский и греческий языки, риторику, философию и другие дисциплины.

Инициатива создания школ исходила и от посадских людей. В 1667 г. прихожане церкви Иоанна Богослова в Москве просили о разрешении устроить при ней школу («гимнасион») для преподавания «грамматической хитрости, языков словенского, греческо-

го, латинского и прочих свободных учений» по образцу украинских училищ. Разрешение им было дано.

Есть сведения о существовании на посаде еще нескольких начальных школ. С начала 50-х гг. действовала школа при кремлевском Чудове монастыре. Она была создана на средства Патриаршего двора и находилась под его контролем. Сначала эту школу возглавлял грек Арсений, позже в ней преподавал и Елифаний Славинецкий.

В 1664 г. в Москву приехал Симеон Полоцкий, ставший учителем царских детей. Широко образованный по тому времени человек, автор ряда ученых трудов, поэт, писатель, переводчик, книгоиздатель, С. Полоцкий внес большой вклад в развитие просвещения в России. В 1665 г. он возглавил открытую в Заиконоспасском монастыре школу, для которой построили специальное здание. Это была государственная школа, в которой готовили подьячих для центральных правительственных учреждений. В ней преподавали русскую грамматику, латинский язык и «словесное учение», т.е. риторику. Позже этой школой руководил ученик С. Полоцкого — Сильвестр Медведев.

Вопросы о характере, целях и содержании образования, о преимуществах изучения латинского или греческого языка стали предметом оживленных споров между «латинствующими» и «грекофилами». Более прогрессивную позицию занимали «латинствующие», возглавляемые С. Полоцким, а после его смерти — С. Медведевым. Выдвинув схоластический тезис о непротиворечивости веры и знания, о том, что «свободные науки» (светские знания) не только не противоречат истинной вере, но и необходимы для усвоения вероучения, они выступали за более широкое светское образование, хотя и в рамках церковной идеологии, за приобщение к европейской культуре через распространение латинского языка и литературы. Их противники — «грекофилы», опиравшиеся на консервативные круги духовенства, — ориентировались на греческую православную культуру, отстаивали незыблемость древних церковных традиций, выступали за узкобогословское направление в образовании. Особенно обострилась эта борьба в 80-е гг. «Латинствующие» пользовались покровительством при дворе, их поддерживали В. В. Голицын и царевна Софья, а «грекофилы» опирались на поддержку патриарха Иоакима. Свержение Софьи в 1689 г. привело к временному торжеству «грекофилов».

В 1681 г. по инициативе патриарха на Печатном дворе была организована школа «греческого чтения, языка и письма» (Типо-

графская школа), которую возглавили русский монах Тимофей и грек Мануил. Через пять лет в ней обучались уже 232 ученика.

В 1687 г. было открыто первое в России высшее учебное заведение — Славяно-греко-латинское училище (с 1701 по 1775 г. — Славяно-латинская академия). Руководили им ученые греки — братья Софроний и Иоанникий Лихуды, получившие образование в Падуанском университете в Италии. Это учебное заведение было открыто для людей «всякого чина, сана и возраста» и предназначалось для подготовки кадров высшего духовенства и чиновников государственной службы. Оно сыграло большую роль в развитии просвещения и образования в России в конце XVII — первой половине XVIII в., из его стен вышли многие видные ученые, ставшие гордостью русской науки.

4.2. Научные знания

Развитие ремесла и торговли, рост связей с западноевропейскими странами создали предпосылки для дальнейшего накопления научных знаний. Они носили преимущественно прикладной, практический характер, без теоретического осмысления и попыток привести их в стройную систему. Как и прежде, они вырабатывались эмпирическим путем, в процессе производственной деятельности. Существенную роль в расширении этих знаний сыграла западноевропейская научная литература с ее рационалистическим подходом к объяснению природных явлений. Однако в Россию попадали далеко не самые передовые научные идеи, да и литература эта имела ограниченный круг читателей. В основном имела хождение еще старая литература с богословско-мистическим истолкованием природы.

Новым для XVII в. является появление письменных руководств, обобщавших производственный опыт и помогавших решению практических задач. Письменность становилась важным средством закрепления и распространения производственного опыта и практических знаний.

Одним из таких практических руководств являлась «Книга сошного письма», содержавшая знания в области геометрии и способы их применения при измерении земельных площадей. В начале века «трубным мастером» Семеном из г. Тотьмы была составлена «Роспись, как зачать делать новая труба на новом месте» — руководство по установке рассолоподъемных труб на соляных промыслах.

Онисим Михайлов (наст. фам. — Родышевский) в 1621 г. составил «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки», основанный на иностранных источниках, но существенно переработанный им и дополненный собственными наблюдениями. Составитель обобщил тот практический опыт, который уже имелся у русских пушкарей. «Устав» содержал практические сведения из области математики (измерение расстояния до цели с помощью теоремы Пифагора), физики (о связи дальности с калибром орудия, о разнице в удельном весе свинца и железа, о способах улавливания звука); в нем было дано описание приборов, употреблявшихся в артиллерии, — компаса, «четверогранца» (угломерный прибор). В «Уставе» подробно изложены практические сведения из области химии, необходимые при изготовлении и применении взрывчатых веществ. Познания в области практической химии нашли отражение также и в многочисленных пособиях по приготовлению чернил, красок, олифы и т. п.

Практическим характером отличались и медицинские знания, основанные на многовековом опыте народной медицины. Широко были распространены различные «Травники» и «Лечебники», оригинальные и переводные, содержавшие описания различных трав и их лечебных свойств, а также наставления по их собиранию и использованию. Опираясь на опыт народной медицины, холмогорский архиепископ Афанасий составил в 1696 г. «Лечебник» с описанием болезней и средств против них.

Большое значение в развитии медицинских знаний имела деятельность Аптекарского приказа, в котором наряду с врачами-иностранцами работали русские лекари и «алхимики» (фармакологи). Приказ ведал и подготовкой специалистов, лекарские ученики получали образование под руководством докторов. При нем существовала богатая библиотека медицинской и другой естественнонаучной литературы. Получивший образование в Аптекарском приказе русский лекарь Иван Венедиктов составил «Фармакопею» на основании иностранных источников, но дополнил их собственными наблюдениями.

Знания по анатомии приобретались из переводных книг. Епифаний Славинецкий перевел труд основоположника научной анатомии Андреаса Везалия «О строении человеческого тела» (XVI в., перевод не сохранился).

Практическими потребностями в точных календарных исчислениях, необходимых для хозяйственной деятельности и определения времени церковных праздников, объяснялся интерес к

астрономии. Распространенные в то время переводные и компилятивные сочинения по астрономии основывались на птолемеевском положении о Земле как центре Вселенной (геоцентрическая система). Но в середине XVII в. в Россию стали проникать и сочинения, знакомившие с гелиоцентрической системой Н. Коперника: труд В. и И. Блеу «Позорище [обозрение] всяя Вселенные, или Атлас новый» (первый том переведен Е. Славинецким), а также книга польского астронома Я. Гевелия «Селенография, или Описание Луны». Но эти переводы не были широко известны. Подавляющее большинство населения продолжало придерживаться традиционных средневековых взглядов на мироздание. Любое свободомыслие преследовалось церковью. Попытку соединить западноевропейские астрономические теории с библейским учением о сотворении мира предпринял в своей работе «Шестоднев» Афанасий Холмогорский, который исходил из геоцентрической системы Птолемея, но Земля уже представлялась ему не плоским, а шарообразным телом.

О растущем интересе к астрономии свидетельствовало распространение в России различных астрономических приборов, в том числе и подзорной трубы, изобретенной в Голландии в 1608 г. Уже в 1614 г. она появляется в России, где ее использовали и для наводки орудий при артиллерийской стрельбе.

Развитие торговли, оживление дипломатических связей, освоение новых земель способствовали развитию географических знаний. XVII век — век великих русских географических открытий, явившихся большим вкладом в мировую науку.

Расширились и были существенно уточнены географические представления о территории собственной страны. Еще на рубеже XVI и XVII вв. была составлена сводная карта Русского государства («Большой чертеж»), которая не сохранилась. В 1627 г. в Разрядном приказе была создана «Книга Большому чертежу», представлявшая собой комментарий к общей карте и содержавшая перечень городов с указанием расстояний между ними и некоторые этнографические сведения. Она пользовалась большой популярностью. Составлялись также «чертежи» (карты) различных районов государства и различные географические справочники практического назначения («дорожники»).

Особенно крупные успехи были достигнуты в изучении Сибири. Русские мореходы и землепроходцы были не только первооткрывателями «новых земель», но и пытливыми исследователями Сибири. Их интересовало все: пути, реки, залежи руд, раститель-

ный и животный мир, возможности охоты, рыболовства, земледелия, состав и численность населения, язык, нравы и обычаи различных народов. Многочисленные сведения, собранные землепроходцами и зафиксированные в их донесениях («скасах» и «отписках»), послужили фундаментом последующих знаний о Сибири. Их отчеты обрабатывались, обобщались, на их основе составлялись сводные чертежи и географические обзоры отдельных районов и Сибири в целом: «Роспись Сибирским городам и острогам» (около 1640); «Годуновский чертеж» (по имени тобольского воеводы П. И. Годунова, 1667); «Чертеж Сибирской земли» (1672) и, наконец, знаменитая «Чертежная книга Сибири» (Атлас) С. У. Ремезова (1701).

Сведения о географии зарубежных стран собирались русскими посольствами и обобщались в «статейных списках» (отчетах послов). Во время посольства И. Петлина (1618—1619) и Ф. Байкова (1654) в Китай были собраны богатые сведения об этой стране и составлены ее описания, получившие известность не только в России, но и в Западной Европе. Особенно большое значение имела поездка в Пекин в 1675—1678 гг. русского посольства во главе с Спафарием. Это было не только посольство, но и настоящая научная экспедиция, одной из задач которой было подробное описание Сибири и Китая. Научным результатом экспедиции явились статейный список посольства, дорожный дневник Спафария и две его книги — «Описание первья части Вселенныя, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство...» и «Сказание о великой реке Амуре». Участник экспедиции Н. Ванюков составил историко-географический очерк «Описание новые земли, сиречь Сибирского государства». Более подробного описания Китая к тому времени в Европе не было.

Русские первопроходцы опередили европейцев в деле изучения Азии, их открытия оказали большое влияние на европейскую географическую науку. Карты и описания, сделанные русскими специалистами, привлекли большое внимание иностранцев, которые широко использовали их при составлении карт и написании научных трудов.

Существенные изменения происходили в развитии исторических знаний. Об усилении интереса к прошлому свидетельствуют многочисленные списки различных сочинений по истории и их широкое распространение среди представителей разных социальных слоев населения. Из всей светской литературы именно исторические сочинения пользовались наибольшей популярностью. Рас-

ширился круг не только их читателей, но и их создателей. Из демократических слоев выходили произведения, близкие по своему характеру к устному народному творчеству: «Повесть об Азовском осадном сидении», полулегендарные повести о начале Москвы, сказания о ранней славянской истории, о начале русской государственности. Возросший интерес к прошлому своей страны отражал рост национального самосознания, начавшийся процесс формирования русской нации.

Провиденциализм (лат. *providentia* — провидение) — характерное для средневековья воззрение, объясняющее ход исторических событий волей провидения замысла Божьего, — постепенно уступал место поиску реального истолкования событий. Авторы многочисленных повестей и сказаний о Смуте начала XVII в., стремясь разобраться в событиях и выяснить их причины, уже не могли ограничиться ссылкой на волю провидения. Возрос интерес к личности, к значению человеческой воли и разума в историческом процессе. Все более утверждалось прагматическое понимание истории, взгляд на события как следствие деяний людей.

С этим связано и разрушение традиционных форм исторических сочинений. В XVII в. еще продолжали составляться летописи. Наиболее значительным произведением этого жанра был «Новый летописец». Но постепенно летописная форма изложения материала уступала место другим видам исторических сочинений. Появлялись произведения, посвященные одной теме и отличавшиеся цельностью содержания: повести о Смуте, сочинение С. Медведева «Созерцание краткое...», посвященное истории стрельцовых волнений в 1682 г. После неудачных Крымских походов и накануне Азовских походов в 1692 г. Андрей Лызлов написал «Скифскую историю», в которой осветил историю борьбы России и ее соседей с татаро-турецкими завоевателями («скифами»). Это было уже монографическое исследование одной проблемы, вполне светское историческое произведение, выполнявшее определенную политическую задачу.

Большую роль в распространении исторических знаний сыграла книга украинского ученого Иннокентия Гизеля «Синописис», напечатанная в Москве в 1678 г. с киевского издания 1674 г. Эта книга — первое печатное историческое произведение — содержала краткий обзор русской истории с древнейших времен до 70-х гг. XVII в. Она стала одной из самых популярных книг. Выдержав в дальнейшем около 30 изданий, «Синописис» на протяжении всего последующего столетия выполнял роль учебника по русской истории.

4.3. Общественная мысль

Бурные события начала XVII в. вызвали к активному участию в политической борьбе народные массы, различные социальные слои, привели к сдвигам в общественном сознании, поколебали сложившиеся ранее политические и социальные теории. Осмысление событий в целом, сопоставление теорий и практики, приведение их в соответствие с исторической реальностью и накопившимся опытом — все это оказало влияние на развитие русской общественной мысли в первой половине века.

Постоянное обращение к событиям начала XVII в. для выдвижения определенных политических идей и их подтверждения — характерная черта публицистики этого времени. Поэтому те или иные взгляды находили выражение именно в форме исторических сочинений о Смуте и проявлялись в отборе тех или иных фактов и в их интерпретации, объяснении их причин, в оценке позиций различных социальных и политических групп и деятелей. К подобным сочинениям принадлежали «Сказание, киих ради грех...», «Временник» дьяка Ивана Тимофеева, «Сказание» келаря Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына, «Иное сказание», «Повесть книги сея от прежних лет» (приписываемая князю И. М. Катыреву-Ростовскому), сочинение князя Ивана Хворостинина «Словеса дней и царей...», «Новый летописец», отразивший официальную позицию самодержавия, и другие произведения.

Одним из важных политических уроков, усвоенных правящими кругами, было признание необходимости сильной власти в стране. В связи с этим возникал вопрос о ее характере, а также о роли и месте в политической системе государства различных слоев общества. Эти проблемы находились в центре внимания И. Тимофеева. Его политический идеал близок взглядам князя А. М. Курбского. Он отстаивал идеи незыблемости феодальной иерархической лестницы, притязания княжеско-боярской аристократии на особое положение в государстве, на соправительство с царем и ее право на сопротивление царской власти, если та будет нарушать принцип «места». Эта концепция не получила развития в публицистике официального направления.

Политическая практика Смутного времени, усиление роли дворянства и посада в решении жизненно важных вопросов способствовали возникновению такого понятия, как «вся земля». Обосновывалось право представителей «земли» на участие в управлении государством. Одним из критериев законности власти

признавалась необходимость избрания того или иного правителя «всей землей» (Земским собором). В таком духе высказывался А. Палицын, который объяснял единодушное избрание Михаила Романова на престол тем, что людям эта мысль внушена Богом, т. е. воля народа явилась выражением воли Божией. Именно эта религиозно-политическая формула и отразилась в «Новом летописце». Теоретическое обоснование в публицистике этого времени принципов сословно-представительной монархии было следствием той активной роли, которую играли в общественно-политической жизни страны Земские соборы в первые десятилетия после Смуты.

Общественную мысль начала XVII в. занимали проблемы сословных и общенациональных отношений, тема патриотизма и национально-освободительной борьбы. И здесь уроки Смуты не прошли даром. Размышляя над вопросом, какая опасность страшнее для государства — восстание «рабов» или чужеземная интервенция, Тимофеев приходит к выводу, что господа имеют право на жестокую расправу с восставшими рабами, но только в том случае, если государству не угрожает внешняя опасность. И. Тимофеев и А. Палицын резко осуждали тех, кто в страхе перед народным движением шел на сговор с интервентами. «Сказание» Палицына — произведение высокого патриотического звучания, отразившее подъем национального самосознания и огромную роль народных масс в борьбе с интервентами. Именно этим объясняется, что «Сказание» стало самым популярным историческим сочинением о Смуте.

Мысли и взгляды народных масс на события начала века выражены в двух так называемых Псковских повестях, вышедших из среды посадского населения. Они проникнуты антифеодальными настроениями, все бедствия, пережитые Россией, рассматриваются в них как результат боярских насилий, козней, измен. Крестьянская война объясняется социальными причинами — «насильством» феодалов над народом, за что они «от своих раб разорени быша». Эти «посадские» повести носят чисто светский характер.

В документах, вышедших из среды восставших во время крестьянских войн XVII в., в конкретных действиях их участников отразился стихийный протест против феодального гнета. Но крестьянство не имело четкой программы социального переустройства. Его повседневные жизненные интересы оставались на уровне обыденного сознания, проявлялись в наивном монархизме — в вере в «доброе» царя.

Подобные иллюзии поддерживались официальной идеологией, выдвигавшей и обосновывавшей тезис о народной сущности самодержавия. В общественной мысли первой половины XVII в. эта тенденция выразилась в идее всенародного признания царской власти, а во второй половине столетия она проявилась в идее «общего блага», которая легла в основу теоретического обоснования абсолютизма.

В политическом строе России второй половины XVII в. ясно обозначилась тенденция к абсолютизму, обоснование его принципов связано с именами Симеона Полоцкого и Юрия Крижанича.

Крижанич, хорват по происхождению, приехал в Москву в 1659 г. Через два года по подозрению в деятельности в пользу католической церкви он был сослан в Тобольск, где прожил 15 лет и написал свое основное сочинение «Думы политичны» («Политика»). В нем автор выдвинул широкую и подробно разработанную программу внутренних преобразований в России как необходимого условия ее дальнейшего развития и процветания. Общественно-политические взгляды Симеона Полоцкого нашли выражение главным образом в его многочисленных стихотворных произведениях. Он вполне определенно высказывался за необходимость сосредоточения всей полноты власти в руках одного правителя — царя. За «самовладство» (неограниченную монархию) как наилучшую форму правления высказывался и Ю. Крижанич. Только такая власть, по его мнению, может обеспечить решение важнейших задач внешней политики и «утолить» в царстве всякие «мятежи», установить в нем «вечный мир».

Доводы религиозного порядка продолжали оставаться в системе доказательств, но на первый план постепенно выдвигается идея «общего блага», «всеобщей справедливости». Мысль о благе всех подданных как основной цели самодержавного правления пронизывала сочинения Ю. Крижанича и С. Полоцкого. Конкретное выражение эта идея получила в призыве к установлению правосудия, «равного суда» монарха над всеми подданными. Эта мысль связана с борьбой абсолютизма, опиравшегося на широкие слои дворянства, за полноту власти против аристократических притязаний княжеско-боярской знати. В этой связи следует рассматривать и отрицание Симеоном Полоцким принципа знатности и родовитости. Ценность человека, по его мнению, определяется не происхождением, а его моральными качествами, знаниями, заслугами в труде на «общее благо». С критикой старых представлений о знатности и родовитости выступал и Крижанич, зло высмеивав-

ший спесь и высокомерие знати и выдвигавший на первый план личные заслуги и способности человека.

Оба автора признавали законность и «справедливость» эксплуатации простого народа. Но исходя из идеи «общего блага», проповедуя социальный мир и всеобщее благоденствие, они призывали к ее смягчению. Здесь сказалось влияние «бунташного» времени, обострение социальных противоречий, страх правящих сословий перед «глуподержием черных людей» (перед народными восстаниями). Необходимость смягчения угнетения обосновывалась авторами и экономической целесообразностью.

С. Полоцкий и Ю. Крижанич понимали, что сама по себе неограниченная власть монарха не гарантирует порядок в государстве, его процветание и всеобщее благоденствие. Она легко может перерасти в «тиранию» («лююдерство», по терминологии Крижанича). Все зависит от личности государя, его моральных качеств и «мудрости». Идеальный образ «просвещенного» монарха рисует в своих стихотворных поучениях, предназначенных для царя и его семьи, Полоцкий, закладывая основы учения о просвещенном абсолютизме — одном из важнейших направлений в общественно-политической мысли XVIII столетия. Предвосхищая идеи просветителей, С. Полоцкий считал распространение просвещения важнейшим средством исправления нравов, устранения пороков в обществе, ликвидации национальных бед и внутренних неурядиц.

Рост городов, развитие товарно-денежных отношений и торговли, возрастание роли купечества выдвигали перед русской общественной мыслью целый ряд новых проблем, связанных с экономической жизнью страны. Многие государственные деятели, как, например, Б. И. Морозов, Ф. М. Ртищев, А. Л. Ордин-Нащокин, А. С. Матвеев, В. В. Голицын, приходили к выводу о важности развития торговли и промышленности для усиления государства и обеспечения национальной независимости. Они были авторами проектов преобразований, затрагивавших и сферу экономики.

Широкую программу мероприятий, направленных на поощрение развития ремесла и торговли, выдвинул Ю. Крижанич. Основные ее положения совпадали с программой одного из видных политических деятелей этого времени А. Л. Ордина-Нащокина, взгляды которого выразились в проводившейся в 1665 г. по его инициативе псковской городской реформе и в Новоторговом уставе 1667 г., составленном под его руководством и при его непосредственном участии.

Ордин-Нащокин стремился провести ряд мероприятий, направленных на поддержку купечества и способствовавших развитию торговли. Будучи воеводой в Пскове, он пытался провести там реформу городского управления, смысл которой состоял в ограничении власти воевод и передаче части их административных и судебных функций в руки органа самоуправления, избранного из числа «лучших» посадских людей. Чтобы содействовать частному предпринимательству, необходимо, считал он, устройство кредитных учреждений. Однако на первом плане для него были всегда интересы не купечества, а самодержавно-крепостнического государства. Развитие торговли и промышленности он рассматривал как одно из важнейших средств укрепления этого государства. Но объективно программа Ордина-Нащокина была направлена на преодоление отставания России от западноевропейских стран и отвечала национальным интересам страны.

Русская общественная мысль XVII в., особенно второй его половины, выдвинула целый ряд важных идей, получивших дальнейшую разработку в следующем столетии. Были заложены основы идеологии абсолютизма, осознана необходимость проведения преобразований, намечены их программа и пути осуществления.

4.4. Литература

Изменения в общественной жизни предопределили начало нового этапа в развитии литературы, в которой наиболее полно и ярко отразились противоречия общественной жизни, все те новые тенденции и явления, которые характеризуют развитие всей культуры в XVII в.

Происходило, по выражению академика Д. С. Лихачева, «значительное социальное расширение литературы». Письменное слово начинало служить и социальным низам, интересы и настроения которых отразились не только в фольклоре, но и в письменной литературе. Это формировало и развивало в ней демократическое, светское направление, т. е. вело к «обмирщению» литературы.

Преодолевался разрыв между фольклором и письменной литературой. Именно к XVII в. относятся первые записи произведений устного народного творчества — исторических песен, былин, пословиц, заговоров. Устное народное творчество явилось основой развития демократического направления в литературе, оно оказало на нее заметное воздействие как в идейном, так и в художественном отношении. Влияние народного творчества выразилось в сближении книжного языка с живым народным языком, в появле-

нии новых жанров, и прежде всего — демократической сатиры, в обогащении арсенала художественных средств.

Важным этапом в развитии литературы, свидетельствовавшим о разрыве со средневековыми традициями и канонами, явился переход от исторических героев к вымышленным, к созданию обобщенных образов. Героями произведений становились не выдающиеся исторические личности, а представители демократических слоев населения, люди из посадской и крестьянской среды, из низших слоев дворянства. Как и для всей культуры, для литературы этого времени характерно открытие ценности человеческой личности, многообразия, сложности и противоречивости характеров. Не подвиги «угодников божиих», а жизнь и дела простых людей начинали привлекать все большее внимание читателя.

Традиционные формы не могли отразить новое содержание, не претерпев существенной деформации. Это относится и к такому устойчивому жанру средневековой литературы, как житие, которое постепенно превращается в биографическую повесть. Примером может служить «Повесть об Улиании Осорьиной», написанная муромским дворянином Дружиной Осорьиным, сыном Улиании. Это первая в русской литературе биография женщины-дворянки. Автор создает образ энергичной и умной женщины, образцовой жены и хозяйки. И хотя в повести еще используются стереотипы житийного жанра, в целом в ней преобладают бытовые повествовательные элементы.

Выдающимся памятником русской литературы XVII в. стала автобиографическая повесть одного из идеологов старообрядчества протопопа Аввакума — «Житие». Аввакум-писатель резко отличается от Аввакума — апологета старообрядчества. Это произведение консервативное по основной идее, но глубоко новаторское по художественной форме, неповторимо по индивидуальной манере письма. Страстный защитник старины, яростный противник всего нового, выступавший против реалистических тенденций в живописи, против светского образования и распространения научных знаний, Аввакум в литературной деятельности отказался от условностей и традиций средневековой письменности. Обратившись к традиционному жанру жития, он разрушил его застывшие формы, став основоположником нового жанра — автобиографии-исповеди. Он смело ввел народное просторечие в книжный язык. Реалистическое изображение перипетий собственной жизни, русского быта, образный язык, страстное обличение социальной несправедливости, произвола

властей и церковных порядков — все это сделало произведение Аввакума одним из самых ярких и значительных памятников русской демократической литературы.

В литературе XVII в. получает развитие новый жанр — демократическая сатира, отражавшая настроения народных масс и обличавшая несправедливость общественного строя. Антифеодальная направленность сближала сатиру с устным народным творчеством, из которого она черпала сюжеты и художественно-изобразительные средства. В свою очередь, многие сатирические повести становились достоянием фольклора.

Сатирическому осмеянию подвергались различные стороны жизни общества, важные государственные институты. Так, в «Повести о Шемякином суде» и «Повести о Ерше Ершовиче» обличались порядки феодального суда с его крючкотворством, волокитой, продажными судьями и пристрастными решениями. В «Службе кабаку», написанной в форме пародии на церковную службу, разоблачается государственная система спаивания народа через «царев кабак». Социальной остротой отличается пародийная «Азбука о голом и небогатом человеке», в которой с едкой иронией повествуется о тяжелом житье городской бедноты. В «Повести о Фоме и Ереме» высмеиваются не способные ни к какому труду дворянские дети.

Объектом сатиры нередко была церковь, что свидетельствовало о падении ее авторитета преимущественно из-за неблагоприятного поведения священнослужителей. Лицемерие и жадность духовенства изобличаются в «Сказании о куре и лисице» и «Сказании о попе Саве и о великой его славе». Высмеиваются монастырские порядки и нравы в «Калязинской челобитной». В ней в форме челобитной тверскому епископу излагаются жалобы привыкших к распущенной жизни монахов на «лихого» архимандрита, вздумавшего требовать соблюдения строгого монастырского устава. Особой остротой отличается «Повесть о бражнике», в которой остроумно доказывается, что бражник имеет не меньше прав на «царство небесное», чем «святые», а «святые» оказываются не меньшими грешниками, чем бражник. Здесь уже проявляется явно скептическое отношение к официальному культу святых.

Изменения, происходившие в сознании, морали и быте людей, борьба «старины» и «новизны», которая пронизывала все сферы личной и общественной жизни, ярко отразились в бытовой повести.

В этот переломный период, когда «старые обычаи поисшатались», стала актуальной тема взаимоотношений старого и моло-

дого поколений, «отцов и детей». О трагической судьбе молодого человека, пытавшегося порвать со старыми формами семейно-бытового уклада, с домостроевской моралью, рассказывается в «Повести о Горе-Злочастии». Основной конфликт повести — столкновение двух мировоззрений: старшего поколения, стоявшего на страже традиционной общественной и семейной морали, старого уклада жизни, и молодого поколения, стремившегося к независимости, склонного к инициативе и личной активности. Автор показывает обреченность героя, который традиционному бытовому укладу, освященному веками, не может противопоставить ничего, кроме стремления жить по своей воле. В результате он терпит крах и уходит в монастырь. В этой повести отразилась русская действительность XVII в., когда бытовые традиции были ещё сильны и попытки жить по-иному заканчивались трагично. Сюжет перекликается с евангельской притчей о блудном сыне. Однако герой повести в отличие от «блудного сына» не проявляет раскаяния, а возвращению в родительский дом предпочитает самозаточение в монастыре, последнем и вынужденном убежище.

Та же тема конфликта старшего и молодого поколений раскрывается в «Повести о Савве Грудцыне». Как и в «Повести о Горе-Злочастии», ее герой — купеческий сын, нарушивший заветы старины и наказанный за это. Оказавшись по торговым делам вдали от родительского дома, Савва Грудцын предается разврату, начинает вести разгульную жизнь и продает душу дьяволу. Спасаясь от отцовского гнева, он бежит из города, попадает в солдаты, с помощью дьявола совершает чудесные подвиги во время Смоленской войны. В конце концов с помощью чудотворной иконы он освобождается из-под власти дьявола, уходит в монастырь и там умирает. Повесть отличается занимательностью интриги и живым разговорным языком. В ней выразительно описаны реальные картины русской жизни того времени: посадский и солдатский быт, нравы купечества, события русско-польской войны 1632—1634 гг. Широкий исторический и бытовой фон, большое количество действующих лиц, изображение судьбы простого человека, рассказ о его любви, переживаниях, душевной борьбе — все это позволяет исследователям считать это произведение одним из первых русских романов.

В конце XVII в. появилась «Повесть о Фроле Скобееве». Отличительная ее черта — отсутствие религиозной дидактики. Худородный дворянин Фрол Скобеев, пройдоха и авантюрист, для до-

стижения собственного благополучия не брезгает никакими средствами, для него нет ничего святого, о старозаветной морали отцов он и не вспоминает. В этом произведении уже чувствуется дух новой эпохи. Энергия, ум, житейский практицизм — вот те качества, которые приводят героя к достижению поставленной цели. Повесть отразила начавшийся во второй половине XVII в. процесс упадка старой знати и выдвижения нового, энергичного дворянства.

Новым в литературе было появление силлабического стихосложения, основанного на упорядочении числа слогов в стихе (равное количество слогов в строке, пауза в середине строки и женская рифма, т. е. ударение на предпоследнем слоге последнего слова). Основоположителем русского силлабического стихосложения был Симеон Полоцкий. Его стихи объединены в два больших сборника — «Рифмологион» и «Вертоград многоцветный». Значительная их часть — панегирические стихотворения, посвященные членам царской семьи, а также написанные по поводу различных событий придворной жизни. Поэт писал и сатирические стихотворения. Главное в его творчестве — обоснование идеи просвещенной монархии. В 1680 г. им была переложена на стихи псалтырь — «Псалтырь рифмотворная», она имела большой успех у читателей. Книгу долгое время использовали как учебное пособие. Продолжателями дела Симеона Полоцкого стали его ученики — Сильвестр Медведев и Карион Истомин.

Популярной становилась переводная художественная литература, изменялся ее характер. Все большее внимание привлекали произведения с занимательным сюжетом — рыцарский роман, бюргерская бытовая и плутовская новелла, авантюрно-приключенческая повесть, юмористические рассказы и анекдоты. Эта литература подвергалась значительной переработке, наполняясь подчас чисто русским содержанием и испытывая сильное влияние устного народного творчества. Некоторые произведения, превратившись в устную сказку, становились достоянием фольклора. К числу таких произведений относилась «Повесть о Бове Королевиче», восходящая к французскому рыцарскому роману и привлекавшая читателей авантюрным сюжетом, близким к волшебной сказке. Переводились и другие рыцарские романы: «История о храбром рыцаре Петре Златых Ключей и о прекрасной королевне неаполитанской Магилене» (с французского рыцарского куртуазного романа XV в.); из Чехии пришла «Повесть о Василии Златовласом»; с польского языка была переведена «Повесть об Оттоне

цесаре римском...» и др. Центральной темой всех этих произведений была земная любовь, постоянство и верность.

Весьма популярной стала «Повесть о Еруслане Лазаревиче», пришедшая с Востока и восходящая к поэме Фирдоуси «Шах-наме». К древнеиндийскому сказанию восходит пришедшая из Польши «История о семи мудрецах», которая представляла собой цикл из 15 небольших новелл, объединенных единой сюжетной рамкой. С польского языка были переведены сборники нравоучительных рассказов «Римские деяния» и «Великое зеркало», сборник анекдотов и изречений древних философов «Апофегматы». Тематика переводной литературы свидетельствовала об изменении интересов и вкусов русского читателя.

4.5. Архитектура. Живопись

Как и в других сферах русской культуры XVII в., в зодчестве проявилась тенденция к усилению светских мотивов, к «обмирщению», отказу от строгих церковных канонов. Главное, что характеризует архитектуру этого времени, — это отход от средневековой строгости и простоты, стремление к внешней нарядности, живописности, усиление в ней декоративного начала. «Дивное узорочье» — так сами современники определили суть новых веяний в зодчестве.

Одним из наиболее замечательных светских зданий первой половины XVII в. является Теремной дворец в Московском Кремле, построенный в 1635—1636 гг. зодчими Б. Огурцовым, А. Константиновым, Т. Шарутиным и Л. Ушаковым. В великолепных архитектурных формах, декоре этого дворца они сумели выразить свое представление о прекрасном, воплотить замечательные черты русского народного искусства. Два пояса многоцветных сверкающих изразцов, резные белокаменные наличники, золоченая кровля, красочные узоры на стенах придавали дворцу живописный, сказочный вид. «Зело пречудные палаты», — говорили о нем современники.

В церковном зодчестве продолжали развиваться традиции шатровой архитектуры, однако и в шатровых постройках все более заметно выступает стремление к внешней нарядности, декоративности убранства. Шатровый тип храма, воплощающий народное, светское начало в зодчестве, получает широкое распространение в первой половине XVII в. Наиболее эффектным памятником этого типа является Успенская церковь Алексеевского монастыря в Угличе (1628), прозванная в народе «дивной». Нарядная церковь бы-

ла построена по заказу Д. М. Пожарского в Медведкове (в северной части столицы).

В Троице-Сергиевом монастыре была возведена украшенная цветными изразцами церковь Зосимы и Савватия (1635—1638), в Вязьме — богато декорированный небольшой пятишатровый собор (1637).

Культовая архитектура постепенно утрачивает резкую обособленность от гражданского строительства. Церкви становятся похожими на светские хоромы с характерной для них асимметричностью форм. Усложнялись объемы, к основному массиву здания пристраивались различные приделы и пристройки, крытые паперти-галереи и нарядные крыльца, различные части здания соединялись переходами, а в целом оно походило на ансамбль построек. Широкое применение цветных изразцов, фигурного кирпича, разнообразных декоративных деталей придавало постройкам живописность и нарядность.

Заказчиками церквей все чаще становились купцы и посадские общины, что играло большую роль в «обмирщении» церковного зодчества. Именно в «посадских» храмах наиболее выразительно проявлялось светское начало, отражались вкусы и настроения демократических слоев населения. Ярким примером такого рода построек служит церковь Троицы в Никитниках в Москве, возведенная по заказу богатого купца Г. Никитникова (1628—1636). Она представляет собой целый комплекс разнохарактерных, но связанных единым замыслом построек. Своим асимметричным планом церковь напоминает жилые хоромы. Ее отличают исключительное богатство декоративного убранства и жизнерадостность художественного облика. Архитектура церкви в Никитниках оказала влияние на целый ряд построек в других городах: на церковь Вознесения в Великом Устюге (1648), построенную по заказу купца Н. Ревякина, Троицкую церковь в Муроме (1642—1648) и др.

Образцом посадского зодчества середины столетия является построенная в Москве по заказу прихожан церковь Рождества Богородицы в Путинках (1649—1652), отличающаяся причудливой композицией разных объемов и богатством «узорочья». Пять разновысоких шатров, венчающих основное здание, придел и крыльцо, объединяются в единое целое возвышающимся в центре шатром колокольни.

Наиболее яркие образцы посадского зодчества были созданы в Ярославле, одном из крупнейших торгово-ремесленных цент-

ров России. Богатые ярославские купцы, соревнуясь друг с другом, возводили постройки одну роскошнее другой. Большинство ярославских церквей превосходили размерами, богатством и обилием убранства столичные постройки этого времени. Их внешний облик совмещал в себе величественную монументальность древних пятиглавых соборов и изысканную нарядность, соответствующую вкусам века. В 1647—1650 гг. по заказу купцов Скрипиных была построена церковь Ильи Пророка, а в 1649—1654 гг. купцы Неждановские возвели еще более нарядную церковь Иоанна Златоуста, которая составила с построенными позже Владимирской церковью, шатровой колокольней и башнеобразными воротами единый ансамбль. Вершиной ярославского посадского зодчества стала построенная в 1671—1687 гг. церковь Иоанна Предтечи в Толчкове. Торжественная монументальность, обилие архитектурных деталей, гармоничное сочетание золота пятнадцати глав, венчающих основное здание и два придела, с красным тоном кирпичных стен, расцвеченных голубоватым узором изразцов, выделяют этот храм даже среди ярославских церквей. «Ликующей симфонией, народной фантазии» назвал его исследователь древнерусской архитектуры Н. Н. Воронин.

Церковь упорно сопротивлялась «обмирщению» культового зодчества, проникновению в него светского начала. Патриарх Никон в 50-х гг. запретил возводить шатровые храмы, выдвинув в качестве образца традиционное пятиглавие. В своей строительной деятельности он настойчиво пытался возродить стиль строгого монументализма. В этом стиле были построены Д. Охлебниным и А. Мокеевым Патриаршие палаты в Московском Кремле с большим Крестовым залом — сводчатой палатой без столпов (1643—1655), а также комплекс зданий в Валдайском монастыре, основанном Никоном (зодчий А. Мокеев, 50-е гг.).

Монументальным характером отличается и комплекс зданий Новоиерусалимского монастыря, загородной резиденции патриарха. Его строительство велось с 1656 по 1694 г. сначала А. Мокеевым, а затем Я. Бухвостовым. По замыслу Никона, в постройках монастыря должны были повториться главные христианские святыни. Воскресенский собор строился по образцу Иерусалимского храма «над гробом Господним», были использованы его чертежи и модель. Однако строители собора, сохранив в основном план его прототипа, придали внешнему облику специфически русские черты, широко использовав в обработке фасадов и интерье-

ров многоцветные рельефные изразцы. Соперничество со светской властью, стремление возвысить церковь вынуждали Никола использовать для этого весь арсенал художественных средств, в том числе и гонимое им «узорочье».

Подражая патриарху, крупное строительство вели и другие церковные иерархи. Как воплощение идеи о главенстве церкви был задуман ансамбль построек ростовского митрополичьего двора — Ростовский кремль, возведенный митрополитом Ионой Сысоевичем в 70—80-х гг. Несмотря на явное тяготение к архаизации, строгости и простоте, мы наблюдаем здесь нарядную декоративность, проявившуюся как в общей композиции ансамбля, так и в отделке ворот, башен и стен.

Попытки церкви воспрепятствовать «обмирщению» зодчества, проникновению в него народных, светских элементов оказались безуспешными. И в условиях строгой церковной регламентации продолжалось строительство «посадских» храмов, в которых развивалось демократическое направление в зодчестве, светское по своим художественным приемам. Об этом свидетельствуют московские церкви Григория Неокесарийского на Большой Полянке, Николы в Хамовниках, Троицы в Останкине и многие другие.

Стремление к украшению, нарядности заметно и в крепостной архитектуре кремлей и монастырей. Изменил свой облик Московский Кремль. Еще в 1624—1625 гг. на Спасской башне русский зодчий Бажен Огурцов и англичанин Христофор Галовой сделали высокую кирпичную надстройку, богато украшенную белокаменными узорами, а в нишах были поставлены белокаменные «болваны» (статуи). Спустя полвека украшенные изразцами и белокаменной резьбой шатры появились и на других башнях Кремля. Теряет свой суровый облик и крепостная архитектура монастырей. Богатой декоративной отделкой были украшены стены и башни Ново-Девичьего, Донского, Данилова, Троице-Сергиева, Спасо-Евфимьева и других монастырей. Нарядный характер придают монастырям и новые, пышно декорированные трапезные, колокольни и церкви.

Богатые купцы и дворяне начинают строить для себя каменные жилые дома. В их строительстве также проявлялось стремление к отходу от традиционной простоты и строгости к богатому декоративному оформлению фасадов. Примером таких зданий могут служить сохранившиеся до настоящего времени в Москве палаты думного дьяка Аверкия Кириллова на Берсеневской набережной (1656—1657) и палаты боярина Волкова в Большом Харитоньев-

ском переулке (конец XVII в.). Богатым декоративным убранством отличаются и жилые каменные дома, сохранившиеся в Ярославле, Калуге, Нижнем Новгороде и в других городах.

Дальнейшее развитие русского зодчества привело к возникновению в конце столетия так называемого нарышкинского стиля (или «московского барокко»), заметную роль в оформлении которого сыграла западноевропейская архитектура. Характерными чертами нового стиля являлись четкость и симметричность композиции, подчеркнутая устремленность ввысь, многоярусность, тщательная разработка деталей при сохранении и развитии приемов многоцветной декоративной обработки здания (декоративная резьба по белому камню, цветные изразцы, раскраска фасадов).

Один из самых замечательных памятников этого стиля — церковь Покрова в Филях, построенная в 1690—1693 гг. братом царицы Л. К. Нарышкиным. По композиционным приемам и деталям убранства к ней очень близка церковь в селе Уборы под Москвой, сооруженная зодчим Я. Бухвостовым. Другими образцами этого стиля являются трапезная Троице-Сергиева монастыря, многоярусная колокольня Ново-Девичьего монастыря, сплошь покрытый многоцветными изразцами Крутицкий теремок (зодчий О. Старцев), соборы в Рязани и Астрахани, соборы Иосифо-Волоколамского и Донского монастырей и другие памятники. Черты этого стиля проявились и в сооружениях общественного характера — в богато украшенном белокаменной резьбой здании Печатного двора (1679) и в Сухаревой башне, построенной в 1692—1701 гг. зодчим М. Чоглоковым (не сохранилась).

«Московским барокко» завершается развитие средневековой архитектуры и начинается история архитектуры XVIII столетия.

Общий для русской культуры XVII в. процесс «обмирщения» затронул и живопись. Новые явления в живописи начали проявляться с середины столетия. Главными из них были становление и развитие реалистических тенденций. Художники этого времени стремились отразить в своем искусстве и донести до сознания современников прелесть и радость земного бытия. В рамках религиозной живописи развивается бытовой жанр, появляется портретная живопись.

Художественным центром новых реалистических тенденций стала Оружейная палата, которую с 1655 г. возглавил боярин Б. М. Хитрово, тонкий ценитель и знаток искусства. Во главе нового направления стоял мастер Оружейной палаты Симон Уша-

ков. Вместе с ним работали Яков Казанец, Григорий Зиновьев, Степан Резанец, Федор Зубов, Иосиф Владимиров и другие выдающиеся живописцы. Своего рода манифестом этого направления стал трактат о живописи И. Владимирова, написанный им в 1664 г. в форме послания к Симону Ушакову. Выступая против слепого преклонения перед стариной, он утверждал, что искусство должно быть близким к природе и радовать человека, а не подавлять его мрачными образами. По его мнению, «премудрый художник» что «видит или слышит, то и начертывает в образах или лицах и согласно слуху или виденью уподобляет». Он резко протестовал против канонической регламентации искусства. И. Владимиров положительно оценивал западное искусство и приводил доводы в его защиту.

Со своей стороны, С. Ушаков написал «Слово к люботщателем иконного писания» (1667), где решительно встал на защиту реалистических тенденций, подчеркивая, что живопись должна отражать жизнь так же, как зеркало отражает реальные предметы. Художником должно руководить стремление к красоте. Теоретические взгляды Симона Ушакова и его сподвижников воплотились в художественных произведениях.

Черты нового стиля в живописи — отход от старых канонов, устремленность к реальной действительности, к бытовому жанру — отчетливо проявились в стенописи церкви Троицы в Никитниках (1652—1653). Исследователи предполагают, что в росписи стен участвовали С. Ушаков и И. Владимиров.

Реалистические тенденции в станковой живописи ярче всего проявились в работах С. Ушакова. Центральной темой его творчества было изображение человеческого лица. В 1657 г. он написал для церкви Троицы в Никитниках голову Христа в архиерейском уборе — «Спас Великий архиерей» — живое, тонкое, одухотворенное лицо человека. Самое известное произведение живописца — неоднократно им повторенный «Спас нерукотворный», в котором с использованием светотени хорошо переданы объемность классически правильного человеческого лица, ткань, на которой, согласно церковному преданию, возник образ Христа. В 1671 г. художник создал икону на традиционный сюжет «Троицы», в которой стремился передать красоту не духовную, как у А. Рублева, а земную, материальную, изобразив ангелов цветущими, полными здоровья.

К числу высоких достижений живописи относятся стенные росписи ярославских храмов конца XVII в. Особенно восхищают

фрески церкви Ильи Пророка, исполненные артелью мастеров во главе с Гурием Никитиным и Силой Савиным, и фрески церкви Иоанна Предтечи, написанные под руководством Дмитрия Плеханова. Здесь весьма заметно воздействие светской, посадской культуры, демократические элементы решительно вторгаются в церковно-догматическое искусство. В этих росписях господствует стремление художников изобразить реальный, материальный мир. Религиозные мифы, сюжеты «священной истории» они используют лишь как повод для изображения бытовых сцен, для рассказа о жизни земных людей во всем ее многообразии.

Чем шире распространялись реалистические тенденции, чем глубже они укоренялись в церковной живописи, тем решительнее выступали против них ревнители старины, которые отвергали всякие попытки художников приблизить изображаемое на иконах и на стенах храмов к реальной жизни, нарушить веками освященные традиции иконописи. По их представлению, лица святых должны быть написаны «не по плотскому умыслу», непохожими на лица обыкновенных людей. Вот как обличал новшества в искусстве протопоп Аввакум: «Пишут Спасов образ Еммануила, лице одутловато, уста червонные, власы кудрявые, руки и мышцы толстые, персты надутые, так же и у ног бедра толстые, и весь яко немчин брюхат и толст учинен, лишю сабли той при бедре не писано. А то все писано по плотскому умыслу...» И хотя Аввакум упрекал своего противника в том, что «все то кобель борзой Никон, враг, умыслил будто живья писать», на самом деле позиция официальной церкви здесь ничем не отличалась от позиции раскольников. Сам Никон выступал ярким гонителем нового в искусстве, устраивал даже публичные расправы над иконами нового письма. Церковь пыталась строго регламентировать темы и образцы церковной живописи.

В 1668 г. появилась грамота трех патриархов — Паисия Александрийского, Макария Антиохийского, находившихся тогда в Москве по случаю суда над Никоном, и Иоасафа Московского. В ней рекомендовалось установить контроль над иконописью. В 1669 г. вышел царский указ, требовавший придерживаться старых иконописных традиций и объявлявший о создании специальной комиссии для освидетельствования новых икон. Эти мероприятия замедляли развитие новых явлений в живописи.

С пробуждением интереса к человеку, к отдельной личности связано появление и развитие портретной живописи («парсуны») — первого собственно светского жанра. В первой половине

XVII в. парсуны писались в старой иконописной манере и в старой иконной технике — на доске, яичными красками. Во второй половине столетия изображения стали носить более реалистический характер, точнее передавать индивидуальные черты. Таковы портреты царя Алексея Михайловича конца 70-х — начала 80-х гг. и царя Федора Алексеевича (1686).

Живописцы начали писать портреты по западному образцу — масляной краской на холсте. В этой технике в конце XVII в. исполнены портреты князя Б. И. Репнина, стольника Г. П. Годунова, Л. К. Нарышкина и многих других.

Русская живопись, успешно развивавшаяся в XVII в., оказала влияние на искусство славянских народов, христианских стран Балканского полуострова и Закавказья. В 1641—1642 гг. по просьбе молдавского господаря русские живописцы Сидор Поспеев и Яков Гаврилов с товарищами были направлены в Яссы для росписи храма Трех святителей. Обращались с просьбой о присылке художников и грузинские цари. С конца XVI в. почти с каждым посольством в Грузию отправлялись и иконописцы, многие из которых оставались там навсегда. В России нашел вторую родину армянин Иван Салтанов, зачисленный в Оружейную палату и ставший одним из крупнейших русских художников второй половины XVII в.

На протяжении XVII столетия русская культура достигла больших успехов в своем развитии. В ней отчетливо проявились принципиально новые явления, утверждавшиеся в борьбе с религиозным мировоззрением. Однако эти новые, прогрессивные черты были еще не так сильны, чтобы радикально изменить направление культурного процесса. Но их развитие создало предпосылки того перелома в культуре, который совершился в начале следующего столетия.

❧ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ❧

Русская средневековая культура была важным компонентом средневекового мира. В этот период сформировались особенности отечественной культуры, определявшие ее самобытность и национальные основы. Традиционализм, локальность, приоритет религиозного мировоззрения были характерными чертами духовной жизни средневекового общества.

Развитие древнерусской культуры основывалось как на наследии восточных славян, так и на творчески переработанных дости-

жениях культуры других стран, главным образом Византии. Самым важным событием этого периода было принятие христианства, способствовавшее развитию контактов с Византией и переработке языческих традиций на новой почве.

Образование централизованного Российского государства предопределило характер и направление историко-культурного процесса. Это время отмечено большими достижениями в различных сферах культуры, завершением в целом формирования великорусской народности.

Главным содержанием культурно-исторического процесса XVII века, завершающего период средневековья, является начавшееся разрушение религиозного мировоззрения, развитие светских элементов в культуре.

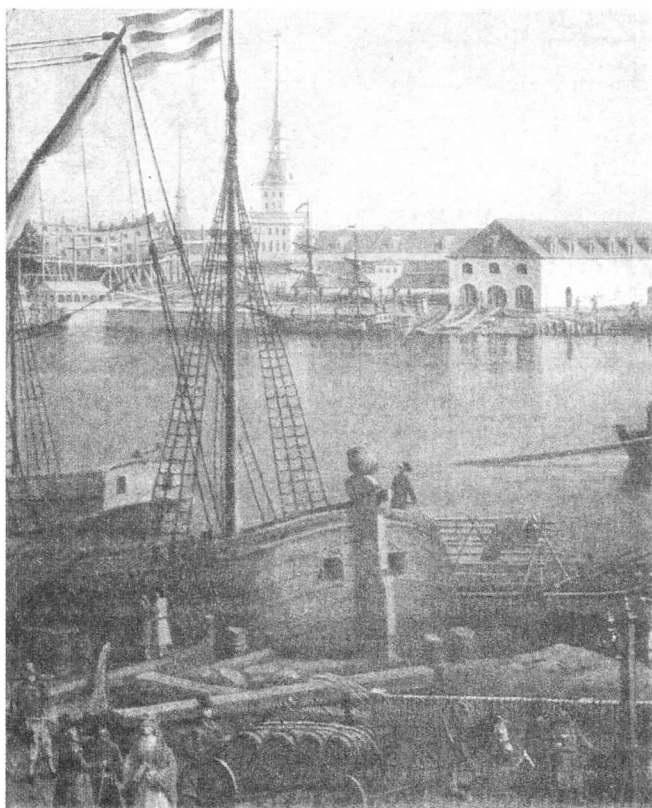
Контрольные вопросы и задания

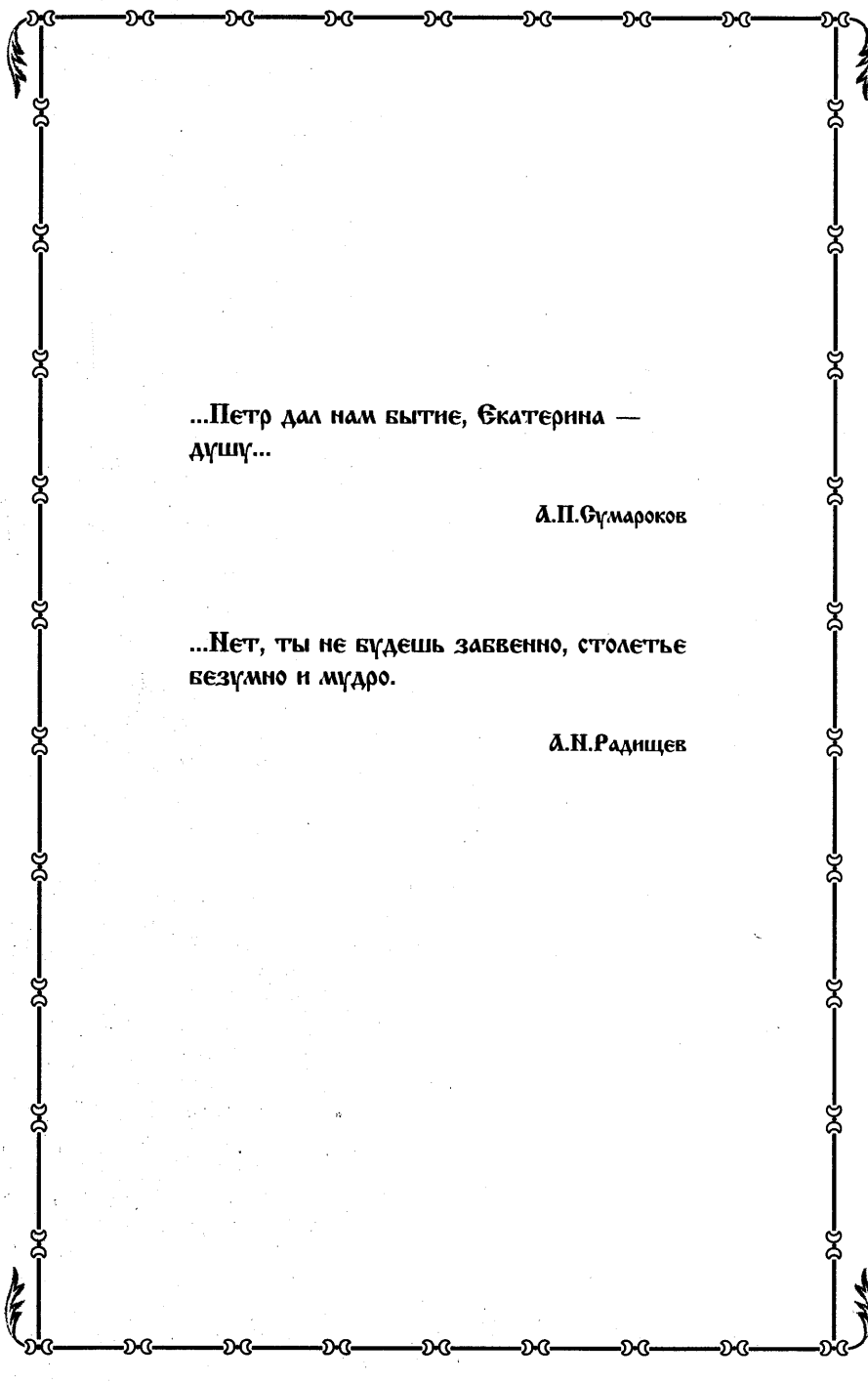
- Назовите основные черты и особенности русской средневековой культуры. Раскройте их содержание.
- Как принятие христианства на Руси повлияло на развитие русской культуры?
- Отметьте основные черты русской средневековой архитектуры. Объясните ведущий характер этой области культуры в эпоху средневековья.
- Как введение книгопечатания на Руси способствовало развитию образования и просвещения?
- Назовите новые тенденции, проявившиеся в русской культуре «бунташного» XVII столетия.

Раздел II

**КУЛЬТУРА
НОВОГО ВРЕМЕНИ
XVIII век**

...Петр дал нам бытие, Екатерина —
душу...

А.П.Сумароков

...Нет, ты не будешь забвенно, столетье
безумно и мудро.

А.Н.Радищев

В современных исследованиях время позднего феодализма рассматривается как новый период в культурном развитии России. Началом этого периода обычно считают рубеж XVII—XVIII вв.

Культурный процесс этого времени, при сохранении внутренней связи с предшествующей эпохой, приобретает некоторые принципиально новые черты. Локальность средневековых регионов уходила в прошлое, на смену ей шла более выраженная общность культурного развития. Происходит консолидация русской нации, для которой, как и для великорусской народности, были характерны единство самосознания, психического склада и нравственно-религиозных устоев. Новое качество этой исторической этносоциальной категории выражалось в большем осознании единства не только конфессионального, но и рожденного реальной жизнью. Такое понимание формировалось в условиях, когда в обществе начинала проявляться интеграция, основанная на буржуазных экономических связях.

Основным содержанием историко-культурного процесса рассматриваемого времени было формирование и развитие национальной культуры, идейной основой которой в новый период становилась общественная мысль.

Формирование национальной культуры происходило в условиях, когда наряду с развитием раннебуржуазных элементов в общественном сознании сохранялась и укреплялась сословность — одна из наиболее устойчивых форм социальной жизни. Сословность в период позднего феодализма стала фактором, негативно влиявшим на процессы демократизации, на создание равных возможностей распространения достижений культуры в разных условиях. Политика правительства на протяжении всего XVIII в. исходила из необходимости сохранения сословности прежде всего в просвещении и образовании.

Отличительными чертами культуры нового времени были преобладание в ней светского начала, открытость для контактов с другими народами, развитие рационализма в общественном сознании. Все это стало возможным вследствие нарушения монополии религиозной системы взглядов и утраты церковью самостоятельной роли. Однако степень развития рационализма как системы мышления не следует преувеличивать. Рационализм XVIII в. не означал полной ликвидации религиозного мировоззрения, как, впрочем, и светскость не была равнозначна атеизму. В век Просвещения религия по-прежнему играла большую роль в общественно-культурной жизни. Церковь, утратив свою политическую силу, сохранила влияние на нравственные и моральные устои общества, особенно в народной среде.

В XVIII в. происходит разрыв с традициями изоляционизма, характерными для русского средневековья. Контакты с западноевропейскими государствами, усилившиеся в это время, способствовали приобщению России к современным экономическим и культурным процессам, происходившим в Западной Европе. Активный характер этих связей был подготовлен общностью некоторых тенденций внутреннего развития европейских стран и России.

Формирование национальных культур в Западной Европе было следствием разрушения средневековых регионов, единство которых определялось прежде всего их конфессиональным признаком.

В России этот процесс начался еще в предшествующем столетии и продолжался в петровское время. Открытость — как характерная черта новой культуры — стала результатом этого разрушения и особенностью не только русской, но и западноевропейской культуры. Процесс взаимодействия национальных культур в пери-

од их формирования значительно усилился и приобрел качественно новые черты.

Проблема изучения взаимоотношений отечественной и западноевропейской культуры имеет богатые традиции в современной историографии. Главным итогом в ее изучении следует считать вывод о необходимости не противопоставлять «западную» и «русскую» культуру, а выявлять диалектику в едином процессе их развития, при учете национальных особенностей.

По сравнению со средневековьем историко-культурный процесс в XVIII в. ускоряется и усложняется, что было связано с более быстрыми темпами развития общества в целом. Начинается формирование новых сфер культуры (наука, художественная литература, светская живопись и т. д.), и одновременно происходит дифференциация, значительно большее их взаимовлияние.

В новый период общественный прогресс был связан с демократизацией культуры, в результате которой расширился круг потребителей и производителей культурных ценностей, увеличивались возможности приобщения к ним различных социальных слоев. В обществе формировался новый «механизм» распространения культуры (светская школа, гражданская азбука, русский литературный язык, печатная книга, газета, журнал и т. д.). Однако в XVIII в. все эти явления отражали в большей степени лишь намечавшуюся тенденцию.

Глава 5

Культурные преобразования первой половины XVIII в.

Петровская эпоха занимает важное место в истории России. В это время происходит перелом и в культурной жизни, имевший далеко идущие последствия. Однако следует согласиться с мнением, высказанным Н. Я. Данилевским, что «характер петровской реформы был политико-государственный, а вовсе не культурный».

Сложность этого времени, стремление осмыслить происходившие перемены, место западноевропейского опыта в культурных преобразованиях всегда вызывали большой научный и общественный интерес к деятельности Петра I. Еще в XIX столетии представителями государственно-юридической школы был сформулиро-

ван тезис об исторической обусловленности петровских преобразований, которые были «естественным и необходимым явлением в народной жизни, в жизни исторического, развивающегося народа». Исследование учеными XX в. этого времени, а особенно предшествовавшего «бунташного» столетия, подтвердило правоту такого взгляда. В современной историографии общепризнанной является оценка Петровской эпохи как времени решительного скачка в хозяйственной и культурной жизни страны, имевшего внутренние предпосылки, но резко ускоренного вмешательством государственной власти.

Петровские реформы не носили характера коренных социальных преобразований, не было у Петра и плана проведения реформ, что неоднократно отмечали исследователи. В. О. Ключевский писал, что «Петр делал то, что подсказывала ему минута, не затрудняя себя отдельным планом, и все, что он делал, он как будто считал своим очередным делом, а не реформой». Тем не менее преобразования, проведенные во многих сферах, внесли серьезные изменения в экономическую и политическую жизнь государства, активизировали имевшиеся внутренние потенциальные ресурсы общества.

Абсолютизм явился решающей силой в утверждении новой светской культуры, ибо от того, как шел этот процесс, зависела судьба петровских преобразований. Созданная государственной властью система социокультурных учреждений (светские школы, типографии гражданской печати, Академия наук и т. д.), указы, законодательно закреплявшие культурные новшества, не только расширяли сферу новой культуры, но и способствовали ее воспроизводству. Все это определяло особенности историко-культурного процесса, в частности практицизм, развитие тех областей культуры, в которых было заинтересовано правительство (образование, просвещение, наука, градостроительство).

При изучении истории русской культуры первых десятилетий XVIII в. нельзя не учитывать характера Петра I. Его энергия и целеустремленность, образованность, практические знания, интерес к отечественной истории и сознательное стремление к европеизации России, наконец, изменение самого представления о деятельности монарха, разрушение церемонности, степенности, принятых прежде при царском дворе, несомненно, влияли на дух и темпы преобразований.

В числе противников нововведений оказалась православная церковь. Такая позиция во многом определила политику к ней со

стороны абсолютизма. С ликвидацией патриаршества и созданием Синода (1721) начался почти 200-летний синодальный период в истории Русской православной церкви. Необходимость изменения церковного управления на началах коллегиальности и недопустимость противостояния светской самодержавной власти обосновывались «Духовным регламентом» (1721), одним из авторов которого был Ф. Прокопович.

С утратой церковью своей самостоятельности менялось значение религиозного мировоззрения как преобладающей формы выражения духовного творчества. Стало возможно более быстрое развитие рационализма, формирование нового взгляда на человека, его творческий потенциал, утверждение личностного начала в культуре.

5.1. Образование и просвещение

«Академии, школы дело есть зело нужное...» — писал Петр I. Развитие сферы образования в период его правления впервые становится государственной политикой. Старая школа, подчиненная церкви, не могла дать технически грамотных и образованных людей, в которых нуждалось государство. Обучение юношей за границей наукам, приглашение в Россию иностранцев — меры, к которым вначале прибегал Петр, также не решали этой проблемы. Так возникла потребность в формировании системы образования, отличительной особенностью которой были светскость и профессиональный характер.

В 1701 г. в Москве была открыта Школа математических и навигацких наук (Навигацкая школа) — первое светское государственное учебное заведение для подготовки специалистов морского флота (с 1715 по 1752 г. — Московская подготовительная школа петербургской Морской академии). За короткое время в столичных городах появилось еще несколько профессиональных школ: Артиллерийская (Пушкарская, 1701), Инженерная (1712), Медицинская (1707). По инициативе В. Н. Татищева при олонекских и уральских заводах возникли горнозаводские училища. Эти профессиональные учебные заведения продолжали существовать и в следующем столетии.

Все школы, как правило, имели подготовительные отделения, где ученики обучались письму, чтению и арифметике. Система преподавания сильно отличалась от нынешней: отсутствовали привычные уроки, науки изучались последовательно, и каждая составляла особый класс. По мере их освоения ученики переходили из класса в класс без переводных экзаменов. Основным в петровской школе

было овладение практическими навыками, поэтому главным принципом обучения была наглядность. При школах имелись библиотеки, мастерские, оснащенные приборами и инструментарием.

Первоначально школы были бессловными. Однако в Навигацкой школе уже с самого ее возникновения в высшем классе, где преподавались алгебра, геометрия, морские науки, могли обучаться только дети дворян. Детей разночинцев вскоре перестали принимать в эти школы, которые постепенно превращались в привилегированные учебные заведения. На базе некоторых профессиональных школ впоследствии образовались закрытые специальные учебные заведения. Исключение составляли медицинские школы, куда могли поступать в основном разночинцы. В связи с необходимостью владеть латинским языком учащиеся нередко набирались из семинаристов, студентов Славяно-греко-латинской академии.

В первой четверти XVIII в. в России появляются цифирные школы, дававшие начальное образование. В 1714 г. они были организованы в ряде провинциальных городов. Указ Петра предписывал «всем дворянским и подьячим детям» учиться в них «поголовно».

Однако вскоре правительство, как и в случае с профессиональными училищами, стало отступать от принципа бессловности. В 1716 г. были освобождены от необходимости учиться в цифирных школах дети дворян, в 1722 г. — дети духовенства в связи с организацией епархиальных училищ. Впоследствии цифирные школы практически прекратили существование и в 1744 г. были слиты с гарнизонными школами, в которых обучались солдатские дети. Епархиальные училища, создаваемые при монастырях, архиерейских домах, с самого начала были словными: в них учились только дети духовенства.

Строгий запрет на обучение в государственных школах существовал для крестьян, особенно крепостных. Но в городах, селах сохранялись старые формы обучения — так называемые школы грамоты, в которых постигали азы образования дети простолюдинов. В дворянских семьях распространялось домашнее обучение.

В России еще не существовало специальных учебных заведений для подготовки учителей. Обычно в школах учителями работали иностранцы, приглашенные на службу Петром I, преподаватели-практики, выпускники самих школ. При выборе специалистов-иностранцев Петр руководствовался не только их «ученостью», но и способностью к практической деятельности. В част-

ности, при организации медицинской школы был приглашен выпускник Лейденского университета (Нидерланды) — единственного европейского университета, где изучение медицины совмещалось с лечебной практикой. Медицинские школы в России создавались по образцу московской — при военных госпиталях, что придавало обучению практическую направленность.

Школа первой четверти XVIII в., перед которой стояли прежде всего задачи профессионального обучения, в известной мере способствовала решению этой проблемы. Учеба рассматривалась как особый вид службы, которая при Петре I приобрела новый характер, связанный с появлением системы чинов. Обучение в школах стало обязательным для дворян и духовенства. Дворянин перед венчанием в церкви должен был представить документ об окончании школы. Священник, не окончивший епархиального училища, не получал прихода.

Светская направленность знаний, новые формы обучения, связь с практикой в этих школах расширяли кругозор человека, возможности познания им окружающего мира. Все это способствовало распространению новой культуры.

В России значительно увеличилось издание учебников, справочной литературы, наглядных пособий. За первую четверть XVIII в. книг было издано больше, чем за все 150 лет, с начала книгопечатания. Книга становилась иной по содержанию, оформлению, по своему назначению, превращаясь в источник нужных и полезных знаний. Издавались учебники: «Букварь» Ф. П. Поликарпова-Орлова (1701), «Первое учение отрокам» Ф. Прокоповича (1720, с 1720 по 1724 г. букварь выдержал 12 изданий; был также напечатан на английском и немецком языках), а также словари, различные руководства по механике, технике, архитектуре. Все они, как правило, были иллюстрированы гравюрами, схемами, чертежами. Своеобразной энциклопедией знаний в области математики для своего времени стала «Арифметика» Л. Ф. Магницкого (1703). Эту книгу, как и первую печатную «Грамматику» Мелетия Смотрицкого (1619), М. В. Ломоносов назвал «вратами своей учености».

Важным шагом в утверждении светской культуры стало введение гражданской азбуки и начало гражданской печати. Реформа шрифта, проведенная в 1708—1710 гг., упростила сложную кириллицу и способствовала разделению сфер светской и церковной книжности. По меткому выражению Ломоносова, «при Петре Великом не одни бояре и боярыни, но и буквы сбросили с себя ши-

рокие шубы и нарядились в летние одежды». Окончательный вариант гражданской азбуки был утвержден Петром I в 1710 г. «Сими литерами, — указывал он, — печатать художественные и мануфактурные книги».

Правительство активно использовало различные печатные издания для пропаганды реформ. В указах, регламентах, манифестах, публицистике утверждалась и обосновывалась необходимость преобразований. В России начали издавать официальную печатную газету «Ведомости» (1702—1727), в которой публиковались сведения о военных, хозяйственных и культурных событиях, иностранная хроника. С 1708 г. начался выпуск массовых ежегодных календарей, не прекращающийся ни на один год вплоть до настоящего времени. Гражданские календари пользовались успехом, и тираж их для того времени был немалым (до 2 тыс.). В них содержалась разнообразная информация. Наряду со сведениями по агрономии, математике, истории, данными о погоде, «плодородии и недородии», «болезнях сего года» можно было узнать и свой гороскоп, и толкование снов.

В это время увеличилось число типографий, появились типографии гражданской печати, началась их специализация по типу литературы (учебники, карты, таблицы, официальные материалы, духовные книги и т. д.). В Москве в 1705 г. первую подобную типографию открыл В. А. Киприанов, один из активных участников петровских преобразований, известный как составитель некоторых учебных пособий, соавтор «Арифметики» Л. Ф. Магницкого. В его типографии гравировались таблицы к этой книге.

В 1714 г. открылась государственная книжная лавка в Гостином дворе в Петербурге. Здесь продавались печатные указы, азбуки, «считание удобное» (таблица умножения), гравюры, календари. В Москве книги можно было купить в лавке Печатного двора, в Торговых рядах. Однако книжная торговля в первые десятилетия XVIII в. была еще слабо развита. Она сдерживалась многими факторами: торговцы старопечатными и рукописными книгами неохотно распространяли светские издания из-за враждебного отношения к петровским преобразованиям. Книга дорого стоила, наконец, она была малодоступна, так как грамотность не получила широкого распространения. Тираж книг в это время был, как правило, невелик, только учебная литература печаталась большими тиражами.

В народной среде продолжала бытовать рукописная, старообрядческая книга, лубочная картинка. Известным политическим

лубком петровского времени была знаменитая картина «Как мыши кота хоронили», созданная в среде противников перемен.

Правительство, обеспокоенное появлением печатных и рукописных произведений, в которых осуждалась преобразовательная деятельность, в 1721 г. издало указ, запрещающий без разрешения Синода печатать и распространять «листы и картинки». Этот указ положил начало официальной цензуре.

5.2. Создание Академии наук

Известным итогом государственных преобразований в области просвещения и науки было учреждение Академии наук. Мысль об организации научного центра возникла у Петра еще в 1718 г., после посещения и знакомства с деятельностью Французской академии. В январе 1724 г. проект создания Академии наук и художеств, как она первоначально называлась, слушался на заседании Сената и был утвержден Петром I. Официальное открытие Петербургской академии наук состоялось в 1725 г. уже после его смерти.

Особенностью Академии наук было объединение научно-исследовательских и педагогических функций, что вытекало из необходимости не только развития науки, но и решения проблемы подготовки отечественных научных кадров. «Ныне в России, — указывалось в проекте, — здание к возвращению художеств и наук учинено быть имеет... и такое здание учинить, чрез которое бы не токмо слава сего государства для размножения наук нынешним временем распространилась, но и чрез обучение и расположение оных польза в народе впредь была». В системе Академии находились университет и гимназия.

Создание Академии наук было крупным событием в общественно-культурной жизни России. В стране впервые возник научный центр, имевший достаточно оснащенную базу для исследований в различных областях знаний. Академия имела библиотеку, музей, типографию, ботанический сад, обсерваторию, физическую и химическую лаборатории.

При Академии наук был создан Академический университет (1726—1766) — первое в России светское высшее учебное заведение. Из его стен вышли многие крупные ученые, имена которых стали широко известны русской науке и просвещению второй половины XVIII в. Выпускником университета был М. В. Ломоносов, ставший первым русским академиком. Он возглавлял его в 1758—1765 гг.

При поддержке государственной власти в обществе формировалась сеть научно-просветительных учреждений. В 1714 г. в Петербурге была основана старейшая в нашей стране библиотека. Фонд ее составили книги и рукописи царского собрания Московского Кремля, ряда иностранных библиотек, книжное собрание Петра I. Эта библиотека как книгохранилище вначале существовала при Кунсткамере, первом в России музее, открытом в 1719 г. Впоследствии, как и Кунсткамера, она вошла в состав Академии наук. С 1728 г. библиотека стала доступной для общественного пользования.

В первые десятилетия XVIII в. были созданы серьезные предпосылки для развития науки, связанные с практическими потребностями государства в освоении новых территорий и полезных ископаемых, а также с градостроительством.

В ходе экспедиций, организованных правительством, исследовались новые районы, изучались природные ресурсы страны, собирались коллекции по этнографии, минералогии, ботанике, биологии, материалы для составления географических карт. В результате обследования берегов Каспийского моря была впервые составлена карта Каспия. Камчатские экспедиции В. И. Беринга (30-е гг. XVIII в.) открыли пролив, разделяющий Европу и Азию. Это явилось важной вехой на пути географических открытий, результатом которых, как известно, стало картографическое описание очертаний материков Земли.

Одним из достижений технической мысли было создание А. К. Нартовым, выдающимся механиком своего времени, первого в мире токарно-винторезного станка. Научные и технические сведения применялись при сооружении плотин и механизмов на мануфактурах, при строительстве каналов, доков, корабельных верфей.

В петровское время предпринимались попытки написания отечественной истории, был создан труд по истории Северной войны (1700—1721). Петр I интересовался русской историей и заставлял своих сподвижников изучать ее. По его указанию в 1722 г. начался сбор материалов по истории России. Из всех епархий и монастырей было приказано доставлять в Москву рукописи, содержавшие интересные сведения, делать копии, а подлинники «отсылать в прежние места, откуда взяты». Основным руководством по истории России в школах оставался «Синописис» — первое учебно-историческое произведение. По переводным учебникам изучали всеобщую историю.

Интересно отношение Петра к Библии, которую он считал «премудрее всех книг». Он стремился использовать ее не только

для «познания Бога», но и для реальных земных дел. В 1716 г. Петр I приказал напечатать в Амстердаме Библию на голландском языке с дополнительными пустыми страницами для перевода на русский язык — «по усмотрению» церковных властей, «дабы чтением на природном языке Библии приучить охотников и к голландскому».

5.3. Общественная мысль

Преобразования первой четверти XVIII в. во многом определяли изменения в общественном сознании. Научные и культурные контакты России с Западной Европой влияли на проникновение в русское образованное общество гуманистических и рационалистических учений. В России в это время стали известны книги крупнейших европейских естествоиспытателей и философов: Коперника, Галилея, Ньютона, Декарта, Гоббса, Пуфендорфа, Лейбница и др.

Общественная мысль XVIII в. выдвинула ряд новых политических, социально-экономических и культурных проблем. Росло понимание роли государства в жизни общества. Это находило выражение в разработке идеологии абсолютизма, с которым связывалась судьба преобразований, общественного прогресса. Утверждение или неприятие абсолютной монархии было главным водоразделом в идейных столкновениях в Петровскую эпоху. Интересы основной массы дворянства полностью совпадали с политической программой абсолютизма. Оппозиция политической власти существовала главным образом среди части боярства и духовенства.

Последователи реформ выступали убежденными сторонниками абсолютизма. Одним из крупнейших его идеологов был Ф. Прокопович, теоретически обосновавший право монарха на неограниченную власть, приоритет светской власти над церковной («Духовный регламент», 1721; «Правда воли монаршей», 1722). Апофеозом самодержавной формы правления стал закон о праве монарха назначать наследника вопреки традиции перехода престола к старшему сыну (этот указ был отменен Павлом I).

Идея неограниченной власти в тот период все еще опиралась на традиционное понимание ее «божественного» происхождения. Но с распространением в общественном сознании взглядов европейских мыслителей идеология абсолютизма начинала использовать и рационалистические идеи «естественного права», «общест-

венного договора», выработанные раннебуржуазной политической мыслью XVII — начала XVIII в. В общественном сознании утвердилось представление о монархическом государстве как высшей форме власти, способной обеспечить «благо» всех подданных.

Концепция «общего блага» трактовалась как достижение благополучия в стране «через служение государственному интересу». Служба, прежде всего дворянства, становилась не только обязанностью, но долгом гражданина и верноподданного государя. В «Табели о рангах» (1722) подчеркивалось, что «никто, даже из знатных дворян, не получит никаких чинов, пока они Нам [Петру I] и Отечеству никаких услуг не окажут».

В Петровскую эпоху усиливается роль государственной власти во внутренней жизни страны. Государственной политикой наряду с управлением, финансами, судопроизводством становятся торговля, мануфактурная и заводская промышленность, образование, книгоиздательское дело.

Идеи о необходимости просвещения, хотя и медленно, но все же проникали в сознание общества. В публицистике можно было встретить мнение о целесообразности распространения грамотности даже среди крестьян. «Не худо бы так учинить, — писал И. Т. Посошков в известном сочинении «Книга о скудости и богатстве», — чтобы не было ни в малой деревне без грамотного человека. И положить им крепкое определение, чтобы безотложно детей своих отдавать учить грамоте». Пожелание «иметь крестьян умных и ученых» высказывал и В. Н. Татищев.

Взгляды передовых людей петровского времени в какой-то мере отражали изменения в общественном сознании, касавшиеся нового отношения к личности. Человека начали воспринимать как активно действующую личность, ценность которой определялась прежде всего приносимой отечеству пользой. Не богатство и знатность предков, а ум, храбрость, личные качества помогали теперь занять достойное место в обществе. Таковы были некоторые из сподвижников Петра I. Однако эти новые взгляды, идеалы гражданина и патриота формировались в обществе, где продолжало существовать и даже усиливаться крепостное право, лишавшее основную массу населения — крестьянство — элементарных человеческих прав.

В целом Петровская эпоха представляет важный период в развитии общественного сознания, связанный с ликвидацией монополии церкви в духовной жизни, развитием светского знания, рационалистических и научных идей, формированием концепции абсолютизма, появлением новых идейно-художественных тенденций.

5.4. Художественная культура

Изменения в жизни русского общества отражались в художественной культуре — литературе, театрально-музыкальном, изобразительном искусстве. Искусство начинало занимать принципиально новое место в духовной жизни. Оно становилось светским, более разнообразным в жанровом отношении, получало активную поддержку государственной власти. Большое идейно-художественное значение имело развитие авторского начала в искусстве, тесно связанное с новой концепцией человеческой личности. Но вместе с появлением этих тенденций художественная культура первых десятилетий XVIII в. сохраняла еще некоторые черты предшествующего столетия и имела в целом переходный характер.

В литературе продолжали существовать старые формы, но содержание литературных произведений менялось, появлялся новый герой.

Начало XVIII в. было временем расцвета повести («гистории»). Широко известна «Гистория о российском матросе Василии Кориотском», в которой отразились мировоззрение людей и черты реальной жизни той поры. Эта история должна была убедить читателя, что уважение, почет и богатство достигаются благодаря личным качествам человека, а не знатности его рода.

Рассматриваемый период занимает важное место в процессе становления русского литературного языка. Введение гражданской азбуки в известной мере обособило сферы светской и церковной книжности и способствовало укреплению делового языка, который в это время «выступил в роли средней нормы литературности» (В. В. Виноградов). Однако для литературы Петровской эпохи характерна большая языковая пестрота. Продолжал широко использоваться церковнославянский язык, кириллицей печатались и светские издания, в частности некоторые учебники. Наряду со старославянизмами и исконно русской лексикой стали употребляться иностранные слова, многие из которых сохранились в системе современного русского языка (гавань, рейд, каюта и др.).

Среди писателей и публицистов начала XVIII в. особое место занимает Ф. Прокопович, труды которого заложили основы теории литературы нового времени, художественно-эстетических принципов раннего классицизма (трактат «Поэтика» был прочитан на латинском языке в 1705—1706 гг., опубликован в 1786 г.; трактат «Риторика» был прочитан на латинском языке в 1706—1707 гг., опубликован в 1982 г.). Впервые обратившись в трагико-

медии «Владимир» (1705) к сюжету из отечественной истории (принятие христианства на Руси), он положил начало национально-исторической проблематике в русской драматургии. Из-за резкой антиклерикальной направленности эта пьеса не публиковалась до 70-х гг. XIX в.

Светская музыкальная культура была представлена несложными, бытовыми формами военной, застольной, танцевальной музыки, широкое распространение получил кант — род многоголосной бытовой песни, заимствованный из Литвы и Польши еще в предшествующее столетие. Канты были разнообразными по содержанию, но в основном носили торжественный характер и исполнялись на празднествах в честь военных побед России.

Первая четверть XVIII в. связана с большими успехами в развитии архитектуры и изобразительного искусства. В строительстве Петербурга, столицы России с 1712 г., нашли наиболее полное воплощение принципы архитектуры нового времени: предварительный план застройки города, особого типа регулярная планировка городских ансамблей с системой улиц, кварталов, площадей. Строительством Петербурга, начавшимся с 1703 г., занималась Канцелярия от строений, созданная для этой цели. Массы крестьян из центральных уездов, в том числе большое число квалифицированных русских мастеров, возводили новую столицу. В 1714 г. Петр I запретил каменное строительство по всей России, кроме Петербурга. Для строительства города были приглашены иностранные архитекторы — Ж. Б. А. Леблон, Д. Трезини, Б. К. Растрелли; после 1724 г. в нем стали участвовать и русские архитекторы — И. К. Коробов, М. Г. Земцов.

В России начала XVIII в. возникали и другие новые города — Азов, Таганрог. Произошли изменения в застройке старых городов, в которых находили отражение новые веяния в быту, укладе жизни. Возводилось много светских зданий, некоторые — специального назначения. Например, в Москве на Красной площади для театральных представлений была построена «Комедийная хоромина», строились помещения для мануфактур.

Памятники архитектуры петровского времени — Петропавловский собор (1712—1733) и здание Двенадцати коллегий (1722—1734, ныне — университет) Д. Трезини в Петербурге, Меншикова башня И. П. Зарудного (1704—1707) в Москве и другие — составляют важную часть нашего культурного наследия.

Новым явлением в изобразительном искусстве стали граюры, широко распространившиеся ввиду сравнительно недо-

рогого способа производства. Их изготовление поощрялось правительством. В гравюре утверждалось новое светское содержание искусства, она становилась непременным элементом учебной литературы, газет, календарей. Вместе с тем в ней сохранялись изобразительные приемы «народных картинок», лубка. Художников привлекали, как правило, современные события: военные баталии, торжественные смотры войск, виды новой столицы и др. Наиболее известным мастером-гравером был А. Ф. Зубов.

В Петровскую эпоху происходит становление искусства портрета. Портрет — ведущий жанр в русском изобразительном искусстве на протяжении всего XVIII столетия, и появление его было «одним из главных факторов, решивших судьбу русской живописи» (И. Э. Грабарь). Развитие этого жанра в петровское время связано с общими идейно-художественными процессами в культуре. Вместе с тем в нем нашли продолжение традиции древнерусского искусства с его высоким гуманизмом и нравственностью.

Становление портретной живописи связано с именем И. Н. Никитина. Он происходил из духовенства, начал свое художественное образование в живописной мастерской Оружейной палаты, был в числе первых пансионеров, обучавшихся в Италии. Произведениям Никитина присущи реализм, интерес к внутреннему миру человека. К числу наиболее талантливых его работ относятся портрет канцлера Г. И. Головкина и «Напольный гетман» (1720-е гг.), «Петр I на смертном ложе» (1725).

Крупным мастером был А. М. Матвеев, получивший художественное образование в Голландии. Наиболее известна его работа «Автопортрет с женой» (1729), в которой художник сумел очень тонко показать интимность и целомудренность человеческих отношений.

В начале XVIII в. в России работало много иностранных живописцев, среди которых особенно значительно творчество И. Г. Таннауэра и Л. Каравака.

5.5. Новые явления в культурной жизни

В Петровскую эпоху происходили перемены в быту, нравах, одежде. Все они были следствием культурных преобразований, которые привели к смене «языка культуры» (Д. С. Лихачев). Многое в общественно-культурной жизни того времени появилось впервые: новая одежда, новая иерархия чинов, закреплённая «Табелью

о рангах»; была учреждена новая система орденов, в том числе высший орден Андрея Первозванного. Россия стала империей. Сенат присвоил Петру I титул императора, и в 1721 г. впервые была проведена новая церемония коронации. Впоследствии этот торжественный акт сопровождал вступление на престол каждого нового монарха.

Все новшества — ношение европейского платья (камзолы, чулки, башмаки, галстуки, шляпы), бритье бороды — были обязательными для дворян. Несоблюдение новых обычаев влекло за собой большой денежный штраф. Нововведения почти не затрагивали крестьян, мелкий городской люд, выходцев из податных сословий. Крестьянам разрешалось носить бороду, но они должны были платить специальный «бородовой налог». Обычно он взимался при въезде в город. Право не брить бороду, носить платье старого покроя было сохранено за духовенством.

По сравнению с предшествующим временем значительно ускорился темп жизни. Этому во многом способствовало увеличение потока информации: появление газеты, рост переводной и оригинальной литературы, поездки в западноевропейские страны.

Петр ввел новое летосчисление: его указ (январь 1700 г.) предписывал перейти на порядок счета лет от Рождества Христова, принятого во всех европейских странах. По старому русскому календарю новый год начинался 1 сентября, и счет годам велся от сотворения мира, которое, как считали, произошло за 5508 лет до рождения Христа. Переход к новому летосчислению совершился на основе юлианского календаря (старый стиль), в то время в большинстве стран Западной Европы использовали григорианский календарь (новый стиль).

Изменился общественный быт петровского времени, появились новые формы общения, развлечений, многочисленные светские праздники с иллюминацией, фейерверками и маскарадами. С этого времени берет начало празднование Нового года с наряженной елкой и «огненными потехами».

В 1702 г. в Москве открылся первый публичный театр. На Красной площади в «Комединой хоромине» труппа иностранных актеров разыгрывала светские пьесы: трагедии античных драматургов, комедии Ж.-Б. Мольера и др.

1718 г. — год официального введения ассамблей. Они устраивались согласно указу царя в домах вельмож. На ассамблеи приглашалось избранное общество: высшие офицеры, вельможи, чинов-

ники, богатые купцы, ученые, впервые на них присутствовали женщины. Здесь танцевали, вели беседы, играли в шашки, шахматы, в отдельной комнате мужчины могли курить (в обществе курить считалось неприличным). Впоследствии ассамблеи превратились в балы и сохранялись как форма общения и отдыха дворянства на протяжении длительного времени.

В среде образованного русского общества получило распространение музицирование — игра на клавикорде, скрипке, флейте. Светская музыка исполнялась на ассамблеях, торжественных празднествах, во время прогулок в Летнем саду, в домах вельмож, где стали устраивать концерты любительских оркестров. Особый царский указ делал обязательным посещение этих концертов для столичного дворянства.

Вместе с новой концепцией жизни государство вводило новые, часто непривычные для русского человека правила поведения. Сводом правил для молодого дворянина, вступающего в свет, стало знаменитое «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению, собранное из разных авторов» (1717). Это сочинение определяло поведение человека образованного, воспитанного, знающего правила хорошего тона. Но государство хотело видеть в нем прежде всего верноподданного служащего. «Зерцалом» отроку предписывалось быть прилежным «во всех службах».

Культурные преобразования первой четверти XVIII в. определили основное направление историко-культурного развития. Однако культура этого времени представляла собой еще своеобразный сплав новаций и традиций: появление светской школы и сохранение патриархальных форм обучения, развитие светских знаний и предоставление Синоду права цензуры, новое отношение к человеку и сохранение крепостной зависимости. Во многом черты переходного периода имели литература и искусство. Новая культура распространялась главным образом в кругах дворянства и купечества. Представители податных сословий, видевших в ней «чужую», «господскую культуру», по-прежнему придерживались патриархальной системы ценностей.

5.6. Судьба культурного наследия Петровской эпохи

После смерти Петра I наступили сложные времена и в политической, и в общественно-культурной жизни России. Волна критики петровского наследия поднималась уже в недолгое правление

юного Петра II, внука преобразователя. Оппозиционные силы, пытавшиеся вернуть «уходящую» старину, особенно активизировались в годы правления Анны Иоанновны. Однако эти попытки были безуспешными. Петровские реформы в различных сферах русской жизни, в том числе и в области культуры, получили дальнейшее развитие.

В это время проявилось стремление части аристократии ограничить абсолютную власть монарха (заговор «верховников» в период правления Анны Иоанновны), в общественном сознании начинали формироваться идеи ограничения абсолютизма. Они исходили от боярства, сторонников центробежных политических сил. Победа оппозиции грозила повернуть Россию вспять, разрушить недавно возведенное здание русского абсолютизма. Однако он устоял, так как был поддержан дворянством и купечеством — теми силами, которые выступали за сохранение преобразований.

В художественно-образной форме эти события отразились в произведениях некоторых русских писателей. Так, А. С. Пушкин, высоко ценивший Петра, писал в поэме «Полтава»:

...Россия молодая,
В бореньях силы напрягая,
Мужала с гением Петра...
Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь. Так тяжкий млат,
Дробя стекло, кует булат.

Прочность и органичность культурных преобразований объяснялись их объективной необходимостью для жизни русского общества. «Нельзя не признать реформы Петра органическим явлением великорусской жизни, — писал К. Д. Кавелин, — явлением, которое по своей своеобразности и необычности требует самого внимательного рассмотрения. Зная судьбы преобразования в России, мы не вправе говорить свысока... о крутом, насильственном, внешнем характере его реформы».

Елизаветинское время оказалось чрезвычайно благоприятным для дальнейшего развития отечественной культуры. Для этого периода характерны накопление творческих сил и возможностей ее деятелей, сохранение культурного потенциала петровского времени.

Глава 6

Русская национальная культура второй половины XVIII в.

Во второй половине XVIII в. значительно возрос международный авторитет России. В результате военных побед страна превратилась в одну из сильнейших европейских держав. Вместе с тем это было время значительных социально-экономических сдвигов внутри русского общества, связанных с разложением феодально-крепостнической системы хозяйства, формированием в экономике капиталистического уклада, обострением социальных противоречий, усилением крепостнического гнета. Крупнейшая Крестьянская война под руководством Е. Пугачева была одним из ярких проявлений этих противоречий. Она оказала значительное влияние на общественное сознание, способствуя появлению серьезной оппозиционности по отношению к политической власти.

В этот период на фоне развития раннебуржуазных элементов в социальной структуре русского общества происходит окончательное оформление сословного строя, закрепляются права и обязанности сословий. Одним из свидетельств этого была ярко выраженная сословность культуры.

Усиливавшиеся контакты России с европейскими державами в международной политике, в области торговли, в различных сферах культуры не могли бесследно пройти мимо сознания русского общества, они оказывали существенное влияние на общественно-культурную жизнь страны. Идеи западноевропейского Просвещения, Война за независимость в Северной Америке, Великая французская революция воздействовали на общественную мысль. Сведения об этих событиях появлялись в русской прессе, о них писали деятели культуры, побывавшие за границей (Н. М. Карамзин «Письма русского путешественника», 1801). Некоторые из них, например граф П. А. Строганов, сами были очевидцами революционных выступлений в Париже в 1789 г.

Власть, обеспокоенная проникновением в среду образованного русского общества западных революционных идей, прибегала к усилению цензурных ограничений. В 60—70-е гг. роль цензоров выполняли главным образом Академия наук и Московский университет. В конце XVIII в. цензурный надзор усилился. Был отменен указ

о вольных типографиях, открытых в 1783 г.; для контроля за ввозом книг создавались отделы цензуры в Петербурге, Москве, портовых городах. В 1800 г. по распоряжению Павла I ввоз иностранных книг был вообще запрещен, а все частные типографии закрыты. Однако эти запреты правительства просуществовали недолго.

В духовной жизни общества практицизм, целесообразность, характерные для первых десятилетий XVIII в., уступают место более сложным идейно-нравственным проблемам и исканиям. Возрастала роль просвещения, которое рассматривалось теперь как средство решения многих социальных проблем. Подобные настроения, мысли, взгляды отражали влияние французского Просвещения.

В этот период национальные школы в литературе, театральном и изобразительном искусстве, музыке развивались, подчиняясь общим закономерностям европейского культурного движения. Однако их своеобразие и неповторимость сохранялись.

6.1. Образование и просвещение

К середине XVIII в. «образованность» становится модной среди дворянства. Получает развитие домашнее образование. Приглашенные учителя обучали недорослей разным наукам, в которых сами иногда были не очень сильны.

В России этого времени грамотность и образование были уделом небольшой, в основном привилегированной части общества. В наказах депутатов в Уложенную комиссию 1767—1768 гг., где впервые публично обсуждались вопросы образования, отмечалась небольшая польза от заведенных в России в петровское время училищ.

Основной формой обучения податного населения продолжали оставаться школы грамоты. Они создавались частными лицами («мастерами грамоты», как правило, священниками). Обучение в них велось в основном по Часослову и Псалтыри, но использовались некоторые светские учебники, например «Арифметика» Л. Ф. Магницкого. Она содержала сведения не только по арифметике, но и алгебре, геометрии, тригонометрии, геодезии, астрономии. Более полувека «Арифметика» была одним из наиболее широко используемых учебников.

Во второй половине XVIII в. была создана сеть закрытых учебных заведений, в первую очередь для детей дворян: Сухопутный шляхетский кадетский корпус (1731), Морской шляхетский корпус (1752). В 1759 г. был основан Пажеский корпус для зачисленных в придворные пажи (с 1802 г. военное учебное заведение типа кадетского корпуса, закрыто после 1917 г.). В эти заведения детей

принимали в возрасте от 4 до 6 лет. До 18—20-летнего возраста они воспитывались и обучались в полном отрыве от семьи. Их готовили для службы в армии, на флоте, а также при дворе. В это время стали уделять внимание образованию женщин — будущих матерей, жен, хозяек, светских дам. В 1764 г. в Петербурге было открыто Воспитательное общество благородных девиц при Воскресенском Смольном женском монастыре (Смольный институт, закрыт после Октябрьской революции) — первое в Европе светское учебное заведение для девушек из дворянских семей.

Развитие сословной школы превращало образование в одну из привилегий дворянства. Закрытые учебные заведения оставили заметный след в истории русской культуры. В них получили образование многие известные ее деятели. Шляхетский корпус, директором которого в 1794—1798 гг. был М. И. Кутузов, окончили А. П. Сумароков, П. А. Румянцев-Задунайский, К. Ф. Рылеев, А. Х. Востоков, Ф. В. Булгарин.

Во второй половине XVIII в. появляются профессионально-художественные училища (Танцевальная школа в Петербурге, 1738, ныне — Хореографическое училище имени А. Я. Вагановой; Балетная школа при Московском воспитательном доме, 1773). Академия художеств, основанная в 1757 г. (первоначально в структуре Московского университета), стала первым государственным центром художественного образования. С 1764 г. Императорская академия художеств была переведена в Петербург и получила статус самостоятельного учебного заведения. Музыкальные классы Академии сыграли известную роль в развитии музыкального образования и воспитания.

Закрытые учебные заведения создавались и для других сословий. В Москве на средства П. А. Демидова при Воспитательном доме было открыто Коммерческое училище для детей купцов и мещан (1779, в 1800 г. переведено в Петербург, просуществовало до 1917 г.), а также Екатерининский институт для девиц из семей купцов и мещан (1802).

Продолжала развиваться духовная школа. К концу XVIII в. в России существовала система сословной школы для священнослужителей, которая включала 30 семинарий, 115 епархиальных училищ и три академии (Московская, Киевская, Петербургская).

Качественно новым явлением в развитии просвещения в России было возникновение общеобразовательной школы. Начало ее связано с основанием в 1755 г. Московского университета и двух гимназий: для дворян и разночинцев с одинаковой программой обуче-

ния. Среди первых учащихся гимназии при Московском университете были будущие выдающиеся деятели отечественной культуры: В. И. Баженов, И. Е. Старов, Н. И. Новиков, братья Фонвизины, Д. С. Аничков. Через три года по инициативе профессоров университета была открыта гимназия в Казани, в которой, в частности, учились Г. Р. Державин, Н. И. Лобачевский, С. Т. Аксаков.

Московский университет состоял из трех факультетов: философского, юридического и медицинского. До конца 60-х гг. трехлетний курс философского факультета был обязательным для всех студентов. Лишь затем начиналась специализация по гуманитарным наукам или физике на философском либо на юридическом или медицинском факультетах. Таким образом, срок учебы составлял 7 лет, обучение было бесплатным.

Первый российский университет был бессословным (не принимали только крепостных). В 50—70-х гг. среди студентов преобладали разночинцы. Увеличение числа дворян в университете происходит после открытия в 80-х гг. Благородного пансиона. В Московском университете, в отличие от европейских, не было богословского факультета, богословие не было включено и в программу курсов. В первые годы в связи с преобладанием среди профессоров иностранцев лекции читались на латинском языке. Первую лекцию по философии на русском языке прочитал профессор Н. Н. Поповский. В конце 60-х гг., когда в университете начали работать отечественные профессора, русский язык стал более привычным в лекционных аудиториях.

Открытие Московского университета, так же как и Академии наук, было важнейшим общественно-культурным событием. Университет в Москве стал общенациональным центром просвещения и культуры. Созданный по инициативе и проекту М. В. Ломоносова, своим возникновением он во многом обязан поддержке И. И. Шувалова, известного деятеля русской культуры XVIII в., мецената, фаворита императрицы Елизаветы Петровны. Шувалов стал первым его куратором.

Московский университет уже в XVIII в. становится средоточием отечественного просвещения. Типография, открытая при нем в 1756 г., была, по существу, первой гражданской типографией в Москве. Здесь печатались учебники и словари, научная и художественная, отечественная и переводная литература (с французского, немецкого, латинского, греческого, еврейского языков). В типографии университета впервые были напечатаны произведения западноевропейских просветителей, начали издаваться жур-

налы: первый журнал для детей («Детское чтение для сердца и разума», 1785), первый в России естественнонаучный журнал («Магазин натуральной истории, физики, химии», 1788), журнал «Музыкальное увеселение» (1774). С 1756 г. Московский университет выпускал первую в России неправительственную газету «Московские ведомости», просуществовавшую до 1917 г.

Во второй половине XVIII в. начала формироваться система общеобразовательной школы. Утвержденный в 1786 г. Устав народных училищ был первым общим для России законодательным актом в области народного образования. Подготовка реформы была обусловлена, с одной стороны, распространением в образованных слоях общества гуманистических идей — составной части мировоззренческой системы Просвещения, с другой — осознанием правительством и самой императрицей необходимости «воспитания юношества с молодых ногтей». К составлению Устава был привлечен известный в то время педагог Ф. И. Янкович де Мириево. Согласно этому документу, в губернских городах должны были открыться главные четырехклассные училища, приближавшиеся по типу к средней школе, курс которых отличался известной энциклопедичностью. Он включал грамматику, основы геометрии, механики, физики, гражданской архитектуры, а также всеобщую и российскую историю и географию. В уездных городах предполагалось открыть малые двухклассные училища, в которых должны были изучать чтение, письмо, Священное Писание, элементарные курсы арифметики и грамматики. Впервые в школах вводились единые учебные планы, классно-урочная система, разрабатывалась методика преподавания. Преемственность в обучении достигалась общностью учебных программ малых училищ и первых двух классов главных училищ. Общеобразовательная школа была рассчитана на городское население.

Главные народные училища, открытые в 25 губернских городах, малые училища наряду с сословными школами, университетом и гимназиями в Москве и Казани составляли, таким образом, систему образования в России к концу XVIII в.

Школьная реформа сделала актуальной проблему подготовки учителей. Первые подобные учебные заведения возникли в Москве и Петербурге. В 1779 г. была основана Учительская семинария при Московском университете, а в 1782 г. открыто Петербургское главное народное училище для подготовки учителей народных училищ.

Появление новых учебников во второй половине XVIII — начале XIX в. связано с деятельностью Академии наук, прежде всего М. В. Ломоносова и профессоров Московского университета. Из-

данная в 1757 г. «Российская грамматика» Ломоносова заменила в качестве основного пособия по русскому языку уже устаревшую «Граматику» Мелетия Смотрицкого. Учебник по математике, составленный в 60-х гг. студентом Московского университета Д. С. Аничковым, сохранял значение основного пособия по математике в школах вплоть до конца XVIII в. Пособием по горному делу стала книга Ломоносова «Первые основания металлургии, или рудных дел». Отечественные учебники по географии (1776) и физике (1810) были написаны профессорами Московского университета Х. А. Чеботаревым и П. И. Страховым. В течение длительного времени во всех училищах и гимназиях в качестве учебника использовалась книга «О должностях человека и гражданина», изданная по распоряжению Екатерины II в 1783 г. Она представляла собой своеобразный официальный кодекс нравственных и общественных правил поведения человека.

Показателями распространения просвещения являлись усилившийся интерес к книге, ее собиранию, а также увеличившиеся тиражи печатных изданий, рост книжной торговли.

Расширялась издательская база, помимо казенных, появлялись частные типографии. Указ «О вольных типографиях» (1783) впервые предоставлял всем желающим право заводить типографии. Частные типографии были открыты не только в столицах, но и в провинциальных городах. В период борьбы Екатерины II и Павла I с проникновением в Россию идей Великой французской революции все частные типографии были закрыты. Однако эти меры правительства не могли изменить ход общественно-культурного развития. Изменяется тематика, увеличивается число оригинальных научных и художественных книг. По инициативе Екатерины II в Петербурге создается Собрание, старающееся о переводе иностранных книг (1768—1783). Оно занималось переводом и публикацией произведений античных классиков, французских просветителей. Издателем трудов Собрания некоторое время был Н. И. Новиков.

В 1773 г. в Петербурге Новиков организовал Общество, старающееся о напечатании книг. В его деятельности участвовали многие известные писатели, в том числе А. Н. Радищев. Деятельность Общества также была непродолжительной (до 1775 г.), поскольку оно столкнулось с большими трудностями, прежде всего со слабым развитием книжной торговли, особенно в провинции.

Основными центрами издания книг и журналов были Академия наук и Московский университет. В академической типографии печаталась главным образом научная и учебная литература.

По инициативе М. В. Ломоносова начал выходить первый русский литературно-научный журнал «Ежемесячные сочинения, к пользе и увеселению служащие» (1755). В академической типографии печатался и первый частный журнал «Трудолюбивая пчела» (1759), издателем которого был А. П. Сумароков.

Во второй половине XVIII в. периодика становится заметным общественно-культурным явлением не только столичных, но и провинциальных городов. В Ярославле появился первый провинциальный журнал «Уединенный пошехонец» (1786). В Тамбове стала издаваться еженедельная губернская газета «Тамбовские известия» (1788), основанная Г. Р. Державиным, в то время гражданским губернатором. В Тобольске выходил журнал «Иртыш, пре-вращающийся в Иппокрену» (1789).

Особая роль в издании и распространении книг принадлежала выдающемуся русскому просветителю и общественному деятелю Н. И. Новикову. «Из всех учреждений, служащих к просвещению народа... — писал он, — печатание книг нужных есть наипольнейшее». Новиков, как и другие русские просветители, считал просвещение основой социальных изменений. Невежество, по его мнению, было причиной всех заблуждений человечества, а знания — источником совершенства. Поэтому в распространении просвещения Новиков усматривал служение обществу. Но если люди, воспитанные Петровской эпохой, считали, что служение обществу и государственная служба одно и то же, то деятели культуры этого времени, в том числе и Н. И. Новиков, исходили из того, что общественность в жизненно важных вопросах могла обходиться без поддержки государственной власти.

Деятельность Новикова получила наибольший размах в период аренды им типографии Московского университета (1779—1789). Около трети всех издававшихся в России в то время книг (примерно 1000 наименований) выходило из его типографий. Он издавал политические и философские трактаты западноевропейских мыслителей, собрания сочинений русских писателей, произведения народного творчества, а также журналы, учебники, масонскую религиозно-нравственную литературу. Новиковские издания имели большой для того времени тираж — 10 тыс. экземпляров, который в известной степени отражал возрастающий интерес к книге.

В 60—70-е гг. XVIII в. большое распространение получила сатирическая журналистика. На страницах журналов печатались произведения, «к исправлению нравов служащие». Важная роль в рас-

пространении этих идей принадлежала новиковским изданиям «Трутенъ» (1769—1770) и «Живописецъ» (1772—1773).

Н. И. Новиков способствовал развитию книжной торговли, особенно в провинции, рассматривая ее как один из источников распространения книги. В конце XVIII в. книжные лавки существовали в 17 провинциальных городах, около 40 книжных лавок было в Петербурге и Москве. «Новиков, — писал В. Г. Белинский, — распространяя изданием книг и журналов всякого рода охоту к чтению и книжную торговлю, через это создал массу читателей».

В рассматриваемый период имелись библиотеки при университетах, гимназиях, закрытых учебных заведениях. Продолжала работать библиотека Академии наук. В 1758 г. была открыта библиотека Академии художеств, основу фонда которой составили подаренная куратором Московского университета И. И. Шуваловым коллекция книг по искусству, собрание картин Рембрандта, Рубенса, Ван Дейка. С момента основания она была общедоступной, в читальном зале книгами могли пользоваться не только студенты Академии, но и все желающие. В определенные дни недели для «любителей книг» открывались залы и в других библиотеках. В 80—90-е гг. XVIII в. в некоторых губернских городах (Туле, Калуге, Иркутске) появились первые публичные библиотеки.

Образованное дворянство в XVIII в. можно считать предшественником русской интеллигенции, которой было суждено сыграть большую роль в общественно-культурной жизни России.

Одной из особенностей культурного процесса конца XVIII — начала XIX в. было существование крепостной интеллигенции: художников, композиторов, архитекторов, артистов, многие из которых были талантливыми и просвещенными людьми.

6.2. Наука

XVIII век был временем успехов научной мысли. Ф. Энгельс так определил научные итоги этого столетия: «...знание стало наукой, и науки приблизились к своему завершению, т. е. сомкнулись, с одной стороны, с философией, с другой — с практикой». В основе этих успехов были рационализм, признание человеческого разума источником познания природы.

Русская наука развивалась в общем русле европейского естествознания. В Петербургской академии наук работали многие европейские ученые, среди них — крупнейший математик Л. Эйлер. Его открытия в области математического анализа, физики, техники оказали значительное влияние на современную науку. Наряду с

Академией центрами науки становятся Московский университет, Вольное экономическое общество (ВЭО) — первое ученое общество в России, основанное правительством в 1765 г. (до 1915 г.), Российская академия (1783), ставшая центром изучения русского языка и словесности.

У истоков национальной науки стоял М. В. Ломоносов. Ученый-энциклопедист и патриот, первый русский академик, он оказал значительное влияние на развитие отечественной и мировой науки и культуры, был избран почетным членом Шведской и Болонской академий наук. Заслуги Ломоносова в области геологии, минералогии, геофизики, физики, физической химии, химии огромны. Он был новатором во многих областях техники и технологии. Его интересовали горное дело и металлургия, производство стекла, получение солей и красок, создание эталонов изделий (пробирное искусство). Ломоносов возродил искусство мозаики в России, в его мастерских были созданы замечательные произведения мозаичного искусства.

В естествознании Ломоносов уделял внимание разработке кардинальных проблем, замыслы его во многом опережали время. В 1748 г. он сформулировал, а через несколько лет экспериментально доказал общий принцип сохранения материи и движения как всеобщий закон природы. Спустя почти три десятилетия этот закон был вновь открыт французским химиком А. Л. Лавуазье и стал реальным научным фактом. В 1760 г. великий русский ученый экспериментально доказал существование атмосферы на планете Венера.

М. В. Ломоносов много сделал для распространения просвещения в России. Настаивая на открытии университета в Москве, он писал: «Честь российского народа требует, чтоб показать способность и остроту его в науках и что наше Отечество может пользоваться собственными своими сынами не токмо в военной храбрости и других важных делах, но и в рассуждении высоких знаний».

К числу замечательных достижений отечественного естествознания можно отнести академические экспедиции 60—70-х гг. XVIII в., в работе которых участвовали такие крупные ученые, как П. С. Паллас, С. Г. Гмелин, И. И. Лепехин. Собранные во время экспедиций материалы по зоологии, ботанике, этнографии и археологии способствовали научному изучению природы и культуры народов России. Изданный в 1745 г. «Атлас Российской империи» стал событием мирового значения — к середине XVIII в. подобный атлас имела только Франция. К концу века получили распространение географические знания. В 70-х гг. вышел в свет «Географиче-

ский лексикон Российского государства» — первый географический словарь в России. География стала обязательным предметом во всех учебных заведениях. В 1803 г. русские ученые и мореплаватели И. Ф. Крузенштерн и Ю. Ф. Лисянский совершили первое кругосветное плавание, во время которого был получен богатейший материал для изучения Северного Ледовитого и Тихого океанов.

Развитие мануфактурного производства, где начинали применяться несложные машины и механизмы, стало толчком в техническом изобретательстве. И. И. Ползунов — русский теплотехник, мастер одного из алтайских заводов — впервые выдвинул идею об использовании силы пара в качестве двигателя. В 1765 г. он построил паровую машину. Однако машина после недолгой работы на одном заводе была остановлена, а потом и вовсе уничтожена. Другой механик-самоучка, И. П. Кулибин, изобрел множество оригинальных приборов и инструментов, усовершенствовал шлифовку стекол для оптических приборов, создал семафорный телеграф. Но все эти изобретения также не имели широкого практического применения.

Из гуманитарных наук наибольшее развитие в XVIII в. получила история. Основные достижения исторической мысли того времени связаны с деятельностью М. В. Ломоносова и В. Н. Татищева. Ломоносов впервые затронул вопрос об этногенезе славян, высоко оценил их древнюю культуру. Его «Краткий российский летописец» (1760) был основным учебником по истории. Четырехтомный труд Татищева «История Российская с древнейших времен» (1768—1784) явился первым опытом научного освещения отечественной истории. Важным фактом русской историографии XVIII в. стали исторические сочинения М. М. Щербатова и И. Н. Болтина, в которых также предпринималась попытка дать общую концепцию русской истории. Усиление внимания к отечественной истории выражалось в распространении исторической литературы, в оживлении интереса к народным преданиям и песням, в разработке исторической темы в литературе и искусстве. Это было существенным моментом в становлении национального самосознания.

6.3. Общественная мысль

Во второй половине XVIII в. духовная жизнь общества стала более сложной и дифференцированной. Общественная мысль вышла за рамки единого официального направления.

Новым явлением в общественно-культурной жизни России стало масонство — религиозно-этическое движение, возникшее в Англии

в начале XVIII в. В России первые масонские ложи появились в 1730-е гг. Движение существовало легально до 1822 г., когда правительство закрыло ложи; затем, вплоть до 30-х гг. XX в., — подпольно. Во второй половине XVIII в. масонство распространялось в России в форме розенкрейцерства, для которого было более характерно преобладание символики и даже мистики, в отличие от англосаксонской и французской систем, где доминировали рационализм и социальная окраска. В целом в России было распространено масонство низших ступеней, которое широко занималось филантропией, религиозно-просветительской деятельностью, стремилось к нравственному самоусовершенствованию человека. Философия этого движения с идеями совершенствования личности через просвещение эволюционным путем привела в его ряды многих деятелей русской культуры, публицистов, политиков (Н. И. Новиков, Н. М. Карамзин, М. М. Херасков, А. Н. Радищев, А. В. Суворов, М. И. Кутузов, М. М. Сперанский, многие декабристы).

Проблема государственной власти, отношение к самодержавию продолжали оставаться основными вопросами общественной мысли. Однако их осмысление в обществе изменилось. Под влиянием идей рационализма эпохи Просвещения стали складываться теоретически более аргументированные представления о государственной власти и ее роли в историческом процессе.

В петровское время намерения прогрессивных идеологов, как правило, совпадали с действиями правительства, и между ними не возникало разногласий. Однако во второй половине XVIII в. стали проявляться противоречия, и в ряде случаев они становились значительными.

Идеология «просвещенного абсолютизма» формировалась во времена Екатерины II как система общественно-политических взглядов, основанных на вере в «мудреца на троне», который правит страной по разумным, справедливым законам и стремится к общему благу своих подданных. Эта идеология определяла гражданскую позицию большинства деятелей русской культуры, стремившихся доступными им средствами говорить «истину царям», «учить царствовать монарха». Ее разделяли и представители оппозиционно-дворянского, консервативного направления (А. П. Сумароков, М. М. Щербатов), и сторонники просветительства (Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин). Идеальным монархом считался Петр I, в деятельности которого особенно подчеркивалась государственная польза.

Таким образом, в общественном сознании к концу XVIII в. сформировалось понимание самодержавия как политической

власти, которая в своей деятельности должна опираться на разумные, справедливые законы. Но вместе с тем уже в это время А. Н. Радищев высказал мысль, что «самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние». В лице Радищева общественная мысль XVIII в. поднялась до осуждения самодержавия и необходимости его свержения.

О развитии общественного сознания свидетельствовали постановка и обсуждение крестьянского вопроса, формирование просветительства как направления общественной мысли. В современной литературе понятия «просвещение» и «просветительство» часто употребляются как равнозначные. Однако их нужно различать. Просвещение — мировоззренческая система, включающая общественно-политические, философские, эстетические представления, в основе которых лежит рационализм. Это определенный этап в идейно-культурном развитии общества в эпоху перехода от средневековья к новому времени (впервые термин «просвещение» был употреблен Вольтером и Гердером). Просветительство — идеология эпохи Просвещения, возникновение которой связано с определенным уровнем буржуазного развития. Главным в русском просветительстве была его антикрепостническая направленность. У его истоков стоял М. В. Ломоносов. Русское просветительство включало широкий круг антиклерикальных и гуманитарных проблем, оно поставило на обсуждение крестьянский вопрос. Просветительство было первой антифеодальной идеологией в России.

Следует отметить, что формирование антифеодальных взглядов просветителей происходило в период, когда правительство также обращало внимание на крестьянский вопрос. В 1766 г. по инициативе Екатерины II был проведен известный конкурс в Вольном экономическом обществе (ВЭО) по проблемам крестьянской собственности на движимое имущество.

После подавления Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева усилились идейные споры вокруг крестьянского вопроса. Сатирические издания, прежде всего журналы Н. И. Новикова, критиковали крепостничество как социальное зло, обличали жестокость крепостников. Однако вопрос о ликвидации крепостного права в это время не ставился, что свидетельствовало о недостаточном уровне буржуазного развития русского общества. Это обстоятельство и отразило русское просветительство, представители которого (А. Я. Поленов, С. Е. Десницкий, Н. И. Новиков, Д. И. Фонвизин, И. А. Крылов) выступали с идеей ограничения произвола помещика, а не ликвидации крепостничества. По спра-

ведливому замечанию Н. А. Добролюбова, новиковские журналы «нападали не на принцип, не на основу зла, а только на злоупотребления этого, что в наших понятиях есть уже само по себе зло».

Дальнейшее развитие просветительской мысли связано с творчеством А. Н. Радищева, политические воззрения которого складывались после Крестьянской войны 1773—1775 гг. Радищев первым в России связал проблему уничтожения крепостничества с необходимостью ликвидации самодержавия. Его книга «Путешествие из Петербурга в Москву» (1790), вызвавшая «великое любопытство публики», стала известна Екатерине II, распорядившейся конфисковать и уничтожить все найденные экземпляры (Радищев напечатал книгу тиражом в 600 с лишним экземпляров, в продажу поступило только 25 экземпляров). Официально «Путешествие» находилось под запретом более века. Книга была издана вновь Герценом в 1858 г. в его Вольной русской типографии в Лондоне. Однако интерес к ней был очень большим, и она распространялась в многочисленных рукописных списках.

Фактами общественного сознания становились интерес к национальному языку, его истории, понимание необходимости его изучения. В XVIII в. происходило становление русского литературного языка. В основе этого процесса лежало сближение книжного и разговорного языков, преодоление различий между ними, создание принципиально новой системы литературного языка, ориентированного на народную разговорную речь.

В середине XVIII в. понятие «русский язык» включало славяно-русское красноречие, приказной язык, иностранные заимствования, устную речь с диалектами и областными говорами. Лексические нормы литературного языка впервые упорядочил М. В. Ломоносов. В сочинении «О пользе книг церковных в российском языке» (1757) он использовал известную еще с античных времен схему деления литературного языка на три стиля: высокий, средний и низкий. Однако реформа «трех штилей» сохраняла еще условность книжного языка и отличие его от разговорной речи.

В России появились научные общества, занимавшиеся разработкой русского языка. В 1783 г. в Петербурге была создана Российская академия — научный центр, целью которого было изучение русского языка и словесности. Помимо этого перед Академией ставилась и конкретная задача — составление толкового словаря русского языка и грамматики. Изданный в начале XIX в. «Словарь Российской академии» был первым словарем русского языка.

Окончательное становление русского литературного языка и закрепление его норм происходит в начале XIX в. в эпоху А. С. Пушкина.

В последнее время в обществоведении большой интерес вызывает вопрос о национальном самосознании и его роли в формировании национальной культуры. Идея объединения людей на основе, предполагающей помимо религиозного единства и другие связи, прежде всего патриотические, начинает определять развитие общественного сознания в период национальной консолидации, находит отражение в различных областях духовной культуры. Уровень национального самосознания связан с развитием умственной и духовной жизни, обострением социальных противоречий в обществе. В тесной связи с его ростом находится интерес к отечественной истории, фольклору, в том числе к народным преданиям.

В эпоху становления нации, распространения просветительства начал проявляться интерес к собиранию и изучению произведений народной культуры. Впервые издаются пословицы, народные песни, сказки. Важным этапом в собирании и изучении русского фольклора стал сборник былин, исторических, лирических песен и скоморошин, составленный и изданный Киршей Даниловым в 1804 г. Уже в то время прогрессивно мыслящие люди России видели в фольклоре важное средство узнавания и понимания народа. Радищев одним из первых высказал мысль, что в песнях «найдешь образование души нашего народа». В публицистике и литературной критике рубежа столетий подчеркивалось, что полезно «иметь сведения о своих предках», «приучать россиян к уважению собственного, вникать в характер российского народа, в дух российской древности». Народная традиционная культура была живой питательной средой, которая сохраняла своеобразие русской национальной культуры и влияла на творческую переработку многих иностранных заимствований, вошедших в культурный быт XVIII в.

6.4. Художественная культура

Во второй половине XVIII в. возросла воспитательно-нравственная роль литературы и искусства. Появляются «просвещенный» читатель с интересом к светским романам и философским сочинениям, зритель, которого волновала высокая трагедия и увлекала комическая опера. В большой моде были домашние спектакли и музыкальные вечера. В столицах и провинции возрастает интерес к собиранию книг и коллекционированию произведений

искусства. С конца 60-х гг. в Академии художеств начали устраиваться ежегодные выставки живописи.

Русская художественная культура развивалась в направлении, в целом совпадающем с европейскими художественно-эстетическими стилями, и подчинялась общим закономерностям. Результатом этого развития был своеобразный сплав «европеизма» и национального своеобразия, которое сохранилось как основная характерная черта отечественной культуры.

Ее достижения во многом были связаны с именами русских писателей, композиторов, художников, архитекторов. Повышению профессионализма русского искусства и постепенному вытеснению иностранных мастеров как в творческом, так и в педагогическом процессе способствовала Академия художеств.

В художественной культуре основным направлением было барокко (главным образом в архитектуре), которое определило стилевое единство в 40—50-е гг. XVIII в. Эта архитектура с присущей ей контрастностью форм, пышным декором и грандиозностью сооружений заложила основы нового градостроительства.

Господствующим направлением в художественной культуре второй половины XVIII в. был классицизм. Русский классицизм сформировался несколько позднее западноевропейского, в частности французского. Процесс становления классицистического искусства не был одновременным в его различных сферах. Ранее всего он начался в русской литературе (30—50-е гг.), затем — в изобразительном искусстве (примерно с 60-х гг.). В своем развитии он подчинялся общим закономерностям, ему были присущи и нормативность, и жанровая регламентация, и ярко выраженный интерес к античности. Переводы античных авторов, особенно Анакреона и Горация, пользовались в России большой популярностью. Образцом совершенства считалась архитектура древнего мира. Элементы античной архитектуры (колонны, портики, фронтоны и т. д.) становились непременными деталями оформления зданий. Античные сюжеты получили широкое распространение в поэзии, драматургии, живописи. Эстетика классицизма, основанная на рационалистических идеях философии Просвещения, требовала от искусства решения больших государственных и общественных задач, что определяло его высокий гражданский пафос.

Но русский классицизм имел и некоторые национальные особенности. В отличие от западноевропейского, он был более тесно связан с просветительством. Это привносило в него идеи демократизма, понимание общественного долга в духе просветительских

принципов. Во многих художественных произведениях того времени находили выражение и сочувствие к судьбе обездоленного крепостного крестьянина, и осуждение жестокости, и убежденность в силе просвещения как средства избавления от многих социальных бед.

В эпоху классицизма в России сложилась новая художественная литература с развитой системой жанров (ода, элегия, басня, трагедия, комедия, повесть, роман). «Новая словесность», по словам Пушкина, была «плодом новообразованного общества». Существенно важными элементами этой литературы стали новая система стихосложения и литературный язык. Впервые принципы силлабо-тонического стихосложения сформулировал В. К. Тредиаковский в опубликованной им статье «Новый и краткий способ к сложению российских стихов». Эта система, заменившая силлабический стих, основана на чередовании ударных и безударных слогов в строке. Она лежит в основе русской поэзии до настоящего времени.

В области русского стихосложения и художественной прозы успешно работал М. В. Ломоносов («Письмо о правилах российского стихотворства», 1739; «Риторика», 1745).

Основоположником новой русской драматургии был А. П. Сумароков, поэт, автор первых русских трагедий и комедий. Его произведения способствовали воспитанию человеческого достоинства, гуманизма, высокой морали и чести. Будучи сторонником крепостного права, Сумароков, однако, критиковал его крайности.

В центре внимания литературы последней трети XVIII в. был вопрос о несовместимости неограниченной монархической власти с благом общества. Само понимание этой проблемы уже являлось показателем развития общественного сознания. Писатели начинают обращаться в своих произведениях к более острым социальным и политическим проблемам («Недоросль» Д. И. Фонвизина, «Властителем и судьям» Г. Р. Державина, «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева). Творчество Фонвизина, направленное против невежества и помещичьего произвола, положило начало сатирическому направлению русской литературы.

Крупнейшим поэтом конца XVIII в. был Г. Р. Державин. Заслгой его была демократизация поэтического слова. Он смело сочетал «высокий» и «низкий» стиль, внес элементы живой разговорной речи в литературный язык, называл поэзию «говорящей живописью». Окружавший поэта мир предстает в стихах в многообразии и сочности красок. И в то же время это мир поэта-мысли-

теля, которого волновали общественные проблемы и сложнейшие вопросы жизни и смерти, человеческой судьбы. Широкую известность принесла Державину ода «Фелица» (1782), в которой он стремился дать образ идеального монарха, но понимал уже, что «истину царям» следует «с улыбкой говорить».

На рубеже XVIII—XIX вв. в русской литературе формируется новое литературное направление — сентиментализм, отмеченное эмоциональным восприятием окружающего мира, повышенным интересом к человеку и его чувствам. Расцвет сентиментализма связан с творчеством А. Н. Радищева и Н. М. Карамзина. Героем художественных произведений стал человек с его внутренним миром, что определяло большую притягательную силу сентиментальных повестей и романов. Слова Карамзина «и крестьянки любить умеют» из его известной повести «Бедная Лиза» воспринимались читателем как открытие мира чувств и переживаний, способности любить и страдать.

Просветительская в своей основе литература XVIII в. несла в себе гуманистическое и сатирическое начало и продолжала развивать традиции протопопы Аввакума и других писателей. Но вместе с тем, отвечая требованиям эпохи, литература русского классицизма создала образ нового человека — патриота и гражданина. Она способствовала утверждению внесловной ценности человека и решительно боролась с жестокостями крепостничества.

Середина XVIII в. — важный рубеж в театральной культуре, успехи которой были связаны с развитием отечественной драматургии. Во второй половине XVIII в. театральные труппы существовали в столицах, некоторых провинциальных городах, а в дворянских поместьях — крепостные театры.

В 1756 г. в Петербурге был создан первый в России государственный «Русский для представления трагедий и комедий театр». Основу его составила труппа ярославских актеров во главе с Ф. Г. Волковым, замечательным русским актером, происходившим из купцов. Основателем и директором театра был А. П. Сумароков. В Петербурге в это время действовал школьный театр при Сухопутном шляхетском корпусе, а в 1779 г. возник частный театр на Царицыном лугу (ныне — Марсово поле), которым руководил известный русский актер И. А. Дмитревский. На его сцене впервые были поставлены пьесы Д. И. Фонвизина, а в комедии «Недоросль» Дмитревский сыграл роль Стародума. Но театр просуществовал недолго — в 1783 г. он был закрыт по указу Екатерины II.

В Москве театральные представления разыгрывались в университете итальянской труппой Д. Локателли. В 1780 г. открылся Петровский театр, в репертуаре которого, как это было принято, были драматические, оперные и балетные спектакли.

В конце XVIII — начале XIX в. возросла роль театра в общественно-культурной жизни. Театральный репертуар становится предметом обсуждения в печати, высказывались настойчивые пожелания создать национальную драматургию, которая отражала бы русскую народную жизнь и историю. В 1792 г. актер и драматург П. А. Плавильщиков в журнале «Зритель» писал, что «отечественность в театральном сочинении должна быть первым предметом». В условиях патриотического подъема первого десятилетия XIX в. эти идеи находили отклик в русском образованном обществе. Успех трагедий В. А. Озерова, одного из самых популярных драматургов того времени, определялся в большей степени их политической актуальностью, созвучностью современным событиям (трагедия «Дмитрий Донской», 1807).

Музыка приобретала более сложный и разнообразный характер. Получило распространение любительское музицирование, устраивались публичные концерты с участием зарубежных и русских исполнителей, о чем сообщалось в столичных газетах. В 1802 г. в Петербурге было создано Филармоническое общество, которое ставило целью «возбуждать в публике интерес к древней и классической музыке». В середине XVIII в. широкую популярность в России получили итальянская и французская опера, творчество итальянских композиторов. Некоторые из них (Б. Галуппи, Д. Паизиелло и др.) работали в России придворными композиторами и дирижерами.

В последней трети XVIII в. формируются отечественная композиторская школа, сложные жанры оперной, хоровой, инструментальной, камерной музыки.

Ведущим музыкальным жанром становится опера. В театральном репертуаре преобладала комическая опера. Героями ее, как правило, были простые люди — крестьяне, ремесленники, купцы, которые не терялись в трудных жизненных ситуациях благодаря своему уму и находчивости. Огромным успехом пользовалась опера А. О. Аблесимова «Мельник — колдун, обманщик и сват» (1779, музыка М. М. Соколовского, последующая обработка Е. И. Фомина). Популярной была опера В. А. Пашкевича на слова М. А. Матинского «Санкт-Петербургский гостинный двор, или Как поживешь, так и прослывешь» (1792). Комическая опера сблизила профессиональную сцену с русским песенно-танцевальным фольклором, бытовыми обрядами, разговорной речью.

Выдающимися мастерами русской национальной музыкальной школы конца столетия были Е. И. Фомин и В. А. Пашкевич. Для творчества этих композиторов характерны демократизм, интерес к народному мелосу. Мелодрама Фомина «Орфей» (1792), написанная на текст Я. Б. Княжнина, стала крупнейшим достижением музыкальной культуры XVIII в. Возрожденная в наше время, эта опера с успехом исполняется на концертной эстраде.

На рубеже XVIII—XIX вв. появился жанр камерной лирической песни — «русская песня», текст которой обычно заимствовался из русской поэзии. Развитию этого жанра во многом способствовало творчество О. А. Козловского, автора театральной музыки, маршей, полонезов. Сочиненный им в 1791 г. полонез с хором «Гром победы, раздавайся» на слова Г. Р. Державина исполнялся длительное время как русский национальный гимн.

Своеобразным явлением общественно-культурной жизни России второй половины XVIII — начала XIX в. был крепостной театр. Некоторые из крепостных театров, например графа Н. П. Шереметева в Останкине, князя Н. Б. Юсупова в Архангельском, были широко известны среди любителей-театралов. На их сцене выступали многие талантливые актеры и музыканты, в театре Шереметевых славилась своей великолепной игрой П. И. Ковалева-Жемчугова. Замечательным скрипачом и композитором был И. Е. Хандошкин, внук крепостного крестьянина. Он считается основоположником русской скрипичной школы, одним из известных виртуозов-исполнителей.

Изобразительное искусство, как и другие области художественной культуры, развивалось на эстетических принципах классицизма в русле идей эпохи Просвещения. Во второй половине XVIII в. оно становится более сложным в жанровом отношении. В академической живописи складывается система жанров: портрет, монументально-декоративная живопись, пейзаж, театрально-декорационное искусство и историческая живопись, которой в Академии художеств длительное время отдавалось предпочтение перед другими жанрами. В исторической живописи проявлялся интерес к прошлому народа и государства. С 60-х гг. темы «из российской истории» для написания живописных полотен стали ежегодно предлагаться в Академии художеств.

Первым русским историческим живописцем был А. П. Лосенко. Он окончил Академию художеств, учился за границей, вернувшись в Россию, стал преподавать в Академии художеств. Одна из наиболее известных его картин — «Владимир перед Рогнедой»

(1770), в которой художник одним из первых обратился к национальной теме. Но он трактовал исторические события в рамках условно-академической системы образов. Творчеству другого художника — Г. И. Угрюмова свойственны стремление к большей исторической достоверности («Избрание Михаила Федоровича на царство», 1799; «Взятие Казани», 1800).

В развитии жанра портрета во второй половине XVIII в. проявлялись две тенденции: повышение художественного уровня, углубление реалистичности образа и расцвет парадного портрета, совпавший с широким распространением оды в литературе этого времени.

В творчестве А. П. Антропова особенно были сильны традиционные национальные черты «парсунного» искусства. Он явился одним из создателей жанра камерного портрета (портрет А. М. Измайловой, 1759). Работы Ф. С. Рокотова отличаются интимность, душевная тонкость и сложность одновременно; его живопись поражает легкостью, «воздушностью», поэтичностью (портрет А. П. Струйской, 1772). В картинах Д. Г. Левицкого, ученика Антропова, сильно жизнеутверждающее просветительское начало. Он много работал в жанре парадного портрета, создал глубокие по содержанию портреты деятелей эпохи Просвещения (портреты Д. Дидро, 1773—1774; Н. И. Новикова, 1792; серия портретов воспитанниц Смольного институт — «Смолянки», 1773—1776). Творчество В. Л. Боровиковского, работавшего на рубеже XVIII—XIX вв., связано с идеями сентиментализма. Художник пишет камерные портреты, преимущественно женские, лучшим из них считается портрет М. И. Лопухиной (1797). Он впервые дает в портретах пейзажный фон. В первое десятилетие XIX в. в творчестве Боровиковского усиливаются гражданские мотивы, определявшиеся общей идейной атмосферой эпохи (портрет г-жи де Сталь, 1812).

В конце XVIII в. появляются полотна на темы крестьянской жизни, портретные зарисовки крестьян (М. Шибанов. «Крестьянский обед», 1774; «Свадебный сговор», 1777; И. П. Аргунов. «Портрет крестьянки», 1784; серия акварельных рисунков И. А. Ерменева). Однако в живописи крестьянская тема проявилась не так оппозиционно, как в художественной литературе или публицистике.

Со строительством дворянских усадеб, имений зарождается интерес к ландшафтному пейзажу. Во второй половине XVIII — начале XIX в. преобладал пейзаж западноевропейских художников, русские живописцы также чаще рисовали картины итальянской природы (С. Ф. Щедрин). Новым явлением стал городской архитектурный пейзаж (Ф. Я. Алексеев).

В рассматриваемый период были заложены основы светской скульптуры. Ф. И. Шубин — один из выдающихся отечественных скульпторов — создал галерею скульптурных портретов, в том числе портрет М. В. Ломоносова (1792). Скульптура становится украшением парков и садов Петербурга и его окрестностей. Появляются светские памятники, поставленные в честь выдающихся деятелей. Так, памятник Петру I в Петербурге по праву может быть отнесен к шедеврам мировой скульптуры (Э. М. Фальконе. «Медный всадник», 1782).

Архитектура классицизма составляет одну из замечательных страниц нашего культурного наследия. Основоположниками русского классицизма были В. И. Баженов и И. Е. Старов, создавшие архитектурную классику, основанную на национальных традициях: Дом Пашкова в Москве (1784—1786, ныне — одно из зданий Российской государственной библиотеки), Таврический дворец в Петербурге (1783—1789). С именем М. Ф. Казакова связано появление замечательных архитектурных памятников в Москве: здания Сената в Кремле (1776—1787); университета (1786—1793); Голицынской больницы (1796—1801, ныне — 1-я городская больница); дома князей Долгоруких (1775), переданного Дворянскому собранию.

Особенностью градостроительства этого времени были развитие ансамблевой застройки, сооружение зданий специального государственного и общественного назначения (административные, научные, учебные, больницы, театры, библиотеки). По разработанному проекту перестраивались провинциальные города. В каждом губернском городе на центральной площади помимо собора, как правило, возводились присутственные места и торговые ряды, ставшие приметами новой общественно-политической и экономической жизни. Город становился средоточием новой культуры, здесь возникали новые социокультурные учреждения (школы, музеи, библиотеки, театры).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

XVIII век открывает новый этап в развитии русской культуры. Основным содержанием историко-культурного процесса этого времени было формирование национальной культуры, в том числе становление национальных школ в живописи, музыке, архитектуре.

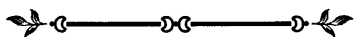
Отличительной чертой новой культуры была светскость, которая начала доминировать в художественной сфере. Вместе с тем

сохранялась и развивалась религиозная культура: духовная музыка, культовые сооружения, церковнославянская письменность.

Особенностью русской культуры, имевшей глубокие исторические корни, была ее открытость для контактов с другими народами при сохранении цельности и национальной самобытности.

XVIII век отличался от средневековья большим единством и усложнением идейно-художественной жизни. Правительство впервые стало проводить целенаправленную политику в области образования и просвещения. Это вытекало из необходимости решения важных задач, стоявших перед государством и обществом.

Средоточием новой культуры становился город, где возникали такие социокультурные учреждения, как школы, музеи, библиотеки, театры.

Контрольные вопросы и задания

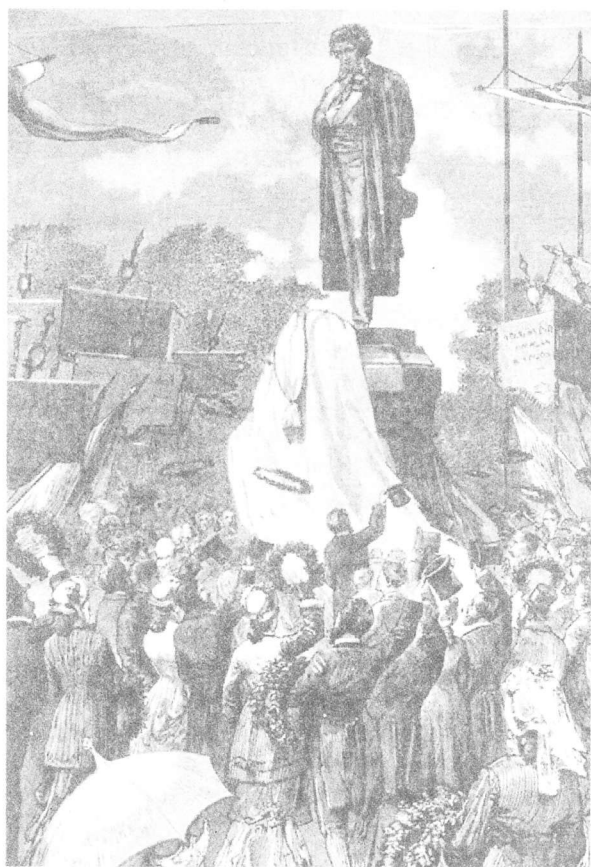
- Раскройте содержание понятий «новый период», «новая культура».
- Почему петровские преобразования, несмотря на противодействие со стороны части боярства и церкви, получили дальнейшее развитие?
- Что нового появилось в системе образования России в XVIII в. по сравнению со средневековьем?
- Назовите произведения художественной культуры, в которых представлен образ Петра I.
- Укажите причины появления и развития жанра портрета в живописи XVIII в.

Раздел III

РУССКАЯ КУЛЬТУРА
XIX века

Мы зреем не веками, а десятилетиями.

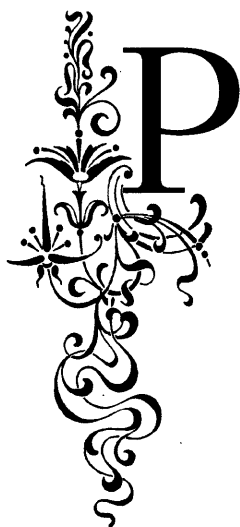
Н. М. Карамзин

Дух преобразования заставляет
везде умы клокотать.

П. И. Пестель

Век девятнадцатый, железный,
Воистину жестокий век!
Тобою в мрак ночной, беззвездный
Беспечный брошен человек!..
Век буржуазного богатства
(Растущего незримо зла!)
Под знаком равенства и братства
Здесь зрели темные дела.

А. А. Блок

Развитие русской национальной культуры составляло основное содержание историко-культурного процесса XIX столетия. Оно происходило в условиях, когда наряду с экономической интеграцией, развитием буржуазных форм общественного сознания продолжала существовать и сословность как одна из особенностей социальной жизни, присущая России. Правительство в своей политике в целом исходило из необходимости сохранения сословности, однако сама жизнь часто разрушала эту идеологическую заданность.

Особенностью отечественной культуры были ее «всемирная отзывчивость» и способность к усвоению элементов других культур при сохранении национальной цельности и самобытности. Этому способствовало длительное, многовековое хозяйственное и культурное общение русского народа с народами, входившими в состав Российской империи.

Отличительной чертой России как многонационального государства было отсутствие границ, отделявших центр от окраин и обособлявших национальные регионы. Хозяйственные и культурные связи русского народа с другими народами существовали длительно и постоянно. Это оказывало благотворное влияние и на культуру народов России, и на русскую культу-

ру. Через взаимные контакты национальная интеллигенция овладевала русским языком, приобщаясь к духовным богатствам русской и мировой культуры. В то же время идейно-художественный мир русских писателей, художников, композиторов становился богаче в процессе познания культур народов России.

Глава 7

Культура дореформенного времени. Первая половина XIX в.

Каждый новый период в истории культуры органически связан с предшествующим временем, и вместе с тем в нем появляются качественно новые явления. В этом собственно проявляется одна из закономерностей историко-культурного процесса — преемственность культуры как основы формирования культурного наследия.

В первые десятилетия XIX в. на общественное сознание продолжали оказывать влияние идеи просветительства. Сохранялось понимание просвещения как силы, способной излечивать многие социальные язвы и преобразовывать жизнь. И. П. Пнин в книге «Опыт о просвещении относительно к России» (1804) связывал вопросы распространения просвещения с ликвидацией крепостнических порядков. Мысль о бессловном образовании, всеобщем и равном «общественном воспитании» высказывал В. В. Пугаев, наиболее последовательный «радищевец» начала XIX в.

Уже в конце XVIII столетия определилась более тесная связь художественной культуры с идейными исканиями, начался процесс формирования национальных школ в живописи, музыке, архитектуре, а также современного русского литературного языка.

В начале XIX в. происходит окончательное становление института цензуры, игравшей в руках правительства роль инструмента, определявшего направление и возможности развития просвещения, литературы и журналистики. Первый цензурный устав в России (1804) отразил либеральные настроения того времени. Цензура поручалась Министерству народного просвещения, цензурные комитеты создавались при университетах, обязанности цензоров выполняли профессора, отменялась предварительная цензура.

Новое столетие по сравнению с предшествующим временем было более динамичным в социально-культурном отношении. «Мы зреем не веками, а десятилетиями», — писал Н. М. Карамзин, один из классиков нашей отечественной культуры конца XVIII — первой четверти XIX в. Формами проявления общественной деятельности в первые десятилетия XIX в. были широко распространенные разнообразные легальные и тайные общества, кружки, салонные собрания.

Огромное влияние на общественно-культурную жизнь первой половины XIX в. оказали два события в истории страны — Отечественная война 1812 г. и движение декабристов. Они стали факторами, серьезно повлиявшими на сознание людей, политику правительства в отношении культуры, и прежде всего просвещения. Они не прошли бесследно также и для многих областей художественной культуры.

Эпоха 1812 г. — важный этап в становлении самосознания нации. Идеиная атмосфера предвоенных лет и периода Отечественной войны вызвала в стране небывалый патриотический подъем. Успешное завершение войны воспринималось современниками как национальная победа, предотвратившая иноземное порабощение. «Война 1812 г., — писал И. Д. Якушкин, — пробудила народ русский к жизни и составляет важный этап в политическом его существовании». В. Г. Белинский писал о 1812 годе как об эпохе, с которой «начиналась новая жизнь для России», подчеркивая, что дело не только «во внешнем величии и блеске», но прежде всего во внутреннем развитии в обществе «гражданственности и образования», которые были «результатом этой эпохи».

С ростом национального самосознания связан интерес к собственной истории. Событием огромного культурного значения была «История государства Российского» Н. М. Карамзина, которая явилась ответом на осязаемую в начале XIX в. общественную потребность исторического осмысления самих себя, своего места в истории. Карамзин был первым историком, которого стала читать публика.

Эпоха 1812 г. была временем, когда в общественных кругах, близких к правительству, среди некоторых церковных деятелей получили распространение религиозные искания, увлечение мистицизмом, идеями католицизма. Этому во многом способствовала политика Александра I, основанная на принципах конфессионального индифферентизма, которая уравнивала в правах все христианские религии наряду с православием.

В универсальном христианстве, основанном на религиозной морали, отрицавшей социальные потрясения, в этот период выражалась определенная общность России и Западной Европы в борьбе с революционной опасностью. Эти идеи были положены в основу Священного союза и определяли руководящую роль России в нем. Религиозные искания и увлечение универсальным христианством свидетельствовали и о некотором разочаровании идеями просвещения, которое испытывало общество в начале XIX в.

Религиозная политика Александра I основывалась на его убеждении, что универсальное христианство возможно. «Я верю, — говорил он Жозефу де Местру, — когда-нибудь все исповедания сойдутся, даже не сомневаюсь в этом. Но время еще не пришло».

Еще при Павле I была разрешена деятельность Ордена иезуитов, стремившихся к распространению католицизма в России. Александр I покровительствовал миссионерской деятельности Британского библейского общества, занимавшегося распространением Библии. В декабре 1812 г. была разрешена деятельность петербургского Библейского общества. В это время Библия издавалась на русском, французском языках, языках народов России (прежде тексты Библии существовали только на церковнославянском языке). К 1825 г. было издано до 850 тыс. экземпляров Библии на языках народов России.

Однако стремление Библейского общества выступать в роли верховного арбитра в вопросах религии, образования, вмешиваться в дела православной церкви вызывало недовольство и протест со стороны и церковных иерархов, и некоторых политических деятелей (А. А. Аракчеева, архимандрита Фотия, А. С. Шишкова и др.). В 1826 г. Библейское общество прекратило свое существование (в 1863 г. оно было восстановлено под названием «Общество для распространения Священного Писания в России» и существовало до 20-х гг. XX в.). Несколькими годами ранее (1820) была запрещена деятельность иезуитов в России, по распоряжению правительства закрыты масонские ложи (1822). Тем самым правительство окончательно признало за православием роль основной официальной конфессии в Российской империи.

Выступление дворянских революционеров в декабре 1825 г. было также важной вехой в общественно-культурной жизни страны. А. И. Герцен писал, что декабристы «пробудили душу у нового поколения». Они создали «особый тип русского человека», отличающегося по своему поведению от того, что знала предшествующая

история. По мнению Ю. М. Лотмана, именно эта сторона деятельности декабристов оставила наиболее глубокий след в отечественной культуре.

Стремление осмыслить и понять идеи дворянских революционеров, принять или отвергнуть их способствовало активизации духовной жизни интеллектуальных слоев русского общества, появлению новых ориентиров в официальной идеологии.

Для общественной мысли XVIII — начала XIX в. связь России и Западной Европы была фактом очевидным. После событий 14 декабря 1825 г. осознание этой духовно-интеллектуальной связи стало восприниматься резко критически со стороны официальных властей. В правительственных документах (Манифест 13 июля 1826 г., «Донесение следственной комиссии») «декабризм» объявлялся «заразой, привнесенной извне», а противопоставление России Западной Европе возводилось в принцип официальной идеологии. Мысль о превосходстве самодержавной, православной России над «гниющим» Западом стала одной из составных частей теории официальной народности.

Идеи национальной самобытности стали применяться в культурной политике правительства, прежде всего по отношению к системе образования и просвещения. Для ограждения России от потрясений Западной Европы и их последствий предполагалось «умножить, где только можно, число умственных плотин». Так считал министр народного просвещения С. С. Уваров в начале 30-х гг.

Уже в последнее десятилетие царствования Александра I в школьном образовании усилилось влияние церкви и религии. В 1817 г. было создано Министерство духовных дел и народного просвещения во главе с А. Н. Голицыным — председателем петербургского Библейского общества. В 1819 г. во всех российских университетах учреждались кафедры «богопознания и христианского учения» и вводился курс богословия. В XVIII в. отсутствие богословия в учебном плане Московского университета отличало его от других европейских университетов. В начальных школах было запрещено изучение книги «О должностях человека и гражданина», из курса уездных училищ были исключены начала естественной истории и технологии, сократились курсы географии и истории. В политике правительства Николая I по отношению к школе главным стал принцип сословности.

Цензура становилась одним из средств борьбы с распространением в обществе прогрессивных идей. Изданный в 1826 г. цензур-

ный устав получил у современников название «чугунный». Цензор мог по своему усмотрению сокращать текст, заменять слова и выражения. С этого времени вплоть до конца николаевского царствования усиливалось открытое гонение на передовую литературу и журналистику, а годы, последовавшие за революционными событиями 1848 г. в Западной Европе, получили печально известное название «эпохи цензурного террора». К изданию запрещалось все, что в малейшей степени, по мнению властей, могло повредить существовавшим в России порядкам, «ослабить должное к власти почтение». В цензурных циркулярах 50-х гг. указывалось, что «в книгах для простого народа» нельзя допускать критики правительства, церкви, описывать «бедствия крепостного крестьянства», следовало «избегать говорить о народной воле, о требованиях к нуждам рабочих классов».

Наряду с общественно-политическими событиями, не менее важным фактором, определявшим содержание историко-культурного процесса этого времени, был уровень социально-экономического развития страны. Кризис феодально-крепостнической системы, дальнейшее развитие капиталистического уклада в экономике, углубление социальной дифференциации и начавшийся в последние предреформенные десятилетия промышленный переворот свидетельствовали о серьезных изменениях в социально-экономическом строе феодального общества на пути его движения к капитализму. Они во многом определили характер идейных споров и направление развития общественной мысли в дореформенный период.

7.1. Система образования

Деятельность в области просвещения, частью которого являлось народное образование, была наиболее подвержена колебаниям внутриполитического курса правительства.

Реформы Александра I начала XIX в. в области образования отличались последовательностью и верностью принципам эпохи Просвещения. В их основе лежал приоритет общего образования, идеи бессословности и светскости, преимущества обучения, мягкого, гуманного отношения к ученикам.

В 20—50-е гг. взгляд на задачи образования и степень его распространения в народе изменился. «Обучать грамоте весь народ принесло бы более вреда, чем пользы, — писал в 1824 г. в докладе царю А. С. Шишков, бывший тогда министром народного просвещения, — науки полезны только тогда, когда, как соль,

употребляются в меру, смотря по состоянию [сословию] людей». Так был сформулирован принцип сословности образования, ставший главным в политике правительства Николая I. Вторая четверть века отмечена усилением контроля государства над всеми формами обучения, нарушением его преемственности и стремлением к единообразию.

Начиная с конца XVIII в. происходило становление системы начального и среднего образования. Созданные в то время общеобразовательные училища не пользовались популярностью в обществе. Ревизия школ 90-х гг. XVIII в. констатировала их малочисленность. Это объяснялось тем, что необходимость грамотности для народа была осознана лишь передовой, наиболее просвещенной частью общества. В 550 учебных заведениях обучалось 60—70 тыс. человек, примерно 1 человек на 1,5 тыс. жителей. Число грамотных, вероятно, было больше, так как не учитывались частные формы обучения, которые, впрочем, не меняли общей картины.

В 1802 г. было создано Министерство народного просвещения, воспитания юношества и распространения наук — первый в истории России орган, осуществлявший централизованное руководство системой образования. Первым министром стал вельможа екатерининских времен граф П. В. Завадовский, сторонник либеральных реформ. Вся страна была поделена на 6 учебных округов (по числу университетов): Московский, Дерптский, Виленский, Казанский, Харьковский и Петербургский.

Реформаторы видели путь развития школьной системы в том, чтобы преобразовать главные училища в гимназии, связав их с университетами, и заинтересовать в них дворянство. Элементарная школа в виде приходских училищ, достаточная для податных сословий, должна была иметь существенно сокращенную по сравнению с прежними малыми училищами программу, что привлекло бы в них низшие слои общества. Связующим звеном между 1-й и 2-й ступенями должны были стать преобразованные из малых уездные училища. Созданная система высшего, среднего и начального образования в основе своей сохранялась, хотя и с некоторыми изменениями, на протяжении всего дореволюционного времени.

Основные положения новой системы образования были изложены в уставе учебных заведений 1804 г. Впервые в истории России в приходах, в том числе и в сельской местности, должны были учреждаться одногодичные (6—8 месяцев в году) приход-

ские училища, в которых дети «всякого состояния» без различия «полу и возраста» получали сведения, «им приличные». Здесь обучали чтению, письму, четырем действиям арифметики. Чтение и объяснение «Краткого наставления о сельском домоводстве, произведениях природы...» давало понятия о явлениях природы, способствовало искоренению суеверий и предрассудков. Содержание приходских училищ, состоявших из одного класса и имевших одного учителя, было возложено на городские власти или сельские общества. Появление приходских школ было высоко оценено современниками. Например, Н. М. Карамзин отмечал, что их заведение есть «истинное основание государственного просвещения».

Уездные училища открывались в уездных городах. В них принимались дети, освоившие курс приходской школы. Программа училища была рассчитана уже на 2 года (по 10—11 месяцев). Здесь изучали Священное Писание, грамматику русского и местного наречий, начала геометрии, физики, естественную историю, всеобщую и российскую географию. Училища имели двух учителей, которые преподавали по несколько предметов. Финансирование данных учебных заведений шло в основном из средств городского бюджета, благотворителей и частично из казны. Обучение в начальной школе было бесплатным. Однако в правящих кругах обсуждался вопрос о необходимости введения платы за обучение, что должно было дисциплинировать как учащихся, так и их родителей.

Среднее образование давали гимназии, в которые принимались дети, окончившие уездное училище или получившие соответствующее ему домашнее образование. По уставу 1804 г. перед гимназиями стояла двоякая цель: дав общее образование, подготовить юношество к поступлению в университеты и к несению государственной службы. Гимназии создавались в каждом губернском городе первоначально на базе главного народного училища. Исходя из поставленных целей, программа их четырехгодичного курса состояла из нескольких циклов предметов: математики, естественной истории, философских и экономических наук. Она также включала географию, историю, иностранные языки (латинский, французский, немецкий), изящные искусства, танцы, музыку, гимнастику. В учебном плане отсутствовали религиозные дисциплины, так как Закон Божий изучался в уездных училищах. Таким образом, гимназический курс как курс средней школы носил всеобъемлющий для своего времени характер. Учебный год продол-

жался 11 месяцев (с 1 августа по 1 июля). Штат гимназий состоял из 8 учителей.

Финансирование их, в отличие от начальной школы, государство брало на себя: на содержание каждой гимназии выделялось ежегодно от 5 до 6 тыс. рублей. Но правительство рассчитывало также и на участие общественности. Провинциальное дворянство и купечество не остались в стороне: они жертвовали деньги, книги для учебных библиотек, наглядные пособия, коллекции минералов и др.

В начале столетия реализовывался принцип преемственности, постепенности и непрерывности обучения. Окончившие приходские училища формально могли продолжить учебу в уездном училище. Изучение ряда предметов в гимназии являлось продолжением курса уездных училищ (история, география, геометрия, естественная история, физика).

В первой трети XIX в. учебные заведения были подведомственны в округах университетам, которые ведали учебными, методическими, кадровыми вопросами. Их профессора участвовали в составлении учебных программ, написании учебников, являлись «визитаторами», которые регулярно (не менее двух раз в год) посещали учебные заведения округа с ревизией их состояния.

Административно-правовые нормы устава предусматривали довольно мягкое отношение к личности ученика, например, запрещались телесные наказания. В духе просветительских идей трактовались обязанности учителя в преподавании: забота о «развитии рассудка», а не «изоощрении памяти».

Кроме казенных учебных заведений, учреждались также частные школы и пансионы. Разрешение на их открытие давали университеты при наличии свидетельства об образовательном цензе учредителя. Обязательными предметами в частных заведениях были Закон Божий и русский язык, остальные — по усмотрению учредителя. Эта форма обучения была популярна в зажиточных слоях населения. В 1808 г. в шести учебных округах действовали частные пансионы (всего — 91), в которых обучалось чуть больше 2,5 тыс. человек. Не регламентировалось и домашнее образование.

Состояние сферы образования во многом зависело от отношения к нему в обществе. Проведение реформы растянулось на многие годы и на практике столкнулось со многими трудностями переходного периода. Преобразование главных училищ в гимназии, а малых — в уездные училища требовало финансовых затрат

и определенной материально-технической базы. Ощущалось отсутствие специальных помещений, оборудования, учебных пособий, не хватало учителей, способных работать в школе. В 1800 г. в России было лишь 790 учителей, не существовало специальных учебных заведений для их подготовки. В уездных и приходских училищах работали в основном выпускники гимназий и духовных семинарий. Подготовка преподавателей для средней школы осуществлялась в Учительской семинарии, основанной при Московском университете в 1779 г., и в Главном народном училище, открытом в Петербурге в 1782 г. (с 1804 г. — Педагогический институт, с 1816 г. — Главный педагогический институт — закрытое учебное заведение, готовившее учителей гимназий, наставников пансионов; в 1819 г. реорганизован в Петербургский университет).

К концу первого десятилетия века перестройка начальной школы еще не закончилась. Треть из примерно 400 действовавших училищ оставалась малыми, среднее число учеников в начальной школе редко превышало 50 человек. Не всякий губернский город имел и гимназию, а число учеников в действовавших — было также невелико. К концу 10-х гг. XIX в. в России было всего 32 гимназии и обучалось в них около 3 тыс. человек. Причины такого положения дел крылись не только в скудости материальной базы, но и в том, что казенная школа была явлением, новым для России. Более привычными для населения были домашние формы обучения. Средние школы также отличались малочисленностью состава учащихся. Рост числа гимназистов, особенно из дворян, начал наблюдаться лишь после введения по инициативе М. М. Сперанского экзамена на чин (1809). Указ преследовал определенную цель — повышение образовательного и профессионального уровня чиновников. Чины, дававшие право на получение личного и потомственного дворянства, присваивались только при предъявлении диплома об университетском образовании. Государственная служба, таким образом, была поставлена в прямую зависимость от образовательного ценза.

В начале XIX в. не было реальных условий для реализации просветительских идей, заложенных в первом училищном уставе. Остался формальностью провозглашенный принцип бессословности. Школы создавались прежде всего в городах. Обучение крепостных крестьян было делом помещиков, большая часть которых отнюдь не стремилась к распространению грамотности среди крестьян. Принцип сословности был заложен и в финансиро-

вании начальной школы. Лишь в начале столетия реализовался принцип всеобщности средней школы: среди гимназистов было значительное число разночинцев, принимались также и девочки.

После войны 1812 г. начался отход от либеральных взглядов на задачи просвещения, в том числе и образования. Главным направлением в работе школы становилось воспитание нравственности, основанной на религиозных чувствах. «Науки, изощряющие ум, — считал А. С. Шишков, — не составляют без веры и без нравственности благоденствия народного». В связи с этим в преподавании усиливаются религиозные начала и охранительные идеи. Начался пересмотр учебных программ и планов начальной и средней школы. В училищах всех разрядов и в гимназиях помимо Закона Божьего было введено чтение Священного Писания. Из курса уездных училищ были исключены начала естественной истории и технологии, сокращены курсы географии и истории. Под предлогом борьбы с многопредметностью из программы гимназического курса исключались науки, вызывавшие «недоверие» правительства: естественное и народное право, политическая экономия, философия, технология, коммерческие науки. Больше внимания стало уделяться изучению «древностей»: «мертвых» языков — латинского и греческого, мифологии.

В это время усиливается сословность образования. С 1813 г. дети несвободных состояний могли поступать в гимназии только с разрешения министра. Введение с 1817 г. платы за обучение в начальной школе (в приходском училище 5 рублей в год, в уездном — 10 рублей) создало дополнительные трудности для выходцев из податных сословий, а в гимназиях (15 рублей) — сократило приток детей разночинцев и из малообеспеченных семей. Расширился надзор за частными пансионами, открытие которых теперь ограничивалось, устанавливался контроль за домашними наставниками.

Развитие принципа сословности в политике правительства нашло отражение в указе 19 августа 1827 г., согласно которому в школах, где обучались крепостные, объем наук не должен был превышать курса начального училища, а в гимназии и университеты запрещался прием выходцев из несвободных состояний. Во вновь принятом в 1828 г. училищном уставе целью обучения провозглашалось «при нравственном образовании доставлять юношеству средства к приобретению нужнейших по состоянию каждого познаний».

Курс приходской школы оставался неизменным, но приобретал «законченность», так что ученики, не желавшие продолжать обучение в уездном училище, ограничивались полученным в приходской школе «научным багажом». В уездных училищах, теперь трехлетних, получали образование дети средних городских сословий. Перечень обязательных дисциплин сокращался, но могли открываться дополнительные курсы по изучению коммерческих наук, торгового судопроизводства. Принцип финансирования начальной школы остался прежним. Можно отметить такие положительные моменты устава, как увеличение числа учителей в уездных училищах (с 2 до 5) и некоторое улучшение социального и материального положения учителей приходских школ (теперь они считались находящимися на государственной службе и пользовались правами чиновников 14-го класса).

Училищный устав 1828 г. изменил систему среднего образования — его продолжительность и управление. Гимназии стали семиклассными: в их курс включались предметы уездных училищ. Число учителей в гимназии возрастало до 10, и ограничивалась их самостоятельность в процессе преподавания и воспитания. Программа курса была сокращена за счет естественных и математических наук, но усилено преподавание языков, большее внимание уделялось Закону Божьему. На протяжении второй четверти XIX в. программа гимназического курса менялась и постепенно преобладающим стало классическое образование с расширенным преподаванием древних языков.

Частные заведения дозволялись, но их программа строго контролировалась как по перечню предметов, так и учебным пособиям. Устав изменял характер взаимоотношений в школе — ужесточал меры воздействия на учеников, официально разрешая применение телесных наказаний. Вместе с этим предполагалось увеличение финансирования среднего образования в 5 раз, за счет чего произошел количественный рост средних учебных заведений, возрастали оклады учителей. К концу 40-х гг. число гимназий превысило 90, в них обучалось более 22 тыс. человек, т. е. по сравнению с началом века количество гимназий увеличилось втрое, а учащихся — примерно в 7 раз. Постепенно расширялся круг заведений, готовящих преподавателей для средней школы: в 1850 г. в университетах открываются кафедры педагогики, а с 1858 г. при них учреждаются педагогические курсы.

В первой половине века действовали также ведомственные начальные училища Министерства уделов и Министерства государ-

ственных имуществ, а также Синода. В удельных землях организация приходских школ началась с момента создания Департамента уделов (1797), в государственных деревнях волостные училища стали открываться в 30-х гг. XIX в. Эти училища содержались сельскими обществами. Они готовили писарей, счетоводов для волостных контор, землемеров, помощников ветеринаров и фельдшеров. Программа их курса включала элементарную грамоту, Закон Божий, некоторые специальные дисциплины в зависимости от профиля будущей работы. После окончания школы выпускники обязаны были несколько лет отработать по специальности. Эти школы не пользовались доверием у населения: казенная обстановка с муштрой пугала крестьян, не привыкших к регулярному обучению.

В церковно-приходских школах, находившихся в ведении Синода, обучали чтению, письму, Закону Божьему. Занятия нередко велись в помещении сторожки при церкви, в лучшем случае — на квартире священника, учебных пособий было мало, читали по Псалтыри или Часослову. Школы были малочисленны (иногда до 10 человек), а иные существовали только в отчетах.

В селениях, где не было «правильно организованной» школы, создавались школы грамоты — форма обучения, издавна существовавшая в России. Учителями в них были чаще церковнослужители, отставные солдаты или просто грамотные односельчане. Занятия велись поочередно в крестьянских избах по Часослову или Псалтыри, за натуральную плату учителю.

Несмотря на ограниченность курса, ведомственные и церковно-приходские школы сыграли определенную положительную роль в распространении элементарной грамотности среди сельского населения, будучи единственными начальными школами на селе.

В предреформенное время в промышленно развитых губерниях, главным образом Московской и Владимирской, некоторое распространение получили фабричные школы при текстильных мануфактурах. Их программа предусматривала обучение грамоте как общей, так и технической. Учениками этих учебных заведений были рабочие мануфактур, их дети. Особую известность получили школы Прохоровых, созданные еще в 1816 г. при Трехгорной мануфактуре в Москве.

Характерной чертой николаевской эпохи была бюрократизация жизни. В области образования это проявилось в увеличении власти чиновников — устав 1835 г. освобождал университеты от надзо-

ра за учебными заведениями округа. Министерство народного просвещения полностью взяло на себя контроль над всеми формами образования — казенными и частными. С. С. Уваров, ставший министром в 1833 г., высказал пожелание о максимальном сокращении частных учебных заведений и увеличении числа государственных школ.

Он много сделал для совершенствования системы образования в России. Один из самых просвещенных сановников николаевской администрации, президент Академии наук, С. С. Уваров долгое время являлся попечителем Петербургского учебного округа. Являясь приверженцем строгой сословности, он вместе с тем проводил гибкую политику в области просвещения, способствуя реальному развитию школы. Уваров отстаивал принцип постепенности в начальном обучении и необходимость подготовки в приходских школах контингента учащихся для уездных училищ. 30—40-е гг. стали временем увеличения числа начальных и средних учебных заведений. В 1850 г. насчитывалось уже около 1,5 тыс. уездных и приходских училищ и около 100 гимназий.

Сословная политика правительства способствовала ограничению притока в гимназии лиц из малообеспеченных слоев и возрастанию доли детей дворян и чиновников. Если в 30-х гг. выходцы из привилегированных сословий составляли свыше 3/4 общего числа гимназистов, то к концу 50-х гг. их процент в различных регионах достиг 80—90. Гимназии постепенно приобретали характер учебных заведений, предназначенных в основном для детей привилегированных сословий — дворян, почетных граждан, высшего чиновничества.

К первой половине века относятся попытки участия общественности в распространении образования. В 1819 г. было создано Общество учреждения училищ по методе взаимного обучения, использовавшее известную в Западной Европе ланкастерскую систему, которая позволяла под наблюдением одного учителя при помощи нескольких грамотных учеников обучать одновременно десятки людей. Первоначально правительство поддержало эту инициативу как «верное средство обучения для всего нижнего и бедного состояния людей» (из доклада министра 1819 г.). Но ланкастерские школы стали использоваться членами Союза благоденствия (М. Ф. Орлов, Н. Н. Раевский) для пропаганды своих идей, после чего они были закрыты.

Общественной организацией был Комитет грамотности при Московском обществе сельского хозяйства, основанный в 1845 г.

Одной из его задач было распространение грамотности на религиозно-нравственной основе среди сельского населения. Практическая деятельность Комитета активно развернулась уже в пореформенное время.

На развитие высшего образования правительство традиционно обращало большое внимание. В начале XIX в. были открыты еще пять университетов — Дерптский (1802, 1893—1918 — Юрьевский, в настоящее время — Тартуский), Казанский, Харьковский, Виленский (1804), Петербургский (1819), и вместе с Московским их число составило 6, что соответствовало количеству сформированных учебных округов. В 1834 г. создается Киевский университет вместо закрытого после Польского восстания 1830—1831 гг. Виленского. Как правило, университеты открывались на базе уже существовавших учебных заведений. С XVII в. в Дерпте была известна Академия Густавиана. С 1758 г. действовала гимназия в Казани, созданная по инициативе и при поддержке профессоров Московского университета. Существовали «коллегиум» в Харькове и Главный педагогический институт в Петербурге.

Первая половина XIX в. — это период формирования системы университетского образования. Просветительские идеи устава 1804 г. способствовали выработке нового взгляда на цели образования. Отходом от утилитарных требований, характерных для XVIII в., было признание целью образования не только подготовку профессиональных ученых, но и всесторонне развитых людей. Одной из основополагающих наук считалась философия, курс которой читался в широком объеме уже на первых курсах.

Структура российских университетов в XIX в. включала 4 отделения: нравственно-политических наук, словесных, физико-математических и врачебных или медико-хирургических наук (за исключением Петербургского, в столице была Медико-хирургическая академия), а также 28 кафедр, представлявших основные научные направления того времени.

Все университеты, за исключением Дерптского, не имели богословского факультета, так как, по мнению российских богословов, подготовка церковных служителей не должна была возлагаться на светское учебное заведение. Церковная история и богословие были включены в учебную программу на правах других общеобразовательных дисциплин. Срок обучения составлял 3 года, на медицинском факультете — 4 года. Структура факультетов, основанная на конкретном подборе научных дисциплин,

отвечала потребностям страны в специалистах различного профиля.

Для обеспечения преподавательскими кадрами гимназий и университетов при последних учреждались педагогические институты, куда поступали выпускники университетов. Курс был рассчитан на 3 года с прохождением педагогической практики. Основная часть выпускников получала право преподавать в гимназиях.

В первые десятилетия XIX в. среди профессоров было много иностранных ученых. Так, в Московском университете работали специалисты из Геттингенского и Лейпцигского университетов Германии, которые были приглашены попечителем М. Н. Муравьевым: профессора натуральной истории — Ф. Голдбах и Г. И. Фишер фон Вальдгейм, античной истории — И. Ф. Буле и Х. Ф. Маттеи и др. Большинство из них навсегда связали свою судьбу с первым российским университетом. Более сложной была ситуация в провинциальных университетах — Харьковском и Казанском: из-за отсутствия специалистов не все кафедры были открыты.

Уставом 1804 г. декларировалась всеобщность высшего образования. Единственным требованием к поступающим было наличие необходимых знаний. Но уже с 10-х гг. обучение выходцев из податных сословий стало ограничиваться. Вторая четверть XIX в. отмечена попытками правительства распространить эту политику и на лиц недворянского происхождения. Однако в 40—50-е гг. состав студентов продолжал сохранять в значительной степени разночинский характер: в Московском университете доля разночинцев составляла 48%, в Петербургском — 40%. С 1836 по 1848 г. общая численность студентов возросла с 2 до 4 тыс. Среди их выпускников были выходцы «из разных чинов» и даже из крепостных (М. П. Погодин, А. В. Никитенко). При успешном окончании курса разночинцы получали сначала личное, а после защиты докторской диссертации — потомственное дворянство.

Залогом успешности преобразований являлось воспитание нового поколения отечественных профессоров. В Московском университете к 1812 г. уже больше половины преподавателей были россияне, в Харьковском число отечественных ученых к 30-м гг. составило 70%. Казанский университет к 40-м гг. был полностью обеспечен отечественными научными кадрами.

Университеты в России были не только образовательными, но и научными учреждениями. Они постепенно оснащались лабора-

ториями, библиотеками, имели ботанические сады, обсерватории, становились центрами интеллектуального потенциала страны. Научные общества, создававшиеся практически при всех университетах, являлись центрами научной жизни. Наибольшую известность приобрели общества при Московском университете. Их научная работа способствовала исследованиям в различных областях науки, а публикация их трудов активизировала интерес к научному знанию.

Серьезным испытанием для университетской научной жизни стали 20-е гг. XIX в., когда наметился отход правительства от либерального курса в народном образовании и просвещении. Философские курсы заменяются богословием, начались гонения на естественные науки, чреватые «безбожием», историю и даже математику и медицину. Особенно тяжелому разгрому подверглись Казанский, Харьковский университеты и только что созданный Петербургский. Были уволены лучшие преподаватели, сокращено число студентов. Однако эпоха откровенной реакции была кратковременной.

С середины 30-х гг. в деятельности университетов начинается новый этап, связанный с изменением политики правительства в области высшего образования. Их новое положение отразилось в уставе 1835 г. Менялась структура учебного заведения. Вместо четырех отделений было организовано три факультета: философский (имел два отделения — историко-филологическое и физико-математическое), юридический и медицинский. В Петербургском университете не было медицинского факультета. В 1849 г. философские факультеты ликвидировались, и их отделения получили статус самостоятельных факультетов, а в 1854 г. при Петербургском университете был открыт факультет восточных языков. Число кафедр увеличилось с 28 до 39. Во всех университетах создавались кафедры российской и всеобщей истории, истории и литературы славянских наречий. Учреждалась кафедра богословия и церковной истории, предметы которой были обязательными для всех студентов. Расширение преподавания этих дисциплин вело к сокращению прежде всего курса философии. Обучение составляло теперь 4 года, на медицинском факультете — 5 лет.

Университетская автономия по уставу 1835 г. не была уничтожена совсем, но введена в определенные рамки: деканы и профессора назначались попечителями округов, были урезаны права ученых советов. Вместе с тем большее внимание уделялось научной работе, повышению уровня профессорско-преподавательского со-

става. Таким образом, устав 1835 г. подытожил этап становления государственной системы университетского образования во все-российском масштабе.

В 40-е гг. отечественные ученые занимают ведущее место в университетах. Расширились научные исследования, проводившиеся в тесном контакте с Академией наук, продолжалась просветительская деятельность. Так, в Московском университете читались публичные лекции, собиравшие большие аудитории. Особой популярностью пользовались лекции по всеобщей истории Т. Н. Грановского, по древнерусской литературе — С. П. Шевырева, по естествознанию — К. Ф. Рулье. Провинциальные университеты становились центрами культурной жизни региона.

В первой половине века основной формой высшего образования в России являлось университетское образование, несмотря на имевшиеся в это время специализированные учебные заведения.

В XVIII — начале XIX в. традиционной формой закрытых учебных заведений оставались лицеи. Их особенностью было соединение курса средней и высшей школы. Они предназначались для детей привилегированных сословий и готовили главным образом чиновников для государственной службы. В начале века в России было открыто несколько лицеев: Царскосельский (в Царском Селе под Петербургом, 1811), Ришельевский (в Одессе, 1817; с 1865 г. — Новороссийский университет), Нежинский (в Нежине, 1820 — 1875 — Гимназия высших наук князя Безбородко, с 1929 г. — Педагогический институт), Демидовский (1833—1918, до 1833 г. — Высших наук училище).

Яркий след в истории культуры страны оставил Царскосельский лицей — учебное заведение, дававшее среднее и высшее, максимально приближенное к университетскому образованию. Лицей предназначался для детей дворян в возрасте 10—12 лет. Он находился под личной опекой императора, так как предполагалось, что там будут обучаться дети августейшей семьи. Программа курса состояла из предметов «приличных важным частям государственной службы». Срок обучения составлял 6 лет. В первые три года лицеисты получали среднее образование в объеме старших классов гимназии. Они изучали русский язык, математику, историю, географию, европейские иностранные языки и латынь, Закон Божий, изящные искусства. Обязательными для лицеистов были занятия гимнастикой, верховой ездой и плаванием. В старшем отделении курс был максимально приближен к универ-

ситетскому — преподавалось несколько циклов наук: нравственные, физико-математические, исторические, словесные, языки, изящные искусства. Высший орган лицея — Конференция — работал в постоянном контакте с университетами (Московским, Казанским и Харьковским), корректировавшими учебные планы, снабжавшими учебными пособиями. В 1816 г. была открыта военная кафедра, а с 1821 г. введено преподавание финансов. Постепенно в старшем отделении усилилась специализация по правоведению. Выпускники Лицея шли на гражданскую службу с чином от 14 до 9 класса в зависимости от успехов.

Атмосфера, царившая в Лицее в первые годы, отличалась свободомыслием, чему немало способствовали его директор В. Ф. Малиновский (сподвижник М. М. Сперанского), а затем его преемник — В. А. Энгельгардт, считавшие, что у лицеистов следует развивать критическое мышление.

Среди 28 воспитанников первого набора были такие впоследствии выдающиеся личности, как А. С. Пушкин, А. А. Дельвиг, В. К. Кюхельбекер, а также видные государственные деятели — М. А. Корф и А. М. Горчаков.

В последующие годы обстановка в Лицее изменилась. Исчезли свободомыслие, простота и доверие в отношениях с воспитанниками, изменился учебный план, все более приспособляемый к потребностям страны в специалистах. С 1838 г. началась ориентация на будущую деятельность — в области финансов, юстиции, для службы в министерствах внутренних и иностранных дел. С 40-х гг. XIX в. его воспитанники готовились главным образом для работы в Министерстве внутренних дел, а с 1855 г. они получили право поступать на военную службу.

В 1843 г. Царскосельский лицей был переименован в Александровский и переведен из Царского Села в Петербург.

В начале XIX в. в ходе реорганизации общеобразовательной школы происходит становление и системы духовной школы. Инициатором реформы была высшая светская власть, и большую роль в разработке ее положений сыграл М. М. Сперанский. Он считал, что духовное образование должно формировать «просвещенных и благочестивых служителей церкви», которые бы не просто механически воспроизводили священные тексты, а могли бы их толковать. Поэтому большое значение он придавал общеобразовательным дисциплинам в программах этих школ.

В 1808—1814 гг. были созданы четыре ступени духовных учебных заведений, программы которых отличались преемствен-

ностью: приходские школы, уездные училища, семинарии и духовные академии. Были сформированы четыре учебных округа: Петербургский (1809), Московский (1814), Киевский (1819) и Казанский (1842), во главе каждого из них находилась академия.

Приходские школы с двухлетним курсом основывались на принципах общеобразовательной начальной школы. В отличие от других разрядов учебных заведений, кроме детей духовенства в них могли поступать выходцы из податных сословий (6—8-летнего возраста). Помимо элементарной грамоты здесь преподавали Краткий церковный катехизис и нотное пение.

Уездные училища имели 6-летний курс. Он включал Пространный катехизис, Священное Писание, а из светских предметов — арифметику, грамматику, историю, географию, древние языки. Их выпускники могли продолжить образование в семинарии либо занять должности церковнослужителей.

В семинариях устанавливался также 6-летний срок обучения, включавший три двухгодичных класса: низший (риторика), средний (философия), высший (богословие). В программу входили расширенные курсы древних языков (с добавлением древнееврейского) и факультативы по европейским языкам, а также комплекс богословских предметов и общеобразовательных дисциплин, включая историю философских систем. Выпускники семинарий в зависимости от успехов могли продолжить образование в Духовной или Медико-хирургической академиях, либо преподавать в приходских и уездных училищах, либо стать священниками.

Обучение в духовных академиях продолжалось 4 года с разделением на 2 класса — философский и богословский. Программа отличалась широким набором богословских и светских дисциплин (высшая математика, углубленный курс физики, философия и история, этика и эстетика, церковная и древняя история, древние и новые языки). Академии готовили преподавателей духовных семинарий, настоятелей городских приходов. В начале XIX в. некоторые их выпускники стали профессорами университетов. Духовные академии являлись научными центрами, где разрабатывались проблемы богословия, истории церкви.

Центральным органом управления всеми духовными учебными заведениями была Комиссия духовных училищ, независимая от Синода.

Число духовных учебных заведений не соответствовало первоначально запланированному: к концу первой четверти века из 56 семинарий было открыто 39, из 360 уездных училищ действовало 128, а число приходских школ составило 170 (из 1080 по плану). И тем не менее реформа 1808—1814 гг. способствовала совершенствованию духовного образования, что проявилось в становлении отечественной церковной науки, богословия, церковной истории и права. Духовная школа дала немало образованных людей для светских административных учреждений: одна треть чиновников являлась их выпускниками.

При Николае I духовное образование подверглось изменению. С созданием Училищного комитета управление школами было сосредоточено в Синоде. В 1840 г. в семинариях ввели новые программы, в которых существенно сократились общеобразовательные предметы, особенно философия: преподавание должно было быть «проникнуто духом церковным». Вместе с тем появились новые предметы: агрономия, медицина. По мнению Николая I, помимо выполнения своих прямых обязанностей пастыри должны были помогать своей пастве — уметь оказать медицинскую помощь, дать агрономический совет. Но в практической жизни приходские священники не часто реализовывали свои знания в этих областях.

В 50-е гг. в процессе обсуждения предстоящих реформ ставились вопросы и о путях повышения уровня образованности приходского духовенства. В пореформенное время система духовной школы в России развивалась в ходе изменения общественно-культурной жизни.

Расширилось преподавание общеобразовательных предметов, и программа по объему курса приблизилась к гимназической, что облегчало выпускникам поступление в университеты. Однако сокращение в связи с этим абитуриентов в духовных академиях повлекло введение в 1871 г. запрета на поступление в университеты выпускников семинарий.

Общественное движение 60—70-х гг. затронуло и духовные учебные заведения. Власти с тревогой отмечали участие в нем семинаристов и студентов духовных академий.

В 80-е гг. были изданы новые уставы духовных учебных заведений, ликвидировавшие автономию академий и определенную свободу семинарий. Устав 1884 г. нацеливал академии на подготовку политически и конфессионально благонадежного церковно-административного персонала и преподавателей духовных

учебных заведений. Усиливалась их зависимость от Синода. Ужесточение духовной цензуры привело к снижению уровня богословских исследований.

Особенностью развития профессионального образования в России было первоначальное появление высших технических учебных заведений. В 1809 г. в Петербурге помимо действовавшего Горного института был открыт Институт инженеров корпуса путей сообщения. Это было еще закрытое учебное заведение для детей дворян и чиновников. Но появление его свидетельствовало о заинтересованности правительства в создании кадров специалистов в области транспорта.

Успешное развитие мануфактурной промышленности связывалось с успехами технических знаний. Правительство, особенно во второй четверти XIX в., сохраняло инициативу практически во всех действиях, касавшихся форм и путей распространения специального образования.

Формой распространения профессионального образования в 30—50-е гг. была общеобразовательная школа. При гимназиях, уездных училищах создавались специальные классы, отделения или курсы: реальные, коммерческие, сельскохозяйственные, межевые, лесные. Так, в уставе 1804 г. в учебный план уездных училищ наряду с общеобразовательными вводился особый предмет — «начальные правила технологии, имеющие отношение к местной промышленности», с целью «открыть детям различного состояния необходимые познания, сообразные состоянию их и промышленности».

Во второй четверти века дополнительные специальные классы в школе стали открываться чаще. В 1839 г. было издано Положение о реальных классах при учебных заведениях Министерства народного просвещения, законодательно закрепившее эту практику. В 30-е гг. появляются реальные гимназии, в которых могли учиться дети податных сословий (за исключением крепостных крестьян).

Изучение технических наук было организовано в университетах: в Московском — преподавались «технические науки, относящиеся к торговле и промышленности»; камеральные отделения существовали также в Петербургском, Казанском, Дерптском, Харьковском университетах.

Важным событием в становлении профессионального образования в России было появление в Петербурге Практического технологического института (1831) и в Москве — Ремесленного учи-

лища (1830). Это — старейшие технические учебные заведения (существующие и по сей день), в которых в дореформенное время получали среднее профессиональное образование выходцы из демократических слоев.

В России отечественные специалисты такого уровня стали появляться в 40-е гг. С момента открытия и до 60-х гг. Технологический институт и Ремесленное училище окончили немногим более тысячи человек, что свидетельствовало о слабом развитии этой сферы образования в стране. Вместе с тем уже в первой половине XIX в. техническая школа в России воспитала блестящих инженеров, специалистов своего дела. Среди них — П. П. Мельников, автор проекта строительства Николаевской железной дороги, Д. И. Журавский — известный специалист в области мостостроения, А. И. Дельвиг, руководивший строительством водопровода в Москве, Нижнем Новгороде.

Сельскохозяйственные знания, выходящие за рамки традиционного народного опыта, крестьяне приобретали на образцовых учебных фермах, получивших некоторое распространение со времени учреждения в 1839 г. Министерства государственных имуществ. В 40-е гг. действовало 8 таких учебных ферм, на которых обучались в основном государственные крестьяне. В 1822 г. по инициативе Московского общества сельского хозяйства была открыта земледельческая школа — первое в России среднее сельскохозяйственное учебное заведение. Это была бессловная школа, в ней преобладали ученики из крепостных крестьян, которых помещики впоследствии использовали как управляющих в своих имениях.

В целом в дореформенный период, особенно во второй четверти XIX в., правительство уделяло значительное внимание развитию в стране профессионального образования. Однако на практике технически грамотных специалистов готовило лишь два-три средних и высших учебных заведения, появилась также начальная техническая школа. Роль начальной сельскохозяйственной школы выполняли учебные фермы Министерства государственных имуществ. Важность решения этих проблем начинала осознаваться предпринимателями, необходимость технического образования постепенно становилась элементом общественного сознания, предметом дискуссий на страницах прессы.

В дореформенной России в условиях сохранения сословности в системе образования произошли изменения и в количественном, и в качественном отношении.

В первой половине XIX в. для правительства приоритетным было развитие среднего и высшего образования, где и происходили наиболее существенные сдвиги. Начальная школа развивалась значительно медленнее, подавляющее большинство училищ было сосредоточено в городах. К середине XIX в. в начальных школах обучалось менее 1% всех жителей и только в столицах и некоторых губернских, промышленно развитых городах грамотные составляли 3—5% горожан. Эта общая картина состояния грамотности может быть несколько скорректирована с учетом различных общественных форм обучения (школы, содержавшиеся на общественные капиталы, частные пансионы, школы грамоты, в том числе среди крестьян-старообрядцев). Однако принципиально изменить средний показатель грамотности в дореформенной России эти данные не могут.

7.2. Культурно-просветительные учреждения

Система просвещения наряду со школой включает и культурно-просветительные учреждения — библиотеки, выставки, музеи, которые являются составляющим элементом общественно-культурной среды. Развитие этой системы создает необходимые предпосылки для функционирования культуры в обществе.

Показателем распространения просвещения в обществе можно рассматривать интерес к книге в различных общественных слоях и рост частных книжных собраний, увеличение тиражей и наименований издаваемых книг, а также состояние книжной торговли. «Книга — это важнейшая культурная ценность, фундамент культуры, духовное завещание одного поколения другому», — писал А. И. Герцен.

В России в начале XIX в. значительно выросла издательская база. После отмены запрета на частные типографии, который был введен при Павле I, правительство в 1807 г. распорядилось открывать казенные типографии во всех губернских городах. В 1813 г. в Петербурге действовало 18 типографий, в Москве — 8, в провинции — 39. Однако основная масса литературы в это время издавалась в столицах. Наиболее значительными книгоиздательствами оставались Академия наук и Московский университет.

Увеличилось и число выпускаемых книг: в 1825 г. — около 600 наименований, в конце 50-х гг. — до 2 тыс. Повышение спроса на книгу отражали растущие тиражи. Первое издание «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, выпущенное в 1818 г. тиражом 3 тыс. экземпляров, было распродано за один день.

В течение первой половины XIX в. наблюдался значительный рост периодических изданий: с 64 названий в начале века до 230 — в конце 50-х гг. С 1837 г. в провинции стала выходить первая правительственная газета «Губернские ведомости» (до 1917 г.). В неофициальной части газеты печатались сведения о состоянии в губернии промышленности и сельского хозяйства, новости общественно-культурной жизни, исторические, этнографические материалы. Однако в дореформенное время среди периодических изданий преобладал журнал, достаточно разнообразный по тематике: общественно-литературный, научный, ведомственный. В 20-е гг. начал выходить литературно-художественный альманах.

Современники подчеркивали большую роль журналов в общественно-культурной жизни. «Они вбирают в себя все умственные движения страны, — писал Герцен, — ни в одной стране, исключая Англию, влияние журналов не было так велико». И в подтверждение этих слов «Московский телеграф» в начале 30-х гг. также отмечал, что «журналы ныне занимают важное место не только в словесности, но и во мнении общественном». Позиции журналов 30—40-х гг. в целом совпадали с направлениями общественно-политической мысли. Консервативно-охранительной, официальной журналистике («Москвитянин», 1841—1856; «Северная пчела», 1825—1864) противостояла демократическая. В 20-е — первой половине 30-х гг. это были «Московский телеграф» (1825—1834) и «Телескоп» (1831—1836), в последующий период — «Современник» (1836—1866) и «Отечественные записки» (1839—1884).

В России появляются крупные отечественные книгоиздатели: П. П. Бекетов, Н. П. Румянцев, братья Глазуновы, С. И. Селивановский. С их именами связано издание многих научных и художественных книг. В типографии Глазуновых был впервые издан «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова и собрание сочинений поэта. «История государства Российского» Карамзина была напечатана в типографии Селивановского.

Наибольшую известность получил в 40-е гг. книгоиздатель А. Ф. Смирдин. Он выпустил в свет более 70 собраний сочинений русских писателей, среди них — А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, В. А. Жуковского, М. Ю. Лермонтова, И. А. Крылова. Упрощая оформление, увеличивая тираж, Смирдин снижал розничные цены, делал книги доступными «для небогатых людей» и тем способствовал их распространению. Он впервые ввел в практику писательские гонорары, до этого времени сочинительство считалось

развлечением и почти не оплачивалось. Его заслугой было издание журнала «Библиотека для чтения» (1834—1865), который тиражом 5—6 тыс. экземпляров распространялся в основном в провинции. А. Ф. Смирдин и С. И. Селивановский ввели в России торговлю книгами по почте, как в свое время Н. И. Новиков первый ввел книжную торговлю в провинции.

Развитие просвещения обусловило расширение круга читателей. Н. М. Карамзин еще в 1802 г. в статье с примечательным названием «О книжной торговле и о любви к чтению в России», опубликованной в «Вестнике Европы», писал: «...число любителей чтения едва ли в какой-нибудь земле... так скоро возрастало, как в России. Правда... многие дворяне и даже в хорошем состоянии не берут газет, но зато купцы, мещане любят читать их... у нас более всего расходятся романы». В одном официальном документе конца 40-х гг. отмечалось, что «газеты читаются всеми мелкими чиновниками и на гостином дворе, и в трактирах, и в лакейских, рассыпаясь таким образом между сотнями тысяч читателей». Несомненно, спрос на книгу, журнал, газету возрастал в мещанско-демократических слоях города. Однако в первой половине XIX в. наиболее образованный и культурный слой общества был сосредоточен в дворянском сословии.

В эти годы библиотечная система в стране была достаточно разнообразной. Библиотеки существовали при университетах, гимназиях, некоторых уездных училищах. Фактом книжной культуры были частные собрания, существовавшие и ранее. Одним из наиболее значительных было книжное собрание А. И. Мусина-Пушкина, археографа, коллекционера, члена Российской академии. В его библиотеке находилась рукопись «Слова о полку Игореве», которая погибла вместе с другими книгами при пожаре 1812 г. в Москве. Достопримечательностью было книжное собрание Н. Б. Юсупова в его усадьбе Архангельское, которое насчитывало 18 тыс. томов.

Одной из лучших библиотек Петербурга считалась библиотека Н. П. Румянцева. С 1828 г. она стала доступной для публики. В 1860 г. Румянцевский музей, в состав которого входила и библиотека, был переведен в Москву. Книжное собрание (свыше 28 тыс. томов) графа Румянцева послужило основой крупнейшей в настоящее время Российской государственной библиотеки (РГБ).

В 1814 г. была официально открыта первая в России Императорская публичная библиотека в Петербурге (ныне — Российская национальная библиотека). Идея создания публичной библиотеки

принадлежала Екатерине II, при которой началось строительство здания для библиотеки, завершенное в 1801 г. Первоначально книжный фонд включал только иностранные издания, лишь в 1811 г. библиотека получила право комплектования фонда за счет обязательных экземпляров всех выходящих в России книг. Формированием отдела русской книги занимался И. А. Крылов.

Понятие «публичная библиотека» в то время отличалось от современного. Библиотека рассматривалась прежде всего как хранилище или музей книжных редкостей. Доступ в нее был ограничен: она открывалась для посетителей только три раза в неделю, «непристойно одетые» люди не могли быть ее читателями. Однако появление публичных библиотек было принципиально новым явлением в культуре.

Развитие библиотечного дела в этот период было связано с открытием публичных библиотек в некоторых губернских и даже уездных городах. Они, как правило, возникали благодаря усилиям местной общественности, без поддержки правительства. В середине 50-х гг. примерно из 40 открытых в 30-е гг. библиотек продолжали действовать немногим более 10. И все же, несмотря на неблагоприятные условия, публичные библиотеки содействовали распространению книг и журналов. Во многих провинциальных городах они стали важными культурными центрами.

При книжных магазинах в Москве и Петербурге, а в 40-е гг. и в губернских городах, стали появляться платные (коммерческие) библиотеки. Общедоступная библиотека существовала при книжной лавке В. А. Плавильщикова. Крупнейшую частную библиотеку собрал А. Ф. Смирдин при своем книжном магазине, который стал своеобразным литературным клубом, местом встреч писателей и поэтов. В 30-е гг. насчитывалось более 100 книжных магазинов, которые наряду с библиотеками формировали систему функционирования книги в обществе. Некоторые книжные лавки в это время специализировались на продаже книг определенной тематики. Например, Плавильщиков издавал и продавал в своей лавке книги по театру, драматургические произведения. Особую известность в Москве получил Г. Н. Кольчугин, лавка которого находилась на Никольской улице. Он торговал подержанными учебниками. Учащиеся приносили использованные учебники и за небольшую плату (1—2 копейки за экземпляр) получали другую. «На кольчугинских книжках вся бедная Москва выучилась», — говорили в те времена. Среди постоянных покупателей Кольчугина были В. Г. Белинский, Н. В. Гоголь, С. Т. Аксаков.

Одним из явлений общественно-культурной жизни были выставки. В первой половине XIX в. помимо академических художественных выставок, известных еще с 60-х гг. XVIII в., по инициативе правительства стали устраиваться промышленные (с 1829 г., первоначально они назывались мануфактурные) и сельскохозяйственные (с 1846 г.) выставки. Художественные выставки проводились Обществом поощрения художеств в Петербурге (с 1821 г.), Училищем живописи в Москве (с середины 30-х гг.). В дореформенный период выставки были значительным явлением столичной культурной жизни.

Произведения искусства в России, как и книги, издавна служили предметом коллекционирования. В XVIII в. уже существовали картинные галереи, но они были частными или ведомственными, как, например, Эрмитаж. В XIX в. возникает идея создания публичного художественного музея. В начале столетия была официально объявлена доступной для публики Оружейная палата. Однако это начинание не получило развития. Посещение музея было по билетам, допускались «только люди прилично одетые и военные, как офицеры, так и нижние чины».

В начале 30-х гг. довольно значительную коллекцию отечественной живописи имел «Русский музей» П. П. Свинына, издателя журнала «Отечественные записки» (1820—1830). Однако вскоре музей был продан с аукциона и перестал существовать как единое собрание. Широкую известность в первой половине XIX в. получила галерея русской живописи Ф. П. Прянишникова в Петербурге. С этим собранием был знаком П. М. Третьяков.

В дворянской и купеческой среде получает распространение коллекционирование предметов старины, книг, живописных полотен, которые впоследствии составили основу фондов многих музеев России (коллекции Ф. П. Прянишникова, В. А. Кокорева, К. Т. Солдатенкова).

В атмосфере патриотического подъема, вызванного событиями Отечественной войны 1812 г., возникла мысль о создании в России национального исторического музея с целью просветительской работы, чтобы «каждый гражданин для своего просвещения имел бы право отыскивать нужные материалы и сведения». Этот проект был воплощен в жизнь только с созданием в Москве в 1872 г. Исторического музея (открыт для публики в 1883 г.).

В 1852 г. статус публичного музея получил Эрмитаж, который по широте и ценности коллекций является одним из крупнейших художественных музеев мира. Исключительны по полноте и худо-

жественной ценности находящиеся в нем уникальные собрания голландской и французской живописи. В залах музея представлены картины Леонардо да Винчи, Рафаэля, Тициана, Рубенса, Рембрандта, великолепные скульптуры Микеланджело, Кановы, Фальконе и других мастеров. Эрмитаж обладает большим собранием портретов, рисунков, гравюр и ценнейшей нумизматической коллекцией, включающей в себя монеты почти всех стран мира. Ценные историко-художественные экспонаты имеет русский отдел музея.

С 1856 г. начал собирать коллекцию русской живописи П. М. Третьяков. Интерес к отечественной живописи со стороны многих коллекционеров был одним из проявлений общих процессов, которые происходили в русской национальной культуре в этот период. Созданная Третьяковым художественная галерея стала «русской, всенародной, национальной галереей» (В. В. Стасов).

7.3. Наука. Научные центры

Научная мысль в России в первой половине XIX в. в своем развитии опиралась на достижения и традиции науки предшествующего времени. Общие социально-экономические процессы, связанные с генезисом капитализма, с ростом национального самосознания, оказывали благотворное влияние на научную мысль. С одной стороны, они способствовали развитию прикладных отраслей научных знаний, связанных с потребностями промышленности, транспортных и информационных средств, поисками новых источников энергии, а с другой — вызывали небывалый интерес к отечественной истории, изучению русского языка.

Наряду с успехами в области фундаментальных исследований, связь с практикой была одной из особенностей науки рассматриваемого времени. В первой половине XIX в. увеличивается число научных центров. Наряду с Академией наук, Российской академией, такими центрами становятся университеты. По уставу 1804 г. они получили право создавать ученые общества «по распространению наук опытных и точных», по истории, русской словесности. В 1805 г. при Московском университете возникло старейшее в России Общество испытателей природы (МОИП), существующее по настоящее время. Его целью было изучение природных богатств и содействие успехам естественных наук в России. К 1804 г. относится начало научной деятельности Московского общества истории древностей российских (МОИДР,

до 1929 г.), много сделавшее для сбора источников, исследований в области отечественной истории.

С 1811 г. при Московском университете существовало Общество любителей российской словесности (до 1930 г.). Оно объединяло не только ученых, его действительными и почетными членами были многие русские писатели, и среди них — Пушкин, Гоголь, Тургенев, Л. Толстой, Чехов, Горький. Общество стало центром изучения истории русского языка, филологии, многих проблем отечественной культуры. По инициативе Б. И. Даль начал собирать материал для своего «Толкового словаря живого великорусского языка», изданного в 1863—1866 гг.

В 1845 г. было создано Русское географическое общество (РГО), одно из старейших географических обществ мира, существующее по настоящее время. Оно внесло крупный вклад в изучение географии России и других стран. В наиболее широких масштабах его деятельность развернулась во второй половине XIX в. Важнейшие географические открытия были сделаны русскими путешественниками в 1819—1821 гг. в ходе научной экспедиции М. П. Лазарева и Ф. Ф. Беллинсгаузена во время второго кругосветного плавания (первое состоялось в 1803—1806 гг. под руководством И. Ф. Крузенштерна). Была открыта Антарктида — «ледяной материк», как ее называли путешественники. Русские ученые исследовали острова Тихого и Ледовитого океанов, Аляску.

Настоящий переворот в научных представлениях о природе пространства совершил профессор Казанского университета Н. И. Лобачевский, открыв новую геометрическую систему, получившую название «неевклидова геометрия» (1826). Это открытие ученого создало предпосылки для обоснования математических концепций современной физики.

В области электротехники В. В. Петров, демонстрировавший в 1802 г. явление вольтовой дуги, выдвинул идею о ее практическом применении для сварки и плавления металла. Практический опыт, накопленный русской металлургией, послужил основой для появления в этой области крупных специалистов. Изобретения П. П. Аносова положили начало металлургии высококачественной литой стали. Ученый-инженер раскрыл утерянный в средние века секрет изготовления булатной стали.

С именами П. Л. Шиллинга и Б. С. Якоби связано изобретение (1832) и усовершенствование электромагнитного телеграфа, получившее практическое применение уже с 50-х гг., что считается одним из важнейших научно-технических изобретений XIX столетия.

Паровые двигатели стали использоваться на транспорте. Первый пароход появился на Неве в 1815 г. На Нижнетагильском металлургическом заводе крепостными механиками Черепановыми был построен первый в России паровоз (1833—1834) и железная дорога длиной 3,5 км. С конца 30-х гг. началось железнодорожное строительство.

Развитие текстильной, в первую очередь хлопчатобумажной, промышленности содействовало успехам в химии. Профессора Казанского университета Н. Н. Зинин и А. М. Бутлеров были создателями химической школы, давшей науке много талантливых исследователей. К 1842 г. относится открытие Зининым искусственного красителя — анилина.

Русская наука первой половины XIX в. добилась значительных успехов в развитии медицины, в частности в хирургии. Н. И. Пирогов, профессор Медико-хирургической академии, стал основоположником военно-полевой хирургии, анатома-экспериментального направления в этой области медицины. В период Крымской войны он впервые применил наркоз при операции на поле боя и неподвижную гипсовую повязку. Четырехтомный атлас Пирогова «Топографическая анатомия» (1851—1854) получил мировую известность.

Открытия и научные исследования ученых-естествоиспытателей способствовали развитию и укреплению материалистической традиции в русской науке.

Исследования в области гуманитарных наук также имели существенно важные результаты. К конкретному изучению процессов, происходивших в экономике России, обращается экономическая наука. Интерес к отечественной истории, усилившийся в это время, был тесно связан с ростом национального самосознания. «Никогда изучение русской истории не имело такого серьезного характера, какой приняло оно в последнее время, — писал В. Г. Белинский. — Мы вопрошаем прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и наметнуло нам о нашем будущем».

Событием в исторической науке стала «История государства Российского» Н. М. Карамзина, над которой он начал работать в 1804 г. Первые восемь томов были изданы в 1818 г. Последний, 12-й том, повествующий о событиях XVIII в., вышел в свет в 1829 г. (уже после смерти автора в 1826 г.). С Карамзина начинается научное изучение отечественной истории. Пушкин считал его «первым нашим историком».

«История» Карамзина была и фактом культурной жизни. По мере выхода очередных томов разворачивалась полемика, которая формировала общественное мнение вокруг кардинальных проблем социально-политического развития России, способствовала появлению научных концепций в отечественной историографии. Герцен впоследствии писал, что эта книга «весьма содействовала обращению умов к изучению отечества». Многие деятели культуры находили в ней неоднократно материал для своих творческих исканий (А. С. Пушкин, А. К. Толстой, И. Е. Репин).

К первой половине XIX в. относится научная деятельность крупнейшего ученого-медиевиста Т. Н. Грановского, а также начало исследовательской работы в области отечественной истории С. М. Соловьева, научные труды которого связаны с развитием государственно-юридической школы — одного из ведущих направлений в отечественной историографии XIX в. С 1851 г. началась публикация «Истории России с древнейших времен» Соловьева (последний, 29-й том был издан в 1879 г.).

Ученых-гуманитариев, публицистов, деятелей культуры продолжали интересовали проблемы развития русского языка, его история и будущее. Развитие национального языка как средства общения является одной из проблем национальной культуры. Отношение к родному языку — показатель нравственной зрелости нации. Важным фактом общественно-культурной жизни первых десятилетий XIX в. стал вопрос о судьбах русского языка, путях его развития.

В спорах сторонников «нового слога» и архаистов («карамзинистов» и «шишковцев») проходило становление русского литературного языка. В основе этого процесса, начавшегося еще в XVIII в., лежало сближение книжного и разговорного языка, преодоление средневекового билингвизма, создание принципиально новой системы языка, ориентированного на народную разговорную речь.

В развитии национального литературного языка большую роль сыграли писатели-сентименталисты, и прежде всего Н. М. Карамзин. Он, по словам Пушкина, «освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова». Одной из главных заслуг «карамзинистов» считается провозглашение принципа: «писать, как говорят, и говорить, как пишут». Однако, выступая за сближение книжного языка с разговорным, писатели-сентименталисты боялись «грубостей» языка простолудинов. «Новый слог» российского языка был «языком

салонов» и не включал просторечья. Поэтому он не стал главным направлением в процессе формирования современного литературного языка. Однако заслугой Карамзина несомненно было утверждение самоценности русского языка. «Наш язык и для разговоров, право, не хуже других», — писал он в «Письмах русского путешественника» в 90-е гг. XVIII в.

Основной линией в развитии языка не мог стать и путь ориентации на книжно-славянский язык, который отстаивал А. С. Шишков в своем «Рассуждении о старом и новом слоге российского языка» (1803). Он принципиально выступал против использования иностранных слов в русской речи и вводил в язык неологизмы, производные от русских корней (например, анатомия — трупоразыятие, оратор — краснослов, аристократия — вельможедержавие, галоши — мокроступы и т. д.). Однако взгляды Шишкова были не совсем безразличны для судеб литературного языка, поскольку утверждали правомерность сохранения в нем национальных корней. О необходимости этого писал еще Ломоносов в сочинении «О пользе книг церковных».

Жизнь языка была в органическом соединении старого и нового. Окончательное становление современного литературного языка, закрепление его норм происходит в эпоху Пушкина. Оно связано прежде всего с творчеством самого поэта, а также писателей этого времени.

Научным центром изучения русского языка и словесности в первой половине XIX в. оставалась Российская академия, созданная в 1783 г. в Петербурге (в 1841 г. преобразована во 2-е Отделение АН, затем — в Отделение русского языка и словесности Академии наук).

Основным и самым плодотворным видом ее деятельности были словари. В 1806—1822 гг. был издан «Словарь Российской академии» в 6 томах, где впервые был использован алфавитный принцип расположения слов. Словарь отразил изменения, новые явления в языковой культуре начала XIX в. В нем появились термины, касающиеся естественных наук, иноязычные слова и их русские аналоги (например, автор — сочинитель, аплодировать — рукоплескать и т. д.). Происходило формирование научной терминологии. «Наука впервые заговорила у нас на родном языке — событие в высшей степени важное не только в истории русского литературного языка, но и в истории русской образованности вообще», — отмечалось в «Истории Российской академии», изданной в 1878 г.

Помимо словарей Российская академия активно участвовала в издании русских грамматик, литературных памятников, исследований фольклора. В 1820 г. Н. М. Карамзин был удостоен Золотой медали Академии за 8-й том «Истории государства Российского». В 1831 г. была опубликована «Русская грамматика» А. Х. Востокова, предназначенная для школ. Она продолжала и творчески развивала ломоносовские традиции. Грамматика Востокова была широко известна и, по словам Белинского, «без сомнения, есть лучшая из всех донныне изданных; она драгоценна по многим важным открытиям и тонким замечаниям касательно свойств и особенностей нашего языка».

В 1804 г. в российских университетах были открыты словесные отделения, также со временем ставшие серьезными научными центрами в области лингвистики и филологии.

В Академии наук возникает система именных премий, присуждаемых ученым за достижения в области фундаментальных и прикладных знаний. За всю историю своего существования Академия имела свыше двадцати именных премий, учрежденных в разное время и, как правило, присуждаемых за исследования в одной из областей науки. Так, Уваровские премии (с 1857 г.) назначались за труды по русской истории, премия имени К. Э. Бэра (с 1867 г.) отмечала работы по анатомии и эмбриологии, В. Я. Буняковского — по математическому анализу. В 1832 г. известный русский промышленник П. Н. Демидов учредил ежегодные премии, которые, по его мнению, должны были «содействовать к преуспеянию наук, словесности и промышленности». В отличие от других премий они были наиболее универсальными научными наградами, присуждаемыми Академией наук. После прекращения Демидовских наград в 1865 г. появилась Ломоносовская премия (с 1866 г.), которая также присуждалась по многим отраслям науки.

Научные премии, фонд которых создавался, как правило, из частных средств, были признанием заслуг «ученого сословия в государстве» со стороны общества.

7.4. Общественная мысль

XIX век — время серьезных изменений в общественном сознании. Динамизм, ускорение темпов жизни, внутренние и внешне-политические события оказывали влияние на этот процесс. Общественное сознание — сложная сфера интеллектуально-духовной жизни общества как по структуре (теория, идеология, социальная

психология), так и по формам (политика, право, мораль, религия, искусство, философия, наука).

В первой половине XIX в., несмотря на известные разочарования, в общественном сознании все еще сохранялись идеи Просвещения. Оно представляло собой мировоззренческую систему, включавшую общественно-политические, философские, эстетические, художественные представления, в основе которых лежал рационализм. Просвещение — понятие широкое и многоплановое. В нем выражались культ науки и разума, антикрепостнические идеи, отрицание абсолютного авторитета церкви и власти. Появление и дифференциация новых общественных течений происходили в России на фоне продолжавших существовать идей этой широкой мировоззренческой системы. Просветительской ориентации придерживались люди несходных во многом мнений и общественно-политических ориентиров. Но многих из них объединяло понимание необходимости уничтожения крепостничества и ограничения самодержавия как формы политической власти. Действенным средством борьбы в преодолении отсталости страны в различных областях социально-политической жизни, по мнению мыслителей первой половины XIX в., продолжало оставаться в первую очередь просвещение, понимаемое как распространение знаний и «здоровых понятий». Образование и гражданская зрелость рассматривались как необходимые, взаимосвязанные понятия.

Отечественная война 1812 г. усилила идейное размежевание в русском обществе, привела к росту критики существовавших в России порядков, при которых народ, отстаивавший независимость страны, продолжал оставаться в крепостной зависимости. «Для того ль освободили мы Европу, чтобы наложить цепи на себя? Для того ль дали конституцию Франции, чтобы не сметь говорить о ней, и купили кровью первенство между народами, чтобы нас унижали дома?» — эти слова декабриста А. А. Бестужева выражали мысли многих прогрессивных людей России.

Отношение к крепостничеству и самодержавию было стержневым вопросом идейной борьбы первой половины XIX в. В общественном сознании мысль о самодержавии как наиболее приемлемой форме политической власти в России была очень распространенной.

Попытка М. М. Сперанского высказать идею о некотором ограничении самодержавия в соответствии с «духом времени» («Введение к Уложению государственных законов», 1809) оказалась

безуспешной. Но Сперанский и не пытался ввести в России конституционный строй, он лишь предлагал императору «облечь правление самодержавное всеми, так сказать, внешними формами закона, оставив в существе ту же силу и то же пространство самодержавия».

Н. М. Карамзин выступил против даже такой реформы политической власти. В «Записке о древней и новой России» (1811) он писал, что «самодержавие есть палладиум России», оно «основало и воскресило страну» и всегда было «главным условием ее политического существования». Будучи сторонником просвещения, Карамзин рассматривал его как средство совершенствования общественно-политической жизни. Его идеалом была просвещенная монархия, которая соответствовала уровню культурного и политического развития российского общества. Такое же мнение высказывал один из деятелей декабристского движения, Г. С. Батеньков, человек широко образованный, автор проектов политического переустройства. «Не дозрели люди до республики, — писал он, — по обширности государства, по опыту тысячи лет и по нравам нашим республиканское правление нам не свойственно, по крайней мере — для перехода нужна монархия».

Декабристы первыми предприняли попытку свергнуть в стране самодержавие и уничтожить крепостное право, которое они считали главным злом России.

Дворянская революционность генетически была связана с просветительством, с его идеей «общего блага» и важной ролью просвещения в социальных преобразованиях. Декабрист Н. А. Крюков показал на следствии: «Чувствуя вполне бедственное состояние рабства и невежества, более и более убеждался в том, что одно лишь общее просвещение может сделать государство благополучным».

Но в отличие от просветителей XVIII в., веривших в мирный путь общественного развития, достаточность ограничения, смягчения уз крепостничества, декабристы связывали дальнейший социально-культурный прогресс с отменой крепостного права и сословных ограничений. В первоначальных программных документах уничтожение крепостных отношений рассматривалось как уравнивание крестьян в гражданских правах. В «Русской правде» П. И. Пестеля была сформулирована наиболее радикальная программа решения аграрного вопроса.

Идейное единство декабризма как общественного течения выразилось в отношении к самодержавию и крестьянскому вопросу.

Но в средствах борьбы среди деятелей декабристского движения существовали разные мнения. Большинство признавало только методы вооруженной борьбы, но некоторые не отрицали возможность мирных преобразований. Выразителем этих либеральных идей был Н. И. Тургенев, один из основателей Союза благоденствия и Северного общества. С 1824 г. он вынужден был жить за границей, так как в России был приговорен заочно к вечной каторге. Тургенев — один из ярких деятелей русской культуры. В своем труде «Опыт теории налогов» (1818) он заложил основы финансовой науки в России. Его основной труд «Россия и русские» был написан за границей (1847).

Вторая четверть XIX в. — время осмысления социальных и политических вопросов, поставленных декабристами, поисков путей их решения. По словам Герцена, была «открыта новая фаза нашего политического воспитания».

Философское осмысление исторического пути России становится одной из проблем русской общественной мысли. Тема «Россия и Запад», их взаимоотношения в интеллектуально-духовной жизни постоянно присутствуют в сочинениях публицистов, общественных и государственных деятелей. Общественная мысль стремилась к выработке понимания роли народа в общественном движении, отношения к западноевропейскому политическому и социальному устройству. Наряду с главным вопросом — отношением к крепостничеству и самодержавию — решение этих проблем вело к появлению различных направлений общественной мысли и их размежеванию.

С осмыслением важнейших социально-политических вопросов связан повышенный интерес в России к немецкой классической философии. Диалектика, идея развития становились знаменем антифеодальных сил. В 30—40-е гг. произведения Фихте, Шеллинга, Гегеля были широко известны в среде интеллектуальной молодежи, изучались в университетских кружках.

Особенностью общественной атмосферы этих лет был переход от немедленных действий к «тихой работе». В тиши университетских кабинетов, в студенческих кружках происходила глубокая умственная работа, формировалось «умственное меньшинство», составившее основу российской интеллигенции.

«Брожение умов» заставило правительство искать пути усиления идеологического влияния на духовно-нравственную жизнь общества. В середине 30-х гг. были окончательно сформулированы принципы «официальной народности», которые должны были, по

мнению правительства, составить «коренные начала» политической, социальной и нравственной стабильности в обществе. Министр народного просвещения С. С. Уваров объединил в официальную идеологию принципы самодержавия, православия, народности, на которые ранее уже обращалось внимание как на важнейший фактор спокойствия страны (например, Н. М. Карамзин). Пожалуй, только народность, понимаемая как сохранение патриархальных отношений между помещиками и крестьянами, была впервые обозначена как элемент официальной идеологии. Это было «решение» вопроса о крепостничестве и самодержавии с точки зрения правительства.

Положения теории «официальной народности» пропагандировались в учебниках, лекциях профессоров, в публицистике, литературе. Однако идеи данной теории уже не могли безраздельно господствовать в умах, на что рассчитывали ее сторонники.

П. Я. Чаадаев одним из первых подверг официальную идеологию уничтожающей критике. Его «Философическое письмо», опубликованное в 1836 г. в журнале «Телескоп», было, по словам Герцена, подобно «выстрелу, раздавшемуся в темную ночь», оно «потрясло всю мыслящую Россию». Чаадаев, пытаясь по-своему решать «проклятые вопросы» эпохи, поставленные декабристами, смог пробудить общественное мнение о судьбах России. Но в отличие от официальных политиков и идеологов (А. Х. Бенкендорф, С. С. Уваров) он нигилистически оценивал историю России, пессимистически смотрел на ее настоящее, а будущее видел только в приобщении к европейской цивилизации на основе католической религии.

В Москве «не было дома, где бы ни говорили про «чаадаевскую статью» и про «чаадаевскую историю» (из воспоминаний М. И. Жихарева). С. Н. Карамзина (дочь историка) в письме к брату писала из Петербурга: «Я должна рассказать тебе о том, что занимает петербургское общество, начиная с литераторов, духовенства и кончая вельможами и модными дамами, — это письмо, которое напечатал Чаадаев в «Телескопе»... Оно вызвало всеобщее удивление и негодование». Отметил это событие в дневнике и А. В. Никитенко, один из деятелей цензурного ведомства: «...ужасная суматоха в цензуре и литературе».

Официальные круги России отреагировали на «Письмо» Чаадаева репрессивными мерами: редактор журнала Н. И. Надеждин был отправлен в ссылку, в г. Усть-Сысольск; пропустивший «Письмо» в печать цензор, профессор Московского университе-

та А. В. Болдырев был отстранен от должности; Чаадаев объявлен «сумасшедшим». Впоследствии философ отказался от некоторых своих пессимистических взглядов: «...да, было преувеличение, — написал он в 1837 г., — в этом обвинительном акте, предъявленном великому народу... может быть преувеличением было опечалиться хотя бы на минуту за судьбу народа, из недр которого вышли могучая натура Петра Великого, всеобъемлющий ум Ломоносова и грациозный гений Пушкина» («Апология сумасшедшего»).

Однако «Письмо» Чаадаева заставило задуматься над многими вопросами, которые он поставил. Автор создал философскую концепцию русской истории, и его идеи восприняли и пытались интерпретировать многие из последующих русских мыслителей.

Идея о необходимости социально-политических преобразований прочно входит в общественное сознание. Формирующиеся в 30—40-е гг. течения общественной мысли — западничество, славянофильство, утопический социализм, — различаясь по степени радикальности, философской основе, исходили из неизбежности социальных преобразований для дальнейшего движения общества вперед.

40-е гг. XIX в. явились «замечательным десятилетием» в развитии общественной мысли и духовной культуры в целом. Из тайных организаций обсуждение животрепещущих вопросов переносилось в среду университетского студенчества. Одним из «условий общественной жизни», как отмечалось на страницах «Современника», становились публичные лекции в университетах. Своими общими общественно-культурными центрами были литературные салоны в столичных и некоторых провинциальных городах. Присутствие в салонах относительно широкого круга слушателей философских споров способствовало расширению умственного и интеллектуального кругозора образованного общества. «В литературных салонах, — писал К. Д. Кавелин, постоянный посетитель московского салона А. П. Елагиной, — зарождалась, воспитывалась, созревала и развивалась тогда русская мысль, подготавливалась к литературной и научной деятельности нарождавшиеся русские поколения».

В салоне Елагиной происходили знаменитые споры славянофилов и западников. Славянофильство в своем развитии во многом обязано салонам, в то время как западническая мысль культивировалась прежде всего в кружках Герцена, Огарева, Станкевича, Белинского.

Западничество и славянофильство были течениями раннего русского либерализма. К западничеству (признается известная условность этого понятия) в основном принадлежали ученые-гуманитарии, литературоведы, писатели, критики, публицисты (Т. Н. Грановский, С. М. Соловьев, Б. Н. Чичерин, К. Д. Кавелин, В. П. Боткин, П. В. Анненков, И. С. Тургенев, И. И. Панаев и др.). Вместе с западниками в идейных спорах со славянофилами выступали В. Г. Белинский и А. И. Герцен, вырабатывающие в этих дискуссиях свою радикальную концепцию. Герцен испытал влияние идей славянофильства, когда создавал теорию крестьянского социализма (1848), в которой русской общине отводилась роль прообраза нового общества.

Среди славянофилов также были в основном гуманитарии, писатели, поэты, ученые (А. С. Хомяков, И. С. и К. С. Аксаковы, братья Киреевские, Ю. Ф. Самарин, А. И. Кошелев, Ф. В. Чижев и др.). Взгляды славянофилов разделяли В. И. Даль, А. Н. Островский, А. А. Григорьев, Ф. И. Тютчев.

Западники связывали социальные преобразования с усвоением достижений стран Западной Европы. Они были сторонниками конституционной монархии, выступали против революционных методов борьбы, за мирный путь буржуазных преобразований, прежде всего связанный с отменой крепостного права.

Славянофилы, в отличие от западников, отстаивали самобытные начала в историческом развитии России. Они видели их в отсутствии в русской истории классовой борьбы, в православии как единственно истинном христианстве и в поземельной общине. Эти самобытные нравственно-религиозные начала, определявшие жизнь допетровской Руси, должны были, по их мнению, способствовать и будущему развитию России.

В оценке жизненных реалий западникам и славянофилам был присущ известный романтизм. Одни идеализировали Запад, другие — Россию. Идеалы западников были устремлены в будущее, славянофилы звали Россию в столь же идеальное прошлое.

Но западников и славянофилов объединяло неприятие реальной действительности русской жизни, что послужило основой их совместной практической работы по освобождению крестьян. В начале 60-х гг. эти течения составили единое либеральное направление.

Существенно важными для развития национального самосознания были идеи славянофилов о национальном характере культуры, некритическом отношении к иностранным влияниям

(А. С. Хомяков. «О возможности русской художественной школы», 1847).

К 30-м гг. относится развитие идей утопического социализма. В России он распространялся в форме крестьянского или общинного социализма (А. И. Герцен), его особенностью было признание приоритета революционных методов борьбы. Именно в рамках этого течения шел поиск путей по преодолению ограниченности дворянской революционности (борьба для народа, но без народа) и просветительских идей всеобщего благоденствия. В 40—50-е гг. XIX в. формируется революционный демократизм. Оставаясь в рамках идей утопического социализма, он являлся идеологией, выражавшей интересы крестьянства.

В воззрениях революционных демократов наряду с новыми чертами продолжали сохраняться надежды на просвещение как средство обновления и улучшения жизни. Белинский в конце 40-х гг. в своем знаменитом письме к Гоголю по поводу его «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847) продолжал утверждать, что «Россия видит свое спасение в успехах цивилизации, просвещения и гуманности».

Среди сторонников просвещения в России были и приверженцы охранительных идей, государственные деятели. Так, Министерство духовных дел и народного просвещения создавалось, «дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения». Московское общество сельского хозяйства (1820, просуществовало до 1930 г.), объединявшее отнюдь не радикально мыслящих людей, тоже заботилось о распространении среди крестьян элементарного общего и специального образования. С этой целью в 1845 г. был создан Комитет грамотности, занимавшийся этими вопросами.

Низкий уровень грамотности в дореформенной России создавал благоприятную почву для сохранения идей просвещения в общественном сознании.

7.5. Художественная культура

Художественную культуру следует рассматривать как совокупность различных областей искусства: литературы, музыки, театра, живописи, скульптуры, архитектуры. В первой половине XIX в. для нее были характерны быстрая смена идейно-художественных направлений по сравнению с предшествующим временем, одновременное сосуществование разных художественных стилей. В культурно-типологическом отношении классицизм — роман-

тизм — реализм составляли основные этапы идейно-эстетического развития XIX столетия.

В художественном сознании первых десятилетий XIX в. происходил постепенный отход от нормативности просветительского мировоззрения, лежавшей в основе эстетики классицизма, когда мотивами действий героя были прежде всего гражданский долг и общественное служение. Усиливалось внимание к человеку, его внутреннему миру.

Основное направление в художественной культуре первых десятилетий XIX в. — романтизм. Он возник в ряде европейских стран на рубеже XVIII—XIX вв. и представлял собой сложное идейно-философское течение, отразившее реакцию различных социальных слоев на итоги Великой французской революции. Романтизм был стилем не только в художественной, но и в общественно-политической жизни.

Русский романтизм неотделим от западноевропейского. Но его особенностью было сохранение большей связи с идеями просвещения, таких, как осуждение крепостничества, защита интересов народа. В России романтизм распространился в переломную эпоху Отечественной войны 1812 г., которая усилила у писателей-романтиков идеи гражданственности, национального самосознания. Сутью романтического искусства было противоборство идеального героя с реальной действительностью. Утверждение сильной, свободной личности, интерес к национальной самобытности, к истории отечества были характерны для русского романтизма.

Внимание к отечественной истории было отличительной чертой художественной культуры. В 1829 г. в «Обзрении русской литературы» И. В. Киреевский писал: «История в наше время есть центр всех познаний, направление историческое обнимает все». К исторической тематике обращались многие писатели, поэты, композиторы. Отечественная история была предметом раздумий А. С. Пушкина, особенно в последний период его творчества («Борис Годунов», 1825; «Медный всадник», 1833; «История Пугачевского бунта», 1834; «Капитанская дочка», 1836; «Арап Петра Великого», 1837). С осмыслением исторического прошлого России связаны споры вокруг «Философического письма» П. Я. Чаадаева. Пушкин был одним из тех, кто не принял нигилистическую оценку Чаадаева отечественной истории. В письме к нему поэт писал: «Что же касается нашей исторической ничтожности, то я решительно не могу с вами согласиться... Я далеко не вос-

торгаюсь всем, что вижу вокруг себя... но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам Бог ее дал».

В русле романтического движения закладывались основы русского исторического романа (А. А. Бестужев-Марлинский, М. Н. Загоскин, И. И. Лажечников). Видным представителем романтизма в музыке был А. Н. Верстовский. Наиболее известная его опера «Аскольдова могила» (1835) была создана на исторический сюжет М. Н. Загоскина, который написал либретто оперы.

«Художественный календарь столетия» (Г. Ю. Стернин) определяли биографии и творчество крупнейших деятелей культуры.

В русской литературе возникновение романтизма связано с именем В. А. Жуковского. Его баллады, исполненные гуманности и высокого человеческого достоинства, дали русской поэзии «душу и сердце», составили «целый период нравственного развития нашего общества», как писал Белинский. Жуковский был одним из зачинателей национальной школы в русской поэзии.

Развитие лирики от элегически мечтательной до глубоко гражданской, проникнутой чувством борьбы «за угнетенную свободу человека», было характерной чертой романтической поэзии. Поэты-декабристы способствовали утверждению мысли о ее высоком гражданском назначении.

Поэты-романтики много сделали в области художественного перевода. По существу, они впервые познакомили русского читателя с произведениями современных западноевропейских и античных писателей. В. А. Жуковский был талантливым переводчиком произведений Гомера, Байрона, Шиллера. До сих пор мы читаем «Илиаду» в переводе Н. И. Гнедича. Друг К. П. Брюллова А. Н. Струговщиков (художник создал его портрет) переводил произведения Гете и Шиллера. Высоко оценил его переводы «Фауста» Белинский.

Важнейшая проблема национальной культуры, в частности литературы, — народность художественных произведений. Первоначально она связывалась с растущим интересом к отечественной истории. По мнению Н. М. Карамзина, ключ к пониманию самобытности русской литературы надо искать в истории, что и определило широкое развитие исторического жанра в искусстве романтизма. В этот период народность отождествлялась с национальной самобытностью, т. е. с особенностями уклада жизни, быта, костюма и т. д. Идеиные искания 30—40-х гг. находили от-

ражение в осмыслении этого понятия. Если по официальной версии народность исходила из «беспредельной преданности и повиновения самодержавию», то в понимании передовых деятелей культуры она означала «верность изображения картин русской жизни».

Развивая и углубляя понятие народности литературы, классики русской критики в качестве необходимого условия рассматривали соответствие изображаемого в произведениях жизненной правде. По мнению В. Г. Белинского, истинно народное произведение то, которое отвечает объективным интересам народа. Отражая реальную, тяжелую жизнь простых людей, художественное произведение должно призывать к борьбе за ее изменение. Этот тезис стал одним из главных в революционно-демократической эстетике.

В последние предреформенные десятилетия художественная культура развивалась от романтизма к реализму. Причем в самом романтизме на смену элегичности Жуковского, гражданскому пафосу Рыльева пришли разочарование и более ярко выраженное критическое начало. В литературе эти изменения связаны с именами Пушкина, Лермонтова, Гоголя.

В развитии русской национальной литературы и культуры в целом роль А. С. Пушкина огромна. «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа», — говорил Гоголь. «Пушкин — это наше все», — эти слова принадлежат А. А. Григорьеву.

Как человек и художник Пушкин формировался в переломную эпоху русской истории, в период становления дворянской революционности (первое стихотворение — «К другу стихотворцу» — было напечатано в 1814 г.). Его творчество — закономерный итог в художественном осмыслении жизненных проблем, стоявших перед Россией со времени Петра I до декабристов. Вместе с тем творчество Пушкина в наибольшей степени выражало меру и гармонию русской культуры, утерянную в последующий период. С его творчеством связаны утверждение современного литературного языка, начало реализма в литературе как художественного направления. «Евгений Онегин» Пушкина был первым русским реалистическим романом, «в высшей степени народным произведением» (В. Г. Белинский). Впервые отдельным изданием роман был опубликован в 1833 г.

Творчество М. Ю. Лермонтова стало важной вехой на пути от романтизма к реализму. Оно отразило трудное время — погибшие

надежды и разочарование, наступившее после известных событий 14 декабря 1825 г. Неприятие поэтом окружающей действительности приобретало отчетливо выраженный социальный характер. Его роман «Герой нашего времени» (1840), сохраняя романтические черты, заложил основы русского реалистического романа XIX в.

Огромна роль Н. В. Гоголя в русской литературе. «Мертвые души» (1-й том, 1842) — одно из ярких реалистических изображений русской жизни того времени. Белинский оценил его как «творение чисто русское, национальное, выхваченное из тайников народной жизни».

Оставаясь глубоко гуманистической, литература все более приобретала характер учительства и сострадания. Сопричастность русской литературы к общественной жизни — ее общепризнанная особенность. Литературоцентризм русской культуры XIX в. отмечают многие исследователи. Литература и литературная критика брали на себя функции тех сфер культуры, которые в силу цензурных ограничений не могли свободно развиваться в культурном пространстве, идейно ограниченном самодержавным государством. В этих условиях политическая мысль, что особенно важно, могла развиваться лишь в художественно завуалированной или публицистической форме.

30—40-е гг. — время распространения в реалистической литературе так называемой «натуральной школы». Одним из открытий принадлежащих к ней писателей — И. А. Гончарова, Н. А. Некрасова, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Д. В. Григоровича, И. И. Панаева — был «маленький человек» с его нелегкой житейской судьбой. Неприятие крепостного строя и убежденность в необходимости его уничтожения объединяло этих писателей, разных по своим общественно-политическим взглядам.

Предметом пристального внимания русской литературы становилась судьба крепостного крестьянина (повести Д. В. Григоровича, очерки В. И. Даля, «Записки охотника» И. С. Тургенева). Новый, невиданный ранее мир русского купечества открыл читателю и зрителю А. Н. Островский.

Художественная литература как одна из форм общественного сознания имела в духовной жизни общества преобладающее влияние, заменяя частично в условиях самодержавной России открытые публицистические выступления. Ее социально действенный характер, воздействие «на понятия и нравы общества» отмечали многие современники. «Между тем как в других странах, — писал

И. В. Киреевский в 1821 г. — литература есть одно из второстепенных выражений образованности, у нас она главнейшее... литература остается единственным указателем нашего умственного развития».

В первой половине XIX в. активизируется собирательская деятельность и исследование русского народного творчества. Изучением русской старины, летописанием, фольклором много занимались славянофилы, которые, по мнению одного из современных исследователей, «создали питательную среду для изучения «отечественного художественного наследия». Собрание народных песен П. В. Киреевского (1860—1874), составившее 10 выпусков, является наиболее полным сводом русского музыкального фольклора, не утратившего научного значения и по сей день.

Все более заметную роль в общественно-культурной жизни играл театр, по словам Белинского, «показатель общественного просвещения и духа времени». В 1803 г. была введена монополия императорских театров. Указ запрещал создание в столицах частных театров, что позволяло правительству контролировать и влиять на театральный репертуар.

Столичные города оставались центрами театральной жизни. В первые десятилетия XIX в. жизнь столичных театров была полной и разнообразной. А. С. Пушкин в поэме «Евгений Онегин» писал:

Театр уж полон; ложи блещут;
Партер и кресла, все кипит;
В райке нетерпеливо плещут...

На сцене ставились и веселая комедия, и романтический балет, и высокая опера. К этому времени относится расцвет русской трагедии, который был связан с именем Е. С. Семеновой. Она создала русский трагический репертуар. Многие роли в трагедиях В. А. Озерова, известного драматурга того времени, были написаны специально для этой актрисы. Вершиной творчества Озерова была трагедия «Дмитрий Донской» (1807), восторженно встреченная современниками. Одну из главных женских ролей в этом спектакле сыграла Семенова. В 20-е гг. балетмейстером Ш. Л. Дидло были поставлены балеты на сюжеты известных поэм Пушкина «Руслан и Людмила» и «Кавказский пленник» (примечательно, что упоминание о Дидло есть в «Евгении Онегине»).

В начале XIX в. еще не существовало разделения на музыкальный и драматический театр. Только в 1824 г. в Москве произошло разделение труппы Петровского театра на драматическую и балетную. Драматические спектакли были перенесены в зда-

ние, построенное архитектором О. И. Бове и получившее название Малого театра. На сцене Большого театра (бывшего Петровского) шли только оперные и балетные спектакли. В Петербурге имелось несколько театров, наиболее известный из них — Александринский (архитектор К. И. Росси), открытый в 1832 г. постановкой исторической драмы М. В. Крюковского «Пожарский, или Освобождение Москвы». В отличие от Малого театра с сильными демократическими традициями, театр северной столицы носил официально-парадный характер. Основу его репертуара составляли пьесы Н. В. Кукольника и Н. А. Полевого. Театры существовали также в губернских городах (Ярославле, Нижнем Новгороде и др.).

Распространенным явлением в театральной культуре начала века были крепостные театры, известные еще в XVIII в. В первом десятилетии XIX в. из 103 городских крепостных театров 53 действовали в Москве, 27 — в Петербурге, остальные находились в провинции. Большой известностью пользовался театр графа Каменского в Орле, впоследствии описанный Герценом в повести «Сорока-воровка» (1848). Помещик Столыпин отдавал в «наем» своих актеров для игры на сцене театров Петербурга.

Расцвет романтизма на сцене связан с творчеством замечательного русского актера П. С. Мочалова, прославившегося игрой в пьесах Шиллера и Шекспира. Вершиной его творчества стала роль Гамлета. Успех актера в этой роли объяснялся современным прочтением пьесы. Герой Мочалова воспринимался зрителями как русский Гамлет 30—40-х гг. XIX в. Раздвоенность героя трактовалась актером как осознание невозможности одному что-либо изменить в мире. В душе Гамлета — Мочалова происходила борьба, переоценка отношения к миру, к людям. Об умонастроениях русского образованного общества этого времени Герцен писал: «Отличительная черта нашей эпохи есть grübeln [с нем. — размышлять, раздумывать]. Мы не хотим шага сделать, не выразумев его, мы беспрестанно останавливаемся, как Гамлет, и думаем, думаем... Негода действовать».

Утверждению реалистической драмы в театральном репертуаре способствовала драматургия А. С. Грибоедова, Н. В. Гоголя, особенно А. Н. Островского. Основоположником реализма на русской сцене, подлинным реформатором актерского искусства был М. С. Щепкин. «Он создал правду на русской сцене, — писал о нем Герцен, — он первый стал не театрален на театре». Щепкин играл Фамусова в комедии Грибоедова «Горе от ума», когда она

была разрешена цензурой к постановке на сцене (1831), создал образ городничего в гоголевском «Ревизоре». Особое место в его творчестве занимают роли в пьесах И. С. Тургенева (например, «Нахлебник»).

Одной из существенных сторон театральной деятельности актера было требование ансамбля на сцене, профессионализма даже от второстепенных актеров. Традиции Щепкина заложили основу русской школы сценического реализма. Дальнейшее развитие она получила в творчестве актеров уже второй половины XIX в. «Внучатой племянницей» Щепкина называла себя великая М. Н. Ермолова. К. С. Станиславский писал, что свою систему театра он строил на заветах Щепкина и называл его «гордостью нашего национального искусства».

Театр первой половины XIX в. воспитал плеяду замечательных русских актеров, которыми и доньше по праву гордится русская сцена (Е. С. Семенова, А. С. Яковлев, А. И. Истомина, В. А. Каратыгин, П. С. Мочалов, М. С. Щепкин, А. Е. Мартынов).

Музыка этого времени, как и многие другие области художественной культуры, испытала сильное воздействие эпохи 1812 года. Композиторы стали чаще обращаться к героико-патриотическим национальным сюжетам (опера К. А. Кавоса «Иван Сусанин», 1815). Появились романсы на слова русских поэтов, некоторые народные песни становились популярными романсами (А. Е. Варламов «Что затуманилась зоренька ясная», А. Н. Верстовский «Черная шаль» на слова Пушкина и др.)

В обществе стали чаще устраиваться камерные и публичные концерты. В 1802 г. в Петербурге возникло Филармоническое общество, в залах которого с концертами выступали многие европейские знаменитости (Ф. Лист в 1842 г., П. Виардо в 1843 г., Г. Берлиоз в 1847 г.). Популярностью пользовались музыкальные вечера в литературных салонах А. А. Дельвига, В. Ф. Одоевского, З. А. Волконской.

В Петербурге также были широко известны летние музыкальные развлечения в Павловском вокзале. Они стали устраиваться с 1838 г., когда сюда была проведена из столицы железная дорога. Неоднократно в этих концертах выступал австрийский композитор и дирижер, знаменитый «король вальсов» И. Штраус. Идея приглашения в Павловск Штрауса принадлежала Н. В. Кукольнику. Композитор приехал в Россию на сезон 1856 г. и остался в Павловске на 10 лет.

В танцевальной музыке, звучавшей на балах, музыкальных вечерах, широко использовались в качестве основы популярные в то время балеты и оперы. На темы любимых опер сочиняли полонезы, мазурки, вальсы. Такая связь между серьезной и развлекательной музыкой была одной из форм распространения музыкальной культуры и воспитания музыкального вкуса. В одной из статей «Литературной газеты», появившейся после премьеры «Руслана и Людмилы», музыкальный критик Ф. Кони писал, что успех оперы стал расти после того, как музыка Глинки зазвучала на балах, превратившись в танцевальную музыку.

Наряду со светской развивалась и духовная музыка. Широко известным создателем произведений данного жанра был Д. С. Бортнянский. Его религиозные песнопения, кантаты и оратории на слова П. А. Вяземского, М. М. Хераскова не потеряли своего художественного значения и сегодня.

Особая роль в истории музыкального искусства принадлежит М. И. Глинке. С его именем связано возникновение русской музыкальной классики, национальной школы в музыке. Он «создал национальную русскую оперу, национальную инструментальную музыку... русский национальный романс», — писал о нем В. В. Стасов.

Событием в культурной жизни России была постановка оперы Глинки «Жизнь за царя» в Петербурге в 1836 г. Сюжет композитору подсказал В. А. Жуковский, предполагалось, что он будет и автором либретто, однако этот замысел не осуществился. Название «Жизнь за царя» опера получила по желанию Глинки, который просил об этом императора (первоначально она называлась «Иван Сусанин»).

«Кучерская музыка» была сухо встречена великосветской публикой, привыкшей к итальянской опере. Но друзья композитора восторженно приветствовали спектакль, и среди них были Пушкин, Гоголь, Белинский, Хомяков. В. Ф. Одоевский, один из первых российских музыковедов, отмечал, что с оперы Глинки «начинается новый период: период русской музыки».

Глинка — композитор, для которого народность была основным принципом искусства. «Создает музыку народ, — говорил он композитору и музыкальному критику А. Н. Серову, — а мы, художники, только ее аранжируем». Он был создателем русской вокальной школы. Уроки пения у него брали Ф. А. Петров, С. С. Гулак-Артемовский и др.

Современником Глинки был А. С. Даргомыжский. Сближение с Глинкой сыграло решающую роль в формировании его как композитора. Музыка Даргомыжского наряду с реализмом и народностью отличалась большой драматической напряженностью. Он был создателем народно-бытовой музыкальной драмы (опера «Руслан», 1856), драматических и сатирико-комических песен («Титулярный советник», «Червяк» и др.), явился новатором в музыке, привнес в нее новые приемы и средства музыкальной выразительности (речитатив в опере «Каменный гость», которая была завершена Ц. А. Кюи и Н. А. Римским-Корсаковым после смерти композитора в 1872 г.). В конце 50-х — начале 60-х гг. Даргомыжский сблизился с группой молодых петербургских композиторов, впоследствии составивших Могучую кучку, и оказал значительное влияние на их творчество.

В начале XIX в. основным идейно-художественным центром в стране оставалась Академия художеств. Президентом ее был А. С. Строганов, известный меценат и знаток искусства. Это время совпало с расцветом классицизма.

Архитектура русского ампира — завершающего этапа в развитии классицизма, в 10—20-е гг. достигла блестящих успехов, идейно связанных с национально-патриотическим подъемом в стране в эпоху 1812 года. Стилиевое единство ампира создало классические образцы градостроительства: сооружение общественных зданий, городских и усадебных домов (А. Д. Захаров, А. Н. Воронихин, К. И. Росси, В. П. Стасов, О. И. Бове). В это время создаются монументальные ансамбли Петербурга — Адмиралтейство (1823), Михайловский дворец (1819—1825, ныне — Русский музей), здание Главного штаба (1819—1829), формируются площади северной столицы — Дворцовая, Сенатская, Стрелка Васильевского острова. В Москве усилиями Бове было много сделано для восстановления города после пожара 1812 г.: перестроены Торговые ряды (1814—1815), завершившие ансамбль Красной площади; зданиями Большого и Малого театров (1821—1824) обновился вид Театральной площади. По проекту Бове была построена 1-я Градская больница (1828—1833), церкви Всех скорбящих на Большой Ордынке (1828—1833) и в селе Архангельское близ Дорохово (усадьба архитектора, 1822).

Для зодчих этого времени становится характерным синтез архитектуры и скульптуры. В области монументальной скульптуры известны имена И. П. Мартоса, Ф. Ф. Щедрина.

В 30-е гг. появляются признаки упадка художественной системы классицизма, архитектура стала приобретать функционально-утилитарный характер. Начавшееся строительство доходных домов постепенно вытесняло дворянские особняки, которые сохранили стилевое единство.

В это время получает распространение русско-византийский стиль. Одним из ведущих архитекторов этого времени был К. А. Тон — автор проектов храма Христа Спасителя (1839—1883, в настоящее время восстановлен после разрушения в 1931 г.), Большого Кремлевского дворца (1839—1849), Оружейной палаты (1844—1851), зданий вокзалов Николаевской железной дороги (ныне — Октябрьская железная дорога) в Москве (1849) и Петербурге (1844—1851).

В 30—50-е гг. академизм как направление в живописи постепенно устаревал по своим идейно-художественным установкам и вступал в противоречие с требованиями жизни и общественными задачами искусства. Каноны классицизма, признававшие иерархию жанров, приоритет исторической живописи, негативно относившиеся к бытовому жанру как низкому виду искусства, уже не могли полностью удовлетворять творческие потребности и соответствовать общественным воззрениям художников.

Наиболее ярким представителем классицизма был К. П. Брюллов. Небывалую популярность ему принесла картина «Последний день Помпеи» (1831—1833). В ней художник сумел соединить академическую выучку с романтическим пафосом, придав полотну эффектность и драматизм. Впервые в качестве героя на широком фоне в картине представлен народ, хотя и в идеализированном виде. Отношение к бедствию выражено через чувство, психологию и поведение отдельных людей, что является чертой романтического искусства. «Последний день Помпеи» был куплен А. Н. Демидовым и подарен Николаю I.

Среди картин художника есть немало работ религиозного содержания, он участвовал в росписи Исаакиевского собора. Брюллов — блестящий мастер парадного портрета («Всадница», 1832). В последние годы жизни он пишет «Автопортрет» (1848), ряд других портретов, в которых достиг высокого мастерства и глубокого психологизма. Появление автопортрета — одна из характерных черт романтической живописи.

Освобождение от идейно-эстетических установок классицизма в живописи было связано с растущим интересом к человеческой

личности, к жизни простых людей. Новое понимание человека, его внутреннего мира получило наибольшее выражение в романтическом портрете. Одним из ярких представителей романтизма был замечательный портретист начала XIX в. О. А. Кипренский. Художник утверждал новый взгляд на человека как на внутренне независимую личность (портрет П. А. Оленина, 1813), подчеркивал романтические черты русской женщины (портрет Хвостовой, 1814), создал прекрасный портрет А. С. Пушкина (1827).

Портрет как жанр относится к бесспорным достижениям русской национальной школы живописи. Его развитие в первой половине XIX в. занимает достойное место в истории художественной культуры России.

Крупнейшим художником XIX в. был А. А. Иванов, выпускник Академии художеств, в течение многих лет живший в Италии как пансионер Общества поощрения художеств. Иванов был представителем монументально-героического направления в русском искусстве. В XIX в. это направление в художественной культуре связано в литературе с «Борисом Годуновым» Пушкина, в музыке — с операми Мусоргского, продолжено и упрочено в исторических полотнах Сурикова. В конце века монументальная традиция Иванова возрождается в творчестве М. А. Врубеля.

В полотнах Иванова было сильно выражено философское, религиозно-нравственное начало. Художник верил в высокое предназначение искусства, способного указать народу путь к усовершенствованию и социальному обновлению. Главным делом всей его жизни стало монументальное полотно «Явление Христа народу», над которым он работал в Италии в течение 20 лет (1837—1857). В Петербурге публика увидела картину только в 1858 г., когда художник вернулся в Россию. Идейный смысл работы, написанной на евангельский сюжет, состоит в убежденности художника в духовном возрождении человечества, путь к которому лежит через просвещение и нравственное усовершенствование. Вместе с тем поражает психологическая глубина изображаемых событий, каждый из персонажей картины по-своему индивидуален, неповторим и социально узнаваем. Иванов вводит в живопись пленэр (фр. *plain air* — вольный воздух), к которому художники стали обращаться постоянно только в конце XIX — начале XX в.

Новые реалистические тенденции в живописи развивались наиболее плодотворно вне стен Академии художеств. Рождение бытового жанра связано с творчеством А. Г. Венецианова. Его картины были открытием в русской живописи 20-х гг.

(«На пашне. Весна», «На жатве. Лето», «Захарка»). Художник изображал повседневную жизнь крестьян, показывал их человеческое достоинство и красоту труда. Венецианов создал школу в русской живописи, которая стала значительным явлением в художественной жизни 20—40-х гг., и способствовал распространению бытового жанра. У Венецианова было много учеников, получивших специальное образование в училище, открытом им в имении Сафонково (Тверская губерния). Среди них были и крепостные, некоторым из них он выхлопотал освобождение. Однако один из талантливых учеников Венецианова, Григорий Сорока, оставался крепостным вплоть до крестьянской реформы 1861 г.

Известным художником первой половины XIX в. был В. А. Тропинин. В его творчестве получает развитие жанр портрета («Портрет сына», 1818), бытовой жанр («Кружевница», 1823).

В дореформенный период помимо Академии художеств появляются и другие учебные заведения, которые по своим художественно-эстетическим принципам и методам обучения противостояли системе академизма.

В Арзамасе в 1802—1862 гг. существовала частная художественная школа А. В. Ступина, художника по образованию, окончившего Академию художеств. Арзамасская школа живописи отличалась демократической направленностью, значительное развитие в ней получил бытовой жанр. Среди ее учеников был В. Г. Перов.

Центром художественной жизни Москвы стало открытое в 1832 г. Училище живописи, ваяния и зодчества (в 1918 г. училище было реорганизовано во 2-е Свободные художественные мастерские, позднее преобразованные в Московский художественный институт им. В. И. Сурикова и Московский архитектурный институт). Оно сыграло немалую роль в утверждении принципов реализма в русском искусстве.

Появление жанровых картин П. А. Федотова на художественной академической выставке в 1849 г. произвело настоящую сенсацию. Его творчество было тесно связано с литературой и идейным движением 40-х гг. В сценах частной жизни мастер сумел отразить социальные проблемы. Впервые в русской жанровой живописи появились картины, где критиковались отдельные стороны общественной жизни («Свежий кавалер», 1846; «Сватовство майора», 1848). Драматизм, метафоричность, свойственная художественной манере Федотова, особенно проявились в его последней картине «Анкор, еще анкор!» (1851—1852). Художник утверждает бытовой

жанр с ярко выраженной обличительной направленностью. Он завершил эволюцию русской живописи первой половины XIX в. и неметил пути ее дальнейшего развития.

К середине XIX в. в России завершился один из этапов в историко-культурном процессе (XVIII — первая половина XIX в.). Основным его содержанием было развитие национальной культуры. В это время проявились такие ее черты и особенности, как гуманизм, гражданственность, интерес к «маленькому человеку». В рассматриваемый период произошло становление современного русского литературного языка, определилась более тесная связь художественной культуры с идейными исканиями и общественно-политической мыслью.

Культурный потенциал в целом был сосредоточен в дворянском сословии. Дворянство являлось основным носителем профессиональной культуры. Высоко оценивая интеллектуальный уровень эпохи 30—50-х гг., Н. А. Бердяев связывал с именами Чаадаева, братьев Киреевских, Хомякова, Грановского, Герцена, Пушкина, Лермонтова, Гоголя развитие русской философии, истории, литературы и искусства.

7.6. Город и деревня в культурной жизни накануне буржуазных реформ

В развитии культуры города и деревни, столицы и провинции сочетались разнообразные тенденции, которые в целом формировали общественно-культурную среду. Состояние ее определялось как распространением инновационной культуры, так и сохранением традиций. «Для жизни человека, — писал Д. С. Лихачев, — важна среда, созданная культурой его предков и им самим».

Система образования и культурно-просветительных учреждений, книга, периодика, почта, телеграф как средства распространения знаний являются механизмом функционирования культуры и определяют состояние культурной среды.

Городу в этом процессе принадлежит наиболее важная роль. Он выступает как центр сосредоточения профессиональной культуры; здесь находятся учебные и культурно-просветительные институты, средства связи, способствующие интеграции культурных процессов.

Культура русского города XIX в. была многопланова. С одной стороны, как центр административной власти на местах, город был носителем официальной культуры. С другой — именно в нем

существовали структуры (университет, научное общество, кружок, книга, газета и т. д.), которые стимулировали развитие оппозиционных взглядов. Город, таким образом, становился важнейшим фактором модернизации общества.

Система городов, существовавшая в XIX в. — губернские, уездные, заштатные, — сложилась в основном во второй половине предшествующего столетия, в результате «волевых» правительственных решений, изложенных в указах Екатерины II. Административно-военная функция была приоритетной. Административный статус города оказывал большое влияние на состояние и развитие его культурной жизни.

В сознании современников город в России прежде всего ассоциировался с властью, а потом уже с торговлей и промышленностью. «Город, какой бы там он ни был, — писал в конце 80-х гг. Н. В. Шелгунов, — все-таки сила, хотя бы по одному тому, что он всегда центр власти».

На протяжении XIX в. наиболее распространенным в России был средний город с числом жителей от 10 до 50 тыс. Малые города, в которых проживало не более 10 тыс. человек, в подавляющей массе были уездными центрами.

Типовое строительство по «образцовым чертежам», заранее составленным планам, которое началось с конца XVIII в. и продолжалось в начале XIX в., изменило внешний вид центра многих провинциальных городов.

Город становился регулярным, с системой улиц, площадью в центре, на которой обязательно располагались здания присутственных мест, церковь и торговые ряды. Устанавливалось место въезда в город через заставу, обычно расположенную на почтовом тракте. С появлением железных дорог городские вокзалы заменили заставы.

Город в отличие от села имел более сложную социально-пространственную структуру, включавшую систему улиц, кварталы, различавшиеся социальным составом жителей. Это отражалось в названии улиц. В каждом городе обычно были Дворянские, Мещанские, Посадские улицы. Городская топонимика, достаточно развитая в XIX в., являлась своеобразным языком города, сохранявшим и память о его прошлом и отражавшим новые явления в хозяйственной жизни.

Специфически городская среда характеризовалась новыми формами общественной жизни: появлялись трактиры, гостиницы, общественные бани, аптеки, библиотеки, музеи, городские сады,

театры. Но окраины в массе городов сохраняли сельский вид, здесь город как бы незаметно переходил в деревню. На протяжении XIX в. город в подавляющем большинстве был деревянным. Даже в конце столетия деревянные постройки составляли более 60% всех зданий в столицах и свыше 80% — в провинциальных городах Европейской России.

Большинство русских городов дореформенного времени, за исключением столичных и некоторых губернских центров, по внешнему виду мало чем отличались от сельских поселений. В планировке и застройке города большую роль играли водные пространства, зеленые насаждения и сохранение вокруг него свободных пахотных земель или лугов. Река была важной водной артерией, но она стала включаться и в культурное пространство города. На набережной обычно устраивались скверы, общественные сады, где проходили различные увеселения.

Благоустройство дореформенного губернского города в основном ограничивалось мощением центральных улиц и площадей, освещением улиц в центре масляными и спиртовыми фонарями, уходом за водоемами с питьевой водой. Все эти расходы были отнесены к городскому бюджету.

К первой половине XIX в. относятся попытки устройства в городах общественного водопровода. В 1805 г. завершилось строительство Мытищинского водопровода в Москве, начатое еще в екатерининское время. Были устроены водопроводы в Калуге (1807), в Нижнем Новгороде (1847), в Петербурге (1859). Общественный водопровод представлял собой систему городских фонтанов-бассейнов, из которых специальные «водовозы» на лошадях в бочках развозили воду по домам.

Облик русского провинциального города, «его особенное выражение» сохранили путевые заметки публицистов, художественные произведения, что позволяет в известной мере реконструировать культурное пространство города, «увидеть» его.

М. Ю. Лермонтов в стихотворении «Тамбовская казначейша» описал центр Тамбова 30-х гг. и общество этого губернского города:

Там есть три улицы прямые,
И фонари, и мостовые,
Там два трактира есть, один
«Московский», а другой «Берлин».
Там есть еще четыре будки,

При них два будочника есть;
По форме отдают вам честь,
И смена им два раза в сутки...
И там есть чопорные франты,
Неумолимые педанты,
И там нет средства от глупцов
И музыкальных вечеров.

Культурная среда города определялась прежде всего состоянием системы образования. В губернских городах в 50-е гг. существовала государственная система начальной и средней школы (уездные училища и гимназии). Приходские и уездные училища имелись в подавляющем большинстве уездных городов. Рост школ в этот период происходил прежде всего в городе.

Город по уровню грамотности давал более высокие показатели, чем средний по стране. В начале 50-х гг. грамотных горожан было 4% (при среднем уровне грамотности около 1%). В городах столичных губерний грамотные составляли около 3,5%, в центрально-промышленных — 5—9%.

В России XIX в. не только Петербург, но и Москва являлась культурным центром. Но если Петербург был имперским городом, наиболее полно воплотившим идеи европеизма, то Москва больше сохраняла начала традиционности и в культуре, и в общественном сознании. Наличие двух центров культурного притяжения сказывалось в особенностях взаимодействия столицы и провинции. Последняя больше тяготела к Москве, как хранительнице патриархального образа жизни и исторической памяти.

В первой половине XIX в. культурная жизнь в столицах была наиболее разнообразной. Это находило выражение в появлении художественных объединений, распространении частного собирательства, открытии первого публичного музея — Эрмитажа в Петербурге, расширении выставочного дела.

Начало художественных выставок связано с деятельностью Академии художеств. В первой половине XIX в. помимо академических выставок стали устраиваться обществами художников выставки в рисовальных школах. В 1821 г. был открыт первый в России выставочный зал постоянной выставки-продажи картин членов Общества поощрения художеств в Петербурге (1821—1929). С целью продажи картин художественные выставки устраивались в Москве в 30-е гг. Училищем живописи, ваяния и зодчества. Большое общественно-культурное звучание имела выставка в Пе-

тербурге в 1856 г., на которой экспонировалась знаменитая картина А. А. Иванова «Явление Христа народу».

Органичным элементом культурной среды города становились памятники не только в столицах, но и некоторых провинциальных городах. Появление светских памятников русским императорам, известным в России людям, уроженцам, как правило, тех мест, где им устанавливались мемориалы, а также в память крупных исторических событий отражало формировавшееся в обществе отношение к своему прошлому, к национальному культурному наследию. Н. М. Карамзин в 1818 г. в одном из выступлений в Российской академии высказал мысль о необходимости установления «памятников-мемориалов замечательным людям Отечества».

Обелиски в честь победы в 1812 г. появились в городах, участвовавших в сражениях этой войны: в Смоленске, Медыни (Калужская губерния), селе Тарутино под Малоярославцем. В Петербурге в 1834 г. был воздвигнут Александрийский столп — памятник в честь победы России в Отечественной войне 1812 г. В Москве в память об этой войне было начато строительство храма Христа Спасителя.

В 1803 г. в столице был установлен памятник А. В. Суворову (скульптор М. И. Козловский, 1799—1801), в Москве — первый светский памятник, посвященный К. Минину и Д. Пожарскому, освободителям столицы от польских интервентов в начале XVII в. (по проекту И. П. Мартоса, 1804—1818).

В губернских городах появились памятники П. Г. Демидову, основателю Демидовского лицея (Ярославль, 1829), Н. М. Карамзину (Симбирск, 1845), Г. Р. Державину (Казань, 1846), Ивану Сусанину (Кострома, 1851). Памятник Петру I был сооружен в Воронеже, где русский царь начинал строительство флота (1860).

Социальная структура дореформенного города отражала словное многообразие России. В 50-е гг. среди городских жителей были дворяне, чиновники, купцы, почетные граждане, духовенство, мещане, разночинцы, солдаты, крестьяне. Мещанство было основным городским сословием (в провинциальных городах Европейской России проживало от 66 до 90% мещан).

Понятие «мещане» (ранее — посадские люди) появилось в документах екатерининского времени. Мещанство, как и крестьяне, было податным сословием. По своим правам и обязанностям оно приближалось к государственным крестьянам. Тесная связь мещанства с крестьянством определяла многие стороны его миро-

воззрения, духовно-нравственной позиции, способствовала сохранению в его среде традиционной народной культуры. Являясь частью мелкобуржуазной прослойки, мещанство в социальной структуре занимало как бы промежуточное положение между небогатым купечеством, с одной стороны, и крестьянством — с другой. Будучи основным слоем городского населения, мещанство было и носителем массовой городской культуры. Оно составляло средний культурный слой, который в силу своего положения должен был нивелировать разрыв между элитарной дворянской и народной культурой, существовавший в России, аккумулировать, развивать и распространять новации, прежде всего в материально-технической сфере, которые возникали из потребностей эпохи и рождались в городе.

Эти задачи можно было решать только путем распространения общего и специального образования в среде горожан. Образование становилось основой развития в обществе цивилизационных процессов.

К концу крепостной эпохи в демократических слоях населения изменилось отношение к грамотности. Как отмечалось в одном из официальных документов в конце 50-х гг., «теперь устранено одно из главных препятствий к распространению грамотности между простым народом: ослабело предубеждение, которое имели родители против учебы своих детей». Однако, несмотря на то что город опережал по уровню образования общество в целом, основная масса горожан владела только элементарной грамотностью.

Характер многих социокультурных процессов определяло состояние культуры деревни, прежде всего крестьянства, а также ее развитие, взаимоотношение с городом и обратное влияние на городскую культуру.

Традиционность — основная черта культуры крестьянства — сохранялась в жизни дореформенной деревни. Традиционная культура, в отличие от профессиональной, это зафиксированный в жизни многих поколений крестьянства коллективный опыт хозяйственной деятельности, организации быта, обрядности в повседневном обиходе и культуре праздника.

Многие стороны традиционной культуры уходят корнями в глубокую древность. Тесная связь крестьянина с природой определялась его хозяйственной деятельностью, в которой земледелие было приоритетным. Зависимость материального достатка от природно-климатических факторов сохраняла в сознании крестьяни-

на многие идущие со времен язычества верования в силу природы. Поэтому даже в XIX в. в религиозном сознании русского крестьянина причудливо переплетались православная вера и языческие суеверия и обряды.

В культуре крестьянства православие являлось важным фактором. Оно оказывало влияние на многие стороны духовно-нравственной жизни народа, семейно-бытовые отношения, этику поведения. Но в системе верований не исчезли полностью и многие дохристианские языческие культы, хотя в ряде случаев они трансформировались. Современные исследователи определяют систему верований русского крестьянина как православно-языческий синкретизм, т. е. слитность православной веры и элементов язычества.

Помимо земледелия в хозяйстве традиционно большую роль играли промыслы — прядение и ткачество, плотницкое, столярное, гончарное дело. Особенно широко промысловая деятельность крестьян была распространена в неземледельческих губерниях. Длительное существование промысла выработало определенную культуру производства, включавшую традиционные трудовые навыки, изготовление и применение простейших инструментов и т. д. Появившаяся в России мануфактура во многом использовала этот опыт.

Важнейшей частью традиционной культуры, отражавшей национальное своеобразие русской культуры, являлись художественные промыслы. В XIX в. были широко известны: хохломская роспись деревянной посуды; городецкая роспись, украшавшая мебель, двери, крестьянские прялки; нарядная, праздничная дымковская глиняная игрушка и богородская игрушка, вырезанная из дерева; федоскинская лаковая миниатюра, украшавшая шкапулки из папье-маше. Изделия народных мастеров имели большой сбыт на многочисленных ярмарках.

Жизнь русского земледельца проходила в рамках общины, которая играла важную роль в сохранении и воспроизводстве традиционной народной культуры. Помимо общины важным институтом в хозяйственно-бытовой жизни крестьянина была семья. Она являлась прежде всего школой трудового воспитания, которое начиналось для детей примерно с 9 лет. По понятиям того времени воспитание ребенка предполагало воспитание в семье нового работника.

Сохранение традиционных черт в культуре во многом питала цикличность жизни крестьянского «мира». Трудовой ритм рус-

ской деревни, чередование будней и праздников определялись сменяющимися природными циклами и характером работ в них (сев, жатва, молотба). Каждое время года сопровождалось яркими по своей эмоционально-смысловой нагрузке праздниками — Масленица, Пасха, Троица, в которых продолжала сохраняться обрядовость в сочетании с православной религиозностью.

Однако в реальной жизни деревни нередко встречались сцены, подобные тем, что изобразил В. Г. Перов в своей картине «Сельский крестный ход на Пасху» (1861). В русской деревне, как, впрочем, и в городе, пьянство было, к сожалению, распространено. Особенно много пили в праздники. Некрасов писал о русском крестьянине: «Он до смерти работает, до полусмерти пьет». Кабак в деревне был своеобразным клубом: здесь узнавали новости, текущие цены, заключали торговые сделки («кабак» — татарское слово — сосуд для хранения вина; в России так называлось питейное заведение).

Под влиянием многих социально-экономических факторов, в том числе и развития отходничества, происходили изменения в традиционном строе народной жизни. Они наметились к концу крепостной эпохи, но в полной мере проявились уже в пореформенное время.

Большая роль в культурной жизни общества принадлежала средствам связи (почта, телеграф). Расширяя возможности и регионы общения людей, они способствовали формированию культурного пространства, общественно-культурной среды. Ее развитие и совершенствование было показателем культурного потенциала общества. «Подобно тому, как говорят о натуральном, денежном, кредитном хозяйстве, — писал один из современников в 90-е гг. XIX в., — можно говорить о хозяйстве времени пеших гонцов, конных курьеров, почтовых экипажей, железных дорог и телефонов». В первой половине XIX в. наиболее распространенным средством передачи информации была почта. Ее органичность в культурной жизни возрастала по мере распространения в обществе грамотности и образованности, интереса к книге, потребности в общении.

Своим появлением в России, как и в других странах, почта обязана государству. В 1665 г. по указу Алексея Михайловича была учреждена постоянная служба «для пересылки государственных бумаг». При Петре I существовала ординарная почта от Петербурга «до всех знатных городов». Во второй половине XVIII в., при Екатерине II, почтовыми дорогами стали соединяться не только

губернские, но и уездные города. Однако полностью это было осуществлено только в XIX в., когда произошли большие изменения в почтовом деле. Работа почты, скорость доставки писем во многом зависели от состояния дорог. В XIX в., особенно в дореформенное время, это были в основном грунтовые дороги, плохо проходимые весной и осенью. Все почтовые тракты разделялись на разряды: столичный (соединяющий Москву и Петербург), генеральные тракты (от столиц к границам государства и губернским городам), дороги между губернскими центрами и все прочие (проселочные). В 1834 г. в России было построено первое шоссе, соединившее Москву и Петербург. В 1851 г. — открыто движение по Николаевской железной дороге между столицами. Однако в 50-е гг. протяженность шоссе в Европейской России (без Финляндии и Царства Польского) составляла немногим более 2,5 тыс. верст, а железных дорог — лишь немного превышала 1 тыс. верст. Почтовые тракты и ямская гоньба на лошадях оставались в первой половине XIX в. все еще основным средством почтового сообщения.

Помимо дорожной сети в это время сложился механизм управления системой почтового обслуживания. Эта система включала центральное и местное управление почтой, разделение территории страны на почтовые округа (в 30-е гг. было 13 почт-округов). В столицах были почтамты, в губернских и уездных городах — почтовые конторы во главе с почтмейстерами. Они открывались на несколько часов в так называемые «почтовые дни», когда в город привозилась корреспонденция. Конторы ведали работой почтовых станций, располагавшихся на всех трактах.

В первой половине XIX в. преобладала казенная переписка — местной администрации, войсковых соединений и т. д. Изменение в соотношении казенной и частной корреспонденции происходит в пореформенное время.

XIX век принес новшества в организацию почты. Одним из них было создание специальной почтовой службы в городах для пересылки внутренней корреспонденции. В 1833 г. такая почта появилась в Петербурге, в 1845 г. — в Москве. Введение городской почты способствовало развитию адресной системы в городе, далекой от современного понимания этой сферы городского благоустройства. Отправка письма в городе упростилась с появлением в 1848 г. почтовых ящиков на улицах, «штемпельных» конвертов, почтовых марок — в 1857 г. (первая почтовая марка появилась в Англии в 1840 г.). В России сюжеты почтовых марок обычно воспроизво-

дили российский герб или портрет императора. Стоимость конверта с маркой оплачивалась заранее, письмо опускалось в почтовый ящик. При желании его можно было теперь отправить и днем, и вечером, а не только по «почтовым дням». Однако в общественный быт все эти почтовые новшества входили медленно. В провинциальных городах корреспонденцию и получали, и отправляли в почтовых конторах.

В первой половине XIX в., накануне буржуазных реформ, общественно-культурная жизнь наиболее разнообразной и полнокровной была в столицах. Однако в провинции, находящейся в этот период еще «в состоянии глубокой умственной спячки», по мнению одного из современных исследователей, также складывались предпосылки для развития ее культурной самодостаточности.

Глава 8

Культура пореформенного времени. Вторая половина XIX в.

Буржуазные реформы середины XIX столетия были рубежом в социально-экономической жизни России и обозначили начало капиталистического периода в ее истории. Эти реформы оказали влияние на многие стороны общественно-культурной жизни, социальный и духовный облик населения. Отмена крепостного права сняла юридические препоны для свободного передвижения населения, более интенсивно стало развиваться отходничество и, усиливая экономические связи между городом и деревней, втягивало массы крестьянства в «водоворот общественной жизни». Эти факторы способствовали углублению культурных интеграционных процессов в обществе, что способствовало расширению культурного пространства, общественно-культурной среды.

После отмены крепостного права общество искало пути перестройки всех систем, и в связи с этим появилась необходимость более активного включения массы вчерашних крепостных в сферу профессиональной культуры. Школа, распространение грамотности становились, таким образом, приоритетными факторами в культурном развитии общества. Распространение образования всегда более востребовано в среде, для которой характерны разви-

тие производительных сил, смена общественных укладов, модернизационные процессы.

Капитализм объективно требовал более высокого культурного уровня развития общества, предполагавшего не только распространение элементарной грамотности, но качественно более глубокой образованности граждан. Это диктовалось расширением сферы приложения общеобразовательных и специальных знаний в экономике, науке, различных административных и общественных структурах. Отмена крепостной зависимости создавала большие социальные возможности для демократизации образования. Хотя нельзя не учитывать, что самодержавие и в пореформенное время не изменило своего принципиального отношения к широкому распространению просвещения среди народа.

Однако на «волне общественного возбуждения» 60-х гг. при активном участии российской интеллигенции в пореформенную эпоху в стране фактически была создана народная школа, появилась система технических училищ, в том числе отраслевые высшие учебные заведения, учительские семинарии, готовившие преподавателей начальных школ. В это время существовали многочисленные культурно-просветительные и научные учреждения: музеи, библиотеки, научные общества и комиссии, художественные и промышленные выставки и т. д.

В общественно-культурное движение была активно вовлечена провинция, причем наиболее значительные изменения в культурной жизни происходили именно там.

В России, пожалуй, впервые создавались реальные предпосылки становления основ гражданского общества, сферы реализации различных общественных интересов (правовых, образовательных, культурных), не связанных с деятельностью государства. Однако в силу непродолжительного существования в России капитализма как социально-экономической системы (немногим более полувека) и сохранения влияния государства на жизнь пореформенного общества в различных сферах его жизни многие из этих предпосылок не могли получить и не получили полного развития.

При несомненном единстве в историко-культурном процессе пореформенного времени во второй половине XIX в. можно выделить два внутренних этапа, особенности которых порождались реалиями общественно-политической жизни.

Общественно-демократический подъем кануна буржуазных реформ и первых лет после отмены крепостного права, определяв-

ший идейную атмосферу в обществе, породил некоторые новые черты в историко-культурном развитии.

Время первых двух пореформенных десятилетий отличалось широким движением за распространение просвещения народа и пересмотром законодательства о печати, тесной связью художественной культуры с идеями демократизма и революционного народничества. 60-е гг. воспринимались современниками как время духовных преобразований, больших надежд и свершений. «Эти годы можно назвать весной нашей жизни, — писала в воспоминаниях одна из участниц педагогического движения 60-х гг., Е. Н. Водовозова, — эпохой расцвета духовных и общественных идеалов, временем горячих стремлений к свету и к новой, еще неизведанной общественной деятельности... небывалое до тех пор стремление общества к нравственному и умственному обновлению».

Развитие культуры в 80-е гг. приобрело новые черты, которые были порождены атмосферой общественно-политической жизни России того времени. Современники оценивали эти годы как «черные», «глухие». Яркий поэтический образ той эпохи дал А. Блок в поэме «Возмездие»:

В те годы дальние, глухие
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи,
А только тень огромных крыл:
Он дивным кругом очертил
Россию...

В полной мере проявился реакционный курс в политике правительства по отношению к школе и печати, наметившийся еще в предшествующее десятилетие, заметно усилились государственная поддержка православной церкви, ее влияние на систему школьного образования.

В развитии общественного сознания 80-е гг. были переходным временем, когда намеченные перемены не выявились еще достаточно определенно. В социальной сфере происходили важные процессы: развивался капитализм, вместе с ним рос промышленный пролетариат. Это было время зарождения российской социал-демократии, начало распространения марксизма в России.

Однако 80-е гг. в развитии культуры нельзя резко отделять от предшествующих десятилетий. Характерной чертой социокультурной ситуации всего пореформенного времени была инициатива и активное участие общественности во многих культурных начинаниях. Развивалась система школьного образования, особенно в провинции, появлялись новые музеи, увеличивалось число и тематика издаваемых книг. Плодотворно работали крупнейшие русские писатели, художники, композиторы — Л. Толстой, Салтыков-Щедрин, Репин, Суриков, Чайковский, Римский-Корсаков.

8.1. Система образования

Реформы 60—70-х гг. определили новый этап в развитии народного просвещения. Преобразования в этой сфере связаны с именем министра А. В. Головнина, представителя либеральной бюрократии. В 50-е гг. он был одним из руководителей журнала «Морской сборник», на страницах которого обсуждались и проблемы образования. В частности, здесь в 1856 г. была напечатана статья выдающегося хирурга, педагога и общественного деятеля Н. И. Пирогова «Вопросы жизни», всколыхнувшая всю общественность страны. В статье был поставлен кардинальный вопрос, какой должна быть школа: общеобразовательной или профессиональной. Автор был сторонником развития общего образования и отстаивал идею классической его формы как основы гуманитарного знания.

Вопросы начального и среднего образования обсуждались в периодике. Либеральные правительственные деятели и представители прогрессивной педагогической общественности высказывались за отмену ограничений, прежде всего сословных, в области среднего образования, педагоги критически оценивали действовавшие учебные программы гимназических курсов, отмечая их неправильное построение и перегруженность. Началось изучение западноевропейских систем образования. Л. Н. Толстой, Н. И. Пирогов, К. Д. Ушинский с этой целью едут за границу. В результате осмысления полученной информации складываются представления о новой методике начального обучения, разворачивается полемика о типе народной школы, максимально приближенной к запросам народа, о направленности среднего образования. Искания 50-х гг. подготовили почву для деятельности педагогической общественности 60—70-х гг.

Одним из проявлений инициативы демократической интеллигенции было появление внешкольных форм образования и среди них воскресных школ. Первые такие школы для рабочих открылись в 1859 г. в Киеве, затем в Петербурге, Екатеринославе. Программа включала элементарную грамоту, Закон Божий, в ряде случаев — географию, историю, рисование. Учителями работали гимназисты, студенты. Первоначально власти благосклонно отнеслись к новой форме обучения. Однако вскоре министерство ужесточило контроль за их работой, запретило выходить за рамки курса приходских училищ, а в 1862 г. вообще закрыло эти школы. Вновь они открылись в 1864 г. с существенно урезанной программой обучения.

В 1861 г. в Петербурге при Вольном экономическом обществе был создан Комитет грамотности. Он ставил своей задачей распространение грамотности среди крестьян, «вышедших из крепостной зависимости». Подобные комитеты были организованы в провинциальных городах — Харькове, Самаре, Томске и др. В них проводилась работа по сбору средств на народные школы, издание учебников и пособий. Продолжалась работа Московского комитета грамотности, созданного еще в 40-е гг. XIX в.

В 60-е гг. была осуществлена реформа школьной системы, являвшаяся частью социальных преобразований тех лет. Положение 1864 г., распространявшееся на 50 европейских губерний, создавало массовую начальную школу для городского и сельского населения с единой программой обучения. В школу принимали детей всех сословий и обоего пола. Таким образом открывался доступ к начальному образованию женщинам, бывшим крепостным. Система начального обучения включала школы, подведомственные Министерству народного просвещения, Министерству государственных имуществ, земские, церковно-приходские, школы грамоты и воскресные. В их создании большая роль отводилась общественной инициативе. Главной целью школы было «утверждение в народе религиозно-нравственных понятий» и лишь затем «распространение полезных первоначальных знаний».

Программа приходских училищ в основе своей не изменилась, лишь дополнительно вводилось церковное пение. Преподавание осуществлялось только на русском языке. Срок обучения не оговаривался, но на практике закрепился трехгодичный курс.

Финансирование школы предусматривалось по-прежнему за счет городских властей, сельских обществ, земств. Вводилась плата за обучение.

Одной из форм реализации общественной инициативы стала новая, более прогрессивная система управления школой — создавались губернские и уездные училищные советы во главе с опытным педагогом, ведавшие всеми делами — от учебных до хозяйственных. В их состав входили, кроме чиновников различных ведомств, на чьи средства содержались школы, представители общественности от земств, городских дум.

Второй ступенью начальной школы продолжали оставаться уездные училища, функционировавшие на основе устава 1828 г. Они должны были быть связующим звеном между начальной и средней школой. Но к 1869 г. в России их было лишь 458. Реально они не могли обеспечить получение начального образования всем желающим на уровне, достаточном для поступления в гимназию. Таким образом, правительство, создавая массовую народную школу, фактически ликвидировало ее связь со средними учебными заведениями. И тем не менее Положение о начальных училищах оказало положительное воздействие на распространение грамотности, открыв доступ к начальному образованию бывшим крепостным, женщинам, создав условия для реализации частной и общественной инициативы в развитии просвещения народа.

Основной формой средней школы по-прежнему была гимназия. По новому уставу 1864 г. утверждался буржуазный принцип формального равенства сословий в среднем образовании. Создавались два типа средней школы с одинаковым семилетним курсом обучения — классическая гимназия с преподаванием древних языков и реальная гимназия. Однако их воспитанники не были полностью уравнины в правах. Выпускники классических гимназий могли поступать в университеты, «реалисты» — только в технические вузы. Предусматривалось существование гимназий государственных, общественных и частных.

Программа гимназий по набору обязательных предметов стала единой. Она включала: Закон Божий, словесность, русский и церковнославянский языки, европейские и древние (в классических гимназиях) языки, общеобразовательные предметы. В реальных гимназиях больше времени отводилось изучению европейских языков, математике, физике, естественной истории, чистописанию, черчению.

Устав создавал условия для развития общественной инициативы в составлении учебных программ и учебников. Издание их перестало быть монополией министерства. Теперь их могли изда-

вать все желающие. Преподаватели получили свободу в выборе учебников.

В 60—70-х гг. отношение народа к образованию резко меняется. Крестьянин, став лично свободным, юридическим лицом, имел теперь право подать жалобу, заключить от своего имени соглашение. Это стало громадным стимулом в осознании пользы грамоты.

Более широкое распространение получили школы грамоты. Изменились требования к их учителям. Если раньше достаточно было научиться бегло читать церковные книги, то теперь от учителя ждали, что он научит составить прошение, истолковать написанное, пользоваться конторскими счетами. Увеличение числа школ свидетельствовало, что крестьяне стали осознавать важность грамоты.

Со второй половины 60-х гг. в развитии школьного дела стали принимать участие земства. Члены первых земств в большинстве своем были помещиками со старыми взглядами на народное образование, они считали содержание школ делом самих крестьян. В этот период земские деятели ограничивались поддержкой существовавших церковно-приходских школ. Более активную позицию земства занимали в вопросе подготовки учителей, так как главной проблемой школьного дела оставалась их нехватка: проводились съезды учителей, открывались учительские семинарии, где слушатели обменивались опытом, проводили открытые уроки. Ряды учителей стали пополняться образованными бескорыстными добровольцами, которые, по словам современников, становились «самыми нужными на селе людьми». Стали издаваться учебники, написанные с позиций новой методики преподавания. Замечательным педагогом-демократом был К. Д. Ушинский — автор учебных книг («Родное слово», 1864; «Детский мир», 1861), по которым в течение полувека учились десятки миллионов детей в России. Он оказал большое влияние на развитие педагогической мысли, создал школу русских педагогов, в которую вошли И. Н. Ульянов, Н. Ф. Бунаков, В. И. Водовозов и др. К. Д. Ушинский по праву считается основоположником народной школы.

Характеризуя земскую школу, Н. В. Шелгунов писал, что вопрос о народном образовании стал главным вопросом, над ним «задумываются не земства только, а лучшие люди России... Внезапно, точно из земли, Россия создала ряд даровитых, знающих и фанатично преданных делу народного образования писателей,

воспитателей, учителей, создавших никогда еще не слыханную в России педагогию и установивших народную школу на научных основах».

К 1869 г. земствами было создано около 10 тыс. школ с более чем 250 тыс. учащихся. Программа земской школы была рассчитана на 3 года и формально не выходила за рамки курса приходского училища. Однако применение более совершенной методики обучения, новых учебных пособий, содержащих сведения по истории, географии, естествознанию, способствовало расширению умственного кругозора учащихся. Успех учебы базировался не на механическом заучивании, а на активизации детского мышления при помощи пересказа учеником прочитанного, объяснительного чтения учителя. Наблюдения за живой природой в сочетании с объяснениями учителя способствовали изживанию суеверий, делали более сознательным применение навыков, полученных в крестьянском быту. Даже изучение Закона Божьего приобретало более осмысленный характер. Создание принципиально иной нравственной атмосферы в классе, основанной на уважении личности ученика и доверии к учителю, делало земскую школу более привлекательной и популярной в крестьянской среде. Косвенным показателем этого было сокращение численности церковно-приходских школ. Если в середине 60-х гг. их было более 22 тыс., то к концу 70-х осталось 4 тыс. В то же время число земских школ росло, к концу века их насчитывалось более 40 тыс.

В 1866 г. главой департамента просвещения стал Д. А. Толстой, являвшийся одновременно обер-прокурором Синода. В 50-е гг. он был в числе либералов из окружения великого князя Константина Николаевича, но с начала 60-х гг. Толстой переходит на консервативные позиции. В течение 15 лет его политика на посту министра народного просвещения была направлена на установление жесткого единообразия обучения, восстановление сословности образования.

В 1869 г. в 33 губерниях, где избирались земства и работали земские школы, были созданы так называемые образцовые училища с целью дать сельским детям элементарное образование в более полном объеме по сравнению с приходской школой. Училища могли быть одноклассными с курсом в три года и двухклассными — с пятилетним сроком обучения. При пятилетнем обучении в старшем отделении круг обычных предметов расширился за счет включения истории, географии, естествознания, черчения. В 1874 г. образцовые училища были распространены и на остальные «не зем-

ские» губернии. Государственная начальная школа была призвана четко проводить линию правительства в начальном образовании, являясь, по мысли министра, опорным пунктом влияния на школу общественную. Но эти училища не могли конкурировать с земской школой ни по числу, ни по количеству учащихся в них, ни по методике обучения. Однако существовало и мнение, что «правительственная школа позаимствовала много хорошего у земской школы».

В управлении школой повышалась роль чиновников. В училищных советах, возглавлявшихся теперь не педагогами, а предводителями дворянства, сокращалось влияние земских представителей. В 1869 г. учреждается должность инспектора народных училищ для 33 «земских» губерний. Под их контроль попадали прежде всего учителя, работавшие по новой методике, боровшиеся с формализмом в обучении. Административный контроль распространился и на деятельность учительских съездов и семинарий, а с 1887 г. съезды были запрещены.

Вторая половина 60-х гг. стала новым этапом в развитии системы среднего образования. На школу вновь стали смотреть как на своеобразную «внутреннюю охрану царства», произошел возврат к сословности в образовании, создается система изолированных друг от друга учебных заведений.

В 1871 г. был утвержден новый гимназический устав. Главным средством в борьбе против «пагубных стремлений и умствований» правительство считало классическое среднее образование. Признавались только классические гимназии с преподаванием двух древних языков. Реальные гимназии были преобразованы в училища.

Впервые были разработаны общегосударственные учебные программы, которые предписывалось строго соблюдать, так как они должны были воплощать в жизнь охранительное направление в школе. Целью средней школы по-прежнему признавалось общее образование и подготовка в университет. Гимназия оставалась семиклассной, но 7-й класс имел два годичных отделения. Таким образом, фактически гимназия превращалась в 8-летнюю школу. Все учебные пособия должны были получить одобрение в Ученом комитете Министерства народного просвещения.

Всесословные реальные училища имели 6-летний срок обучения и должны были давать юношеству образование, «непосредственно приспособленное к практическим занятиям торговлей и различными отраслями промышленности». Их выпускники были

по-прежнему лишены права поступления в университеты. В последних классах предусматривалось открытие дополнительных курсов с механико-техническим, химико-технологическим и коммерческим уклоном, а также подготовки учащихся к поступлению в вузы. Таким образом, обучение в реальных училищах создавало известные предпосылки для развития технического образования, но не решало этой проблемы.

В 1872 г. издается Положение о городских училищах, которые должны были заменить уездные. Городское училище соединило в себе учебные заведения 1-й и 2-й ступени. Они имели шестилетний срок обучения. Учебная программа училищ отличалась несовместимостью с программой низшей школы. Курс низшего отделения городского училища (4 года) был несколько шире, чем в приходской школе, что делало почти невозможным поступить из приходского в старшее отделение городского училища. По мысли министра просвещения Д. А. Толстого, этот тип школ должен был освободить гимназии от «ненужных» учащихся. Однако программа этих училищ была недостаточной для поступления в вуз. По признанию общественности, городские училища стали своего рода «отводным каналом», куда в обход гимназий и университетов должна была направляться молодежь «черной кости», ищущая более полного образования.

В 80-е гг. в начальном образовании усиливается влияние Синода. В правительстве все более укреплялись позиции тех, кто считал, что «развращение народа» идет от земской школы.

Церковно-приходские школы по правилам 1884 г. были одноклассными (курс в 2 года) и двухклассными (курс в 4 года). В конце XIX в. из 14 тыс. школ лишь 205 были двухклассными. Из их программы исключались почти все сведения общеобразовательного характера, давались элементарные знания, основанные на механическом заучивании: чтение, письмо, счет, церковное пение. В 80-е гг. увеличиваются субсидии казны на церковно-приходские школы. Так, в 1888 г. финансирование их в 6 раз превысило средства, отпускаемые на министерские школы (1,5 млн рублей против 250 тыс. рублей). Епархиальные власти запрещали открывать светские школы там, где были церковно-приходские. В 1891 г. министерство передало в ведение Синода школы грамоты, находившиеся до этого времени под опекой земств.

Церковно-приходские школы в конце XIX в. стали одним из наиболее распространенных типов школ для народа. Качество обучения в основном зависело от учителей — по преимуществу

церковнослужителей, выпускников духовных семинарий, которые в большинстве своем не были заинтересованы в «просветительской» деятельности. Но иногда среди них встречались образованные люди, которые вопреки запрещению «расширительно толковать предметы» пытались сделать обучение более осмысленным.

Общественность отнеслась к распространению церковно-приходских школ по-разному: из демократического лагеря раздавались осуждающие ее голоса, но в земствах в 90-е гг. расширилась помощь этим школам. Отношение народа к ним было также различным. В промышленно развитых губерниях большее тяготение было к светской, в том числе земской школе. Крестьяне промышленных регионов даже высказались за расширение курса начальной школы.

В 80-е гг. усилились сословные ограничения в среднем образовании. Преемник Д. А. Толстого — И. Д. Делянов прямо говорил о его вреде для низших слоев населения. Были разработаны меры по сокращению в гимназиях числа выходцев из этих слоев, узаконенные в 1887 г. в документе, который вошел в историю как «циркуляр о кухаркиных детях». Его выполнение должно было освободить гимназии и прогимназии от поступления в них детей лиц, занимающихся «предосудительными профессиями»: кучеров, лакеев, поваров, прачек, мелких лавочников и др. И все же превратить гимназии в чисто дворянские учебные заведения не удалось. К концу века дети дворян и чиновников составляли лишь половину обучавшихся в них.

Со второй половины 90-х гг. активизируется работа земств. Увеличению числа земских училищ, снабжению их учебными пособиями способствовала деятельность комитетов грамотности, особенно активно развернувшаяся в 80—90-е гг. Так, только в 1891—1895 гг. было издано более 1 млн экземпляров книг. Комитеты грамотности содействовали постановке земствами вопроса о всеобщем начальном образовании. Такая их активность в деле просвещения народа не входила в планы правительства. В 1896 г. комитеты грамотности потеряли свою самостоятельность — они были подчинены Министерству народного просвещения.

Потребность в грамотных рабочих вызвала подъем в деятельности воскресных школ. Учащиеся и учителя хотели расширить объем программы, министерство, напротив, стремилось сократить курс воскресных школ до объема приходского училища и сделать его в большей степени религиозно-нравственным. В 1890 г. воскресные школы были переданы в ведение Синода.

В результате деятельности пореформенной школы повысилась грамотность населения. По переписи 1897 г., среднее число грамотных достигло 21,4%, в городах грамотная молодежь составляла 40—50%. Однако для такой огромной страны, как Россия, этого было недостаточно. Даже в столицах и крупных губернских городах за порогом начальной школы оставалось от одной пятой до половины детей, желавших туда поступить. И все же достижением в начальном образовании пореформенной России было создание массовой народной школы — прежде всего земской, которая отвечала потребностям времени, способствовала развитию у крестьян «привычки учиться», приобщала их к книге, вырабатывала стремление к самообразованию, в конечном счете способствовала изменению их мироощущения.

В системе среднего образования преобладали правительственные гимназии. С 1876 по 1887 г. их число увеличилось со 131 до 180. Но количество учащихся за это время практически не изменилось и составило 60—61 тыс. человек. Следует отметить неравномерное распространение средних учебных заведений по стране. Основная их часть была сосредоточена в столичных учебных округах, на Украине и в Западном крае.

При сравнении числа средних учебных заведений России со странами Западной Европы заметно значительное отставание ее от таких небольших по количеству населения государств, как Австрия, Венгрия, Пруссия. Число гимназий в 90-е гг. в Австрии было 139, в Венгрии — 151, в Пруссии — 270. Но по объему и уровню образования российские гимназии соответствовали европейским учебным заведениям этого типа.

Гимназии нередко становились центрами культурной жизни провинциальных городов. Их преподаватели участвовали в создании библиотек, музеев, научных обществ, архивных комиссий. Гимназическая общественность способствовала развитию системы начальной школы, организации краеведческой работы, формированию литературных вкусов, распространению интереса к искусству. Некоторые преподаватели гимназий впоследствии стали видными общественными деятелями, известными писателями, учеными (писатель И. И. Лажечников, профессор Казанского университета В. М. Перовошиков и др.). Иногда гимназии становились своеобразными лабораториями, где проводились наблюдения над климатом, флорой и фауной края, изучалась этнография, история, фольклор, и на этой основе создавались научные исследования. Гимназии, таким образом, сыграли известную роль в раз-

витии не только системы народного просвещения, но и культуры страны в целом. Среднее гимназическое образование в конце XIX в. было наиболее распространенной формой образованности в России.

Во второй половине XIX в. открылись новые университеты. Ришельевский лицей в Одессе был преобразован в 1865 г. в Новороссийский университет. На базе главной школы в 1869 г. был создан Варшавский русский университет, в 1880 г. — основан первый в Сибири Томский университет.

Принятый в 1863 г. университетский устав был одним из самых прогрессивных. В нем отразились идеи, за которые боролись либеральные круги университетской профессуры, прежде всего автономию. По уставу 1863 г. восстанавливалась выборность ректора, деканов, но право утверждения преподавателей осталось за попечителем. Расширились права коллегиальных органов — университетских советов и факультетских собраний, однако некоторые решения совета по-прежнему утверждались министерством.

Устав совершенствовал структуру университетов и учебный процесс. Петербургский университет традиционно не имел медицинского факультета, но в его состав вошел факультет восточных языков. В Томском университете был открыт только один факультет — медицинский, в 1898 г. появился юридический. Число кафедр увеличивалось до 57. Устав предусматривал создание новых лабораторий, кабинетов, музеев, клиник.

Нововведения были направлены к улучшению научной и учебной работы. Еще в 50-х гг. в печати раздавалась критика «пассивного слушания студентами лекций». Н. И. Пирогов предлагал сделать основной формой занятий семинар. В Московском университете с 1865 г. на историческом факультете появляется новая форма работы со студентами — семинары. В 70-е гг. такая практика вводится в Петербургском, Харьковском, Казанском университетах. Однако лекционная система по-прежнему преобладала.

Важным фактором для подготовки отечественной профессуры стало создание в середине 60-х гг. института аспирантуры. Постепенно сокращается практика стажировки выпускников в иностранных университетах, широко применявшаяся в первой половине XIX в. Акт защиты диссертации, проходившей публично, становился крупным событием в научной и культурной жизни.

Реформа способствовала повышению научного потенциала российских университетов, что отразилось в появлении научных

школ, получивших международное признание: в области медицины — это деятельность физиологов А. О. Ковалевского, И. И. Мечникова (Новороссийский университет), П. Ф. Лесгафта (Казанский университет), И. М. Сеченова (Московский университет); в области филологии — Ф. И. Буслаева, А. Н. Веселовского, Ф. Е. Корша (Московский университет), И. И. Срезневского, М. И. Сухомлинова (Петербургский университет); в экономике — А. И. Чупрова, И. И. Янжула (Московский университет), Н. И. Зиберы (Киевский университет) и др.

В 50-е гг. и пореформенное время большое развитие получила такая форма научно-просветительской деятельности, как публичные лекции в столицах и в провинции. Большую аудиторию собирали лекции А. И. Ходнева по промышленной химии, Н. И. Железнова и А. В. Советова по сельскому хозяйству (Петербургский университет), П. И. Котельникова об электрических машинах (Казанский университет) и др. Новые моменты появились в работе научных обществ: некоторые из них (Московское общество испытателей природы, Физико-медицинское общество при Московском университете) начинают допускать на свои заседания постороннюю публику. Просветительские идеи преследовало издание «Энциклопедического словаря, составленного русскими учеными и литераторами для грамотных людей всякого состояния» (1858—1863). В работе над ним приняли участие математики В. Я. Буняковский и М. В. Остроградский, историк литературы А. Н. Пыпин, востоковеды И. Н. Березин и В. П. Васильев, технолог М. Я. Киттары и др. Появились и такие формы общественно-просветительской и научной деятельности, как высшие женские курсы, научно-педагогические съезды.

Работа некоторых научных обществ отличалась широтой интересов. Например, созданное в 1863 г. при Московском университете Общество любителей естествознания, антропологии и этнографии способствовало развитию не только областей науки, обозначенных в его названии, но и географии, топографии, педагогики, медицины. Научные общества, многие из которых были созданы в пореформенное время, не могли плодотворно развиваться без поддержки профессиональных ученых местной интеллигенцией. Их просветительская деятельность способствовала развитию интереса к науке.

В условиях российской действительности с ее традицией государственного контроля над жизнью общества правительство стремилось сохранить свой надзор за сферой высшего образования.

Уже во второй половине 60-х гг. надзор за учебными заведениями усиливается. Началась подготовка нового университетского устава, принятого в 1884 г. Основная его идея состояла в том, чтобы вернуть в университеты бюрократическую атмосферу, значительно ослабленную в предшествующие годы. Была уничтожена автономия: отменялась выборность ректоров, деканов. Теперь ректоры назначались министром, а деканы — попечителем. Кадры преподавателей утверждались также с ведома министра. Запрещались студенческие общества, кружки. Органы университетского самоуправления — советы и факультетские собрания — не ликвидировались, но сильно сокращалась их компетенция. Они уже не могли влиять на внутреннюю жизнь университетов. Составление учебных планов, расписаний, организация работы научно-вспомогательных подразделений — все находилось в личном ведении министра.

Срок обучения сохранялся прежний (4 года и 5 лет на медицинских факультетах). Несмотря на развитие науки, число кафедр осталось почти неизменным. В уставе 1884 г. нашел отражение продворянский курс министерства в отношении социального состава студентов. Выпускники классических гимназий принимались безоговорочно, а прием «реалистов», выпускников духовных семинарий, лиц из податных состояний регулировался специально разработанными мерами.

Вопреки этим действиям доля дворян в общей численности студенчества не превышала половины (в конце века в университетах обучалось около 17 тыс. человек). Даже после циркуляра «о кухаркиных детях» 1887 г. к концу века число студентов — выходцев из низших городских слоев (мещан, ремесленников, разночинцев) — составляло более трети. Увеличилось число студентов из детей лиц «интеллигентных» профессий (профессоров, учителей, врачей), что свидетельствовало о появлении слоя потомственной интеллигенции.

XIX век оставил прочно созданную систему университетского образования, со своими традициями и научными школами. Значение университета как преобладающей формы высшего образования и важного фактора культурной жизни окончательно утвердилось в общественном сознании.

Одним из показателей культурного состояния общества является степень доступности образования женщинам, возможность участия их в общественной жизни. В начале XIX в. существовали закрытые сословные женские учебные заведения — институты

благородных девиц, мещанские училища, воспитательные дома, находившиеся в Ведомстве императрицы Марии (Мариинское ведомство) и основанные еще в XVIII в. Главной целью образования девочек было воспитание «добрых супругов, хороших матерей и хозяек». В созданных по училищному уставу 1804 г. начальных училищах и гимназиях допускалось обучение девочек, но эти случаи были единичными. Женское образование в первой половине века развивалось по пути создания закрытых сословных учебных заведений.

Пристальное внимание обращалось на воспитание дворянок. Появляются институты для небогатых и незнатных дворянских девочек, после войны 1812 г. — патриотические институты для дочерей офицеров — участников войны. Главная цель обучения и воспитания определялась ролью женщины в обществе: будущие матери — первые наставницы нового поколения, светские дамы, домашние хозяйки. Поэтому в программе курсов основное внимание уделялось Закону Божьему, иностранным языкам (главным образом французскому, обязательному для общения в высшем свете), литературе (преимущественно французской), чистописанию, танцам, музыке, рукоделию.

С 10-х гг. XIX в. открываются дома трудолюбия (первый — в Петербурге в 1808 г., в Москве — 1825 г., в Симбирске — 1828 г.). Здесь начальное образование соединялось с занятиями рукоделием. Дочери мелких чиновников, разночинцев по выходе из учебного заведения «могли содержать себя трудом». Впоследствии в домах трудолюбия изменилась программа: их выпускницы могли работать гувернантками. Таким образом, в Мариинском ведомстве было положено начало подготовке домашних наставниц — педагогика становилась женской профессией.

В 40-е гг. в России существовало 4 разряда городских учебных заведений для женщин. Институты благородных девиц и дома трудолюбия (1-й и 2-й разряды) давали образование, приближенное к среднему. Мещанские институты и городские училища для бедных девиц (3-й разряд) имели двух-трехгодичный курс, и объем их программы приближался к уездным училищам (особое внимание уделялось женским ремеслам, рукоделию и домоводству). Приюты и сиротские дома (4-й разряд) давали элементарное образование. Крестьянские девочки (государственных и удельных деревень) еще по уставу 1828 г. получили право за большую плату учиться в приходских училищах в отдельных от мальчиков помещениях. В связи с отсутствием средств для содержания таких по-

мещений эта практика не закрепились. С 30-х гг. открываются епархиальные духовные женские училища для дочерей духовенства. Программа, рассчитанная на 3 года, включала не только общеобразовательные предметы и рукоделие. Девочек учили также ухаживать за больными, разбираться в лекарствах и свойствах лекарственных трав.

К середине XIX в. сложилась система женских учебных заведений, в основе которой был сословный принцип с четко выраженными отличиями программы обучения в училищах каждого разряда.

Закрытые сословные институты, система воспитания в них, базирувавшаяся на полном отрыве от реальной жизни, подверглись критике педагогов и общественных деятелей. Жизнь диктовала необходимость введения бессословного женского образования, включая среднее. В 1858 г. в Петербурге было открыто первое бессословное семиклассное женское училище для «приходящих девиц». Учебная программа была такой же, как в мужских гимназиях, за исключением древних языков. Годовая плата составляла 25 рублей. К началу 1861 г. функционировало 10 училищ, к 1867 г. — 25. В 1862 г. эти училища получили официальное название гимназий. В 1870 г. было утверждено Положение о женских гимназиях и прогимназиях.

Учебная программа женских трехклассных прогимназий приближалась к курсу уездных училищ. В них преподавали Закон Божий, русский язык, русскую историю и географию, арифметику, чистописание, рукоделие.

В гимназиях вводился семилетний курс обучения. В программе большое внимание уделялось предметам, необходимым будущим первым наставницам детей: педагогика, гигиена, естественные науки, отечественная литература и история. Для подготовки к профессиональной педагогической деятельности открывался дополнительный 8-й класс, иногда с двухлетним сроком обучения. Выпускницы гимназий получали право работать домашними наставницами. По Положению 1864 г. женщины могли преподавать в начальной школе. Созданные женские гимназии по характеру и объему знаний шли впереди даже такого старейшего женского учебного заведения, как Смольный институт, всегда являвшийся образцом для других учебных заведений. Расширялась программа женских епархиальных училищ. Их шестилетний курс приближался к гимназическому, а выпускницы получали звание домашних наставниц. В 1900 г. в них был открыт дополнительный 7-й класс — педагогический.

В 60—70-е гг. XIX в. складывалась система женских средних общеобразовательных и специальных учебных заведений. Образование для женщин являлось средством добиться независимости как в бытовой, так и духовной сферах. Они постепенно получали право работать акушерками, фельдшерицами, сестрами милосердия, сиделками, учителями начальной школы, учителями гимнастики, «детскими садовницами» (воспитательницы дошкольников), stenографистками, работницами телеграфной и телефонной служб, счетоводами.

Открываются специальные учебные заведения: педагогические курсы, земские женские школы, курсы сельских учительниц, училище «детских садовниц» и нянь при Воспитательном доме, школа фельдшериц, повивальная школа при Мариинском родовспомогательном доме. В столицах существовали учебные заведения, где женщины могли получить специальное художественное образование: театральное училище с балетным и драматическим отделениями, консерватория, рисовальные школы. В этих заведениях давали общее среднее образование и профессиональную подготовку. Таким образом, женское среднее общее и специальное образование постепенно становилось фактом общественно-культурной жизни.

В последней четверти века в обществе активизировалось движение за высшее женское образование. В университеты женщины не были допущены даже по уставу 1863 г. Они могли быть лишь вольнослушательницами. Для получения высшего образования русские девушки уезжали за границу. В частности, в 70-е гг. в Цюрихском университете 80% всех иностранных студентов составляли русские, в том числе женщины.

В России высшее женское образование развивалось в направлении создания высших курсов для женщин. Для общества стала уже привычной работа женщин на медицинском и педагогическом поприщах, поэтому первые созданные курсы готовили кадры именно для этих сфер деятельности. В 1872 г. при Медико-хирургической академии в Петербурге учреждаются врачебные женские курсы, подготовившие за годы своей деятельности (до 1887 г.) более 600 женщин-врачей, прекрасно зарекомендовавших себя в военных кампаниях тех лет. В 1887 г. их преемником стал Петербургский женский медицинский институт. В 1897 г. женщины-врачи получили права, равные с мужчинами, в частности в занятиях частной врачебной практикой. С 1876 г. в университетских городах стали учреждаться высшие педагогические курсы. Большой попу-

лярностью пользовались частные курсы профессора В. И. Герье в Москве (1872).

Число слушательниц быстро возрастало: в год открытия курсы посещали 70 человек, в 1884 г. — уже 256. В 1888 г. в условиях политической реакции они были закрыты. Курсы для женщин открывались при Харьковском (1876), Киевском (1878) университетах. Они имели, кроме словесно-исторического, физико-математическое отделение, число слушателей составляло от 500 до 700 человек. Большую известность получили Бестужевские курсы в Петербурге (1878), созданные по инициативе профессора К. Н. Бестужева-Рюмина. Они имели три факультета, программа которых приближалась к университетской. Их окончили более 2 тыс. слушательниц.

Открывались курсы и по другим специальностям: агрономические, архитектурные, строительные, инженерные. Круг областей, где работали специалисты-женщины, постепенно расширялся. При всей основательности даваемых женскими курсами знаний их выпускницы не имели диплома о высшем образовании. Это право женщины получили только в XX в.

Социально-экономические потребности общества определяли развитие и профессиональной школы в пореформенные годы. В это время была создана система начального и среднего специального образования, появились технические, коммерческие, сельскохозяйственные высшие учебные заведения.

Известный рост профессионально-технических училищ начался в 70-е гг.: до 1880 г. было открыто 70 технических, транспортных, художественно-промышленных школ, главным образом в европейской части России, меньше в Сибири. При некоторых начальных школах имелись ремесленные классы и курсы. В портовых городах (Петербурге, Архангельске, Одессе, Херсоне) 38 школ готовило специалистов для торгового флота.

Среди профессиональных школ пореформенного времени широко известным было Комиссаровское техническое училище в Москве, основанное в 1865 г. как Ремесленная школа. Ученики получали общее элементарное образование и обучались портняжному и переплетному ремеслам. В 1878 г. школа изменила профиль и была преобразована в низшее техническое училище с 5-летним курсом и со следующими отделениями: слесарным, токарным, кузнечным. Обучение было платным. По социальному составу ученики принадлежали к разным состояниям, но преобладали мещане (более 50%). В Комиссаровском училище обучались выход-

цы из Московской и некоторых других близлежащих губерний. Большинство окончивших работали мастерами на заводах и фабриках московского промышленного района.

Эта профессиональная школа, ставшая в 1886 г. средним учебным заведением, была известна в кругах специалистов как одна из лучших технических школ России. В воспоминаниях одного из ее выпускников В. Я. Климова (конструктора авиамоторов, академика) отмечается: «Комиссаровское училище давало очень широкое образование... серьезно поставлена математическая подготовка... «комиссаровцев» охотно принимали на строительство, заводы и фабрики, при том что потребность в инженерных работниках была невелика».

В первые пореформенные десятилетия было открыто несколько земледельческих школ, к началу 80-х гг. действовало 6 средних земледельческих училищ в Москве, Казани, около Саратова и в некоторых других городах. Обучение в них, как и во всех профессиональных училищах, было платным. Поступали в земледельческую школу после окончания курса уездного, городского училища или двухлетней сельской школы.

Продолжали существовать, не увеличиваясь в числе, сельскохозяйственные фермы. Район их расположения в основном совпадал с наличием в этих местах среднего учебного заведения. Появились низшие сельскохозяйственные школы. К началу 80-х гг. 9—10 таких школ было в Петербургской, Минской, Курской, Тверской, Вологодской, Ташкентской губерниях.

Формой сельскохозяйственной школы были училища садоводства, сады и питомники, расположенные в Крыму, западных и южных губерниях. Но таких учебно-практических заведений были единицы.

Обращает на себя внимание факт очень незначительного числа сельскохозяйственных школ, существовавших в России — стране с аграрным характером экономики. Например, в 80-е гг. в Ирландии, где сельское хозяйство также преобладало, было около 200 сельскохозяйственных школ, из которых свыше 70 — земледельческие.

Новым явлением в развитии профессионального образования в первые пореформенные десятилетия стало появление технических и сельскохозяйственных высших учебных заведений, открытых и бессловных. Такой статус получили Практический технологический институт в Петербурге (1862) и Ремесленное училище в Москве (1867), которое стало называться Московским техническим училищем. Это техническое учебное заведение являлось

важным центром профессионального образования в России, где сложилась система обучения и подготовки техников и технологов, отличная не только от других российских вузов, но и западноевропейских.

В 1865 г. была открыта Петровская земледельческая и лесная академия — первый в России сельскохозяйственный вуз. Идея создания такого учебного заведения в Москве возникла в 1857 г. в среде членов Московского общества сельского хозяйства (МОСХ) и была поддержана правительством. Первоначально учиться в академии могли все желающие, не было конкурсных экзаменов, не требовались документы об окончании гимназии или реального училища. С одной стороны, это было отражением «надежд, оживлявших интеллигенцию того времени», как писал В. Г. Короленко, а с другой — определило состав первых слушателей, большинство из которых оказались в институте «только из моды, из желания уйти из деревень в столицу, не отдавая себе ясного отчета в своих поступках». В год открытия в Академию было принято 500 студентов (при плане приема 200 человек).

Петровская академия, по мнению исследователей, была «главным рассадником высшего сельскохозяйственного образования в России». Здесь преподавали Д. Н. Прянишников, И. А. Стебут, К. А. Тимирязев и др.

К началу 80-х гг. в экономике России завершился промышленный переворот, и в основных, ведущих отраслях производства машинная индустрия стала преобладающей. Особенностью российской промышленности была высокая концентрация производства и, как следствие, рабочих на предприятиях. В этих условиях остро вставал вопрос о повышении общей и профессиональной грамотности работников. Отсутствие необходимых технических знаний у большинства рабочих затрудняло модернизацию производства.

В 80-е гг. правительство обращает серьезное внимание на проблемы профессионального образования, связывая с этим успехи в развитии промышленности. В 1888 г. было утверждено Положение о промышленных училищах, сохранявшее силу основного закона в сфере профессионального образования вплоть до 1917 г.

Положение предусматривало в первую очередь создание низших технических училищ и ремесленных школ, к обучению в которых допускались только мальчики «всех состояний и вероисповеданий». Первые готовили мастеров, машинистов, чертежников,

«обучали приемам определенного производства». Вторые имели, как правило, практический уклон, давая рабочим необходимые «для данного промышленного заведения» знания.

В конце 80-х гг. в России было немногим более 90 начальных промышленных училищ, среди которых преобладали ремесленные школы. Число учеников составляло свыше 5 тыс. человек. В конце 90-х гг. в учебных заведениях промышленного характера обучалось уже около 12 тыс. человек.

Значительно медленнее развивалось в России среднее профессиональное образование. В конце 80-х гг. было только 5 средних технических училищ. На рубеже XIX—XX вв. темп роста их увеличился, в 1888—1903 гг. состоялось открытие 20 новых средних технических училищ в Иваново-Вознесенске, Нижнем Новгороде, Костроме, Саратове и др. Однако для развития и углубления многих модернизационных процессов в сфере материального производства их было явно недостаточно.

Профессиональное образование (промышленное, сельскохозяйственное, коммерческое), уровень его развития зависели от многих общекультурных процессов, в частности от грамотности широких демократических слоев города и деревни. Невысокий уровень грамотности в России, который был «большой» прогрессивной общественности, во многом замедлял распространение профессионального образования. Но система профессионально-технического образования сама являлась важной частью общекультурного процесса, определяя и развитие экономики. К концу столетия связь успехов в промышленности с уровнем технической грамотности рабочих, образованности среднего технического персонала осознается не только правительством, но и торгово-промышленными кругами.

Статистические материалы, отражающие динамику профессиональной школы, показывают, что 90-е гг. подготовили своеобразный «скачок» в развитии этой области народного образования в начале XX в. Именно на первые десятилетия нового столетия приходится заметный количественный рост средних и высших технических училищ. Подавляющее большинство их находилось в Европейской России. По регионам они располагались неравномерно и в основном были сосредоточены в столичных губерниях: в Петербургской — 36 средних и 180 низших училищ, в Московской — соответственно 23 и 119. В то же время по другим губерниям действовали 2—3 средних технических училища и не более полусотни низших профессиональных школ.

Интересны данные о соотношении учащихся разных по профилю профессиональных школ (в %): ремесленные — 42,2; коммерческие — 31,6; сельскохозяйственные — 6,8; технические — 6,1, технико-железнодорожные — 1,8; художественно-промышленные — 2,7; художественно-музыкальные — 2,3, медицинские — 2,1; судостроительные — 1,1; горные — 0,3; лесные — 0,3; межевые и землемерные — 0,1.

Данная статистика свидетельствует о том, что в России профиль профессиональных училищ не был достаточно широким, а среди промышленных преобладала ремесленная школа — «элементарная форма низшего технического училища». Продолжала сохраняться небольшая численность учащихся сельскохозяйственных школ.

Таков был потенциал профессионально-технической школы в России на пороге нового XX столетия, выпускникам которой предстояло решать многие проблемы развития культуры материального производства, находить источники дальнейшей модернизации общества.

8.2. Культурно-просветительные учреждения

Развитие сферы народного образования, рост грамотности, расширение возможностей знакомства с книгой, журналом способствовали формированию нового культурного облика человека. «В 60-х годах, — писал Н. В. Шелгунов, — точно чудом каким-то создался внезапно совсем новый, небывалый читатель с общественными чувствами, мыслями и интересами, желавший думать об общественных делах». А в середине 80-х гг. в газете «Московские церковные ведомости» можно было прочесть: «Наш простой народ стал уже не тем, что был 15—20 лет тому назад. Нисколько не преувеличивая, скажем, в особенности про столицу, что редкий торговец, ремесленник, дворник и даже кухарка обходятся без того, чтобы не почитать на досуге, а если не читать, то непременно послушать... даже крестьянин в селе стал интересоваться тем, что не входит в круг его прямых обязанностей».

В пореформенной России рынок книжной и журнальной продукции стал значительно шире. Выросли полиграфическая база (около 300 типографий в 1864 г. и свыше 1000 — в 1894 г.), темпы книгопечатания (с 2 до 10 тыс. названий в год). Тиражи книг в 4—5 тыс. экземпляров стали обычными. Среди издаваемых в это время книг преобладали естественнонаучные, справочные, учебные. Художественная литература и публицистика имели, как правило,

небольшие тиражи. Число книжных магазинов в столицах и провинциальных городах к середине 90-х гг. доходило до 2 тыс.

Особенно примечательным было расширение книжной торговли в провинции: за 12 лет (1862—1874) число книжных магазинов выросло с 43 до 611.

В отличие от предшествующего времени книжные магазины были разными по типу: лавки новой и букинистической книги, книжные лари. Продажа книг проводилась в редакциях газет и журналов, библиотеках. Магазины становятся более специализированными: по продаже художественной классики (книгоиздатель М. О. Вольф), медицинской и технической литературы (книгоиздатель К. Л. Риккер), литературы по сельскому хозяйству и естественным наукам (книгоиздатель А. Ф. Девриен). Первые специализированные нотные магазины-салоны открыл в городах России П. И. Юргенсон. Он был широко известен как меценат, оказывавший материальную и дружескую поддержку многим русским композиторам: П. И. Чайковскому, М. А. Балакиреву, А. Г. Рубинштейну.

Известным книготорговцем был Д. И. Тихомиров, педагог по образованию. В 1876 г. он открыл в Москве магазин по продаже педагогической и технической книги. Книжный магазин Тихомирова был крупнейшим оптово-розничным заведением, снабжавшим литературой земские школы в деревне и земские книжные склады.

В эти годы развернулась деятельность многочисленных книжных издательств, отличавшихся отраслевой специализацией и общественно-идейной направленностью. Книгоиздателем демократической массовой книги был Ф. Ф. Павленков. Он издал много научно-популярных, детских книг, серию книг «Жизнь замечательных людей», впервые начал выпуск дешевых изданий классиков художественной литературы, предназначенных для учащихся учебных заведений и народных чтений. Выпущенная его издательством в 1899 г. серия «Научно-популярная библиотека по естествознанию» из 40 книг до 1917 г. выдержала 5 изданий. Свое состояние Ф. Ф. Павленков завещал на открытие бесплатных народных библиотек.

В 1872 г. в издательстве Н. П. Полякова тиражом в 3 тыс. экземпляров был издан первый том «Капитала» К. Маркса в переводе Г. А. Лопатина и Н. Ф. Даниельсона. Цензура пропустила книгу, заключив, что «немногие прочтут ее в России, и еще менее поймут ее».

В конце 70-х гг. XIX в. началась деятельность А. С. Суворина и И. Д. Сытина — крупнейших книгоиздателей России. Суворин издавал одну из самых крупных газет «Новое время», тираж которой доходил до 60—100 тыс. экземпляров. В Петербурге, Москве и других городах он открыл книжные магазины. Суворинские киоски имелись почти на каждой железнодорожной станции и речной пристани. Наряду с дорогими подарочными изданиями, справочниками («Вся Россия», «Весь Петербург», «Вся Москва») Суворин издавал и общедоступную по ценам литературу. Начиная с 80-х гг. выходила его «Дешевая библиотека», составившая 300 выпусков. Она включала произведения древнерусской литературы, сочинения русских писателей конца XVIII — первой половины XIX в. и сыграла большую роль в приобщении демократических слоев населения к произведениям отечественной классики.

Сытин — выходец из костромских крестьян — начал свою деятельность учеником в книжной лавке в Москве. Потом он открыл собственную литографию, где печатались различные лубочные картинки, имевшие широкий спрос. В конце XIX — начале XX в. Сытин стал крупнейшим монополистом в издательском деле и книжной торговле. Его связывали дружеские отношения со многими деятелями русской культуры — Л. Н. Толстым, А. П. Чеховым, М. Горьким и др. Под их влиянием он начал издание просветительской литературы для народа. Серия «Библиотека для самообразования» включала научно-популярные книги по истории, политической экономии, философии, географии. К началу XX в. Сытин практически сосредоточил в своих руках издание и продажу книг для народа. Через офеней, которых он сумел привлечь к распространению выпускаемых им книг, миллионы букварей, учебников серии «Библиотека для самообразования», популярных календарей, детских книг расходились по России. «Он приблизил к народу настоящую книгу. Он превратил в плоть и кровь благородные стремления лучших умов нашей интеллигенции — дать народу здоровую духовную пищу», — писал о Сытине педагог, автор детских книг Н. Тулугов.

В середине 50-х гг. зарождается нелегальная революционная печать. В 1853 г. А. И. Герцен организовал в Лондоне Вольную русскую типографию. Нелегальная печать в виде литографирования запрещенных книг, лекций, различных прокламаций стала появляться и в России. Подпольные типографии имели народнические организации 60—70-х гг.

Периодическая печать росла быстро, определялась идейная направленность журналов и газет. Главное место в русской периодике этих лет заняли толстые журналы, внешне напоминавшие книгу, рассчитанные на разные читательские вкусы и интересы. В общественно-культурной жизни 60-х гг. большое влияние приобрела демократическая журналистика, и прежде всего «Современник», основанный А. С. Пушкиным в 1836 г. В конце 50-х — начале 60-х гг. идейным центром либерализма стал «Русский вестник» (1856—1906) М. Н. Каткова. Одним из наиболее известных буржуазно-либеральных журналов был «Вестник Европы» (1866—1918) М. М. Стасюлевича.

В период политической реакции возможности для существования прогрессивной печати сократились. Временные правила 1865 г., появившиеся на волне общественного подъема и отменившие предварительную цензуру, содержали такие ограничительные для печати меры, как предупреждение, приостановка периодических изданий и др. В 1866 г. был закрыт «Современник», в 1884 г. — последний уцелевший к этому времени демократический журнал «Отечественные записки», редактором которых был М. Е. Салтыков-Щедрин. Проправительственную прессу в этот период представляли «Московские ведомости» М. Н. Каткова и «Новое время» А. С. Суворина. В 1881 г. правительство стало издавать «Сельский вестник» — дешевую народную газету, предназначенную для пропаганды монархических идей среди деревенских жителей.

Во второй половине века в России увеличилось число ежедневных газет, во всех губерниях выходили правительственные «Губернские ведомости». Провинциальные газеты имели большое общественно-культурное значение. В середине 90-х гг. из ста ежедневных газет около 30 выходили в Москве и Петербурге, остальные — в провинциальных городах. «Не зная главнейших провинциальных газет, — писал журнал «Русская мысль» в 1897 г., — теперь нельзя правильно судить о течениях русской общественной мысли. Значение провинциальной печати в некоторых отношениях превосходит значение петербургской и московской печати».

В 50-е гг. возобновилась работа многих публичных библиотек, закрытых в 30—40-х гг. Возникли бесплатные народные библиотеки-читальни, книжные склады, земские библиотеки. К концу века в России было свыше 500 публичных библиотек и около 3 тыс. земских народных библиотек и читален.

С 1862 г. существует Публичная библиотека в Москве (ныне — Российская государственная библиотека — РГБ, до 1993 г. — Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина). Библиотека первоначально входила в состав Румянцевского музея, коллекция которого была переведена из Петербурга в Москву. Основу ее фондов составило собрание книг и рукописей одного из самых просвещенных людей России, Н. П. Румянцева — государственного деятеля и дипломата. Вначале библиотека пополнялась за счет частных собраний, поступавших в дар «для пользы общественной». Так появились в библиотеке собрания книг Г. Р. Державина, П. Я. Чаадаева, предпринимателя и мецената К. Т. Солдатенкова. С 1866 г. библиотека Румянцевского музея имела право на получение обязательного экземпляра.

В 1863 г. в Москве А. Д. Чертковым была открыта частная публичная библиотека в его собственном доме на Мясницкой. В 1871 г. он передал ее в дар Москве (с 1938 г. собрание книг библиотеки Черткова находится в Государственной публичной исторической библиотеке).

Одной из форм функционирования книги стали народные чтения. Их полезность состояла в том, что они способствовали распространению знаний среди неграмотного населения. Впервые народные чтения состоялись в 1871 г. в Петербурге, долгое время проводились в столице и губернских городах под строгим правительственным контролем. В особом постановлении указывалось, чтобы лекции для народа «читались по одобренному министром просвещения тексту».

С середины 90-х гг. народные чтения получили широкое распространение. Они происходили в десятках губернских и уездных городов: Астрахани, Владимире, Воронеже, Вятке, Костроме — всего в 56 городах, в том числе в 18 уездных. Лекторами на этих чтениях, как правило, были учителя и священники. Об интересе к народным чтениям можно судить по их посещаемости. Иногда число слушателей доходило до 1000 человек, но, как правило, оно составляло в среднем 100—150 человек. С 1894 г. народные чтения стало возможным проводить в сельской местности, но только с разрешения министра народного просвещения.

Единственным каналом распространения книги в деревне на протяжении XIX в. были офени — торговцы мелким товаром. Офени — самобытное явление русской культуры, которое берет свое начало еще с конца XVII — начала XVIII в. Наряду с мелкой галантереей, необходимой крестьянину в быту, торговцы стали но-

сить в своих коробах лубочные картинки и книги. Расцвет промысла офеней приходится на первую половину XIX в. К концу столетия он начинает падать. С развитием сети железных дорог облегчается доступ книги в уездные города и крупные села, где появляются книжные лавки, с которыми офени не могли конкурировать. Кроме того, усиливались административные притеснения офеней. В конце 70-х гг. было издано постановление, обязывающее их представлять свидетельство о благонадежности, каталоги книг, находившихся в коробе, и специальное разрешение губернатора на право торговли ими.

Введенные в 1882 г. дополнения к Временным правилам значительно ограничили круг книг, которые могли поступать в библиотеки и выдаваться читателям. Запрещались некоторые учебные книги К. Д. Ушинского.

Во второй половине XIX в. в России возникают разные по типам музеи: художественные, исторические, естественнонаучные, промышленные, сельскохозяйственные, мемориальные и краеведческие. К концу века в стране существовало до 80 музеев. Некоторые из них были государственными, ведомственными, многие возникали при участии городской общественности, земства, частных лиц.

В 1872 г. в Москве по инициативе Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете был создан Политехнический музей. Основу его фондов составили экспонаты Политехнической выставки, проходившей в этом же году и приуроченной к 200-летию со дня рождения Петра I.

Большое значение для создания национального исторического музея имела Этнографическая выставка 1867 г., факт проведения которой означал появление интереса к культурно-историческим памятникам, к прошлому России. Ее коллекции наряду с экспонатами одного из разделов Политехнической выставки послужили основой Исторического музея, официально открытого в 1883 г. Приобщение народа к отечественной истории было одной из основных функций музея и нашло отражение в уставе. Кроме того, «общедоступные чтения с объяснением исторических памятников, заключающихся в музее», должны были «отвлечь рабочий класс от вредного препровождения времени».

Исторический музей был первым государственным национальным музеем. В 1898 г. в Петербурге открылся Русский музей имени императора Александра III — первый в России государствен-

ный художественный музей. Идею открытия музея поддержал В. В. Стасов.

В пореформенное время заметным культурным явлением становятся художественные объединения в губернских городах. В 1880 г. в Феодосии была открыта картинная галерея И. К. Айвазовского — первый художественный музей в провинции. В 1885 г. в Саратове А. П. Боголюбов (внук А. Н. Радищева) основал Художественно-промышленный музей. В 1898 г. в Пензе открылась картинная галерея при Художественном училище, директором которого был художник-передвижник К. А. Савицкий.

Наряду с музеями формой распространения технических знаний, произведений искусства были выставки. В 1882 г. во время художественно-промышленной выставки в Москве был издан первый в России иллюстрированный каталог собрания живописи художественного отдела выставки — «25 лет развития русского искусства. 1855—1880 гг.».

Такие выставки проводились и в губернских городах. Самой значительной была Всероссийская художественно-промышленная выставка в Нижнем Новгороде в 1896 г. Выставки художников-передвижников, проходившие с 1871 г., впервые знакомили провинциальную публику с русской живописью. В середине 80-х гг. выставки передвижников устраивались в 14 городах России.

В пореформенное время получило широкое распространение частное собирательство. Многие из коллекций впоследствии, еще в дореволюционный период, составили значительную часть наших музеев и библиотек. На основе частных собраний по инициативе их владельцев создавались национальные художественные музеи. В начале 80-х гг. была открыта для посещения картинная галерея П. М. Третьякова. В 1892 г. он передал собрание своих картин в дар Москве. Эта акция стала событием в общественно-культурной жизни и послужила поводом для созыва I съезда художников, который состоялся в 1894 г. в стенах Исторического музея. Произошло то, о чем П. М. Третьяков писал еще в 60-е гг., начиная собирать свою коллекцию: «Моя идея была с самых юных лет наживать для того, чтобы нажитое от общества вернулось бы также обществу...»

В 1894 г. в Москве появился Литературно-театральный музей, основу которого составила коллекция по истории русского и западноевропейского театра А. А. Бахрушина (ныне — Государственный центральный театральный музей имени А. А. Бахрушина).

Свое собрание русских древностей передал в 1905 г. Историческому музею П. И. Щукин.

Многие художественные коллекции, к сожалению, или не сохранились как единое целое (западноевропейская живопись из коллекций С. И. Щукина и И. А. Морозова), или были утеряны (коллекция мебели В. О. Гиршмана).

Развитие музейного дела было свидетельством роста национального самосознания, понимания необходимости сохранения и изучения отечественного культурного наследия.

8.3. Интеллигенция в общественно-культурной жизни

Появление в России интеллигенции как особой социальной группы относится к 30—40-м гг. XIX в. В это время в ней преобладало дворянство. Однако со временем социальный состав интеллигенции меняется. К середине XIX в. она существует в России как вполне сложившаяся социальная прослойка в обществе, уже преимущественно разночинская. Начиная с эпохи реформ она становится одной из главных сил в общественно-политической и культурной жизни страны. С ее деятельностью связана демократизация народного образования, внесение в общественное сознание идей гражданственности и борьба за воплощение этих идей в жизнь.

Медленное, но неуклонное распространение образования в обществе. Рост востребованности людей умственного труда для государственной, военной, общественно-культурных сфер способствовали широкому распространению профессии врача, адвоката, учителя, журналиста.

«Разночинец» — понятие, которое входит в XIX в. в общественное и художественное сознание. По происхождению он не принадлежал к дворянской среде, был выходцем из семьи священника, лекаря, мелкого лавочника, реже — ремесленника или крестьянина. В первой половине XIX в. этот термин обозначал простолюдина, но уже не принадлежавшего к податным сословиям. В Толковом словаре В. И. Даля разночинец определяется как человек «не податного состояния, но без личного дворянства». Важным признаком принадлежности к разночинству был образовательный ценз.

Среди недворянских сословий разночинцы пользовались наибольшей степенью личной независимости. Они владели правом свободного проживания, передвижения по стране, имели постоянный паспорт (крестьяне и мещане таким правом не пользова-

лись). Разночинцы, как и дворяне, принадлежали к служилому сословию и были обязаны учить своих детей. Образование, таким образом, становилось важнейшим фактором «размывания» сословий, а разночинская среда — наиболее благоприятной для формирования интеллигенции.

Термин «интеллигенция» появился в России в 60-е гг. Одним из первых его ввел писатель П. Д. Боборыкин, имея в виду «образованный, культурный и передовой слой общества». Данное определение было близким к общепринятому в Западной Европе, где интеллигентами называли людей, профессионально занимающихся умственным трудом, интеллектуалов. Принадлежность к интеллигенции, однако, определялась не только характером труда, но и социальной функцией этого слоя, которая была связана с созданием культурных ценностей, участием в развитии общественной мысли, выработке общественного сознания.

В России социальность интеллигенции с момента ее появления всегда была наиболее ярко выражена. Н. А. Бердяев писал: «Интеллигенция была у нас идеологической, а не профессиональной и экономической группировкой, образовавшейся из разных социальных классов, сначала по преимуществу из более культурной части дворянства, позже — из сыновей священников и дьяконов, из мелких чиновников, из мещан. И после освобождения — из крестьян. Это и есть разночинная интеллигенция, объединенная исключительно идеями, и притом идеями социального характера». Нельзя не согласиться с Д. С. Мережковским, который сказал: «Я не берусь решить, что такое русская интеллигенция, чудо она или чудовище, — я только знаю, что это в самом деле нечто единственное в современной европейской культуре».

Основной чертой самосознания русской интеллигенции было ее противостояние власти, которое проявилось как в революционном максимализме, так и в либеральной оппозиционности. Особенностью ее самосознания было так называемое отщепенство, порожденное социальной изолированностью. Интеллигенция ощущала разрыв с народом, но пыталась преодолеть его путем своего служения ему. Именно в разночинской среде возникла теория неоплатного долга интеллигенции перед народом, которую обосновал один из идеологов народничества, П. Л. Лавров. Об этом же писал Н. А. Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо» (1865—1877):

...Иди к униженным,
Иди к обиженным,
Там нужен ты...

В 60—70-е гг. разночинская интеллигенция искренно верила в то, что она делала для народа и его блага. Большая вера в нее была у таких мыслителей, как Ф. М. Достоевский. В «Дневнике писателя» за 1877 г. он отмечал: «...получается новый, еще неслыханный слой русской интеллигенции, уже понимающей народ и почву свою. Новый слой этот нарастает и укрепляется все шире и тверже, и это несомненно. На этих новых людей и вся надежда наша».

Осознание «нужности» народу питало общественную активность интеллигенции, роль которой в пореформенной общественно-культурной жизни значительно возросла. С ее деятельностью было связано прежде всего развитие народного образования, просвещения и науки. В просвещении народа она видела свой нравственный долг. Стремление улучшить его жизнь через приобщение к знаниям приводило энтузиастов в комитеты грамотности, земские и воскресные школы, многочисленные благотворительные организации.

В пореформенную эпоху увеличение числа людей с профессиональным образованием стало заметным. В 60-е гг. их насчитывалось не более 20 тыс. человек. В конце столетия уже свыше 170 тыс. были педагогами, примерно 6 тыс. — библиотекарями и работниками книжной торговли, около 18 тыс. — учеными, художниками, артистами, писателями. Священнослужителей в это время насчитывалось более 250 тыс. человек. Инженерный корпус составлял примерно 12,5 тыс. человек, агрономов, ветеринаров, лесоводов в стране было около 6,5 тыс. человек. Цифры эти отражают целостную картину состояния общего и специального образования и роль духовенства в нравственно-духовной жизни народа в России в конце XIX в.

В 80-е гг. для общественных настроений большинства разночинской интеллигенции становятся характерными упадничество, пессимизм, неверие в эффективность радикальной политической борьбы, увлечение теориями «малых дел» и «постепенного прогресса», толстовством с его непротивленчеством в противоположность общественному оптимизму 60-х гг. Эпоха 80-х гг. породила новое понимание проблемы взаимоотношения интеллигенции и народа. Демократ-разночинец 60—70-х гг., выступавший выразителем интересов крестьянства, сознательно видевший свою миссию в служении народу, искал пути и средства сближения с ним.

Однако неудача «хождения в народ» значительно подорвала веру разночинской интеллигенции в то, что она знает нужды и стремления крестьянства.

Мысль о разрыве, разобщенности интеллигенции с народом звучит как лейтмотив во многих художественных произведениях, созданных в 80-е гг. (в поэзии Надсона, прозе Гаршина, музыке Чайковского, живописи Репина). С. Я. Надсон, один из самых популярных поэтов интеллигенции, имея в виду роль поэта в общественной жизни в эпоху 80-х гг., писал в стихотворении «В ответ»:

...Указать тебе спасительный исход —
Не нам, о Родина!
Исхода мы не знаем:
Ночь жизни, как тебя,
И нас собой гнетет,
Недугом роковым, как ты,
И мы страдаем.

За отрыв от народа критиковал интеллигенцию Достоевский. В известной речи, посвященной А. С. Пушкину, произнесенной 8 июня 1880 г. на заседании Общества любителей российской словесности, он осуждал революционеров («скитальцев») за то, что они «оторвались от народной нивы». Революционности интеллигенции он противопоставлял идеал «народной правды», основанной на нравственных принципах православия. Однако идея Достоевского о религиозно-нравственном союзе интеллигенции с народом не могла вызвать сочувствия среди большинства русской общественности того времени. В сознании общества формировалось новое понимание этой проблемы. Ее решение связывалось с необходимостью объединения усилий интеллигенции и народа в борьбе за революционные преобразования.

8.4. Наука

Атмосфера первых пореформенных десятилетий, демократический подъем, всколыхнувший всю страну, идеи революционных демократов о социальной роли науки наряду с объективными причинами способствовали «необычайным успехам умственного движения» (К. А. Тимирязев). Однако в реальной жизни было немало факторов, замедлявших научный прогресс. Ученые испытывали недостаток материальных средств, подчас недопустимое равнодушие к своей работе со стороны официальных лиц, даже некоторых промышленных кругов, которые, казалось бы, должны были быть заинтересованы в использовании научных разработок.

Вместе с тем нельзя не отметить, что власти стремились использовать науку для решения многих экономических, социально-культурных задач, стоявших перед обществом. Важной формой организации науки, поддерживаемой правительством, являлись ученые комитеты, которые стали появляться в системе административного управления России еще в первой половине XIX в.: в Министерстве финансов, в Министерстве внутренних дел, в Министерстве народного просвещения и др. В составе этих комитетов работали известные ученые и писатели: К. И. Арсеньев, В. Ф. Одоевский, К. М. Бэр, С. С. Куторга. Ученые комитеты играли важную роль в научном обеспечении деятельности правительственных органов.

Основными научными центрами продолжали оставаться Академия наук, университеты, научные общества. В пореформенное время вырос авторитет университетской науки. Крупные научные школы, возникшие в стенах университетов, получили не только общероссийское, но и мировое признание. В середине 60-х гг. на страницах «Современника» отмечалось, что «во многих отраслях науки представители нашей университетской учености не только не уступают, но даже превосходят своими достоинствами представителей учености академической».

Серьезный вклад в развитие науки внесли научные общества, существовавшие, как правило, при университетах. В 1872 г. в России насчитывалось более 20 таких обществ, основная часть которых возникла во второй половине XIX в. (Московское математическое общество — 1864, существует до настоящего времени при Московском университете; Русское техническое общество — 1866—1917; Русское историческое общество — 1866—1917, восстановлено в 1991 г. и др.).

С деятельностью научных обществ связано широкое развитие общественной инициативы в научно-культурной жизни. Всероссийские съезды ученых-естествоиспытателей, врачей, археологов, юристов стали новой формой научной жизни, коллективного обсуждения научных проблем. Съезды способствовали обмену опытом, популяризации и практическому использованию научных достижений.

Успехи русской науки во второй половине XIX в. повысили ее международный авторитет. В России проводились международные научные съезды, русские ученые избирались почетными членами европейских академий и научных обществ. «Возьмите любую книгу иностранного научного журнала, — писал К. А. Тимирязев в

90-х гг., — и вы наверняка встретите русское имя. Русская наука заявила свою равноправность, а порою и превосходство».

В химии с именем Д. И. Менделеева связано открытие в 1869 г. одного из основных законов естествознания — периодического закона химических элементов. Менделеев предсказал существование элементов, которые были еще неизвестны в то время и которые действительно были открыты впоследствии.

Большими успехами была отмечена работа ученых-физиков, среди которых имя А. Г. Столетова — создателя отечественной физической школы — по праву занимает одно из первых мест.

Всемирную известность получили организованные Русским географическим обществом экспедиции по исследованию Средней и Центральной Азии и Сибири П. П. Семенова-Тян-Шанского, Н. М. Пржевальского, Ч. Ч. Валиханова. С именем Н. Н. Миклухо-Маклая связаны открытия мирового значения в области географии и этнографии, которые он сделал во время путешествий по Юго-Восточной Азии, Австралии, Океании.

Научные идеи ученых-естествоиспытателей, успехи русского естествознания в целом основывались тогда на материалистическом понимании природы, укрепляли материализм как философское направление.

Исключительно важны были достижения в физиологии. В 1863 г. в журнале «Медицинский вестник» была напечатана работа И. М. Сеченова «Рефлексы головного мозга», заложившая основы физиологии и психологии, имевшая огромное значение для развития учения о высшей нервной деятельности. Крупнейший исследователь, пропагандист и популяризатор научных знаний, Сеченов создал физиологическую школу, из которой вышел И. П. Павлов. В 70-е гг. началась его деятельность как ученого-физиолога.

Многие русские ученые-естествоиспытатели были пропагандистами и продолжателями учения Ч. Дарвина. К числу убежденных русских дарвинистов принадлежал А. Н. Бекетов, основоположник эволюционной морфологии растений. Русский перевод основного труда Дарвина «Происхождение видов путем естественного отбора» появился в России через шесть лет после опубликования в Англии, в 1865 г.

Развитие эволюционного учения в России связано также с именами И. И. Мечникова и А. О. Ковалевского, создавших сравнительную эмбриологию. Мечников работал и в области сравнительной патологии, заложил основы учения об иммунитете, открыв в

1883 г. явление фагоцитоза, способности защитных свойств организма. Работы Мечникова имели мировую известность. Он был избран почетным доктором Кембриджского университета, работал в институте Луи Пастера во Франции.

Одним из основателей русской научной школы физиологии растений был К. А. Тимирязев, блестящий популяризатор науки, убежденный сторонник дарвинизма, много сделавший для его пропаганды. Эволюционное учение Дарвина Тимирязев рассматривал как крупнейшее достижение науки XIX в.

Во второй половине XIX в. были достигнуты успехи в области технических наук, особенно электротехники. П. Н. Яблочков изобрел первую практически пригодную дуговую электрическую лампу без регулятора («свеча Яблочкова»), а А. Н. Лодыгин создал лампу накаливания. Ему принадлежит приоритет в применении вольфрама для тела накаливания. Изобретение радиотелеграфа А. С. Поповым относится к числу выдающихся мировых открытий. 25 апреля (7 мая) 1895 г. ученый выступил на заседании Русского физико-химического общества с докладом о результатах изучения проблемы использования электромагнитных волн для передачи сигналов на расстоянии.

Основоположником современной аэродинамики был Н. Е. Жуковский. Ему принадлежат многочисленные труды по теории авиации. В 70—80-е гг. над созданием первого русского самолета работал А. Ф. Можайский. К этому же времени относятся первые исследования в области аэро- и ракетодинамики К. Э. Циолковского. Преподаватель гимназии в г. Калуге, он стал ученым мирового масштаба. Циолковский является основоположником современной космонавтики, он впервые обосновал возможность использования ракет для межпланетных сообщений. Наряду с научно-техническими аспектами освоения космоса Циолковский разрабатывал некоторые идеи «русского космизма», его философские взгляды были близки идеям ученого-естествоиспытателя В. И. Вернадского. Последователем Циолковского являлся А. Л. Чижевский, один из основоположников гелиобиологии.

С развитием общественного сознания, обострением идейной борьбы связан интерес к гуманитарным наукам и достижениям в этой области.

Во второй половине XIX в. в России ученые-гуманитарии создали ценные научные исследования в области истории, лингвистики, литературоведения, экономики. В 60—70-е гг. развернулась научная деятельность С. М. Соловьева. Его капитальный труд

«История России с древнейших времен», над которым ученый работал много лет, вплоть до своей смерти (с 1851 по 1879 г. было издано 29 томов), стал крупнейшим достижением отечественной науки. Большой вклад в развитие исторической науки внес В. О. Ключевский. «Курс русской истории» и другие его произведения посвящены общим вопросам русской истории, крестьянства, проблемам возникновения и отмены крепостного права. Для этого времени характерен интерес в обществе к проблемам всеобщей и новой истории, западному средневековью, славяноведению, востоковедению.

К этому периоду относится появление марксистского направления в русской историографии, связанного с именем Г. В. Плеханова, теоретика и пропагандиста идей марксизма в России.

В области филологии много работал И. И. Срезневский — основатель петербургской школы славистов. Им написаны работы по истории русского старославянского языка, истории древнерусской литературы. Крупным лингвистом, основателем московской лингвистической школы был Ф. Ф. Фортунатов.

В пореформенный период было положено начало исследованию творчества А. С. Пушкина. Первое научное издание сочинений великого поэта подготовил П. В. Анненков. Он опубликовал также ряд исследований, посвященных жизни и творчеству поэта.

Значительных успехов добилась русская фольклористика. Огромную работу по собиранию и исследованию народного творчества проделал В. И. Даль, издавший в 60-е гг. «Толковый словарь живого великорусского языка», который не утратил своего научного значения и по сей день.

Отличительной чертой научной жизни пореформенного времени были широкая общественно-просветительская деятельность ученых, популяризация научных знаний через публичные лекции, издание научно-популярной литературы. Выросло число научных периодических изданий (примерно с 60 в 1855 г. до 500 к концу столетия), причём в первую очередь этот рост коснулся провинции (с 7 до 180 научных журналов).

Важным центром пропаганды научных знаний стал Политехнический музей, где лекции по актуальным научным проблемам читали известные ученые, среди них были Н. Е. Жуковский, П. Н. Яблочков, К. А. Тимирязев, А. Г. Столетов. Талантливым популяризатором научно-технических знаний был Д. И. Менделеев. Под его редакцией выходила «Библиотека промышленных знаний».

При Обществе распространения технических знаний, возникшем в Москве в 1870 г., существовал специальный ученый отдел, целью которого было «устройство ученых сообщений, чтений, публичных лекций, выставок». К участию в чтении лекций привлекались такие крупные ученые, как П. Н. Милюков, А. А. Кизеветтер, П. И. Новгородцев, И. И. Янжул, И. А. Каблуков и др. Лекции читали в Нижнем Новгороде, Рязани, Туле, Курске, Саратове, Воронеже, Ярославле и других городах. Интересны некоторые темы прочитанных лекций: «Из истории общественного движения в России» (П. Н. Милюков), «Об общем образовании» (Н. И. Кареев), «В. Г. Белинский» (А. Н. Веселовский), «Влияние русской территории на склад и характер русского народа» (Е. Ф. Шмурло).

Развитие науки, достижения в области естествознания оказали огромное воздействие на общественно-культурную жизнь. Это нашло отражение в литературе, наложило отпечаток на состояние школы, повлияло в той или иной степени на склад мышления, общественное сознание. «Просвещение и наука, — писал в 1884 г. известный народоволец Г. А. Лопатин, — имеют свою обязательную логику, которая неотразимо приводит их адептов к выводам, не имеющим ничего общего с поддержкой самодержавия».

8.5. Общественная мысль

Отмена крепостного права, развитие капитализма, рост демократических и революционных настроений привели в движение широкие общественные силы. В развитии общественной мысли возросла роль разночинской интеллигенции.

Основные вопросы общественно-политической мысли — аграрный и судьбы самодержавия в России — в пореформенное время в условиях проведения буржуазных реформ все более приобретали характер злободневных проблем, требовавших практического решения. В общественном сознании сформировалась демократическая программа обновления России.

Н. Г. Чернышевский, выражавший взгляды революционных демократов, выдвинул идею крестьянской революции. Программа революционных демократов включала требование республики и радикальной аграрной реформы, предполагавшей полную ликвидацию помещичьего землевладения. Будучи социалистами-утопистами, и революционные демократы, и народники 70-х гг.

рассматривали эти преобразования как социалистические по своей природе.

Народническая доктрина общественной мысли оформилась на рубеже 60—70-х гг. Основные черты ее были позднее охарактеризованы В. И. Лениным в статье «От какого наследства мы отказываемся» (1897). Жизнь выдвинула вопрос о судьбах капитализма в России, так как в последней трети века в обществе начиналось осознание изменений, происходивших в связи с развитием модернизационных процессов, главным образом в промышленности.

Идеологи народничества не смогли понять и правильно оценить капитализм как объективный и закономерный этап развития общества. Они считали капитализм в России регрессом, полагали, что на русской почве он лишен корней, отвергали его как общественную систему. Вслед за Герценом и Чернышевским, опираясь на их идеи «крестьянского социализма», народники стремились обосновать возможность некапиталистического пути России, перехода к социализму через крестьянскую общину. Главным носителем народнических идей была разночинская интеллигенция.

Широкое демократическое движение было связано с активизацией в общественном сознании либеральных идей. Общественно-политическая программа русских либералов исходила из идеи мирного, «разумного прогресса». Будучи противниками крепостного права, сторонниками проводимых правительством буржуазных реформ, либералы 60-х гг. выступали с критикой политического режима, поддерживали мысль о буржуазной конституции и парламентаризме в России.

Одним из крупнейших идеологов российского либерализма был К. Д. Кавелин, известный ученый в области истории, философии и права. Как и другие либеральные деятели Кавелин видел в верховной власти основную силу, способную провести преобразования в обществе. В 80-е гг. он выступил с широкой программой реформ, связанной с улучшением материального положения крестьянства, в которой предусматривал развитие народного образования. В этом он видел «ликвидацию неграмотности и беспомощности крестьянского люда». В истории российского либерализма Кавелин занимает особое место. В его общественно-политических взглядах содержался своеобразный синтез славянофильства и западничества. Ценности классического либерализма он стремился соединить с христианскими и народными традициями.

В целом 60—70-е гг. были отмечены серьезными сдвигами в идейно-культурной жизни общества. Для этого времени характерны преобладание демократических идей в общественном сознании, убежденность в необходимости преобразований, поиски путей их осуществления в интересах народа, известное отступление самодержавия от своих охранительно-крепостнических принципов.

«Дух времени» первых десятилетий внес некоторые коррективы в идеологию самодержавия — охранительство. В условиях осуществлявшихся социальных преобразований оно было вынуждено искать пути большего своего соответствия новым социально-экономическим отношениям, утверждавшимся после крестьянской реформы. Главными идеологами пореформенного самодержавия были К. П. Победоносцев и М. Н. Катков.

В конце 50-х гг. Победоносцев не был чужд либеральных воззрений, его памфлеты, осуждавшие николаевские порядки, печатал за границей Герцен. Коренной перелом в общественно-политических взглядах Победоносцева произошел в конце 70-х гг., он стал вдохновителем и проводником наиболее реакционных охранительных идей в общественном сознании. В 1880 г. он был назначен обер-прокурором Синода, ему принадлежит авторство манифеста 29 апреля 1881 г. «О незыблемости самодержавия».

Катков, принадлежавший в 50-е гг. к либеральному лагерю, резко меняет свою идейную позицию в связи с Польским восстанием 1863—1864 гг., выступает с жесткой критикой буржуазных реформ 60—70-х гг., став одним из идейных вдохновителей правительственных контрреформ 80-х гг.

У идеологов охранительства вера в возможность «мирного сосуществования» самодержавия со свободным развитием капитализма, различными формами парламентаризма стала исчезать на рубеже 60—70-х гг. Новые социальные силы, и прежде всего пролетариат, порожденные общественно-экономическими преобразованиями, способствовали изменению взглядов правительственных идеологов на будущее России. «Народовластие и парламентаризм» Победоносцев в середине 90-х гг. называл «великой ложью нашего времени», которые «родят великую смуту», затуманивают «русские безумные головы».

В 80—90-е гг. фактором общественного сознания было появление философских течений, направленных первоначально против учения Дарвина, против его оценки, существовавшей в 60-е гг.

Среди первых русских антидарвиновцев были Н. Я. Данилевский, опубликовавший в 1872 г. свой труд «Дарвинизм», и В. В. Розанов, который в 1891 г. выступил с нагнетавшей статью «Почему мы отказываемся от наследства 60—70-х годов?». Проблема отношения к «наследству» первых пореформенных десятилетий становилась в эти годы важнейшей в идейном споре представителей различных общественно-политических течений. В целом можно сказать, что в общественное сознание уже в 70-е гг. входит идея о несоответствии самодержавия как политической формы власти строю жизни, присущему свободному капиталистическому обществу.

В результате общественно-идейного развития во второй половине XIX в. в России позиции охранителей и радикалов выявились наиболее определенно, политическая конфронтация между ними становилась предельно открытой. Оформление в России марксизма как самостоятельного течения связано с возникновением в 1883 г. группы «Освобождение труда» во главе с Г. В. Плехановым. В 80-е — первой половине 90-х гг. усилиями русских марксистов, прежде всего Плеханова и Ленина, в общественном сознании получили распространение идеи марксизма.

Либералы, стремившиеся к компромиссу между властями и радикалами, сочувствующие демократической оппозиции, но не принимающие экстремизма радикалов, не смогли занять ведущие позиции в общественно-идейной жизни в России.

8.6. Художественная культура

Художественное произведение в своей жизни проходит три взаимосвязанных этапа: создание, распространение, восприятие. Наряду с анализом творчества писателя или живописца, процесса создания произведения искусства, не меньший интерес представляет восприятие искусства обществом. Выставки и музеи как формы общения художника и зрителя, литературная критика и публицистика, приближающая литературу к читателю, являлись важнейшими факторами общественно-культурной жизни.

В пореформенную эпоху в России были созданы замечательные произведения литературы и искусства, занявшие достойное место в сокровищнице мировой культуры. Сила русского искусства заключалась в его художественных достоинствах, гражданственности, высокой нравственности и демократической направленности. Особенностью художественной культуры второй половины XIX в., что отмечали уже современники, был нравственный

максимализм и литературоцентризм. Это было время высшего расцвета реализма.

Искусство критического реализма — основное художественное направление того времени — было тесно связано с идейными исканиями. Его отличала повышенная социальная активность. Литература и искусство, как никогда, близко подошли к отображению реальной жизни (очерк и роман о современной жизни, современная бытовая драма, бытовой жанр в живописи и т. д.).

Во второй половине XIX в. идейно-художественное развитие во многом определяла революционно-демократическая эстетика, основы которой были заложены еще Белинским. Дальнейшее ее развитие было связано с именем Н. Г. Чернышевского, который в 1855 г. защитил диссертацию «Эстетическое отношение искусства к действительности». Искусство, по его мнению, — это проявление реальной человеческой сущности, поэтому «прекрасное есть жизнь». Общественная функция искусства должна состоять не только в воспроизведении и объяснении жизни, но и в вынесении «приговора о явлениях ее». Подобный тезис представлял новый аспект в понимании искусства, разрыв эстетики с ее идеалистической традицией, идущей от Гегеля.

Однако работа Чернышевского не была воспринята однозначно и вызвала острые дискуссии. Многие известные писатели и критики (Тургенев, Л. Толстой, Анненков, Дружинин) упрекали автора в умалении роли искусства. Н. В. Шелгунов, присутствовавший на защите диссертации, наоборот, отметил, что «умственное направление шестидесятых годов... в первый раз в своем зачаточном виде было провозглашено в 1855 г. на публичном диспуте в Петербургском университете». Эстетика была областью, где раньше всего наметились расхождения между либералами и демократами.

Художественная литература пореформенного времени представляла собой «яркое созвездие великих имен». В эти годы создавали свои лучшие произведения крупнейшие русские писатели, творческий путь которых начался еще в предшествующую эпоху (Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, Н. А. Некрасов). Новое поколение писателей-реалистов, которое пришло в литературу в 60—70-е гг. принесло новые темы, жанры, идейно-эстетические принципы. «Возьмите нашу литературу со стороны разнообразия типа писателя, — отмечал М. Горький, — где и когда работали в одно и то же время такие несоединимые, столь чуждые один другому таланты, как Помяловский и Лесков, Слепцов и До-

стоевский, Г. Успенский и Короленко, Щедрин и Тютчев?.. Вас поразит разность лиц, приемов творчества, линии мысли, богатство языка».

В литературе преобладали социальные проблемы. Критическое отношение к действительности было характерно для произведений русских писателей этих лет. Литература не только обличала общественное зло, но и стремилась найти пути борьбы с ним. Правда, эти пути по-разному понимались: одни видели избавление от социальных несправедливостей в нравственном усовершенствовании человека, другие призывали к активной борьбе против них. Но русскую литературу всегда отличали демократизм, любовь к простому человеку, стремление помочь ему освободиться от векового угнетения.

В литературном процессе первых пореформенных лет ведущее место принадлежало очерку, в котором ставились острые проблемы, коренные вопросы жизни и быта крестьянства (очерки В. А. Слепцова, Г. И. Успенского и др.). С общественным подъемом связано появление демократического романа, в котором действующим лицом стал разночинец (повести Н. Г. Помяловского «Мещанское счастье» — 1861, «Молотов» — 1861), первых произведений о жизни и быте рабочих (романы Ф. М. Решетникова «Горнорабочие» — 1866, «Глумовы» — 1867).

Программным произведением 60-х гг. стал роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?», опубликованный в «Современнике» в 1863 г. Это было повествование о «новых людях», их морали и нравственных ценностях. Публикация романа вызвала целую бурю в литературных кругах, в основном критически воспринявших это произведение. Среди немногочисленных сторонников романа был Д. И. Писарев, выступивший с подробным анализом его содержания (статья «Новый тип» в журнале «Русское слово»). Роман занимает исключительное место в русской литературе по силе воздействия на общественную жизнь: под его влиянием создавались реальные мастерские, коммуны, герои Чернышевского, и особенно Рахметов, повлияли на формирование характера многих деятелей освободительного движения.

Отражением идейно-художественной борьбы в литературе 60—70-х гг. было появление так называемого антинигилистического романа (Н. С. Лескова «Некуда» — 1864, А. Ф. Писемского «Взбаламученное море» — 1863, Ф. М. Достоевского «Бесы» — 1870—1871).

Наряду с произведениями, в которых отразились злободневные вопросы жизни, 50-е гг. и первые пореформенные десятилетия отмечены расцветом лирической поэзии, которая стала связующим звеном между пушкинской эпохой и Серебряным веком рубежа столетий.

Имена Ф. И. Тютчева и А. А. Фета — самые известные среди поэтов пореформенной России. Сборники стихотворений Тютчева были изданы в 1854 и 1868 гг., а впервые его стихи появились еще в пушкинском «Современнике» в 1836 г. Он один из последних романтиков, который сумел сохранить верность заветам романтического искусства в эпоху торжества реализма. Пейзажно-философские картины природы, ее изменчивость и одухотворенность, стихийная катастрофичность мира, любовь — были центральными темами его зрелой лирики. Недостаточно известный современникам как поэт Тютчев вновь был «открыт» для читателя русскими символистами.

В 50-е гг. появляются две книги стихов Фета. Романтическая лирика поэта была широко известна и высоко ценилась современниками. Его поэзию отличает музыкальность, разнообразие ритмов и звуков (цикл стихотворений «Мелодия»). Художественные открытия Фета — выдающийся вклад в русскую поэтическую культуру. Его творческая деятельность обрела значение литературной традиции. В конце XIX — начале XX в. к этой традиции тяготели поэты-символисты — Вл. Соловьев, В. Брюсов, А. Блок, А. Белый, а впоследствии — С. Есенин, Б. Пастернак, Н. Рубцов.

В поэзии второй половины XIX в. заметным явлением было творчество поэтов, вышедших из мещанско-крестьянской среды (И. С. Никитин, И. З. Суриков, С. Д. Дрожжин). Характерными чертами их творчества была связь с фольклором, темы из народной жизни, пленительные картины русской природы. Суриков явился создателем литературной формы «городского романса», его стихи, посвященные крестьянской жизни, были исполнены внутреннего драматизма. Многие из них стали народными песнями («Рябина», «Степь да степь кругом»). На стихи Сурикова были написаны романсы П. И. Чайковским, А. П. Бородиным, Ц. А. Кюи и другими композиторами.

60—70-е гг. — время наибольших достижений русского классического романа и повести. Работавшие в это время писатели, как правило, обращались к современной жизни. В 1859 г. в «Современнике» был опубликован роман И. А. Гончарова «Обломов», кото-

рый явился вершиной творчества писателя. Это центральное произведение в русской литературе по масштабности художественного исследования российского дворянства переломного времени, когда в обществе начинали меняться привычные устои жизни. Обломовщина представляла собой особый социальный тип российской жизни.

Образы новых героев эпохи вывел на страницах своих романов И. С. Тургенев. В романе «Отцы и дети» (1862) писатель запечатлел яркие эпизоды идейной борьбы между основными общественными силами в середине XIX в. В лице Базарова он создал образ нигилиста, сделал его выразителем демократической идеологии. Роман вызвал полемику в литературной критике. Резко отрицательно отнесся к образу Базарова М. Н. Катков, редактор «Русского вестника», видя в деятельности людей, подобных Базарову, опасность, подрывающую устои общества. Неодобрительно был встречен роман Тургенева демократическими изданиями («Современник», «Искра»). И только Д. И. Писарев на страницах журнала «Русское слово» в статье «Базаров» объяснил положительное значение этого образа, подчеркнул жизненность и социальную значимость Базаровых на определенном этапе развития русского общества. Произведения Тургенева были современны. В. В. Розанов, отмечавший это, писал: «Споры в повестях Тургенева были три-четыре десятилетия беседами каждой русской гостиной, кабинета, спальни».

Идейно сложным, подчас трагическим, но всегда глубоко нравственным было творчество Ф. М. Достоевского. В его произведениях перед читателем предстает целая панорама жизни России («Братья Карамазовы», 1879—1880). Боль за униженных и оскорбленных, вера в нравственную чистоту человека — была главной темой в творчестве писателя («Униженные и оскорбленные», 1861; «Преступление и наказание», 1866). Художественным открытием Достоевского была «жажда страдания» человека, его поведение и поступки в экстремальной ситуации, в которую писатель всегда вовлекает своих героев. Революционное подполье в России, нравственный облик некоторых его деятелей, глубоко волновали писателя. Он протестовал против смуты и крови как средства обновления мира и верил в красоту, которая может, по его мнению, его спасти.

Н. А. Некрасова разночинская молодежь считала своим идейным вождем. Тема народа, его исканий и надежд занимала в творчестве поэта центральное место. В ней выражена не только мечта о

счастье народа, но и вера в его силы, способные сбросить оковы рабства. В поэме «Кому на Руси жить хорошо» Некрасов писал:

Встали — небужены,
Вышли — непрошены,
Жита по зернышку
Горы наношены!
Рать подымается —
Неисчислимая!
Сила в ней скажется
Несокрушимая!..
Сбирается с силами русский народ
И учится быть гражданином.

Вершиной русской литературы XIX в. стало творчество Л. Н. Толстого. Он ставил в своих романах, повестях, драмах, публицистике «великие вопросы». Писателя волновали судьбы народа и Родины (историческая эпопея «Война и мир», 1863—1869). Одним из острых социальных произведений стал роман «Анна Каренина» (1873—1877), в котором он, изображая жизнь русского общества 70-х гг., вынес беспощадный приговор его морали, нравам, устоям.

Чайковский, знавший Толстого и высоко ценивший его как художника слова, записал в своем дневнике в 1886 г.: «Его одного достаточно, чтобы русский человек не склонял стыдливо голову, когда перед ним высчитывают все великое, что дала человечеству Европа».

80-е гг. в истории русского классического романа не оставили что-либо значительного. Яркие, непревзойденные произведения были созданы в предшествующий период. Ушли из жизни крупнейшие русские писатели — Достоевский, Тургенев, Островский. Мировоззренческий кризис Л. Толстого отразился на его творчестве. Большое место в нем стала занимать публицистика, религиозно-философские сочинения. В середине 80-х гг. Толстой и его единомышленники создали в Москве издательство «Посредник», печатавшее книги для народа. Первым был напечатан рассказ «Чем люди живы», затем появились повести «Смерть Ивана Ильича» и «Холстомер». Они поразили читателей соединением глубочайшего психологизма с обличительным пафосом, направленным против власть имущих.

Изменились условия общественной жизни. Наступил период, когда «почва действительности» оказалась неблагоприятной для

создания больших произведений. Писатели, пришедшие в литературу в конце 70-х — начале 80-х гг. (В. М. Гаршин, В. Г. Короленко и др.), были авторами произведений малых форм (рассказ, новелла, небольшая повесть).

В 1880 г. первые юмористические рассказы в журнале «Стрекоза» напечатал А. П. Чехов («Письмо ученому соседу» и «Что чаще всего встречается в романах, повестях и т.п.»). В 1886 г. вышел первый сборник его произведений «Пестрые рассказы». Критика, признав талант Чехова, увидела в его рассказах лишь внешний комизм. Но наиболее чутким читателям уже становилась ясной значительность творчества писателя. Д. В. Григорович называл его рассказы «поворотом в литературе». Л. Толстой сказал о Чехове: «Это был несравненный художник... художник жизни и достоинство его творчества то, что оно понятно не только всякому русскому, но и всякому человеку вообще». Небольшие рассказы Чехова дают чрезвычайно широкую картину жизни России. В них отразились и разнообразие характеров и лиц, и «хмурая тоска» жизни, захлестнувшая обывателя в «черные, глухие» 80-е годы. Писатель восставал против мира пошлости, мечтал о светлой жизни, прекрасной человеческой личности.

Театральная жизнь в пореформенную эпоху отразила общие процессы, происходившие в обществе и влиявшие на развитие культуры. Общественность, в частности театральная, привлекала внимание к животрепещущим вопросам развития театра: улучшению профессионального актерского образования, расширению сети театров за счет создания частных антреприз. В 1882 г. была отменена монополия казенных театров.

Однако еще раньше частные театры возникали под видом «домашних спектаклей», «семейных вечеров» и т. д. Так появился в Москве Артистический кружок — общественно-художественная организация (1865—1883), созданная по инициативе А. Н. Островского, Н. Г. Рубинштейна, В. Ф. Одоевского. Здесь начали свою деятельность многие впоследствии знаменитые актеры, часто выступали известные провинциальные артисты (П. А. Стрепетова, Н. Х. Рыбаков). Первый народный театр, предназначенный для широкого демократического зрителя, работал во время Политехнической выставки в Москве (1872). На сцене театра шли «Ревизор» Гоголя, «Недоросль» Фонвизина, «Бедность не порок» Островского, «Русалка» Пушкина.

Основными центрами театральной культуры продолжали оставаться Малый театр в Москве и Александринский театр в Петер-

бурге. Однако значительно выросло число театров и театральных трупп в провинции. В 60-е гг. они действовали более чем в 100 городах. В это время открылись театры в Орле, Рязани, Костроме, Смоленске, Саратове, Пензе и других городах. Появился новый зритель из среды разночинской интеллигенции. Театр становился культурным центром провинции. Обычно театр располагался неподалеку от места гуляний горожан — в общественном парке или городском саду; нередко он представлял собой здание, переделанное из хлебного амбара.

В конце 90-х гг. в некоторых городах России получил распространение народный театр. Один из публицистов того времени писал, что «народный театр в нашем отечестве — дело совершенно новое, если не считать разных балаганных представлений... но это одно из самых действенных средств воздействия на народные нравы».

Состояние театра определялось успехами отечественной драматургии, усилением интереса к русской современной драме, бытовой, социально-психологической.

Огромное влияние на русскую драматургию и театр оказал А. Н. Островский. Его пьесы стали новым этапом в развитии сценического реализма, обновили не только репертуар театров, но и искусство актера. Драматург считал театр «признаком зрелости нации, так же, как и академии, университет и музеи». Драматургия Островского — замечательное явление национальной художественной культуры. С постановкой пьесы «Не в свои сани не садись» в 1852 г. на сцене Малого театра произведения Островского заняли ведущее место в его репертуаре. В 1882 г. в связи с 35-летним юбилеем литературной деятельности драматурга И. А. Гончаров писал: «Литературе Вы принесли целую библиотеку художественных произведений, для сцены создали свой особый мир. Вы один достроили здание, в основание которого положили краеугольные камни Фонвизин, Грибоедов, Гоголь. Но только после Вас, мы, русские, можем с гордостью сказать: «У нас есть свой, русский, национальный театр». На драматургии Островского воспитывались многие талантливые русские актеры: династия Садовских, Н. Х. Рыбаков, П. А. Стрепетова, А. Е. Мартынов, Н. А. Никулина и др.

Кроме Островского, в русской драматургии второй половины XIX в. были известны А. В. Сухово-Кобылин, М. Е. Салтыков-Щедрин, А. К. Толстой, Л. Н. Толстой, А. П. Чехов.

Появление пьес с современным содержанием, новыми героями приводило к изменениям в характере, стиле актерской игры. Лучшие традиции русского реалистического театра развивались и обогащались на новом современном материале. В этот период театр продолжал оставаться актерским. Однако начинали формироваться принципы режиссуры, больше внимания стало уделяться театрально-декорационному оформлению спектаклей.

Музыкальная культура второй половины XIX в. также отличалась некоторыми новыми чертами. В это время возникают общественные организации, сыгравшие важную роль в развитии и пропаганде музыкального искусства. В 1859 г. по инициативе А. Г. Рубинштейна «для развития музыкального образования, вкуса к музыке в России и поощрения отечественных талантов» было создано Русское музыкальное общество (РМО, просуществовало до 1917 г.; в настоящее время восстановлено). Общество устраивало симфонические и камерные концерты. В Петербурге А. Г. Рубинштейном (1862), а затем в Москве Н. Г. Рубинштейном (1866) были открыты консерватории, положившие начало профессиональному музыкальному образованию в России. Позднее отделения общества и музыкальные учебные заведения были организованы в других городах страны.

В Петербурге в 1862 г. М. А. Балакиревым и хоровым дирижером Г. Я. Ломакиным была открыта бесплатная музыкальная школа, просуществовавшая до 1917 г. Она ставила своей задачей распространение музыкальных знаний и пропаганду сочинений Даргомыжского, Глинки, композиторов Могучей кучки, лучших произведений зарубежных композиторов — Л. Бетховена, Ф. Листа, Г. Берлиоза и др.

Во второй половине XIX в. огромную роль в развитии отечественной музыкальной культуры сыграло творческое содружество русских композиторов, известное как Балакиревский кружок (М. А. Балакирев, М. П. Мусоргский, Ц. А. Кюи, А. П. Бородин и Н. А. Римский-Корсаков). В 1867 г. В. В. Стасов, музыкальный критик, идейный руководитель молодых композиторов дал кружку название Могучая кучка, закрепившееся за этой новой музыкальной школой.

Идейно-нравственные взгляды этого содружества формировались под воздействием идей 60-х гг. Одной из основных черт эстетики и музыкального творчества композиторов Могучей кучки было стремление передать в музыке «правду жизни», национальный характер. Они широко использовали музыкальный фольклор,

тяготели к историко-эпическим сюжетам и способствовали утверждению на сцене народно-музыкальной драмы [«Борис Годунов», 1872; «Хованщина» (завершена Римским-Корсаковым в 1883 г.) М. П. Мусоргского]. Композиторы много сделали для собирания и изучения музыкального фольклора, издав в 60—70-е гг. несколько сборников русских народных песен. А. П. Бородин, творчество которого отличалось народностью, монументальностью, эпической мощью, был создателем жанра национально-эпической симфонии. Ц. А. Кюи — один из первых композиторов, уделявший большое внимание созданию музыки для детей (оперы «Красная шапочка», 1912; «Кот в сапогах», 1912; сборники детских песен).

Одним из музыкальных классиков был Н. А. Римский-Корсаков. В основе его творчества причудливо соединялись сказочная фантастика, образы реальной народной жизни и русской природы (оперы «Майская ночь», 1879; «Снегурочка», 1881; «Садко», 1896 и др.). Большое значение имела многолетняя педагогическая деятельность композитора в Петербургской консерватории, профессором которой он состоял с 1871 г. В числе его воспитанников были А. С. Аренский, А. К. Глазунов, М. Ф. Гнесин, Н. Я. Мясковский, С. С. Прокофьев, А. А. Спендиаров и др.

Выдающиеся достижения русской музыкальной культуры связаны с именем П. И. Чайковского. Он один из величайших композиторов нашей эпохи, оставивший обширное творческое наследие в области балетного, оперного, симфонического, камерного музыкального искусства (балеты «Лебединое озеро», 1876 и «Спящая красавица», 1889; оперы «Евгений Онегин», 1878 и «Пиковая дама», 1890; симфонии, романсы, симфонические поэмы, музыкальный цикл «Времена года» и др.). Национальная и глубоко народная музыка Чайковского обладает удивительной силой эмоционального воздействия. Великий лирик, непревзойденный мастер раскрытия душевного мира человека, он был также певцом русской природы.

Основные свои произведения композитор создал в 70—80-е гг. Наряду с лирическим жизнеутверждающим началом музыке Чайковского присущи и черты трагедийности, особенно сильные в последних его произведениях. Идея непримиримости борьбы между добром и злом пронизывает все творчество композитора, но эту тему он решал в своей музыке по-разному в различные периоды. Так, финал Четвертой симфонии (1877) построен на основе темы русской народной песни «Во поле березонька стояла». «Сту-

пай в народ. Смотри, как он умеет веселиться, отдаваться радостным чувствам», — писал композитор о программе финала симфонии в письме к Н. Ф. фон Мекк.

В последующих симфониях, Пятой (1888) и особенно Шестой — Патетической (1893), композитор ищет смысл существования личности «не в слиянии с народной стихией», а в торжестве воли, стремящейся победить страдания, сомнения и тревоги. Скорбное трагическое мироощущение наиболее полно передано им в последней симфонии.

Отличительным свойством пореформенного музыкального искусства была его программность, использование в музыке национальных мотивов, сюжетов, литературных произведений (симфонические поэмы «Тамара», 1882 и «Русь. 1000 лет», 1862 — Балакирева; симфоническая картина «В Средней Азии», 1880 — Бородина; сюита «Шехерезада», 1888 — Римского-Корсакова; симфонии «Манфред», 1885 и увертюра-фантазия «Ромео и Джульетта», 1869 — Чайковского и др.). В. В. Стасов отмечал, что композиторы следовали примеру Глинки. «Наша эпоха, — писал критик, — все дальше и дальше отходит в сторону от «чистой» музыки прежних периодов и все сильнее и сильнее требует для музыкальных сочинений действительного, определенного содержания».

В музыкальной культуре XIX в. сохранялся традиционный пласт духовной музыки, наиболее известные произведения которой были созданы еще в предшествующем столетии. Во время праздничных богослужений в храмах продолжали исполняться концертные композиции Д. С. Бортнянского, М. С. Березовского, А. Ф. Львова. Музыку Бортнянского высоко ценил Чайковский, издавший в 1882 г. полное собрание его сочинений, в которое вошли произведения духовной хоровой музыки.

Сам П. И. Чайковский, как и его ученик С. В. Рахманинов, были авторами произведений духовной музыки, несомненно способствуя усилению ее значения в храмовом действе. Чайковский, создавая эти духовные композиции, стремился, как он писал, «сохранить во всей неприкосновенности древние церковные напевы, первобытный характер и строй нашей церковной музыки». Церковные мотивы можно услышать во многих светских произведениях «кучкистов», преимущественно в опере — от «Бориса Годунова» Мусоргского до «Сказания о невидимом граде Китеже» Римского-Корсакова.

В развитии изобразительного искусства пореформенное время было чрезвычайно напряженным и плодотворным. В этот период развернулась активная борьба за реализм в искусстве, против консерватизма академических устоев, возникло объединение художников-передвижников, сплотившее новые прогрессивные силы русского национального искусства. Тема России, судьба человека волновали художников и определяли направление их творчества. Одна из статей «Современника» (1859) призывала художников «вдохновляться историей и движением современного общества».

Академия художеств продолжала в 60-е гг. оставаться основным центром идейно-художественной жизни. Но в ее стенах происходили перемены. Чаше задавались сюжеты из русской истории, некоторые исторические темы по своему характеру приближались к современности. Одним из первых к сюжету из отечественной истории обратился К. Д. Флавицкий («Княжна Тараканова», 1864). Развитие исторической картины в 60-е гг., постепенное освобождение этого жанра от академических канонов и усиление реалистических черт связано с именем В. Г. Шварца («Вешний поезд царицы на богомолье при царе Алексее Михайловиче», 1868). При всем этом Академия оставалась «феодалской крепостью» искусства. Выпускники ее должны были следовать требованиям руководства при написании дипломных работ: ежегодно назначались обязательные темы, как правило, на библейские сюжеты.

С этим обстоятельством связано одно из самых значительных событий русской художественной жизни второй половины XIX в., так называемый «бунт 14» в Петербургской академии художеств в ноябре 1863 г. Он стал фактом общественной жизни 60-х гг. Группа выпускников во главе с И. Н. Крамским отказалась писать дипломную работу на обязательную тему — в данном случае это был сюжет из скандинавской мифологии «Пир в Валгале». Отказ писать картину на заданную тему был открытым вызовом академическому начальству. 14 выпускников заявили о своем досрочном выходе из Академии и были уволены с аттестатами учителей рисования. Они образовали «Артель художников», снимали общую квартиру, работали в основном в области бытового жанра. Эта артель, как и многие другие подобные объединения, возникла под влиянием Чернышевского и прежде всего его романа «Что делать?». Так впервые произошел открытый разрыв с официальным академическим искусством. Это положило начало направлению в

русской живописи, эстетика которого и идейно-художественные принципы противостояли академизму.

Искусство первого пореформенного десятилетия в его наиболее значительных проявлениях было искусством отрицания. Слова Н. Г. Чернышевского о том, что «произведения искусства... имеют значение приговора над явлениями жизни», были идейной заповедью для художников-шестидесятников. Сближение искусства с жизнью, с современными ее проблемами находило отражение в социально-бытовом жанре, ведущем в живописи 60-х гг. «Жанр, — писал В. В. Стасов, — не прихоть, не каприз, не выдумка одного или нескольких художников, а выражение современной потребности... в выражении искусством всех сторон жизни».

Наиболее созвучно общественной атмосфере этого времени было творчество В. Г. Перова, выпускника Московского училища живописи. Гражданское звучание и социальное обличительство характерны для большинства его картин («Сельский крестный ход на Пасхе», 1861; «Проводы покойника», 1865; «Тройка», 1866; «Последний кабак у заставы», 1868).

Идейно-художественное движение 60-х гг. подготовило почву для возникновения Товарищества передвижных художественных выставок (1871). Мысль о его организации возникла в 1865 г., когда по инициативе Крамского в Нижнем Новгороде была представлена выставка картин «Артели художников», имевшая успех. В уставе Товарищества четко была определена связь искусства с запросами жизни, подчеркивалась необходимость распространения произведений искусства. С этой целью во всех городах империи устраивались передвижные художественные выставки «в видах доставления жителям провинции возможности знакомиться с русским искусством и следить за его успехами».

Выставки передвижников стали фактом художественной жизни России, широко обсуждались в печати. М. Е. Салтыков-Щедрин после открытия первой выставки в 1871 г. писал в журнале «Отечественные записки»: «Отныне произведения русского искусства, доселе замкнутые в одном Петербурге, в стенах Академии художеств или погребенные в галереях и музеях частных лиц, сделаются доступными для всех обывателей Российской империи. Искусство перестает быть секретом, перестает отличать званных от незванных, всех призывает и за всеми признает право судить о совершаемых им подвигах». Товарищество обеспечивало каждому своему члену право выставлять и продавать картины и получать доходы от выставок, за посещение которых взималась плата. Худож-

ник, таким образом, вступал в непосредственные отношения с публикой, и от ее симпатий и антипатий зависели и его благосостояние, и его известность.

Передвижничество — ведущее направление в искусстве второй половины XIX в., идейно противостоявшее академизму. Программность творчества передвижников определяли гражданственность, осознание общественных проблем своего времени, интерес к облику современника.

Работая в разных жанрах (пейзаж, портрет, историческая живопись, бытовой жанр), художники-передвижники внесли в каждый из них новые, существенно важные черты. Большое место они уделяли крестьянской теме, впервые на их полотнах были запечатлены образы прогрессивной интеллигенции, рабочих (Н. А. Ярошенко. «Кочегар», 1878, «Всюду жизнь», 1888). Излюбленной темой передвижников была родная природа. Художники сумели раскрыть ее внутреннюю гармонию, удивительную красоту полей и перелесков, уходящей в даль дороги, неба перед грозой. В их работах есть и романтическая одухотворенность, и философское осмысление бытия (Ф. А. Васильев. «Оттепель», 1871, «Мокрый луг», 1872; И. И. Шишкин. «Сосновый бор», 1872, «Рожь», 1878, «Лесные дали», 1884; И. И. Левитан. «Март», 1885, «Владимирка», 1892, «Над вечным покоем», 1894). Картина А. К. Саврасова «Грачи прилетели» (1871), показанная на первой выставке передвижников, была признана современниками образцом пейзажной живописи, в которой великолепно передано настроение наступающей весны, обновления природы.

Отличительной особенностью портрета передвижников был глубокий психологизм. Их картины передавали социальный портрет эпохи, который «представлял лиц, дорогих нации, веривших в ее лучшее будущее и боровшихся за эту идею» (И. Е. Репин). Портрет, в развитии которого в этот период были достигнуты огромные успехи, стал важнейшим смыслообразующим фактором русской художественной культуры XIX в. В прямом и переносном смысле он являлся документом эпохи. Вершиной мастерства в этом жанре были портреты Островского (1871) и Достоевского (1872) кисти Перова, Л. Н. Толстого, исполненный Крамским (1873), и Мусоргского, созданный Репиным (1881).

Реальные сдвиги в общественно-экономическом развитии страны в 70—80-е гг. привели к появлению более сложных форм общественного сознания, к более глубокому пониманию сущности критического реализма как художественного метода. Широкое

признание в 70-е гг. получает тезис Чернышевского «прекрасное есть жизнь», что находит отражение в творчестве передвижников, в частности И. Е. Репина. Это был художник огромного таланта, глубокой жизненной правды и поразительной разносторонности. Новое, не известное искусству 60-х гг. отношение к народу он показал в картине «Бурлаки на Волге» (1873). Художник утверждал скрытую в народе силу, видел в бурлаках могучие, самобытные характеры. Успешно работая в области портретного жанра, он создал серию блистательных образов — людей эпохи.

Идейная атмосфера 80-х гг. отразилась на судьбах русского искусства и литературы. Многие деятели культуры постепенно отходили от острой обличительности. Внимание писателей, художников, композиторов все больше стали привлекать общечеловеческие, философско-обобщенные, нравственно-психологические проблемы.

Передвижничество, связанное с идеями народничества, также теряло острую социальную направленность. Художники 80-х — начала 90-х гг., как правило, не стремились к раскрытию конфликтов, не поднимались до широких идейных обобщений, хотя в творчестве некоторых из них (С. В. Иванов, С. А. Коровин) социальная тема сохранялась. Бытовой жанр уступил в этот период первенство портрету, пейзажу, исторической живописи, которые в большей степени несли в себе позитивное, общечеловеческое начало. Эти новые черты были присущи творчеству В. А. Серова, который в 80-е гг. впервые заявил о себе как художник («Девочка с персиками», 1887; «Девушка, освещенная солнцем», 1888).

Художники-передвижники неоднократно обращались к исторической тематике. Их волновала тема России. В качестве сюжетов они использовали реальные события из отечественной истории, стремились передать время, характер исторических персонажей. Передвижникам было свойственно изображение переломных моментов в русской истории. Они по-новому трактовали исторические сюжеты, показывали отечественную историю через психологию отдельной, как правило выдающейся личности (Н. Н. Ге. «Петр I допрашивает царевича Алексея», 1871; И. Е. Репин. «Иван Грозный и сын его Иван», 1885).

Основные достижения исторической живописи этого времени связаны с творчеством В. И. Сурикова. Его интересовали в русской истории социально-политические и духовные конфликты («Утро стрелецкой казни», 1881; «Боярыня Морозова», 1887 и др.). Суриковская трактовка этих тем была следствием новых представ-

лений об историческом процессе и месте в нем народных масс, которые отличали общественную мысль и литературу эпохи разночинца.

Монументальное искусство XIX в. представлено тремя ансамблями церковной живописи: Исаакиевский собор в Петербурге (освящен и открыт для публики в 1858 г.), храм Христа Спасителя в Москве (освящен в 1883 г.) и Владимирский собор в Киеве (освящение произошло в 1896 г.). Церковная живопись в этих соборах во многом связана с художественными традициями первой половины XIX в. Над росписью в храмах работали крупнейшие русские художники: К. П. Брюллов, Ф. А. Бруни (Исаакиевский собор); В. И. Суриков, И. Н. Крамской, Г. И. Семирадский (храм Христа Спасителя), В. М. Васнецов (Владимирский собор).

Скульптура второй половины XIX в. в отличие от живописи не имела особых успехов. Основным направлением в ее развитии было стремление преодолеть каноны предшествующего стиля — классического монументализма и обрести черты реалистического искусства. Известное развитие получила жанровая скульптура (Ф. Ф. Каменский. «Первый шаг», 1872 и «Вдова с ребенком», 1868; М. А. Чижов. «Игра в жмурки», 1872 и «Крестьянин в беде», 1872).

Самым крупным скульптором второй половины XIX в. был М. М. Антокольский, близкий по своим эстетическим воззрениям к передвижникам. Наиболее значительными его произведениями были «Иван Грозный» (1871), «Петр Первый» (1872), «Христос перед народом» (1874), «Нестор-летописец» (1889). Поклонником его творчества был В. В. Стасов. Однако Антокольский, создавая серию исторических портретов, оказался в известной степени изолированным от основных направлений развития русской скульптуры и не стал зачинателем новых направлений в ее развитии.

Монументальная скульптура, как и в предшествующий период, продолжала сохранять характер мемориалов-памятников, устанавливаемых в честь знаменательных исторических событий, в память о замечательных людях России. Наиболее известными скульпторами, работавшими в этой области, были М. О. Микешин и А. М. Опекушин.

В системе пластических искусств архитектура, подобно скульптуре, не имела широких возможностей, чтобы более гибко и многогранно, как это имело место в литературе и живописи, отвечать запросам времени, обозначать перемены в быстро ме-

няющемся общественном мире XIX в. Вместе с тем во второй половине столетия происходило разрушение прежнего ансамблевого мышления, начавшееся еще в 30-е гг. Новый стиль — русско-византийский — долгое время рассматривался как эпоха господства эклектики (греч. *eklektikos* — выбирающий), глубокого кризиса в архитектуре. В современной искусствоведческой науке происходит поворот к новой оценке эклектики как художественного стиля, делается попытка рассмотреть ее в общей перспективе движения пластических искусств.

Во второй половине XIX в. окончательно утверждаются новые архитектурные «жанры», связанные с социальными изменениями в обществе, развитием инфраструктуры городского хозяйства, новыми формами торговли, средств связи и транспорта, изменениями в культурной жизни. Необходимыми сооружениями в городах становились вокзалы, строившиеся часто по определенному стереотипу. Широкое распространение получили выставочные сооружения в связи с архитектурным «выставочным бумом», переживаемым Россией наряду с другими европейскими странами. Павильоны, построенные в «русском стиле», украшали Политехническую выставку в Москве в 1872 г., Всемирную выставку в Париже в 1878 г. Известными мастерами русско-византийского стиля в 70-х гг. были В. А. Гартман и И. П. Рапет.

Особенностью градостроительства второй половины XIX в. было сооружение общественных зданий с определенной функциональной целью: театры, музеи, учебные заведения, больницы и т. д. Так, специально для театра были построены здания в Рыбинске (1877), Нижнем Новгороде (1896), перестроен Мариинский театр в Петербурге. В Москве в 70—80-е гг. в центре были сооружены здания для Политехнического и Исторического музеев (архитекторы И. А. Монигетти и В. О. Шервуд). По проекту Р. И. Клейна было выстроено известное ныне здание на Волхонке (1898—1912) — Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Во второй половине XIX в. в церковном зодчестве не было заметных достижений. В этом архитектурном «жанре» продолжались традиции К. А. Тона. В 80-е гг. было завершено строительство храма Христа Спасителя, ставшего образцом для подражания. Другим «образцовым» церковным сооружением была церковь Воскресения в Петербурге, построенная на месте убийства Александра II (архитектор А. А. Парланд, 1883—1907).

В гражданском строительстве на смену стилевым ансамблевым постройкам пришло строительство доходных домов, очень разных по художественному оформлению.

Архитектура 60—90-х гг. с ее господством эклектики, отсутствием монументального стилевого единства, тем не менее решала важные задачи градостроительства. Как пишет историк архитектуры Е. А. Борисова, «архитектура эклектики была словно призвана к тому, чтобы связать, «сцементировать» застройку разных эпох, заполнить все пустоты, все свободные пространства, оформить динамичную, постоянно меняющуюся городскую среду». В такой градостроительной функции эклектика приближалась к стилю модерн. К архитекторам, которые начинали работать в этой новой манере, принадлежал В. М. Васнецов, по проектам которого были построены особняк Цветкова в Москве (1897), церковь в Абрамце-ве (1882).

8.7. Город и деревня в культурной жизни на рубеже столетий

Буржуазные реформы 60—70-х гг. были ведущим фактором, повлиявшим на социально-экономическую жизнь российского общества. Во многом они определяли серьезные изменения в культурной жизни города и деревни.

Пореформенное время внесло коррективы в социальный состав городского населения. Росла прослойка торгово-промышленной буржуазии. Появился новый социальный слой — пролетариат, источником пополнения которого было в основном крестьянство и городское мещанство. В массе российских городов мещанство оставалось основным коренным слоем горожан. В конце 90-х гг. оно составляло 10,7% всего населения России, крестьянство — немногим более 84% (данные Всероссийской переписи населения 1897 г.).

В условиях пореформенного времени, когда шла модернизация общества в технической, научной, культурной сферах, образованные люди становились более востребованными. В течение нескольких десятилетий рост грамотности в стране был значительным. Город доминировал в этом процессе. К концу столетия в городах Европейской России умеющие читать и писать составляли 48,9%, причем этот процент был всегда выше, чем по губерниям в целом. Особенно по сравнению с дореформенным временем выросла грамотность в столицах и городах столичных губерний.

Город сосредотачивал также большинство образованных людей. В России в конце XIX в. преобладающим было среднее общее и специальное образование. Среди городских сословий среднее образование имели около 2,5%. Как видно, несмотря на концентрацию в городе слоя образованных людей, основная масса горожан по своим знаниям не поднималась выше уровня элементарной школы.

Процесс демократизации культуры в пореформенное время не мог быть глубоким в силу недостаточно длительного существования в России буржуазной эпохи (немногим более полстолетия), непоследовательности и осторожности политики правительства в сфере просвещения, в частности в сохранении сословности, недостаточном финансировании системы народного образования. Однако эти обстоятельства влияли на интенсивность, но не на сущность процессов, определявших состояние общественно-культурной среды города.

В этот период происходит рост социальной мобильности в обществе, усиливается динамизм общественно-культурной жизни. Отходничество крестьян в город было одним из проявлений этого процесса. А железные дороги меняли само представление людей о пространстве и времени. Сразу после открытия движения по Николаевской железной дороге один из современников делился своими впечатлениями о поездке: «Вся дорога в Москву кажется каким-то сном. Это огромное расстояние, проглоченное в одни сутки, производит в душе смутное впечатление... эта дорога сблизила наши столицы до того, что они поминутно пополняются приезжими и гостями. Ум теряется, представляя себе последствия этого благодетельного сооружения...» Постепенно «чугунка» становилась элементом повседневной жизни.

Не только экономическая необходимость, но и желание пользоваться преимуществами городской жизни поддерживали стремление людей попасть в город. Крестьяне, приезжавшие на заработки, значительно влияли на рост городского населения в конце XIX — начале XX в.

Однако в целом деревенская Россия продолжала доминировать над городской. В конце XIX в. только в столичных губерниях процент горожан по отношению ко всем жителям губернии или приближался к половине (в Московской — 46,7%), или был выше (в Петербургской — 67,3%). В основной массе губерний Европейской России он не превышал 14%. Эти данные отражают тот факт, что в стране в конце XIX в. уровень урбанизационных процессов

был невысоким. Признаки урбанизации, которая меняла профессиональную структуру населения, формировала специфически городской образ жизни и повышала социальную мобильность, проявлялись лишь в столичных городах, возможно, как тенденция и в некоторых губернских центрах.

И тем не менее пореформенный город все больше начинал приобретать значение центра, притягивающего сельскую округу. Губернский город был достаточно «обустроен» в культурном отношении: здесь имелись уездные и городские училища и гимназии, женские и мужские, духовные епархиальные школы, в некоторых городах — духовные семинарии, больница, аптека, общественные бани, гостиница или постоялый двор для приезжих. В каждом губернском городе на средства городской казны содержалась пожарная команда. В уездных городах пожарную безопасность обеспечивали сами горожане. Более оживленной становилась торговля. Открывались новые лавки, магазины, питейные дома, продолжали работать крупнейшие в России ярмарки, например в Нижнем Новгороде. Некоторые губернские города становились крупными торгово-промышленными центрами.

Общественно-культурная жизнь пореформенного города была насыщенной и разнообразной: музеи, театры, публичные библиотеки, многочисленные научные общества, съезды общественных и профессиональных деятелей определяли характер культурной жизни большинства губернских городов. В культурное пространство города органично вписывались здания, специально построенные для театров, музеев, выставочных павильонов (здание театра в Нижнем Новгороде, здания Политехнического и Исторического музеев в Москве).

В городах продолжали устанавливаться памятники в честь знаменательных дат и замечательных людей России. Событием в общественно-культурной и политической жизни страны было сооружение в Новгороде в 1862 г. памятника «Тысячелетие России» (скульптор М. О. Микешин). Праздником русской культуры современники считали открытие в Москве в июне 1880 г. памятника А. С. Пушкину (скульптор А. М. Опекушин).

В столицах и некоторых губернских городах были установлены памятники российским императорам — Екатерине II (1873) и Николаю I (1856—1895) в Петербурге, Александру II (1890—1898) и Александру III (1885) в Москве. Появились памятники Лермонтову в Пятигорске (1889) и в Пензе (1898), Пушкину в Царском

Селе (1899), Глинке в Петербурге (1906), Гоголю и первопечатнику Ивану Федорову в Москве (1909).

В конце XIX в. многие губернские города представляли собой центры культурной жизни. «Духовно-просветительным центром на Волге» был Саратов, где «пульс общественной жизни бился сильнее, чем в других губернских городах». Духовная жизнь Нижнего Новгорода была довольно развитой, Самару сравнивали с быстро растущими городами Америки.

Инфраструктура городского хозяйства становится более сложной и разнообразной. Появляется водопровод, канализация, электрическое освещение в домах и на улицах. Строительство доходных домов в крупных городах вызывало необходимость в водонапорных сооружениях. В городах стали строиться железнодорожные вокзалы, депо, электро- и телефонные станции. Помимо столиц (в Москве еще в XVIII в., в Петербурге — в 1859 г.), водопровод появляется в некоторых крупных городах: Саратове, Ярославле, Твери, Одессе, Шуче, Казани, Самаре, Туле. К 1880 г. водопровод существовал в 36 городах. Его устройство в первую очередь связывалось с опасностью пожаров, которая всегда существовала в деревянном городе. При известном распространении водопровод все же не стал массовым явлением. Водоснабжение с проведением воды в дома в конце столетия было в одном из восьми. Даже в Москве водопроводом были снабжены только 20% зданий.

В массе своей пореформенный город продолжал освещаться масляными или керосиновыми фонарями. В 60-е гг. стали появляться газовые. В 1880 г. в Москве возник вопрос об электрическом освещении. Первоначально электричеством освещалась Красная площадь, Каменный мост, площадь храма Христа Спасителя. Однако число электрических фонарей было незначительным и существенной роли в освещении улиц Москвы они не играли. В начале XX в. только в 85 городах имелось электрическое и газовое освещение, но на окраинах все еще сохранялись керосиновые фонари. Многие из нововведений в городском хозяйстве и благоустройстве города скорее отражали тенденцию, чем реальное состояние дел.

Показателем общественной культуры является городской транспорт. Основным направлением в его развитии был переход от индивидуальных средств передвижения (извозчики, собственные выезды) к общественным. В пореформенном городе преимущественное распространение имел общественный транспорт. С 1864 г.

в Петербурге начинается регулярное движение на городской конно-железной дороге (конке), в 1872 г. конка появилась в Москве. В 80—90-е гг. этот вид общественного пассажирского транспорта был известен во многих провинциальных городах.

В 90-е гг. в некоторых городах появился электрический трамвай: в 1896 г. в Нижнем Новгороде во время работы художественно-промышленной выставки, в 1898 г. — в Курске и Орле, в 1899 г. — в Казани и Москве, в 1907 г. — в Петербурге. К 1917 г. трамвай имелся в 43 городах, в том числе в Ярославле, Твери, Смоленске, Астрахани, Пятигорске, Тифлисе, Ростове-на-Дону.

В конце XIX в. обсуждались проекты строительства метрополитена в Москве и Петербурге. Но в это время они не были осуществлены.

На страницах художественной литературы встречается немало упоминаний, дающих представление о внешнем облике уездного и губернского города. Вот как описывает И. А. Бунин уездный город конца столетия в рассказе «Солнечный удар» (1926): «Отлогий подъем в гору, среди редких кривых фонарей, по мягкой от пыли дороге... в центре мостовая, какая-то площадь, присутственные места, каланча... гостиница... базар на площади с запахом сена, дегтя и всего того сложного и пахучего, чем пахнет русский уездный город». Человека, впервые попавшего из маленького уездного городка в губернский город, поражало многое — движение на улицах, шум конки, вечернее освещение в центре, витрины магазинов, театр. В воспоминаниях Бунина есть очень запоминающаяся, почти зримая картина московского весеннего Арбата: «Неслись, грохотали конки, непрерывно спешили куда-то, навстречу друг другу, люди, трещали извозничьи пролетки, кричали разносчики с лотками на головах».

Очень интересны подмеченные Б. Пастернаком изменения во внешнем облике Москвы на рубеже столетий. Он выразил то, о чем много писали современники: XIX век как бы исподволь подготавливал те бурные изменения, которые переживало общество в начале нового, XX столетия. «В 90-х гг. Москва еще сохраняла свой старый облик живописного до сказочности захолустья с легендарными чертами третьего Рима или былинного стольного города и всем великолепием своих сорока сороков... С наступлением нового века... Москву охватило деловое неистовство первых мировых столиц. Бурно стали строить доходные дома на предпринимательских началах быстрой прибыли».

Социокультурный динамизм XIX в. способствовал активизации культурных процессов, в которые более активно по сравнению с предшествующим временем, вовлекалась деревня. Одним из путей укрепления не только социально-экономических, но и культурных связей деревни и города продолжало быть отходничество.

Уход крестьян из деревни на заработки в город, иногда на длительный срок, приводил к известной ломке традиционных этических норм жизни крестьянского мира, к ослаблению некоторых сторон традиционной культуры и быта, нарушению общепринятых в крестьянской общине норм поведения. Распадались большие патриархальные крестьянские семьи, уступая место малым, состоящим из родителей, детей, родителей мужа или жены. Влияние города сказывалось на росте индивидуализма в крестьянской среде.

Однако крестьянин приобщался к новым условиям и образу жизни, приобретал, часто преодолевая большие трудности, знания, изменявшие его видение и восприятие мира. Поэтому город оказывал на жителя деревни немалое положительное влияние, способствуя расширению его культурного кругозора. Но все эти процессы происходили при сохранении традиционной основы крестьянской культуры.

Предпосылки для культурного взаимодействия города и деревни создавала прежде всего начальная школа, дававшая грамотность и элементарные общеобразовательные и профессиональные знания. С отменой крепостного права впервые появились реальные возможности для развития сельской школы. Как отмечал один из современников, «надо было измениться всем условиям народной жизни, чтобы школы стали действительно потребностью, и это изменение явилось с освобождением крестьян и с возникновением земства. Вот когда не только наступила пора народной школы, но явилась и действительная школа».

Активность общественности в распространении просвещения среди народа проявилась в деятельности земства, комитетов грамотности. Подобные общественные организации стали возникать и в провинциальных городах с целью «способствовать открытию новых школ по учебному и духовному ведомствам». Комитеты грамотности помимо столиц существовали в Нижнем Новгороде, Астрахани, Самаре, Харькове, Томске, Красноярске, Иркутске и других городах России.

В пореформенное время школы грамоты получают широкое распространение в сельской местности. Петербургский комитет

грамотности рекомендовал всем земствам рассматривать эти школы как «наиболее дешевый способ распространения грамотности в России... опыт, возникший из самой жизни». В школах грамоты правительство видело дешевый способ приблизиться к всеобщему обучению. В начале 80-х гг. правительство официально признало существование таких школ как формы начального обучения в селах и деревнях.

Школы грамоты возникали преимущественно в местах развития отходничества, фабричной промышленности, районах, близких к столицам, где в силу новых условий жизни повышался спрос на грамотных людей. Крестьяне, часто содержавшие эти школы, хотели, чтобы их детей учили уже не только читать молитвы, но и считать на счетах, уметь составить прошение или другую деловую бумагу. Старые формы религиозного обучения, уходящие корнями в глубину столетий, сохранялись, как правило, в старообрядческих школах.

В последние десятилетия XIX в. отмечался возрастающий у крестьян интерес к книге, которая попадала в деревню через офицеров, земцев-учителей, живших в деревнях народников. Крестьяне выписывали книги и газеты или брали их из библиотек земских и церковно-приходских школ. Особенностью бытования книги в крестьянской среде было чтение вслух, увлекавшее неграмотных в число слушателей. Преобладали издания духовно-нравственного содержания, но была и беллетристика, литература по сельскому хозяйству.

Распространение сельской школы, несомненно, способствовало росту грамотности среди крестьянства. Однако основная масса крестьян оставалась неграмотной и в конце XIX — начале XX в. Более низкий средний процент грамотных по стране по сравнению с городом давала прежде всего сельская местность (по данным переписи 1897 г., средний по России — 21,4%, в европейской части — 22%, в городах соответственно 45,3 и 48,9%).

Интерес к старинным народным промыслам, появившийся в конце XIX — начале XX в. в среде профессионалов-художников и меценатов, во многом способствовал их возрождению и развитию. Художественными центрами, где создавались благоприятные условия для творчества профессионалов и оказывалась разнообразная помощь художникам-кустарям, стали Абрамцево С. И. Мамонтова в Подмоскowie, Талашкино княгини М. К. Тенишевой в Смоленской губернии, Кустарный музей Московского губернского земства, открытый на средства Сергея Т. Морозова (брата Саввы

Т. Морозова). Здесь работали талантливые художники, скульпторы, музыканты (М. А. Врубель, В. М. Васнецов, С. В. Малютин, В. В. Андреев и др.). Их помощь народным умельцам, собственные творческие искания способствовали сохранению и обновлению художественных традиций народного искусства.

В культурной жизни пореформенного времени система коммуникационных связей, включавшая уже помимо почты телеграф и телефон, приобретала все большее значение, являясь одним из факторов социокультурного динамизма.

Со второй половины XIX в. почта становится средством распространения в провинции газет, журналов, книг. Она значительно облегчала коммерческие сделки: благодаря появившейся системе денежных переводов упрощался процесс пересылки денег, оформление кредитных операций.

Увеличивается число городов и местностей, связанных почтой и телеграфом. В 50-е гг. почтовый обмен — от одного-двух раз в неделю до одного раза в месяц — существовал между 750 городами и поселками. В середине 90-х гг. таких пунктов было около 8 тыс., в 1900 г. — свыше 9 тыс. Увеличивалась интенсивность почтового обмена. Если в 50-е гг. почта приходила ежедневно только в 63 города, то в 1900 г. число городов, в которые почта доставлялась несколько раз в день, составляло две трети всех связанных почтовым сообщением.

В сельской местности почтовая связь развивалась значительно слабее. Появление регулярного почтового обмена в селах и деревнях связано с организацией в 1865 г. земской почты. В конце столетия эта почта действовала в 190 уездах. Однако в силу недостаточного развития грамотности, общественной замкнутости крестьянства почта входила в обиход крестьянской жизни медленно.

Нововведением в почтовом деле стало появление в 1871 г. открытого письма или «открытки». Поскольку текст не был скрыт в конверте, на открытках запрещалось «писать что-либо противное закону». С 90-х гг. стали печатать художественные открытки с видами российских городов, репродукции с картин художников, поздравительные к праздникам.

Развитие почты во второй половине XIX в. характеризуют такие данные: в середине века в России в целом на 100 человек приходилось 21 письмо, в 1900 г. — уже 280. Это отражало не только динамику развития почты, но и ее возрастающее значение в культурной жизни страны. В 1874 г. Россия стала членом Всемирного почтового союза.

Помимо почты, уже известной в прошлые века, в XIX в. появились совершенно новые средства связи — электромагнитный телеграф и телефон.

Создание телеграфа было одним из центральных событий в развитии техники XIX в., основанном на практическом использовании научных открытий в различных областях физики, и прежде всего физики электричества. В России опыты по устройству телеграфа связаны с именами ученых П. Л. Шиллинга и Б. С. Якоби. В 1832 г. Шиллинг создал первый телеграфный аппарат. Его практическое применение началось в 40-е гг. В России, как и в других странах, первоначально телеграф использовался для государственной связи.

Первая телеграфная линия для общего (частного) пользования начала действовать между Москвой и Петербургом в начале 50-х гг. В пореформенное время выросла протяженность телеграфных линий. К концу столетия телеграф действовал в крупных губернских центрах, более чем 90 уездных городах, 517 селениях (включая Сибирь).

Помимо своего прямого назначения как средства быстрой передачи сообщений — правительственных, коммерческих, частных, телеграф служил и для научных целей. В телеграфную сеть были включены все обсерватории для передачи метеорологических сводок, прогноза погоды и необходимых для морских портов научных астрономических исследований. В конце XIX в. в метеорологическую сеть страны было включено 182 телеграфные станции.

В последние десятилетия XIX в. в России появился и получил известное распространение телефон. Первая телефонная линия протяженностью всего в 1 версту соединила в Нижнем Новгороде пристань и городские квартиры директоров пароходного общества «Дружина». В 1882 г. телефонная связь начала действовать в Москве, Петербурге, Орле, Риге. В течение 80-х гг. телефон появился в губернских, некоторых уездных городах.

В 90-е гг. появляются междугородные телефонные линии (в Европе первая телефонная линия Париж—Брюссель была построена в 1887 г.). В 1898 г. телефонная линия связала Петербург и Москву. В прессе отмечалось, что «телефонное сообщение между столицами было сочувственно принято публикой». В первое десятилетие XX в. происходит массовое устройство междугородных телефонных линий.

В целом в течение 80—90-х гг. увеличилось число городов, имевших телефонную связь, и количество абонентов в них. К концу XIX в. телефонная связь существовала в 67 городах, а число абонентов в них доходило до 19 тыс. В 1916 г. в Москве появились телефоны-автоматы.

Развитие техники связи требовало специальных знаний и повышения общей культуры телефониста.

В конце XIX в. стали устанавливаться коммутаторы, позволявшие ускорять работу, но требовавшие более быстрой реакции от работника телефонной станции. Внимание на личные качества работника, необходимые ему «для успешной и правильной передачи и приема депеш», обращалось в специальном Положении о частных телеграфных и телефонных станциях, изданном в 80-е гг. правительством.

В целом насыщенность культурной жизни «социальными проводниками» (к ним известный социолог П. А. Сорокин относил железные дороги, почту, телеграф, телефон) в XIX в. была показателем «интенсивности взаимодействия людей», а следовательно, быстроты обмена разнообразной информацией, что в конечном счете определяло функциональность культуры в общественной жизни.

Развитие системы коммуникационных связей меняло представление человека о времени и пространстве. Географическое пространство переставало совпадать с пространством социальным, которое сокращалось благодаря возможности преодоления его через «социальные проводники». Стремительный скачок в развитии средств связи, в том числе и культурно-информационной системы, происходит уже в XX столетии.

✧ ЗАКЛЮЧЕНИЕ ✧

XIX век был чрезвычайно богат и динамичен в социально-культурном отношении. Наряду с внутренним единством в историко-культурном процессе прослеживаются два периода: до- и пореформенный. К середине века закончилось формирование современного литературного языка, отчетливо выявились основные черты и особенности русской национальной культуры: гуманизм, гражданственность, социальность. Литература приобретает ведущий характер в художественной жизни, становится одной из форм общественного сознания, что было обусловлено, в частности, развитостью форм политической жизни.

Основным носителем культурного потенциала в дореформенный период являлось дворянство. В условиях демократизации культуры, которая была главным содержанием историко-культурного процесса XIX века, особенно пореформенного времени, сформировалась разночинская интеллигенция, усилилось ее участие в создании народной школы, расширении сферы образования и просвещения.

Объективные потребности социально-экономического развития страны ставили перед обществом и государством задачу решения этих проблем.

Контрольные вопросы и задания

- Объясните высказывание Н. М. Карамзина: «Мы зреем не веками, а десятилетиями».
- Назовите произведения литературы, живописи, музыки, в которых нашли отражение события Отечественной войны 1812 года.
- Сравните состояние школьного дела в России в дореформенный и послереформенный период. Почему после реформы 1861 г. народное образование стало развиваться быстрее?
- Охарактеризуйте состояние научного потенциала России в XIX в. Назовите основные научные центры, научные школы.
- Объясните понятие «литературоцентризм» художественной культуры XIX в. Раскройте его содержание.

Раздел IV

РУССКАЯ КУЛЬТУРА
XX века

Двадцатый век...
И неустанный рев машины...
И первый взлет аэроплана
В пустыню неизвестных сфер...
И отвращение от жизни,
И к ней безумная любовь.
И страсть, и ненависть к отчизне...
И черная, земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи...

А. А. Блок

Мы живем в страшную эпоху перелома...
Мы свидетели величайшего исторического
момента, итогов и концов во имя новой
неведомой культуры, которая нами возникает,
но и нас же отметет.

С. П. Дягилев

культура рубежа столетий и первых десятилетий XX в. отразила сложность и противоречивость эпохи, полной острейших социальных конфликтов и политических битв, которые привнесли в общественное и художественное сознание новые черты и особенности.

Вместе с тем это время духовного ренессанса, русского Серебряного века, атмосфера которого отмечена необыкновенным взлетом культуры. Современники, впервые употребившие термин «Серебряный век» (Н. Бердяев, С. Маковский, Н. Оцуп), рассматривали его как образное, мифологическое понятие. В современных культурно-исторических исследованиях понятие «Серебряный век» обозначает определенный этап в истории русской культуры конца XIX — начала XX в., который начался с «эстетического переворота», связанного с «переоценкой ценностей», с изменением соотношения коллективного и индивидуального начал в искусстве.

Анализ общественно-культурной жизни конца XIX в. выявляет разительный контраст в духовной атмосфере по сравнению с предшествующим периодом. На смену настроениям известной стабильности, распространенным в обществе в 80-е гг., приходит психологическая напряженность, ожидание «великого переворота» (Л. Толстой).

С середины 90-х гг. в общественно-политической жизни России вновь начинается подъем, особенностью которого стало широкое либеральное движение, участие рабочих в революционно-демократических выступлениях.

Особенностью общественного сознания этого времени было распространение марксизма, интерес к которому в 90-е гг. как альтернативе народничеству отмечали многие современники. «...Молодежь толпами уходила в марксизм именно потому, — писал В. В. Вересаев, — что он широко открывал двери личному почину и инициативе». Бердяев отмечал, что с возникновением этого течения «очень повысились умственные интересы интеллигенции, молодежь стала читать научные книги, исключительно эмоциональный народнический тип стал меняться под влиянием интеллектуальной струи». Через увлечение новыми политическими идеями прошли многие общественные деятели и ученые (П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков и др.).

Значительной части научной и художественной интеллигенции были присущи религиозно-философские искания. Религиозная философия стала блестящей страницей русской культуры Серебряного века.

Понимание «рубежности», «переходности» времени, переживаемого Россией, было распространено в общественном сознании и среди политиков, и среди художественной интеллигенции. В 1899 г. А. С. Суворин записал в «Дневнике»: «Мы переживаем какое-то переходное время. Власть не чувствует под собой почвы и не стоит того, чтобы ее поддерживать. Беда в том, что общество слабо, общество ничтожно, и может произойти кавардак невероятный».

Ощущение предстоящих перемен и в то же время непонимание реально происходивших событий характерно для символистского круга деятелей культуры. «Время было интересное, — вспоминала З. Н. Гиппиус. — Что-то в России ломалось, что-то оставалось позади, что-то... стремилось вперед... куда? Это никому не было известно, но уже тогда, на рубеже веков, в воздухе чувствовалось. О, не всеми. Но очень многими, в очень многих». Пророческими оказались слова С. П. Дягилева, произнесенные им в 1905 г. на открытии выставки русского портрета в Таврическом дворце в Петербурге: «Мы свидетели величайшего исторического момента, итогов и концов во имя новой неведомой культуры, которая нами возникает, но и нас же отметет».

Революция внесла в общественное сознание гигантскую просветительскую струю, во многом способствовала и политическому, и культурному просвещению народа. Манифест 17 октября 1905 г., даровавший ряд политических свобод, ликвидация цензуры и свобода печати, несомненно, способствовали росту оптимистических настроений.

В среде либеральной интеллигенции активизировалось обсуждение проблем развития и укрепления гражданских основ общественной жизни. В речи на съезде земства в июне 1905 г., обращенной к государю, ректор Московского университета С. Н. Трубецкой говорил: «Нужно, чтобы все Ваши подданные, равно и без различия, чувствовали себя гражданами русскими... видели в России свое отечество. Народное представительство должно служить делу объединения и мира внутреннего».

Революция не прошла бесследно для творчества многих деятелей культуры (А. Блок, А. Белый, В. Серов и др.), более четко определила идейные позиции художественной интеллигенции. В эти годы Д. С. Мережковский писал: «То, что я передумал, а главное, пережил в революционные годы 1905—1906, имело для внутреннего хода моего развития значение решающее».

Особенностью общественно-культурной жизни России рубежа веков было развитие различных объединений деятелей культуры. Идея синтеза искусств, широко распространенная в художественном сознании этого времени, несомненно, способствовала этому, соединяя в поисках новых форм творческой деятельности представителей разных искусств. Эти идеи находили воплощение в таких художественных объединениях, как «Мир искусства», в журналах «Весы» (1904, редактор В. Я. Брюсов) и «Золотое руно» (1906, редактор-издатель Н. П. Рябушинский), в спектаклях общедоступного Художественного театра и Театра Комиссаржевской.

Своеобразным «опытным» полем для синтеза искусств были кружки тех лет. Одним из главных клубов интеллигенции стал Московский литературно-художественный кружок, открытый в 1899 г. по инициативе писателей, артистов, ученых. Он был средоточием культурной и художественной жизни Москвы, его посещали М. Н. Ермолова, А. П. Чехов, К. С. Станиславский, В. Я. Брюсов, М. М. Ковалевский (существовал до 1920 г.).

К 1901 году относится начало Религиозно-философских собраний. Целью их было создание открытого официального общества людей религии и философии для обсуждения вопросов церкви и

культуры. З. Н. Гиппиус писала, что идея этих собраний заключалась «во встрече интеллигенции с Церковью». Синод контролировал собрания, поскольку здесь часто звучала критика официального православия.

Религиозно-философские проблемы обсуждались также на «Ивановских средах», которые проводились на квартире поэта-символиста Вяч. Иванова. С докладами в этих собраниях выступали А. Белый, Блок, Мережковский, Гиппиус, Розанов. Здесь можно было встретить художников — Репина, Бенуа, Нестерова, писателей — Брюсова, Пришвина, Короленко и многих других.

Художественные объединения существовали и в провинции: на рубеже веков их насчитывалось около 30 (в столицах в это время их было немногим более 40).

Наступившая в стране политическая реакция после поражения революции 1905—1907 гг. способствовала распространению консервативно-охранительных настроений в обществе.

В кругах художественной интеллигенции широкое распространение получили идеи «нового религиозного сознания». Одним из пропагандистов «нового христианства» был Д. С. Мережковский. Истоки его взглядов лежали в философской концепции Вл. Соловьева о возможности синтеза религий, культур и победы всемирной теократии. Новое религиозное сознание основывалось на утопической идее, согласно которой новая религия должна была стать главным фактором в нравственном обновлении человека.

Некоторые деятели из среды социал-демократов (А. В. Луначарский, В. А. Базаров) увлеклись богостроительством, пытаясь соединить социализм с религией. В 1908 г. Луначарский выпустил книгу «Религия и социализм», в которой утверждал, что «философия Маркса есть философия религиозная» и научный социализм, воспринимаемый как религия, может обрести величайшую силу. Увлечение богоискательством испытал в эти годы М. Горький.

Серьезными критиками богостроительства выступили Г. В. Плеханов и В. И. Ленин. В 1909 г. Плеханов опубликовал серию статей «О так называемых религиозных исканиях в России», в которых сравнил богостроительство с «душегрейкой для интеллигентских душ, не вынесших ударов 1905—1906 гг.». Ленин пишет в это время свою известную работу «Материализм и эмпириокритицизм».

Культурную атмосферу в России последнего предреволюционного десятилетия прекрасно передала в своих воспоминаниях Е. Ю. Кузьмина-Караваева, входившая в круг символистов, впо-

следствии участница французского Сопротивления, в монашестве — знаменитая мать Мария: «Думаю, не ошибусь, если скажу, что культурная, литературная, мыслящая Россия была совершенно готова к войне и революции. В этот период смешалось все: апатия, уныние, упадничество — и чаяние новых катастроф. Мы жили среди огромной страны, словно на необитаемом острове. Россия не знала грамоту — в нашей стране сосредоточилась вся мировая культура... мы знали философию и богословие, поэзию и историю всего мира, в этом смысле были гражданами вселенной, хранителями великого культурного музея человечества... Мы не жили, мы созерцали все самое утонченное, что было в жизни; мы были в области духа — циничны и не целомудренны, в жизни — вялы и бездейственны. В известном смысле мы были, конечно, революция до революции — так глубоко, беспощадно и губительно перекапывалась почва старой традиции, такие смелые мосты бросались в будущее».

Важнейшей проблемой общественно-культурной жизни этих лет стали взаимоотношения интеллигенции и народа. Многие из деятелей культуры осознали и глубоко переживали тот факт, что в жизни происходило расхождение, непонимание этих двух сил русского общества. Этот вопрос был «самым болезненным, самым лихорадочным» для Блока. «Стоит передо мной моя тема, т е м а о Р о с с и и (вопрос об интеллигенции и народе в частности). Этой теме я сознательно и бесповоротно посвящаю жизнь», — писал он в письме к К. С. Станиславскому в 1908 г. В представлении Блока эти силы всегда противостоят друг другу. Если интеллигенция выступала носителем культуры, то народ был выразителем стихийной, природной силы, в которой поэт видел положительное начало.

В общественно-культурной среде впервые широко обсуждался вопрос о деятельности интеллигенции в годы революции, ее идейном *credo*. В 1909 г. появился сборник «Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции». Авторами его были широко известные публицисты, религиозные философы, литературоведы, принадлежавшие к партии кадетов или близкие к ним по своим взглядам (Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, П. Б. Струве, М. О. Гершензон и др.).

Главным в этом сборнике был вопрос о роли русской интеллигенции в революции, отношении либералов к наследию революционных демократов. Авторы видели характерные черты ее мировоззрения в «противогосударственности» и «безрелигиозности».

В этом они усматривали причину безрезультативности действий интеллигенции и призывали ее «пересмотреть свое мировоззрение», «через покаяние» обрести «новое сознание».

«Вехи» имели огромный общественный резонанс. Только в 1909 г. сборник выдержал четыре издания, в печати появилось более 200 статей, рецензий, откликов, было издано несколько «контрвеховских» сборников, на заседаниях научных, религиозных обществ состоялись десятки публичных диспутов, посвященных обсуждению этих проблем.

Усиление и углубление идейно-культурного размежевания, особенно проявившегося после подавления революции 1905—1907 гг., нашло отражение в известном высказывании В. И. Ленина о «двух культурах» («Критические заметки по национальному вопросу», 1913). Конечно, это высказывание нельзя понимать как реальное разрушение, распад национальной культуры. Речь в данном случае идет о наличии в общественно-культурной жизни двух антагонистических идеологий, в которых выражалась глубина социальных противоречий, классового противостояния, присущих данной эпохе.

Глава 9

Культура на рубеже столетий

9.1. Народное образование и просвещение

В новый век Россия вступала с системой начального, среднего и высшего образования, сложившейся в пореформенное время.

Подавляющее большинство (94%) начальных школ были одноклассными училищами с курсом обучения в один-три года. За влияние на начальную школу боролись две основные силы: официальная, включая церковь, и общественная — в лице земства. Правительство стремилось уменьшить это влияние в школьном образовании. Так, в 1900 г. Министерство народного просвещения предложило увеличить ассигнования на начальные училища с одновременным усилением административного контроля в земских школах. Но ни одно земство на это не согласилось.

Практика показала, что лучшим типом начальной школы по-прежнему оставались земские училища, более всего отвечав-

шие задачам начального образования: развить мышление, приобщить детей к самому процессу учения.

Кардинальной проблемой в начале века стало всеобщее начальное обучение. В Западной Европе уже в последней четверти XIX в. была достигнута полная грамотность населения. На рубеже XIX—XX вв. там начался переход ко всеобщему неполному среднему образованию в объеме 7—8 классов.

В условиях экономического и общественного подъема в России конца XIX — начала XX в. вопрос о всеобщем начальном обучении нашел положительный отклик в различных слоях общества. Во время революционных событий 1905—1907 гг. Министерство народного просвещения было вынуждено внести во II Государственную думу проект закона «О всеобщем начальном обучении в Российской империи». Однако силу закона он так и не получил. В результате его обсуждения выяснилось, что даже достаточно широкая сеть земских и церковно-приходских школ была не в состоянии охватить всех детей школьного возраста. Грамотность населения старше 8 лет в России в начале XX в. составляла около 40%, т. е. больше половины населения, в основном крестьянство, оставалось неграмотным. Продолжало сохраняться различие в числе грамотных среди городских и сельских жителей. По данным хозяйственной переписи 1918 г., в России насчитывалось около 64% грамотных рабочих и примерно 30% — крестьян. Вопрос о всеобщем начальном обучении в дореволюционной России разрешения не получил. Однако стремление к знаниям в народе было примечательной чертой культурной жизни страны.

В 1900 г. Министерство народного просвещения закрепило трехлетнее обучение в начальной школе. В 1901—1904 гг. многие земства приняли решение об его увеличении до четырех лет, что было также узаконено министерством в 1910 г. Крестьяне и рабочие — учащиеся воскресных школ, неоднократно высказывали пожелания о расширении объема программы, введении в нее новых предметов, в чем находили поддержку у учителей и демократической общественности. Уступая им, в 1910 г. министерство ввело в программу начальной школы отечественную историю. Таким образом, развитие народного образования, распространение просвещения в России происходили во многом благодаря деятельности демократической и либеральной интеллигенции.

В начале XX в. заметно увеличилось число средних учебных заведений, основной формой которых продолжали оставаться клас-

сическая гимназия и реальное училище. Если в 90-е гг. XIX в. число средних общеобразовательных школ составляло 898 (624 мужских и 274 женских), то к 1915 г. их насчитывалось 1798 (797 мужских и 1001 женских). Преобладание женских училищ объясняется тем, что многие мальчики обучались в коммерческих, технических, кадетских училищах, не входивших в ведомство Министерства народного просвещения.

Подготовка учителей начальной школы, как и прежде, происходила в учительских семинариях. К 1917 г. насчитывалось немногим более 170 семинарий, из них подавляющая часть (145) были мужскими. Учительские институты (в 1917 г. их было 47) сохраняли значение основных центров подготовки кадров для городских и уездных училищ. Учителей для гимназий в основном готовили университеты. К концу 90-х — началу 900-х гг. в постановке педагогического образования наметились некоторые изменения, открылось несколько высших педагогических заведений.

Университеты сохраняли значение наиболее фундаментальной формы высшего образования. Их число увеличилось. В 1909 г. в Саратове открылся университет с единственным медицинским факультетом. Расширился Новороссийский университет, в 1900 г. здесь также открылся медицинский факультет. Некоторые коррективы в географию университетского образования внесла Первая мировая война. Варшавский университет был эвакуирован, и на его основе в Ростове-на-Дону в 1915 г. создан Ростовский; Юрьевский (Дерптский) университет был переведен в Воронеж, где в 1915 г. открылся как Воронежский; в Перми появилось отделение Петроградского университета, получившее в мае 1917 г. университетский статус. В этот период окончательно закрепились семинарская и практическая — лабораторная — формы занятий. Произошел рост числа студентов. Если в 90-е гг. обучалось 14 тыс. студентов, то в 1905 г. — 24,5 тыс., в 1907 г. — 35,3 тыс., в 1916 г. — больше 38 тыс. студентов.

Политика правительства в отношении университетов отличалась двойственностью: репрессии против студенческих выступлений и свободомыслящей профессуры происходили одновременно с обсуждением проектов новых уставов, временно университетам была возвращена автономия. Однако после поражения революции 1905—1907 гг. были восстановлены положения устава 1884 г. Несмотря на противоречия в политике правительства, рубеж веков и первое десятилетие XX в. озаменовались большими изменениями, в чем немалую роль сыграли университеты. К этому вре-

мени в них работало около 2 тыс. профессоров и преподавателей. Они участвовали в создании новых образовательных учреждений — курсов для рабочих, народных университетов, в издании книг серии «Библиотека для самообразования». В ней публиковались труды из различных областей знания, методические руководства по изучению научных дисциплин.

Огромную роль играли научные съезды, где обсуждались не только узкопрофессиональные вопросы, но поднимались общественно значимые проблемы. Именно поэтому съезды ученых имели большой резонанс в обществе.

Роль университетов как нельзя лучше отражают слова идеолога российского либерализма К. Д. Кавелина: «Куда ни обратитесь — на всех возможных поприщах, во всевозможных общественных положениях, везде работают питомцы университетов... в верности службы, в любви к Отечеству, в способностях, в знании они никому не уступают».

Примечательным явлением было распространение частных учебных заведений (Психоневрологический институт, 1908 — ныне имени В. М. Бехтерева; Вольная высшая школа П. Ф. Лесгафта и др.). В этих институтах преподавали видные русские ученые — В. М. Бехтерев, И. П. Павлов, М. М. Ковалевский, С. А. Венгеров, В. И. Семевский, Е. В. Тарле и другие, многие из которых работали безвозмездно.

В начале XX в. заметно расширилась сфера высшего женского образования. К этому времени насчитывалось около 30 высших женских учебных заведений. В 1903 г. в Петербурге открылся Женский педагогический институт. В 1904 г. Петербургский женский медицинский институт был приравнен в правах к медицинским факультетам университетов. Его выпускницы имели звание лекарей (врачей) и право на получение степени доктора медицины.

Продолжали свою работу Высшие женские курсы. В 1908 г. вновь открылись курсы В. И. Герье, в Москве начали работать Высшие сельскохозяйственные курсы, которыми руководил Д. Н. Прянишников. Высшие курсы открывались в провинциальных городах — Одессе, Харькове, Казани, Саратове и др. Все они содержались на частные и общественные средства.

Правительство вынуждено было признать права женщин на высшее образование и в 1911 г. приняло закон, по которому выпускницы Высших курсов получали наравне с мужчинами все права, которые давал диплом об окончании высшего учебного заведения. В 1912 г. прошел Первый Всероссийский съезд по

женскому образованию, который, в частности, принял резолюцию о совместном обучении в вузах. В 1915 г. в некоторых университетах (в Казанском и Саратовском) было разрешено обучение женщин.

Важную роль в просвещении народа продолжали играть различные внешкольные учебные и культурно-просветительные учреждения для взрослых. Наиболее известными были Пречистенские рабочие курсы в Москве, открытые в 1897 г. на средства В. А. Морозовой, владелицы Тверской мануфактуры. Слушатели учились на трех отделениях, программа которых соответствовала низшей, средней и высшей школе. Среди преподавателей курсов были такие ученые, как И. М. Сеченов, В. П. Волгин, В. И. Пичета.

В годы революции возникли народные университеты и просветительские рабочие общества. В 1906 г. и последующие годы народные университеты были созданы в столицах, некоторых губернских и уездных городах — Нижнем Новгороде, Уфе, Воронеже, Твери. В 1908 г. на средства либерального деятеля народного образования А. Л. Шанявского был открыт Московский городской народный университет. Обсуждение в Государственной думе вопроса о его создании вызвало резкую критику правых депутатов. «Если мы санкционируем почин Шанявского, — заявил лидер правых В. М. Пуришкевич, — то разрушим в конце концов Россию». Однако Дума приняла Положение о народном университете.

Университет Шанявского сыграл видную роль в демократизации высшего образования в России. В него мог поступить каждый, достигший 16 лет, вне зависимости от социального положения, вероисповедания, пола. Обучение осуществлялось по вечерам на двух отделениях: научно-популярном (в объеме гимназии) и академическом. Окончившие получали диплом о среднем и высшем образовании. В 1913—1914 гг. в Шанявском университете учился Сергей Есенин.

Преподавание вели известные профессора — П. Н. Лебедев, А. Н. Реформатский, Ю. В. Готье и др. В 1919 г. основные кафедры университета Шанявского вошли в состав Московского университета.

С 90-х гг. получила распространение такая форма культурно-просветительной работы, как народные дома. Это были своеобразные клубы с библиотекой, читальней, театрально-лекционным залом, даже чайной и торговой лавкой. При некоторых

народных домах устраивались воскресные школы. Широкую известность приобрел Лиговский народный дом графини С. В. Папиной в Петербурге.

В развитии культурно-просветительной сферы продолжали сохранять свое значение газеты, журналы, книги. Их производство наряду с книжной торговлей приобретало в России в начале XX в. характер крупного капиталистического предпринимательства. Совершенствовалось типографское дело, типографии оснащались новыми машинами, внедрялось электричество, почтовые сообщения заменялись телеграфной и телефонной связью, что значительно ускоряло поступление информации в редакции.

Главные центры книжного дела по-прежнему были сосредоточены в Москве и Петербурге, где выпускалось до 2/3 всей печатной продукции. По количеству издаваемых книг Россия в первое десятилетие XX в. занимала третье место в мире после Германии и Японии. В начале века выпускалось 125 легальных газет, через 12 лет — уже более 1000, из них 827 газет на русском языке.

Среди журналов большую популярность приобрели еженедельники, особенно «Нива» А. Ф. Маркса, издававшаяся с 1870 г. Это был самый распространенный тонкий журнал дореволюционной России. Его тираж, не превышавший вначале 9 тыс., к 1900 г. достиг 235 тыс. экземпляров. Одним из лучших российских педагогических журналов был «Вестник воспитания» (1890—1917). В журнале, демократическом по своей направленности, особое внимание уделялось вопросам начального, дошкольного и внешкольного образования, развитию детской литературы.

Революция 1905 г. ликвидировала на некоторое время цензуру. После Манифеста 17 октября политические газеты впервые стали печататься без предварительной цензуры. Годы первой революции были временем развития сатирической журналистики, в это время выходило около 400 сатирических и юмористических журналов («Зритель», «Пулемет», «Жупел» и др.). В «дни свободы» 1905 г. в Петербурге М. Горький стал издавать газету «Новая жизнь», на страницах которой впервые появилась ленинская статья «Партийная организация и партийная литература».

Отличительной чертой времени было издание научно-популярной литературы для народа. В 1899 г. издательство Ф. Ф. Павленкова выпустило «Научно-популярную библиотеку по естествознанию», серию из 40 книг. До 1917 г. она выдержала 5 изданий.

Распространению книг и журналов продолжали во многом способствовать библиотеки, особенно в провинции. Много сделало для развития библиотечного дела земство. Из 10 тыс. общественных народных библиотек, существовавших в 1904 г., около 4,5 тыс. были организованы земством, в основном в сельской местности. В начале XX в. (данные 1914 г.) в России было около 76 тыс. библиотек, большинство из которых находилось при гимназиях, городских училищах и земских школах (до 78%). Общедоступные или публичные библиотеки существовали в виде коммерческих, народных библиотек, кабинетов для чтения.

В целом, несмотря на известное распространение просвещения в обществе, уровень образованности в России в массе народа оставался элементарным, в объеме начальной школы. Больше половины населения страны оставалось неграмотным. Решение этой проблемы было важнейшей задачей общества и государства.

9.2. Наука

В начале XX в. развитие русской науки определяли многие факторы социально-экономической и общественно-политической жизни, состояние естествознания и философии в мире. Академия наук с разветвленной системой научных институтов, университеты с многочисленными научными обществами, всероссийские съезды ученых продолжали сохранять значение основных центров консолидации научных сил страны. Издание научно-популярной литературы, периодических изданий («Вокруг света» (1861), «Природа» (1912), «Научное обозрение» (1894) и др.), публичные лекции известных русских ученых содействовали распространению научных знаний.

В начале века в России на базе уже имевшихся достижений математики и механики получили значительное развитие новые области науки: воздухоплавание и электротехника. Исследования Н. Е. Жуковского, создателя гидро- и аэродинамики, послужили теоретической основой, на которой возникла современная авиационная наука.

В начале столетия авиационной промышленности в России практически не существовало. Несмотря на то что в конце XIX в. был сконструирован русский самолет, правительство предпочитало покупать иностранные. Успехи в развитии отечественной авиации связаны с именами русских ученых и конструкторов — И. И. Сикорского и Б. Н. Юрьева. В 1913 г. на Русско-Балтийском заводе в Петербурге Сикорским был сконструирован многомотор-

ный самолет «Русский витязь», который стал родоначальником пассажирских авиакомпаний и транспортных самолетов. Вместе с Юрьевым он теоретически разработал и сконструировал вертолет (1911). За эту работу они получили золотую медаль на Международной выставке по воздухоплаванию (1912).

Успехи авиации в России нельзя представить без П. Н. Нестерова, С. И. Уточкина и Г. Е. Котельникова, который в 1911 г. изобрел авиационный ранцевый парашют.

Продолжалась научная деятельность К. Э. Циолковского. В 1903 г. в журнале «Научное обозрение» ученый опубликовал статью «Исследование мировых пространств реактивными приборами», в которой изложил теорию движения ракет. Последующие его труды, особенно «Реактивный прибор как средство полета в пустоте и атмосфере» (1910), работы о космических полетах (1911—1914) также разрабатывали эту проблему. Своими исследованиями Циолковский заложил теоретические основы космических полетов, открыл человеку путь в космос.

На рубеже XIX—XX вв. в мировой науке, особенно в области физики, были сделаны важнейшие открытия: обнаружены рентгеновские лучи и радиоактивность, делимость атома и возможность превращаемости элементов, теоретический синтез. В результате этих открытий появились новые науки — геохимия, биохимия, биогеохимия и др. Была определена относительность таких понятий, как пространство и время (теория относительности), разработаны новые концепции наследственности, которые впоследствии были положены в основу генетики.

Русские ученые внесли свой вклад в исследование новейших проблем естествознания. П. Н. Лебедев, создатель русской научной школы физиков, экспериментально доказал существование давления света, возможность измерения его величины. Его работы сыграли большую роль в разработке теории относительности, квантовой теории и астрофизики. Б. Б. Голицын, крупный ученый-физик, по праву считается основоположником сейсмологии как науки. В 1911 г. он был избран президентом Международной сейсмологической организации.

Трудами В. И. Вернадского в России были заложены основы новых наук — биохимии, биогеохимии, радиогеологии. Вернадского-ученого отличали широта интересов, постановка кардинальных научных проблем, научное предвидение. Замечательный русский естествоиспытатель интересовался также проблемами общественной жизни, философией и ее ролью в развитии знания.

Мировое признание получили работы ученого-физиолога — И. П. Павлова. Он создал учение об условных рефлексах, дал материалистическое объяснение высшей нервной деятельности человека и животных. В 1904 г. за исследования в области физиологии пищеварения Павлову — первому из русских ученых — была присуждена Нобелевская премия. В дореволюционное время (1908) еще один русский ученый — И. И. Мечников — был удостоен этой международной награды за исследование проблем иммунологии и инфекционных заболеваний.

Развитие естествознания в начале XX в. определило важные мировоззренческие сдвиги в общественном сознании. Происходили коренные изменения в представлениях об окружающем нас мире: новые открытия в науке рождали мысли об «исчезновении материи». Естественнаучный, стихийный материализм с его метафизическими принципами познаваемости мира, на позициях которого находилось большинство ученых, не давал правильного теоретического объяснения всех открытых наукой фактов. Это способствовало широкому распространению философского идеализма.

Общественные науки испытывали большое влияние процессов, происходивших в естествознании. В. И. Вернадский записал в дневнике в 1909 г.: «В эти годы... в мировом научном движении... происходит полная революция в представлениях о веществе, начинается не менее глубокое изменение в науках о жизни».

В области гуманитарных наук было немало крупных ученых, с именами которых связаны серьезные научные исследования (экономист и историк М. И. Туган-Барановский, историки С. Ф. Платонов, Н. П. Павлов-Сильванский, В. И. Семеvский, литературоведы С. А. Венгеров, А. Н. Пыпин, библиограф Н. А. Рубакин и др.). Значительно больший интерес стал проявляться к изучению социально-экономической истории России. Однако в большинстве случаев ученые не выходили за пределы позитивизма и буржуазного экономизма.

В начале XX в. появляются исследования, написанные под влиянием марксизма. В пятитомной работе М. Н. Покровского «Русская история с древнейших времен» (1910—1913), в некоторых других его исследованиях была сделана попытка изложить события русской истории с марксистских позиций. Однако взгляды этого ученого, формировавшиеся под воздействием экономического материализма, не были лишены ошибок, отразившихся в его исторических оценках и некоторых теоретических установках.

Влияние марксизма испытали и некоторые историки литературы и искусства (Е. А. Соловьев-Андреевич, В. М. Фриче, П. С. Коган).

Время рубежа столетий связано в России с развитием идеалистической философской мысли. Данное направление всегда было преобладающим на университетских кафедрах. Материализм, как правило, оставался идейной основой русских ученых-естествоиспытателей, последователей учения Ч. Дарвина.

Широкое распространение философского идеализма в конце XIX — начале XX в. имело антидарвиновскую направленность.

Одной из форм научной мысли и интеллектуального творчества стала русская религиозная философия, отличавшаяся глубоким своеобразием и богатством идей. Развитие ее связано с именами таких мыслителей, как Вл. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, Е. Н. Трубецкой, П. А. Флоренский. В трудах религиозных философов поиски «нового религиозного сознания», утверждение примата духовности и наступление всемирной теократии посредством создания «вселенской церкви» отражали сложность и противоречивость интеллектуальной и идейной жизни русского общества этого периода.

Религиозная философия была одним из проявлений духовного ренессанса Серебряного века и оказала влияние на многие области культуры.

9.3. Художественная культура Серебряного века

Художественная культура рубежа веков — одна из интереснейших страниц в культурном наследии России. В ней отразились социальная и идейная острота эпохи, «рубежность» общественного сознания, возросший интерес к личности, к ее духовному миру и, наоборот, снижение интереса к проблеме социальности в искусстве.

Общественно-политическая обстановка в стране, идейно-нравственная атмосфера оказывали несомненное влияние на художественную жизнь, творческие искания, свойственные как отдельным деятелям культуры, так и целым направлениям. Это был период обновления разнообразных видов и жанров художественного творчества, переосмысления, «всеобщей переоценки ценностей» (М. В. Нестеров).

Новые явления в искусстве конца XIX — начала XX в. были своеобразной реакцией на реализм, преобладавший в художественной культуре XIX в. Среди таких явлений было декадентство (фр. *décadence* — упадок), отмеченное настроениями безнадеж-

ности, неприятия жизни, индивидуализма. «Декадентство» — понятие мировоззренческое, возникшее на переломе жизни общества, и, по мнению одного из теоретиков символизма, А. Л. Волынского, «явилось реакцией искусства против материализма». Как характерное веяние времени оно не может быть отнесено целиком к какому-нибудь одному течению в искусстве. Декадентские направления захватили деятелей различных художественных направлений, в том числе и реалистического. Однако чаще эти идеи были присущи модернистским течениям.

Понятие «модернизм» (фр. *moderne* — новейший, современный) включало явления литературы и искусства начала XX в., новые по сравнению с реализмом предшествующего столетия.

Однако и в реализме этого времени появляются новые художественно-эстетические качества: расширяются «рамки» реалистического видения жизни, идет поиск путей художественного самовыражения личности. Характерными чертами искусства становятся синтез, опосредованное отражение жизни в отличие от критического реализма XIX столетия с присущим ему конкретным отображением действительности. С этой особенностью искусства связаны широкое распространение неоромантизма в литературе, живописи, музыке, рождение нового сценического реализма.

Русская литература продолжала играть исключительно важную роль в культурной жизни страны. В эти годы еще плодотворно работал Л. Н. Толстой. В 1899 г. был опубликован его последний роман «Воскресение», в котором протест против общественного зла и социальной несправедливости звучал остро и гневно. Толстой не принял и не поддержал модернизм в искусстве.

На рубеже веков лучшие произведения создал А. П. Чехов: повести и рассказы («Моя жизнь», «Мужики», «Дом с мезонином», «Дама с собачкой», «Невеста» и др.), а также драмы, поставленные на сцене Художественного театра. В творчестве писателя отражалась «до ужаса простая» и сложная жизнь России. Чехов не был сторонником определенной системы общественно-политических воззрений, но его литературные произведения несли в себе ожидание новой, лучшей жизни. «Геперешняя культура, — писал он в 1902 г., — это начало работы во имя великого будущего».

В 90-е гг. начался творческий путь М. Горького. Свой первый рассказ «Макар Чудра» он опубликовал в 1892 г. в газете «Тифлисский вестник». Вышедшие в конце 90-х гг. «Очерки и рассказы»

принесли писателю широкую известность. Героическая романтика молодого Горького была гимном «безумству храбрых», отражала демократические революционные настроения. В произведениях, написанных в это время («Старуха Изергиль», «Челкаш», «Девушка и Смерть», «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике»), он воспевал гордого, свободного человека, любовь как источник жизни, бесстрашие тех, кто звал к борьбе и был готов отдать жизнь за свободу.

В эти годы в русскую литературу пришли молодые писатели. В 1893 г. в журнале «Русское богатство» появился первый рассказ И. А. Бунина «Танька». В 1897 г. вышел сборник его рассказов «На край земли», посвященный горькой участи крестьян-переселенцев. В конце 90-х гг. появляются первые значительные произведения А. И. Куприна («Олеся», «Молох»).

И. А. Бунин и А. И. Куприн — крупнейшие писатели русской реалистической литературы XX в. Бунин в доэмигрантский период написал такие замечательные произведения, как «Деревня» (1910), «Суходол» (1911), в которых «говорила» страдающая и думающая деревенская Россия. Писатель не скрывал своей «великой грусти» по поводу исчезновения старого уклада жизни. Большой общественный резонанс имела повесть Куприна «Поединок» (1905), в которой автор описывал картины не только разложения армии, но и разлада общественной жизни.

Основные силы писателей-реалистов группировались вокруг книгоиздательского товарищества «Знание» (1898—1913). В 1900 г. с этим издательством начал сотрудничать Горький, став одним из его руководителей (с 1902 г.). К участию в сборниках товарищества он широко привлекал молодых и уже известных писателей.

Одним из новых явлений литературы XX столетия стала пролетарская поэзия, в которой зазвучала тема борьбы рабочего класса. Ее особенностью были социальный оптимизм и романтический пафос. Сами поэты рассматривали свое творчество лишь как «предтечу» литературы будущего. В 1914 г. вышел в свет «Первый сборник пролетарских писателей» под редакцией М. Горького.

Тема пролетария входит в литературу. В 1906 г. М. Горький пишет драму «Враги», роман «Мать», в которых формулирует новые эстетические принципы воспроизведения жизни. В одном из писем к А. П. Чехову он отмечал необходимость утверждения «героического реализма», который не только изображал бы жизнь, но и был «выше ее, лучше, красивее».

В условиях «наэлектризованности» (П. Д. Боборыкин) общественной жизни накануне революции чрезвычайно возросла роль театра. Открытие в 1898 г. общедоступного Московского Художественного театра (МХТ) стало событием большого культурного значения. 14 октября 1898 г. на сцене театра «Эрмитаж» состоялось первое представление пьесы А. К. Толстого «Царь Федор Иоаннович».

У истоков нового театра стояли К. С. Станиславский и В. И. Немирович-Данченко. В своей речи, обращенной к труппе при открытии театра, Станиславский особенно подчеркивал необходимость демократизации театра, сближения его с жизнью. «Мы приняли на себя дело, — говорил он, — имеющее не простой, частный, а общественный характер. Мы стремимся создать первый разумный, нравственный общедоступный театр, и этой высокой цели мы посвящаем свою жизнь». Художественный театр стал одним из центров прогрессивного театрального движения, формирования новых принципов актерского искусства, режиссуры, оформления спектаклей. Синтез искусств был одной из характерных черт сценического реализма этого времени.

Подлинное рождение Художественного, по-настоящему нового театра состоялось при осуществлении постановки чеховской «Чайки» в декабре 1898 г., которая с тех пор является символом театра. Современная драматургия Чехова и Горького составила основу его репертуара в первые годы существования. Принципы сценического искусства, выработанные Художественным театром и являвшиеся частью общей борьбы за новый реализм, оказали большое влияние на театральную жизнь России в целом.

В 1902 г. архитектором Ф. О. Шехтелем на средства крупнейшего мецената С. Т. Морозова здание МХТ было перестроено (ныне — здание Московского Художественного академического театра имени А. П. Чехова).

Смелая, революционная программа имела большой общественный резонанс, вызвала многочисленные выступления театроведов, по-разному оценивавших это события культурной жизни. К рождению нового театра критически отнеслись консервативные круги, выразителем которых была газета «Новое время». Театральных новаций не приняли и представители символизма. В. Я. Брюсов в статье «Ненужная правда» (журнал «Мир искусства», 1902) доказывал бессмысленность и бесплодность стремлений передать на сцене «правду жизни». Примерно в это время формируется эстетика условного театра, связанная с экспериментами

В. Э. Мейерхольда в области сценического искусства. Выразителем этих исканий стал Брюсов.

В канун первой российской революции, в 1904 г., в Петербурге открылся Театр Комиссаржевской. Огромный успех на его сцене имели пьесы Горького «Дачники» и «Дети Солнца». Драматург вновь поставил перед русской интеллигенцией вопрос о ее судьбах, о связи с народом, показал то идейное размежевание, которое происходило в ней под влиянием накаленной атмосферы предреволюционных лет. Власти запретили постановку «Дачников» после событий 9 января 1905 г.

В 90-е гг. в России появился кинематограф, почти одновременно с изобретением его во Франции братьями Люмьер. Первые видовые и хроникальные фильмы демонстрировались в мае 1896 г. сначала в Петербурге в увеселительном саду «Аквариум», а через несколько дней — в саду «Эрмитаж» в Москве.

Первый русский кинопредприниматель А. А. Ханжонков в 1907—1908 гг. начал производство отечественных игровых фильмов, построил в Москве кинофабрику, ряд кинотеатров, в том числе «Художественный» и «Москва» (ныне — Дом Ханжонкова). Среди первых игровых отечественных фильмов были «Пиковая дама» (1916), «Отец Сергей» (1918) режиссера Я. А. Протазанова.

Существенные изменения произошли в музыке. Открытие консерваторий в Саратове, Одессе, Киеве наряду с уже действовавшими в Москве и Петербурге свидетельствовало об успехах музыкального образования в стране, повышении уровня профессионального мастерства музыкантов и композиторов. Появились формы «внешкольного образования»: в 1906 г. в Москве при содействии С. И. Танеева была открыта Народная консерватория, в следующем году организован Дом песни, ставивший целью пропаганду новых идей в музыке.

В творчестве композиторов происходил известный пересмотр музыкальных традиций, повышался интерес к внутреннему миру человека, к философско-этическим проблемам. «Знамением времени» стало усиление лирического начала в музыкальных произведениях. Н. А. Римский-Корсаков — главный хранитель творческих принципов Могучей кучки — написал полную лиризма оперу «Царская невеста» (1898).

Новые черты русской музыки начала XX в. нашли наибольшее выражение в творчестве С. В. Рахманинова и А. Н. Скрябина. Они были выпускниками Московской консерватории и с первых шагов в искусстве заявили о себе как талантливые композиторы и пиани-

сты. Обладая ярко выраженной творческой индивидуальностью, Рахманинов вместе с тем следовал в своей музыке традициям русской классики. Во многом он был прямым музыкальным наследником П. И. Чайковского.

Сложный идейно-художественный мир Скрябина отличался новаторством и глубоким философским содержанием. Лучшие симфонические произведения были созданы композитором под впечатлением революционных событий начала XX в. Гимном революции стала его Третья симфония («Божественная поэма»), первое исполнение которой состоялось в январе 1905 г. под управлением венгерского дирижера А. Никиша.

В начале XX в. центрами музыкальной жизни России оставались Мариинский и Большой театры. Однако основные достижения оперного искусства этого времени связаны с деятельностью частной оперы в Москве (С. И. Мамонтова, а затем — С. И. Зимина). На сцене Московской частной русской оперы Мамонтова в полную силу раскрылся талант выдающегося певца и актера Ф. И. Шаляпина. «В русском искусстве Шаляпин — эпоха, как Пушкин», — писал Горький.

Русская вокальная школа дала немало замечательных певцов, среди которых звездами первой величины были Ф. И. Шаляпин, Л. В. Собинов, А. В. Нежданова.

На рубеже столетий сложные процессы происходили в изобразительном искусстве. Товарищество передвижников оставалось одной из основных творческих организаций художников России. Многие из передвижников испытали воздействие революционного движения (Н. А. Касаткин, С. В. Иванов, И. И. Бродский и др.). Н. А. Касаткин обращался к изображению жизни и труда рабочих («Углекопы. Смена», «Сбор угля на шахте», «Рабочий-боевик»). В его картинах присутствует новый взгляд на рабочего, свободный от народнического «чувства долга». Пролетариат воспринимается как деятельная и активная, самостоятельная сила в общественно-политической жизни.

Продолжали устраиваться выставки передвижников, последняя из которых (48-я) состоялась в 1924 г. Однако на рубеже веков передвижничество с его обостренным интересом к социальным проблемам, конкретно-историческим образам уже не могло служить художественным идеалом.

Искания в русской живописи, характерные для этого времени, связаны с творчеством таких художников, как М. А. Врубель, К. А. Коровин, М. В. Нестеров, В. А. Серов. Эти поиски носили

различный характер. Фантастический, сказочный мир, тяготевший к символическому, открыл Врубель. Тема Демона, в течение многих лет волновавшая художника, воплощала неудовлетворенность, тоску и гнев мятущегося человека. Импрессионизм получил наибольшее развитие в творчестве Коровина («Зимой», 1894; «У балкона», 1888—1889). Религиозно-этические настроения свойственны картинам раннего Нестерова («Видение отроку Варфоломею», 1889—1890). Поэтизацию человеческой личности, «отрадное» мы чувствуем в полотнах раннего Серова («Девочка с персиками», 1887; «Девушка, освещенная солнцем», 1888). Его творчество ознаменовало поворот от критического реализма передвижников к «реализму поэтическому».

В. А. Серов — крупнейший художник рубежа столетий. Жанр портрета был основным в его творчестве, хотя он писал и пейзажи, и исторические картины. Ученик Репина, он во многом унаследовал и развил присущий этому мастеру глубокий художественный психологизм. Портреты, созданные художником в последние годы его жизни (1905—1911), — важнейший итог развития портретного жанра, одно из наивысших достижений русского реалистического искусства (портреты М. Горького, Ф. И. Шаляпина, М. А. Ермоловой, И. А. Морозова, О. К. Орловой, Николая II).

Для творчества художников, композиторов этого времени характерен повышенный интерес к народной культуре Древней Руси (В. М. Васнецов, Н. К. Рерих, И. Я. Билибин, И. Ф. Стравинский). Широко были известны такие художественные центры, как Абрамцево под Москвой С. И. Мамонтова; Талашкино в Смоленской губернии, принадлежавшее М. К. Тенишевой. Здесь были возрождены и развивались многие народные промыслы, работали художники, скульпторы, музыканты.

Появление «Мира искусства» также было связано с идейно-художественными исканиями в русской живописи. Возникло это объединение в конце 90-х гг. в Петербурге. Из кружка молодых «любителей изящного» «Мир искусства» вырастает в крупное явление художественной культуры. Название кружку дал журнал, издававшийся с 1899 г. на средства княгини М. К. Тенишевой. Впоследствии материально изданию помогал В. А. Серов.

К мирискусникам принадлежали художники А. Н. Бенуа, К. А. Сомов, М. В. Добужинский, Л. С. Бакст, Е. Е. Лансере, музыкальный критик В. Ф. Нувель, публицист, близкий символистам, Д. В. Filosoф, С. П. Дягилев — театральный и художественный деятель с блестящими организаторскими способностями.

Он активно содействовал устройству художественных выставок, ставших примечательной чертой общественно-культурной жизни России. На них широко экспонировались произведения не только отечественных, но и зарубежных мастеров. Огромный интерес вызывало искусство художников Финляндии, скандинавских стран. Выставка русских и финских художников, организованная Дягилевым в 1898 г., определила в основном художественную платформу будущих мирискусников.

Художники «Мира искусства» провозгласили новые эстетические принципы, отвергнув как салонность академизма, так и тенденциозность передвижничества. Намерение искать новые пути в творчестве, стремление преобразовать жизнь посредством искусства объединило вокруг него и тех художников, которые непосредственно к этому объединению не принадлежали (Серов, Врубель, Нестеров). «Мир искусства» — широкое культурно-эстетическое движение, которое захватило архитектуру и скульптуру, поэзию, оперное и балетное искусство, художественную критику и искусствознание.

В культурной жизни страны начала XX в. это объединение сыграло важную просветительскую роль. Оно вновь открыло для людей начала XX в. значительные художественные явления прошлых эпох, особенно XVIII и начала XIX в., забытые или неверно истолкованные в бурную передвижническую эпоху.

Мирискусники «открыли» для современников имена Рокотова, Левицкого, Кипренского, Венецианова, Ф. Толстого. Большое культурное значение имела выставка портрета, организованная А. Н. Бенуа и С. П. Дягилевым в 1905 г. в Таврическом дворце, где экспонировалось около 2 тыс. работ. Исследование творчества отдельных художников, статьи о петербургской архитектуре, работы по истории русского искусства А. Н. Бенуа, И. Э. Грабаря и других способствовали выработке идейно-художественной концепции развития русского искусства.

Художественное творчество мирискусников, как правило, тяготело к минувшим эпохам, особенно их интересовал XVIII век. В их среде процветал культ Петра I, как основоположника русской европеизированной культуры, культ Петербурга, как средоточия этой культуры и культ Пушкина, как наиболее полного выразителя «петербургского периода» русской истории. Наиболее значительных успехов художники «Мира искусства» достигли в книжной графике, театрально-декорационном искусстве, где синтез мог проявиться в наибольшей степени (иллюстрации А. Н. Бенуа к

«Медному всаднику» Пушкина, Е. Е. Лансере — к повести «Хаджи-Мурат» Л. Толстого, оформление спектаклей в Художественном театре, Русских сезонов в Париже и т. д.). Эти успехи послужили основой для их развития в XX в.

Значительный подъем в этот период переживала скульптура, развитие которой было связано с именами П. П. Трубецкого и А. С. Голубкиной. Трубецкой широко известен своими скульптурными портретами Л. Толстого. Он является также автором памятника Александру III в Петербурге (1909). На смену гармонии классического спокойствия пришла гармония движения, характерная для импрессионизма.

Воплощением преемственности традиций реализма и бурной его эволюции в новую эпоху было творчество крупнейшего скульптора современности С. Т. Коненкова. По сравнению с мастерами второй половины XIX в. он значительно обогатил и расширил принципы классической пластики. Его раннему творчеству была присуща символика («Самсон, разрывающий узы», 1902; «Нике», 1906).

В изобразительном искусстве времени, следовавшем за революцией 1905—1907 гг., творческие поиски находились в основном в русле различных модернистских течений. Художники новых объединений, таких как «Голубая роза» (1907), «Бубновый валет» (1911), «Ослиный хвост» (1912), были очень разными по своей художественной манере (П. В. Кузнецов, М. С. Сарьян, Н. С. Гончарова, М. Ф. Ларионов, П. П. Кончаловский, И. И. Машков и др.). Но их творчество несло в себе в той или иной степени черты модернистского искусства, близость к символизму и футуризму, экспериментаторство в области цвета и формы.

К 1910-м гг. относится возникновение русского авангарда, сыгравшего огромную роль в развитии мировой живописи. К. С. Малевич, создатель этого направления, определил его как супрематизм (лат. *supremus* — высший), искусство чистых форм, беспредметности. В 1915 г. он показал на выставке в Петрограде знаменитый «Черный квадрат на белом фоне», который рассматривал как главное свое открытие.

В искусстве авангарда нашли выражение творческие искания крупных мастеров, талантливых художников (В. Кандинский, К. Петров-Водкин, Р. Фальк, М. Шагал, П. Филонов и др.). Они, каждый по-своему, искали в окружающем мире не конкретные реалии, а воплощение идеи мирового устройства. Художественное творчество приобщалось к новым научным открытиям. В искуст-

ве авангарда воплотилось смелое экспериментаторство, раздвинувшее рамки традиционного понимания живописи.

Особенностью русского авангарда, несмотря на декларируемый отказ от традиций русской живописи, было сохранение связи с ними (например, творчество К. С. Петрова-Водкина).

Модернизм в художественной культуре рубежа столетий был сложным явлением. Внутри него можно выделить несколько течений, отличных по своей эстетике и программным установкам (символизм, акмеизм, футуризм, эгофутуризм, кубизм, супрематизм и т. д.). Но в целом по философско-эстетическим принципам модернистское искусство противостояло реализму, особенно реалистическому искусству XIX в. Однако искусство модернизма по своей художественно-нравственной ценности составляет наше богатейшее культурное наследие и прежде всего воплощает в себе Серебряный век русской культуры.

Символизм сформировался в 90-е гг. и получил преобладающее развитие в первом десятилетии XX в. К этому времени относится появление манифестов, излагавших эстетические принципы нового течения: книга Д. С. Мережковского «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы» (1893), статья К. Д. Бальмонта «Элементарные слова о символической поэзии» (1900) и др. В преобладании реализма Мережковский усматривал причину упадка литературы, будущее ее связывал с «божественным идеализмом». Он провозгласил основой нового искусства «мистическое содержание», «символы» и «расширение художественной впечатлительности». По мнению Бальмонта, в символической поэзии «органически, ненасильственно сливаются два содержания: скрытая отвлеченность и очевидная красота».

В 1894—1895 гг. вышли сборники «Русские символисты», в издании которых активно участвовал В. Я. Брюсов, с первых лет своей литературной деятельности ставший признанным главой нового литературного направления.

Символизм получил развитие также в творчестве таких поэтов, как Ф. К. Сологуб, З. Н. Гиппиус, А. Белый. В кругу символистов начался творческий путь А. А. Блока. В 1898—1904 гг. он создает цикл «Стихов о Прекрасной Даме», составивший его первую книгу. Поэтов объединяла общность миропонимания и поэтического языка. Наряду с увлечением «чистым», «свободным» искусством символисты воспевали индивидуализм, доходивший до самолюбования, таинственный мир, им близка тема «стихийного гения», ницшеанского «сверхчеловека»: «И хочу, но не в силах любить

я людей. Я чужой среди них» (Д. Мережковский); «Мне нужно то, чего нет на свете» (З. Гиппиус); «Настанет день конца Вселенной. И вечен только мир мечты» (В. Брюсов).

В стихотворении «Юному поэту» (1896) Брюсов давал юноше «три совета»: «Не живи настоящим», «Никому не сочувствуй, сам же себя полюби беспрдельно», «Поклоняйся искусству! Только ему безразумно, бесцельно».

Символизм расширил, обогатил поэтические возможности стиха. Это вытекало из необычности мироощущения и стремления передать эту необычность. В 1901 г. Бальмонт, со свойственной ему манерой «удивлять» читателя, все же имел основание написать:

Я — изысканность русской медлительной речи,
 Предо мною другие поэты — предтечи,
 Я впервые открыл в этой речи уклоны,
 Перепевные, гневные, нежные звоны.
 Я — внезапный излом,
 Я — играющий гром,
 Я — прозрачный ручей,
 Я — для всех и ничей.

В литературоведении некоторые черты поэзии символизма (воспевание мира грез, мечты, таинственности и т. д.) часто отождествлялись с уходом самих поэтов от реалий общественной жизни. Однако революционные события 1905 г. показали, что это не совсем так. «Мы [символисты] тогда все приняли революцию», — писал Г. И. Чулков. «О, как я полюбил красные стяги революции...» (из письма А. Белого к А. М. Ремизову). В воспоминаниях о Блоке А. Белый отмечал «распыление прежнего, именно розово-золотого воздуха, вело нас путем расхождения и готовило нас к новой встрече в теме Россия». Таким образом, реальные события символисты воспринимали через образы, цвет, музыку. Это тоже было своеобразием их мироощущения. «Революционность» была «эстетизированным бунтарством». Но 1905 год ознаменовал для А. Блока, А. Белого, других поэтов-символистов открытие реальной России.

Тема Родины, человека, общественного назначения поэта становятся ведущими в творчестве А. Блока. В это время им были написаны циклы стихотворений «Родина» (1907—1916), «На поле Куликовом» (1908), поэма «Соловьиный сад» (1915).

Общественные настроения революционных лет отразились у А. Белого в сборнике стихотворений «Пепел», который он посвятил Н. А. Некрасову.

Сложным и противоречивым было отношение к революции у Брюсова. В стихотворении «Близким» (1905) он приветствовал силы, поднявшиеся на борьбу со старым миром, но не принимал идею строительства будущего:

Я вижу новый бой во имя новой воли!
Ломать — я буду с вами! Строить — нет!

В 1910 г. в среде художественной интеллигенции шла полемика вокруг символизма, его жизнеспособности. Как выразился в одной из своих статей Н. С. Гумилев, «символизм закончил свой круг развития и теперь падает». На смену ему пришел акмеизм (греч. *акмѣ* — высшая степень чего-либо, цветущая сила). Основоположниками акмеизма считают Н. С. Гумилева и С. М. Городецкого. Поэтами-акмеистами были А. А. Ахматова, О. Э. Мандельштам, М. А. Зенкевич, М. А. Кузмин, Г. В. Иванов.

В отличие от символистской туманности, акмеисты провозгласили культ реального земного бытия, «мужественно твердый и ясный взгляд на жизнь». Но вместе с тем они пытались утвердить эстетико-гедонистическую функцию искусства.

Творчество Ахматовой занимает особое место в поэзии акмеизма. Ее первый сборник «Вечер» вышел в 1912 г. Критика отметила отличительные черты ее стихов: сдержанность интонаций, подчеркнутую камерность тематики, психологизм. Ранняя поэзия Ахматовой глубоко лирична, эмоциональна.

Значительно по своей художественной ценности литературное наследие Гумилева. В его творчестве преобладали экзотическая и историческая тематика, он был певцом «сильной личности». Поэту принадлежит большая роль в развитии формы стиха, отличавшегося чеканностью и точностью.

Одновременно с акмеизмом возник футуризм. Как и другие модернистские течения, он был внутренне противоречивым. Наиболее значительная из футуристических группировок, получившая впоследствии название кубофутуризма, объединяла таких поэтов, как Д. Д. Бурлюк, В. В. Хлебников, А. Крученых, В. В. Каменский, В. В. Маяковский, и некоторых других. Разновидностью футуризма был эгофутуризм И. Северянина. В группе футуристов под названием «Центрифуга» начинали свой творческий путь поэты Н. Н. Асеев и Б. Л. Пастернак.

Футуризм провозглашал революцию формы, независимой от содержания, абсолютную свободу поэтического слова. Футуристы отказывались от литературных традиций. В своем манифесте

с эпатажным названием «Пощечина общественному вкусу», опубликованном в сборнике с тем же названием в 1912 г., они призывали сбросить Пушкина, Достоевского, Л. Толстого с «парохода современности». А. Крученых отстаивал право поэта на создание «заумного», не имеющего определенного значения языка. В его писаниях русская речь действительно заменялась бессмысленным набором слов. Однако Хлебников и Каменский сумели в своей творческой практике осуществить интересные эксперименты в области слова, благотворно сказавшиеся на русской поэзии.

В среде поэтов-футуристов начался творческий путь Маяковского. В печати его первые стихи появились в 1912 г. С самого начала он выделялся в поэзии футуризма, привнес в нее свою тему. Маяковский всегда выступал не только против «всяческого старья», но и за созидание нового в общественной жизни.

Пафос отрицания «царства жирных», гуманистическая вера в человека звучали в его поэмах «Облако в штанах» (1915), «Флейта-позвоночник» (1916), «Война и мир» (1917), «Человек» (1918). Тему поэмы «Облако в штанах» Маяковский впоследствии определил как четыре крика «долой»: «Долой вашу любовь», «Долой ваше искусство», «Долой ваш строй», «Долой вашу религию».

В первое десятилетие XX в. в русскую поэзию приходит плеяда новокрестьянских поэтов (С. А. Есенин, Н. А. Клюев, С. А. Клычков и др.). Первый сборник стихотворений Есенина был опубликован в 1916 г. С начала 900-х гг. появляются в печати стихи Клюева.

В русской поэзии предреволюционных лет были яркие индивидуальности — М. А. Волошин, М. И. Цветаева, которых трудно отнести к определенному литературному течению.

В первые десятилетия XX в. активно развивалась такая область литературы, как переводы. Русские читатели знакомились с произведениями латышской, армянской, грузинской, еврейской, украинской литературы, переведенными на русский язык. Были изданы «Сборник армянской литературы» (1917), «Сборник латышской литературы» (1917). Инициатором этих публикаций явился М. Горький. Антологию «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» (1916) подготовил и издал В. Я. Брюсов. Над переводами произведений латышских, армянских поэтов работал А. А. Блок. Первый перевод на русский язык поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» сделал К. Д. Бальмонт (1914). В переводе И. А. Бунина в 1896 г. была издана «Песнь о Гайавате» американского поэта Г. Лонгфелло.

Русское искусство получает широкое международное признание. Организованные С. П. Дягилевым Русские сезоны в Париже относятся к числу этапных событий в истории отечественной музыки, живописи, оперного и балетного искусства. В 1906 г. парижанам была представлена выставка «Два века русской живописи и скульптуры». Огромный интерес вызвал раздел древнерусского искусства под названием «Русские примитивы», открывший Западу иконопись.

В следующем году парижане могли познакомиться с русской музыкой от Глинки до Скрябина. В 1908 г. с исключительным успехом в Париже выступал Ф. И. Шаляпин, исполнивший партию царя Бориса в опере М. П. Мусоргского «Борис Годунов». Наконец, с 1909 г. в Париже начались Русские сезоны балета, продолжавшиеся до 1912 г. (с 1911 г., превратившись в постоянную, труппа стала называться «Русские балеты Сергея Дягилева»; с 1924 г. — «Русские балеты Монте-Карло»).

С Русскими сезонами связано творчество композиторов, художников, балетмейстеров и солистов балета. Одним из новаторов русского балета начала XX в. был М. М. Фокин, который утверждал драматургию как идейно-художественную основу балетного спектакля. Путем «содружества танца, музыки и живописи» он стремился к созданию психологически полного и правдивого образа. Во многом взгляды Фокина были восприняты эстетикой современного балета. Символом Русских сезонов навсегда остался силуэт Анны Павловой — Сильфиды на афише В. Серова 1909 г. Большой успех имели балеты И. Ф. Стравинского «Жар-птица» (1910), «Петрушка» (1911), «Весна священная» (1913), в которых композитор обратился к прошлому России, к народной обрядности, фольклору.

Русская культура рубежа столетий и первых десятилетий XX в. была итогом сложного исторического пути. Гуманизм и гражданственность, народность и демократизм всегда отличали отечественную культуру. В канун революционных событий 1917 г. страна обладала богатейшим наследием, культурными ценностями мирового уровня.

Однако существовало несоответствие между тем, что имело общество в сфере культуры, и возможностью овладения этими достижениями широкими слоями населения. «Этажность» культуры, отсутствие в обществе достаточно широкого среднего слоя, который являлся основой многих цивилизационных процессов, опре-

делили одну из серьезных особенностей культурной ситуации в России начала XX в. Она выражалась в существовавшем разрыве между духовным ренессансом и бушевавшей реальностью жизни, в которую вовлекались широкие народные массы. Эту особенность отмечали многие современники. Например, Н. А. Бердяев, уже будучи в эмиграции, в известной работе «Русская идея» (1946) писал: «Нужно признать, что был разрыв между интересами высшего культурного слоя ренессанса и интересами революционного социального движения в народе и в левой интеллигенции... Я вспоминаю яркий образ разрыва и раскола в русской жизни... У Вячеслава Иванова на «башне» [так называлась его квартира в доме против Таврического дворца], по средам в течение нескольких лет собиралась культурная элита: поэты, романисты, философы, ученые, художники, артисты. Присутствовал цвет русского ренессанса. В это же время внизу, в Таврическом дворце и вокруг бушевала революция. Деятели революции совсем не интересовались темами «Ивановских сред», а люди культурного ренессанса... хотя и не были консерваторами и правыми... но большинство из них было асоциально и очень далеко от интересов бушевавшей революции».

Эта особенность общественно-культурной жизни России первых десятилетий XX в. была одной из причин, определившей взаимоотношения пролетарской власти и деятелей культуры после Октября 1917 года.

Глава 10

Культура в 1917-м — 1920-е гг.

10.1. Революция 1917 г. и культура

Революция 1917 г. оказала громадное влияние на судьбу России и все сферы жизни общества. Последствия революционного переворота в культуре проявились не сразу. В 1917 г. контуры будущего советского строя были еще едва обозначены, особый международный статус России как «осажденной крепости» только намечался, задачи создания «нового человека коммунистического общества» еще не были сформулированы большевистскими теоретиками. А именно эти факторы определили особые условия развития российской культуры на протяжении десятилетий. Долговременные

последствия революции для отечественной культуры будут раскрываться читателю постепенно, по мере изучения курса. В данной главе речь пойдет о непосредственном воздействии революционных потрясений на интеллигенцию и на культурную жизнь общества.

Свержение монархии в феврале 1917 г. вызвало духовный подъем, сплотивший общество. Демократические реформы Временного правительства (отмена сословий, религиозных и национальных ограничений, провозглашение гражданских свобод, отделение церкви от государства и др.) открывали дорогу к демократизации культуры. Пробуждение масс к активной творческой жизни отразилось в широком движении художественной самодеятельности: на фабриках и заводах создавались театральные и музыкальные студии, изостудии, литературные кружки. В сентябре 1917 г. был создан центр, координирующий творческие организации пролетариата, Пролеткульт (Пролетарская культура).

Большинство интеллигенции с воодушевлением встретило начало революции, как очистительной бури, которая должна смести все прогнившее и омертвевшее в жизни и в искусстве, и активно включилось в общественную работу. Весной 1917 г. по всей стране проходили съезды учителей, собрания творческой интеллигенции, создавались различные комитеты и комиссии. Союз деятелей искусств, объединивший большинство художников от «правых» до «левых», выдвинул идею созыва Учредительного собрания деятелей искусств, независимого от власти. Ряд организаций, в том числе комиссия М. Горького, занимались вопросами сохранения культурного наследия. Был создан Государственный комитет по народному образованию, в который вошли более ста педагогов и общественных деятелей, включая будущего наркома просвещения первого большевистского правительства А. В. Луначарского. Комитет разработал ряд законопроектов, предусматривавших демократизацию управления учебными заведениями, введение общедоступного обязательного бесплатного начального обучения, создание единой школы, введение нового правописания.

Однако в условиях политического кризиса эти законопроекты не были приняты, как не были решены многие другие проблемы, стоявшие перед страной. Министерство народного просвещения, в котором за восемь месяцев работы сменилось три министра (профессор А. А. Мануйлов, академик С. Ф. Ольденбург, профессор С. С. Салазкин), не играло активной роли в подготовке реформы школы.

Революционные иллюзии большей части интеллигенции развеялись на протяжении 1917 г., нарастало разочарование во Временном правительстве, не оправдавшем возлагавшихся на него надежд. Дальнейшее развитие революции, приведшее к власти большевиков, вызывало негативное отношение к ней большинства интеллигенции. Октябрьские события в Петрограде и последовавший разгон Учредительного собрания были восприняты как узурпация власти.

Неприятие новой власти подогревалось распространившимися слухами о разрушениях соборов в Кремле, разграблении Зимнего дворца. Многие профессиональные союзы интеллигенции отказались сотрудничать с советской властью, начался массовый саботаж служащих. На собраниях Московского университета, ученых Петрограда, Дома литераторов, Дома искусств и других многочисленных организаций принимались коллективные постановления против захвата власти большевиками.

Отказ большей части интеллигенции от профессионального сотрудничества с советской властью в первые месяцы ее существования привел к разрушению системы государственных и общественных органов руководства культурой, и новые органы формировались практически на пустом месте. Была разрушена старая система финансирования. Нарастание экономического кризиса сокращало бюджетные средства, выделяемые на культуру. Экономическая экспроприация, проводимая большевиками, подорвала меценатство.

В условиях революции и Гражданской войны практически приостановились научные исследования, с большими перебоями работали университеты и школы, боролись за выживание музеи, библиотеки, театры. Разрушалось и нечто более важное, чем отдельные учреждения культуры. «Прежней культурной среды уже нет — она погибла, — писал в 1919 г. К. Чуковский, — и нужно столетие, чтобы создать ее».

Стихия народного бунта, разбуженная революцией, не щадила ни человеческих жизней, ни тем более ценностей культуры. Уничтожались дворянские усадьбы, а вместе с ними библиотеки, живописные произведения, скульптуры, годами собиравшиеся владельцами. Окрестными крестьянами были сожжены подмосковная усадьба А. Блока Шахматово, пушкинское Михайловское. Много культурных ценностей было разграблено или вывезено за границу.

За годы революции и Гражданской войны страна понесла большие человеческие потери. Много жизней унесли эпидемии, голод,

бандитизм — неизбежные спутники хаоса Гражданской войны. Около 2 млн человек оказались в эмиграции.

Велики были психологические и нравственные последствия революции и войны для российского общества. Миллионы людей были вырваны из привычных условий существования, потеряли близких. Массовым явлением стала детская беспризорность. Традиционные нравственные ценности, веками освящаемые религией, были поколеблены. Патриотизм противопоставлен пролетарскому интернационализму, уважение к родителям — классовому чутью, законопослушность и гражданский долг — революционной целесообразности.

10.2. Политика большевиков в области культуры

Общие задачи. Новая власть взяла на себя миссию духовного лидерства и попыталась поставить под свой контроль сферу культуры. Однако ни до, ни после революции у большевистской партии не было четко разработанной концепции культурной политики. Можно говорить лишь об общих целях и принципах партийной линии в области культуры.

В качестве долговременной перспективы выдвигалась задача создания нового типа культуры — социалистической. Эта утопическая цель рождала бесконечные споры как среди практиков культурного строительства, так и среди большевистских теоретиков. Какой должна быть эта культура? В каком соотношении она находится с культурой предшествующих эпох? Кто ее создает? Является ли создание социалистической культуры целью культурной революции? Когда можно будет считать этот процесс завершенным? Каким должен быть человек — носитель новой культуры?

Схоластические дискуссии имели очень слабое отношение к реальному состоянию дел. Но многие теоретические установки определяли культурную политику. Таким принципиальным положением был классовый подход. Считалось, что в основе новой культуры должна лежать идеология, которая выражает интересы не только рабочего класса, но и всех трудящихся, и что культура должна служить задачам классовой борьбы пролетариата за социализм. Отношение к культуре предшествующих эпох определялось как преемственность, но единого понимания, что из культурного наследия переходит в социалистическую культуру, а что отвергается пролетариатом, не было.

Практическая линия партии в области культуры, отраженная в многочисленных декретах первых лет советской власти, была направлена на решение двух задач: во-первых, установление партийного контроля над всеми институтами, формирующими образ мыслей и настроения в обществе, и, во-вторых, подъем общего культурного уровня населения. Первая задача диктовалась необходимостью удержания власти и в перспективе мобилизации народа на строительство социализма. Вторая была частью широкого процесса демократических преобразований, вызванных революцией 1917 г. В культурной политике партии обе эти задачи были неразрывно связаны. Демократизация культуры шла параллельно с ее идеологизацией. Преобразования в данной сфере, которые проводила советская власть, обеспечивали ей поддержку социальных низов и способствовали привлечению части интеллигенции, вдохновленной идеей служения народу.

Советская политика в области культуры не порывала полностью с дореволюционной. Некоторые реформы, подготовленные еще до революции, были осуществлены большевиками. Так, декретом советской власти в 1918 г. были введены новые правила орфографии русского языка, разработанные Российской академией наук и одобренные Временным правительством. Был утвержден новый календарь. Реформа народного образования, проведенная большевиками, не противоречила законопроектам, разрабатывавшимся до их прихода к власти.

Принципиальные установки в сфере культуры были сформулированы в Конституции РСФСР 1918 г. и в партийной программе РКП(б) 1919 г. Конституция законодательно закрепляла обязанность государства «предоставить рабочим и беднейшим крестьянам полное, всестороннее и бесплатное образование». В программе правящей партии предусматривались «развитие самой широкой пропаганды коммунистических идей и использование для этих целей аппарата и средств государственной власти», а также меры по демократизации культурной жизни и обеспечению доступа трудящихся к образованию и сокровищам искусства. В ней ставилась также задача содействовать «освобождению масс от религиозных предрассудков».

Отсутствие четкого плана культурных преобразований давало простор для дискуссий и экспериментов.

Формирование органов руководства культурой. Начало создания советской системы партийно-государственного руководства культурой было положено назначением А. В. Луначарского народным

комиссаром по делам просвещения в первом советском правительстве. Декретом от 9 ноября 1917 г. для общего руководства культурой была образована Государственная комиссия по просвещению. Она формировалась как представительный орган, куда делегировались работники разных учреждений. Предполагалось, что комиссия во главе с наркомом будет использовать аппарат бывшего Министерства народного просвещения. Но саботаж сотрудников министерства поставил Госкомиссию перед необходимостью создания нового аппарата. Народный комиссариат просвещения РСФСР (далее — Наркомпрос, с 1946 г. — Министерство просвещения) формировался как орган централизованного руководства всеми отраслями культуры, включая не только просвещение, но и внешкольное образование, литературу, театр, изобразительное искусство, музыку.

В районах, где была установлена советская власть, создавались отделы народного образования под контролем местных советов. Им подчинялись все местные учреждения культуры, включая общественные и частные. Для управления делами культуры в национальных регионах России в Наркомпросе был создан отдел просвещения национальных меньшинств. По мере образования национальных автономий там формировались свои наркоматы просвещения по образцу российского, а отдел просвещения национальных меньшинств был реорганизован в Совет (Совнацмен).

Во время Гражданской войны на территории, занятой армиями Н. Н. Юденича, А. В. Колчака и П. Н. Врангеля, создавались свои министерства народного просвещения. Эти органы, как и советский наркомат, занимались открытием учебных заведений и подготовкой реформы народного образования в стране. Было много общего и в обсуждаемых проектах — все они базировались на идее трудовой демократической школы и доступности образования.

Специальный орган партийного руководства культурой появился в 1920 г. Им стал Агитационно-пропагандистский отдел ЦК РКП(б) (Агитпроп). Он действовал через Наркомат просвещения и через комфракции, создаваемые во всех учреждениях культуры, а также в общественных организациях.

Хотя Агитпроп появился только к концу Гражданской войны, наступление на «идеологическом фронте» большевистская партия начала сразу после прихода к власти. Были закрыты контрреволюционные газеты, национализированы кинопромышленность, те-

атры и другие зрелищные предприятия. Создавалась советская печать, сеть агитационно-пропагандистских учреждений. Были распущены многие общественные, профессиональные и творческие организации, оказавшиеся в оппозиции к советской власти. Прекратили свое существование Всероссийский учительский союз, Союз деятелей художественной культуры, Союз деятелей искусств и др. Вместо них создавались новые общественные организации, которые становились послушными орудиями проведения культурной политики большевистской партии.

Ряд культурно-просветительных и научных обществ, созданных задолго до революции, продолжали свою работу. Среди них — Общество истории древностей российских (1804—1929), Общество любителей российской словесности (1811—1929), Общество поощрения художеств и популяризации художественных знаний (1820—1929) и многие другие. Пережили 1917 год такие творческие объединения художественной интеллигенции, как «Мир искусства» (1899—1925), Московское архитектурное общество (1862—1930), Общество русских художников (1901—1923), «Бубновый валет» (1909—1932), Всероссийское театральное общество (ВТО, 1877 — по настоящее время).

В первые годы советской власти появились Вольная философская ассоциация «ВОЛЬФИЛА» (1918—1923), Научное общество марксистов (1919—1930), Общество друзей Российского исторического музея (1918—1930). В 20-е гг. возникли добровольные общества «Долой неграмотность» (1923—1936), Союз безбожников СССР (1925—1947, с 1929 г. — Союз воинствующих безбожников СССР), Общество изучения русской усадьбы (1923—1930). Целью данных объединений была культурно-просветительская или научно-исследовательская деятельность. Активное участие в руководстве культурой принимали комсомол и профсоюзы. Их представители входили в Госкомиссию по просвещению, Наркомпрос, отделы народного образования на местах.

Особое положение среди общественных организаций занимал Пролеткульт (сентябрь 1917—1932), сформированный как объединение рабочих литературных кружков, театральных и художественных студий. Пролеткульт ставил перед собой задачу создать новую пролетарскую культуру, развить пролетарскую науку, разработать пролетарскую философию и подчинить искусство интересам пролетариата. Его руководители опирались на идеи А. А. Богданова, крупного ученого-марксиста, который еще задол-

го до революции разошелся с В. И. Лениным по политическим взглядам и вышел из большевистской партии.

Конфликт с Пролеткультом. Богданов был первым русским марксистом, сформулировавшим идею пролетарской культуры. По его мнению, культурное развитие пролетариата отставало от экономического и политического. Богданов считал, что освобождение рабочего класса было невозможно без создания собственной культуры. Лозунг культурного освобождения не означал разрыва со старой культурой, напротив, он выступал за усвоение ее завоеваний, как материальных, так и духовных, и преодоление ее вредного воздействия. Предполагалось, что в борьбе за свое освобождение пролетариат создает три формы организаций: профессиональные союзы — для экономической борьбы, партию — для борьбы политической и Пролеткульт — для создания собственной культуры.

Большинство лидеров большевистской партии также связывали строительство социализма с созданием культуры нового типа. В годы Гражданской войны по понятным причинам эти проблемы не имели первостепенного значения, но по отдельным высказываниям Ленина можно судить о его позиции, разделявшейся другими членами ЦК, и о сути разногласий с Богдановым. Они касались вопроса о социальной базе. Богданов ограничивал круг творцов новой культуры лишь пролетариатом. Ленин избегал термина «пролетарская культура», предпочитая говорить о культуре социалистической, тем самым подчеркивая, что все трудящиеся слои общества станут ее создателями и носителями. По его мнению, социалистическая культура в основе имеет пролетарскую идеологию, которую, однако, способны воспринять и выходцы из других социальных слоев. Для Ленина, как для лидера правящей партии и руководителя государства, разногласия с Богдановым имели не столько теоретический, сколько политический смысл. Расширение социальной базы власти было условием ее выживания. Кроме того, Ленин мог опасаться возобновления партийной оппозиции большевизму, так как часть пролеткультовцев прямо заявляла о себе как о наследниках группы «Вперед», представлявшей левое идейное течение в партии, возникшее в 1909 г., против которого он боролся.

Главной причиной конфликта было расхождение по вопросу о роли партии в формировании новой культуры. В отличие от своих оппонентов, Богданов считал, что сфера деятельности партии огра-

ничивается политикой, а Пролеткульт является независимой организацией пролетариата в сфере культуры. Формально он был подчинен Наркомпросу, где существовал специальный отдел, но фактически действовал самостоятельно.

Расцвет деятельности Пролеткульта приходится на 1918—1920 гг., когда он объединил более полумиллиона человек. Пока шла Гражданская война, руководители партии терпели независимость этой организации. Осенью 1920 г. были предприняты решительные шаги для ликвидации ее автономии. Борьба развернулась на Всероссийском съезде Пролеткульта, где большевистская фракция приняла резолюцию о подчинении организации Наркомпросу. В декабре 1920 г. было опубликовано решение ЦК партии о Пролеткульте, где отвергались попытки «выдумывать» особую пролетарскую культуру, а главным направлением в работе этой организации признавалось «участие в деле народного просвещения на основе мирозозерцания марксизма». В результате руководство Пролеткульта было полностью сменено, а отделения его стали составной частью сети учреждений Наркомпроса.

Противоречия, однако, не были сняты, и полемика между последователями Богданова и сторонниками линии ЦК продолжалась в 1921—1922 гг. Позиция ЦК выглядела более прагматичной, нежели пролеткультовцев. Лидеры партии отодвигали задачи построения новой культуры в отдаленную перспективу, а на первый план ставили преодоление культурной отсталости. После разгромной критики в «Правде» взглядов тогдашнего председателя Пролеткульта В. Ф. Плетнева деятельность этой организации была полностью подчинена требованиям партии. Ее сеть сокращалась. Пролеткультовские лидеры отказались от теории обособленности пролетарской культуры, и фактически Пролеткульт принял форму обычных клубных кружков. Формально он продолжал существовать до 1932 г., когда было принято постановление «О перестройке литературно-художественных организаций». Богданов отошел от организации и продолжал работать во главе основанного по его инициативе в Москве Института переливания крови (по образованию он был медиком). Он погиб в 1928 г., произведя на себе медицинский эксперимент.

Система руководства культурой в 1920-е гг. С окончанием Гражданской войны внимание большевистской партии к вопросам культуры усилилось. Это было связано с тем, что культура рассматривалась как сфера идеологической борьбы, значение кото-

рой в годы нэпа возросло. Расширилась и усложнилась деятельность Агитпропа. Помимо него при ЦК партии работали постоянные комиссии практически по всем отраслям культуры: антирелигиозная, по самообразованию, библиотечная, клубная, школьная, художественная, радиокомиссия и кинокомиссия.

В начале 1921 г. была проведена реорганизация Наркомпроса, в результате которой в его составе выделялись два центра — Академический центр, или Центр общего теоретического и программного руководства во главе с заместителем наркома М. Н. Покровским, и Организационный центр во главе со вторым заместителем наркома Е. А. Литкенсом. Кроме того, в составе Наркомпроса создавались четыре главных управления по отраслям деятельности. В 1922 г. при Наркомпросе было создано Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит, существовал до 1991 г.), на которое возлагались функции цензуры. Главный репертуарный комитет (Главрепертком) ведал цензурой театрально-концертной деятельности.

Методы руководства культурой стали более демократичными, чем в годы войны. Часто проводились диспуты, совещания, обсуждения в печати. В 1922 г. в «Правде» прошла дискуссия о пролетарской культуре и Пролеткульте. В 1924—1925 гг. были организованы публичные диспуты с участием руководителей партии о судьбах современной интеллигенции. В ЦК проводились совещания по отдельным вопросам культурного строительства с приглашением представителей интеллигенции: в декабре 1920 — январе 1921 г. по народному образованию, в мае 1924 г. — по вопросам политики в области художественной культуры, в 1927 г. — по театральной политике, в 1928 г. — по вопросам кино.

Вместе с тем широко применялись и репрессивные меры — от административного закрытия журналов до внесудебной высылки большой группы интеллигенции за границу в 1922 г.

С образованием СССР в 1922 г. возникла проблема координации руководства культурой во всесоюзном масштабе. Эта функция была возложена на совещания наркомов просвещения республик. Вопрос о создании общесоюзного Наркомата просвещения обсуждался, но его решение упиралось в необходимость изменения конституций республик. Поэтому централизация руководства культурой пошла по иному пути. С середины 20-х гг. от Наркомпроса РСФСР начали отделяться органы управления отдельными отраслями культуры, которые получали статус общесоюзных.

Сфера компетенции Наркомпроса постепенно сужалась до руководства школами.

Отношение к интеллигенции. В соответствии с марксистской доктриной интеллигенция рассматривалась лидерами большевистской партии как социальная группа работников умственного труда, занимавшая промежуточное положение между пролетариатом и буржуазией и не имевшая собственной идеологии. Считалось, что часть интеллигенции, наиболее близкая пролетариату по материальному положению, могла переходить на позиции этого класса и становиться его союзницей. Однако большая ее часть, по мнению марксистских теоретиков, выражала интересы враждебного класса и оказывалась в стане противников советской власти. Таким образом, политика по отношению к интеллигенции строилась на принципе дифференцированного подхода к этой социальной группе: подавлять контрреволюционные выступления и поддерживать лояльных.

После прихода к власти большевистская партия испытывала недостаток в образованных кадрах для создания государственного аппарата, налаживания управления экономикой, формирования новой армии. Была провозглашена политика привлечения интеллигенции к сотрудничеству с советской властью с последующим перевоспитанием ее в духе пролетарской идеологии или заменой на новые кадры специалистов — выходцев из рабочей среды.

Интеллигенция шла на сотрудничество с властью не столько потому, что симпатизировала ей, сколько по экономической необходимости, а также руководствуясь идеей служения народу и стремлением способствовать сохранению великой русской культуры от разрушения.

На практике, особенно в годы Гражданской войны, власти не доверяли интеллигенции. Широко проводились аресты в профилактических целях. «Аресты проводятся крайне обильно и столь же нелепо», — возмущался М. Горький в письме председателю Петросовета Г. Е. Зиновьеву. Этот вопрос приобрел летом 1919 г. такую остроту, что его вынесли на обсуждение Политбюро ЦК большевистской партии. Списки заключенных под стражу были пересмотрены, и некоторых освободили. Но аресты продолжались. Репрессии по отношению к интеллигенции стали одной из причин ее эмиграции.

Окончание войны создало новые условия для налаживания взаимоотношений власти с интеллигенцией. С одной стороны, пере-

ход к нэпу был воспринят ее частью как начало эволюции советской власти в направлении к демократии. Идейное течение, которое оформило и обосновало поворот интеллигенции к сотрудничеству с советской властью, получило название «сменовеховства». Название произошло от сборника «Смена вех» (Прага, 1921, в 1921—1922 гг. выходил журнал с таким же названием). С другой стороны, власть, нуждавшаяся в интеллектуальных силах и стремившаяся расширить свою социальную опору в непролетарских массах, была готова пойти на определенные компромиссы. Было разрешено издание ряда журналов различных направлений, в том числе сменовеховских. Проводились диспуты на религиозные темы, дискуссии по проблемам интеллигенции. Партийные решения от 18 июня 1925 г. о политике партии в области художественной литературы и от 18 сентября того же года о работе специалистов способствовали налаживанию взаимоотношений с интеллигенцией. Первая резолюция провозгласила свободное соревнование различных группировок в литературе и искусстве. Второе постановление определяло меры по улучшению условий работы и быта специалистов (налоговые льготы, льготы по приему их детей в учебные заведения) и осуждало спешество (подозрительное отношение к старой интеллигенции). Однако классовый политизированный подход продолжал оставаться главным принципом партийной политики. Н. И. Бухарин на одной из дискуссий выразил его достаточно красноречиво: «Нам необходимо, чтобы кадры интеллигенции были натренированы идеологически на определенный манер. Да, мы будем штамповать интеллигентов, будем вырабатывать их, как на фабрике». По сути, советская власть не нуждалась в интеллигенции как выразительнице общественных настроений, мозге нации, ей нужны были «красные печи», послушные профессионалы.

В целом политика по отношению к интеллигенции в 20-е гг. была противоречивой. Наряду с попытками установить с ней диалог власть продолжала репрессии. В 1922 г. большая группа ученых, писателей, публицистов была внесудебным решением выслана из Советской России. Среди них были такие выдающиеся мыслители, как Н. А. Бердяев, П. А. Сорокин, С. Л. Франк, Н. О. Лосский, С. Н. Булгаков. Эта акция вошла в историю под названием «философский пароход». Власть избавлялась от интеллектуальных оппонентов, не останавливаясь перед незаконными действиями. Если учесть последующее развитие событий, то вынужденным эмигрантам разлука с родиной дала возможность вы-

жить и продолжить профессиональную работу. В 1924 г. ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление) получило особые права заключать в лагеря и ссылать лиц, представлявших опасность для режима.

10.3. Изменения в системе народного образования и просвещения

Государственная политика в сфере образования была направлена на решение двух задач — сделать образование доступным для рабочих и крестьян и перестроить его на новых идеологических основах. Несмотря на значительное повышение грамотности в предреволюционные десятилетия, Россия отставала от развитых европейских стран, где еще в XIX в. было введено всеобщее начальное образование.

Ликбез. Обобщенные показатели грамотности населения России накануне революции свидетельствуют о том, что лишь один из четырех взрослых жителей страны умел читать и писать. Но данные по регионам и социальным группам сильно различались. Самые низкие показатели были на национальных окраинах. Много неграмотных было среди крестьянства, среди женщин. Поэтому работа по ликвидации безграмотности (ликбез) должна была быть ориентирована преимущественно на определенные регионы и социальные группы.

Этой работой занимался Наркомпрос, внешкольные подотделы местных советов, профсоюзы. Вопросы ликбеза обсуждались на партийных съездах и конференциях, комсомол объявил борьбу с неграмотностью своей «первой боевой задачей».

26 декабря 1919 г. СНК принял декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», по которому все население от 8 до 50 лет обязано было обучаться грамоте на родном или русском языке. В декрете предусматривались сокращение рабочего дня на 2 часа для обучающихся с сохранением заработной платы, мобилизация грамотного населения в порядке трудовой повинности, организация учета неграмотных, предоставление помещений кружкам ликбеза для занятий.

В годы Гражданской войны организовать эту работу в массовом масштабе не удалось. Не хватало учительских кадров, учебников, бумаги, карандашей. Значительные изменения произошли только в армии и на флоте. Большинство красноармейцев и краснофлотцев к концу войны были обучены грамоте.

В 1920 г. при Наркомпросе была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по ликвидации неграмотности (ВЧК л/н), подразделения этой комиссии назывались на местах грамчека. Они занимались созданием сети ликпунктов (пункты по ликвидации неграмотности), курсов по подготовке преподавателей грамоты, изданием специальной литературы. О методах работы этих чрезвычайных органов можно судить по сообщениям с мест.

В Тамбове лица, которые уклонялись от обучения, лишались продовольственных карточек и политических прав, в Иркутске объявлялись дезертирами, на Украине злостные нарушители декрета подлежали аресту и насильственному приводу в школы ликбеза. Это были не просто перегибы местных руководителей. Применение карательных мер против не желавших учиться было санкционировано Третьей Всероссийской конференцией заведующих губернскими внешкольными подотделами (февраль 1920). Но административно-репрессивные меры не увенчались успехом, а вызывали только недовольство населения.

Отказ от «военного коммунизма» и переход к нэпу отразились и на ликбезе. Концепция прорыва в будущее сменилась идеей длительного планомерного движения вперед. Экономический кризис заставил правительство переложить финансирование работы по ликвидации неграмотности на местный бюджет. В результате сеть пунктов ликбеза резко сократилась. Первый Всероссийский съезд по ликвидации неграмотности (1922) принял решение вести обучение прежде всего организованных групп населения (красноармейцев, допризывников, рабочих, комсомольцев), уделяя преимущественное внимание лицам от 18 до 30 лет.

В 1923 г. было создано массовое общество «Долой неграмотность», председателем которого был объявлен руководитель Советского государства М. И. Калинин. В общество также были записаны видные партийные и государственные деятели, что должно было придать его деятельности особый статус. Был принят план ликвидации неграмотности населения РСФСР в возрасте от 18 до 35 лет к 10-й годовщине советской власти. Это означало, что за четыре с половиной года предстояло обучить 17 млн человек, из которых 13 млн проживали в сельской местности.

Выполнить этот план не удалось. Темпы ликвидации неграмотности были ниже планируемых, отставала материальная база, число неграмотных постоянно пополнялось за счет подростков. Было

ясно, что решение данного вопроса невозможно без введения всеобщего обучения детей.

Школа. Документы, принятые в октябре 1918 г., — «Положение о единой трудовой школе» и «Основные принципы единой трудовой школы (Декларация)» — определили основные направления перестройки системы народного образования. Советская школа должна была стать единой для всей страны, общедоступной, бесплатной, вести обучение на родном языке и состоять из двух ступеней. Важнейшими принципами новой школы провозглашались: связь обучения с производственным трудом, политехническое образование, преемственность в образовании и воспитании, начиная с дошкольного возраста и кончая высшей школой, а также совместное обучение. Ключевой тезис этих документов отражал уверенность их авторов в светлое социалистическое будущее. Высшей ценностью в новой культуре провозглашалась личность, которая в гармоничном и солидарном обществе сможет реализовать свои способности.

К концу Гражданской войны в большинстве районов России старая система народного образования была заменена новой. Начальные училища и первые три класса мужских гимназий превращались в первую ступень единой трудовой школы с пятилетним обучением. Школы второй ступени создавались на базе 4—7 классов гимназий и коммерческих училищ. Все учебные заведения национализировались.

Однако далеко не все принципы советской школы, провозглашенные в 1918 г., были воплощены в жизнь. Смысл некоторых из них был неясен самим организаторам и вызывал споры на протяжении многих лет (например, принцип политехнического образования). Другие же принципы, как, например, общедоступность школы и бесплатность обучения, оставались пустой декларацией из-за разрухи в стране и бедности населения. В годы Гражданской войны в школах первой ступени училось всего 20% детей соответствующего возраста, а в школах второй ступени — 9%.

Революционный максимализм в осуществлении реформы народного образования привел к ликвидации ремесленных, технических и сельскохозяйственных училищ, которые на базе начальной школы давали профессиональную подготовку. По положению 1918 г. предполагалось, что молодежь будет получать профессионально-техническое образование с 17 лет, после окончания школы второй ступени. Но дети рабочих и крестьян, которыми пополнялись эти училища, как правило, заканчивали обу-

чение на первой ступени. Пришлось отступить от деклараций. В 1921 г. школа второй ступени была разделена: пять лет первой ступени плюс два года второй составили базовый семилетний срок школьного обучения. Два старших класса второй ступени были реорганизованы в техникумы. Тем самым школа была приближена к потребностям практики. Однако техникум не давал выпускникам необходимой подготовки для продолжения образования в высшей школе. Были восстановлены технические и аграрные школы, профессиональные курсы, где рабоче-крестьянская молодежь могла получить специальность на базе начальной школы. Наряду с семилетками сохранялись и школы-девятилетки.

Помимо организационных и финансовых проблем, перед реформаторами школы стоял вопрос, чему и как учить детей. Сторонники свободного воспитания, преобладавшие в Наркомпросе в первые годы его работы, считали, что надо изучать жизнь, а не учебные дисциплины. По их мнению, математика, физика, химия должны постигаться учащимися не на уроках, а при знакомстве с видами производственного труда. Школам предлагалось отказаться от традиционной предметной системы обучения и перейти к комплексным программам изучения природы, труда и общества. Пропагандировались лабораторно-исследовательские методы, коллективные формы занятий, самостоятельная работа, при которой учитель играл роль консультанта.

Однако новаторские методы обучения не обеспечивали систематических знаний. Многие учителя продолжали работать по-старому, тем более что программы Наркомпроса носили рекомендательный характер.

После окончания Гражданской войны материальное положение школы не улучшилось, напротив, самые большие трудности пришлось на первые годы нэпа. Из-за отсутствия финансирования, нехватки топлива, ухода учителей на заработки учебные заведения закрывались. Численность школ и учащихся достигла самой низкой отметки в 1922/23 учебном году. По мере достижения экономической стабилизации начался их постепенный подъем. К 1925 г. был разработан и принят план введения в РСФСР всеобщего начального обучения, рассчитанный на 10 лет.

Высшая школа. Перестройка высшего образования преследовала две цели — демократизацию состава студентов за счет привлечения в вузы выходцев из социальных низов и идейное завоевание вузов, что требовало изменения вузовских программ. Профессор-

ско-преподавательские кадры высшей школы в массе своей были настроены антисоветски и к переменам относились негативно.

Реформа началась с введения новых правил приема, утвержденных декретом СНК 2 августа 1918 г. к началу первого послереволюционного учебного года. Декрет провозглашал, что каждый человек, достигший 16 лет, независимо от гражданства и национальной принадлежности, пола и вероисповедания принимается в вузы без экзаменов. Документы о среднем образовании не требовались. Преимущество при зачислении отдавалось рабочим и беднейшему крестьянству. Декрет открыл дорогу всем желающим учиться. До 2 августа в Московский университет было подано около двух с половиной тысяч заявлений, а после введения новых правил — еще почти 6 тыс. от лиц, не имевших среднего образования. Прием в университет 1918 г. более чем в 5 раз превысил прием 1913 г. Формальные препятствия на пути рабоче-крестьянской молодежи к высшему образованию были устранены, но отсутствие необходимой подготовки оставалось непреодолимым барьером.

Большой отсев с первого курса вынудил прибегнуть к чрезвычайным мерам. Стали формировать рабочие факультеты (рабфаки), которые начиная с 1919 г. создавались в качестве «пожарных лестниц для рабочих в вузы». Рабфаковцы восполняли пробелы школьных знаний и готовились к продолжению обучения в высшей школе. К середине 20-х гг. выпускники рабфаков составляли около половины первокурсников.

Демократизация студенческого состава заняла долгие годы. Однако идеал — соответствие социального состава общества социальному составу студенчества — оказался недостижимым. Вплоть до последних лет своего существования партийно-государственные структуры пытались регулировать состав студентов по социальному происхождению.

С октября 1918 г. были отменены все научные степени и звания, а профессора и преподаватели с десятилетним и более стажем работы считались выбывшими из числа служащих соответствующих вузов и могли быть вновь избраны лишь по всероссийскому публичному конкурсу. Поскольку другой профессуры не было, конкурс 1919 г. не привел к обновлению кадров. Назначение в вузы военных комиссаров для контроля за выполнением правительственных постановлений также не внесло существенных изменений в жизнь высшей школы. Перестройка гуманитарного образования на основе научного социализма, проводимая

Наркомпросом, не встретила энтузиазма у университетской профессуры и фактически саботировалась. В глазах партийно-государственных руководителей вузы оставались «гнездами» контрреволюции. Большая часть университетских юристов, историков, философов в лекциях и печатных трудах характеризовали Октябрьскую революцию как национальную катастрофу, грозящую гибелью науке и культуре. Это вызывало многочисленные конфликты с рабфаковцами. В Наркомпросе раздавались призывы прибегнуть к «крутым мерам».

Решающее наступление началось с конца 1920 г. Во главе Московского университета был поставлен Временный президиум, часть членов которого назначалась Наркомпросом, часть избиралась. Председателем президиума стал профессор финансового права коммунист Д. П. Боголепов. Замещение профессорских должностей перешло в ведение Государственного ученого совета (ГУС) Наркомпроса. Однако многие вузы не подчинились новым законам. Факультетские собрания продолжали проводить выборы на профессорско-преподавательские должности и выносить решения о присвоении упраздненных советской властью ученых степеней и званий.

В 1921 г. были приняты положение «О высших учебных заведениях РСФСР», декрет о научном минимуме, обязательном для преподавания, и постановление об организации факультетов общественных наук. Автономия высшей школы была ликвидирована. Вся полнота власти в вузе сосредоточивалась в руках правления, назначаемого Наркомпросом. Председатель правления — ректор — нес единоличную ответственность за всю работу. Историко-филологические (или филологические) факультеты упразднялись (юридические были закрыты еще в 1918 г.), и преподавание всех гуманитарных предметов переносилось на единые факультеты общественных наук. Вводилось обязательное изучение исторического материализма, истории пролетарской революции, впоследствии общественные дисциплины пополнились историей партии и основами ленинизма. Все вузы были обязаны иметь в своем составе рабочие факультеты.

Вместо высланной за границу на «философском пароходе» профессуры в вузы были направлены для чтения лекций по новым общественным дисциплинам партийные работники — А. С. Бубнов, Н. В. Крыленко, В. А. Красилов и выпускники Института красной профессуры. Гуманитарному образованию был нанесен невосполнимый урон.

Качество обучения специалистов падало. Низким оставался уровень подготовки абитуриентов, так как средняя школа не давала необходимых знаний для продолжения учебы в вузах. Тяжелое материальное положение заставляло многих студентов работать, кроме того, они были перегружены общественными поручениями. Процент отсева был очень высоким, лишь немногие из студентов добирались до последнего курса. Многие квалифицированные преподаватели были вынуждены покидать вузы по политическим мотивам. Ухудшался уровень преподавания и учебно-материальной базы вузов.

Традиционные учебные заведения — школы, техникумы, институты, университеты — не могли в короткие сроки обеспечить потребности новой власти в кадрах. Аппарат органов государственного управления, командный состав Красной Армии, аппарат управления промышленностью формировался главным образом из рабоче-крестьянской среды. Большинство выдвиженцев не имели достаточного опыта и знаний для руководящей работы и нуждались в специальном обучении. Уже в годы Гражданской войны для этой цели создаются советско-партийные школы, коммунистические университеты, краткосрочные политические курсы, военные школы, фронтовые и армейские курсы.

Проблема общеобразовательной и профессиональной подготовки выдвиженцев особенно остро встала в 20-е гг. В 1924 г. 92% директоров заводов и их заместителей имели лишь начальное образование. В национальных районах среди выдвиженцев было немало неграмотных или малограмотных людей. Многих из них направляли для обучения на рабфаки в вузы. Для подготовки национальных партийно-советских кадров были созданы Коммунистический университет трудящихся Востока (КУТВ) и Коммунистический университет национальных меньшинств Запада (КУНМЗ), Среднеазиатский и Закавказский комуниверситеты. Выдвиженчество с последующим обучением в одном из подобных учебных заведений — таков был путь формирования советских управленческих кадров.

Внешкольное образование. Система внешкольного образования взрослых сформировалась в предшествующие годы. До революции действовала широкая сеть воскресных школ, рабочих кружков самообразования, клубов, библиотек, народных читален, всевозможных курсов. Усилия новой власти были направлены на огосударствление этой системы и подчинение культурно-просветительной работы задачам политической пропаганды. Для руководства

культпросветработой был создан внешкольный отдел Наркомпроса, с 1920 г. эта работа перешла в ведение Главного политико-просветительного комитета (Главполитпросвет, 1920—1930). Название нового органа отражало суть культпросветработы в Советском государстве — ее неразрывную связь с пропагандой и агитацией. Главной задачей было массовое распространение социалистической идеологии, агитация за советскую власть, разъяснение ее политики. Немаловажное место в культпросветработе занимали антирелигиозная тематика и пропаганда научно-технических знаний. Много делалось для развития художественной самодеятельности, организации кружковой работы.

В городах центрами этой работы стали клубы, где устраивались митинги, лекции, проводились собрания, ставились спектакли. При клубах открывались библиотеки, читальни, школы и курсы ликбеза. В деревне культпросветработа проводилась через избы-читальни, которые распространяли газеты и книги. Здесь велась агрономическая и кооперативная пропаганда, осуществлялось антирелигиозное и санитарное просвещение, организовывались пункты и курсы ликбеза. В 1924 г. было создано Всероссийское общество культурной смычки, которое занималось организацией шефской помощи города деревне. Шефские общества собирали средства для содержания сельских культпросветучреждений, книги для библиотек, направляли в деревню лекторов.

Политпросветработа велась и в Красной Армии. Помимо органов политуправления, созданных еще во время Гражданской войны, в порядке шефской помощи этим занимались профсоюзы работников просвещения и культуры.

В этот период большое распространение получили подвижные формы агитационно-массовой работы — агитпоезда, агитпароходы, «красные караваны» и т. п. Работники таких передвижных агитпунктов занимались распространением книг, газет, журналов, листовок, оказывали помощь местным культпросветучреждениям, устраивали спектакли, показывали фильмы.

Просветительскую работу в массах проводили также музеи. Их число быстро росло в 20-е гг. Создавались музеи разного типа: историко-революционные, литературно-художественные, музеи-усадьбы. Был открыт Пушкинский заповедник в Псковской губернии, стала музеем квартира Пушкина на Мойке в Ленинграде, в Москве открылись музеи Чехова, Герцена, Кропоткина. Начали

работу музеев в подмосковных усадьбах Кусково и Архангельское, в бывших царских резиденциях Павловске и Гатчине.

Большая роль в культурно-просветительной работе принадлежала средствам массовой информации. В первые годы советской власти полиграфическая промышленность была национализирована, созданы государственные издательства, сложилась новая система газетной и журнальной периодики. Частные и кооперативные издательства не были уничтожены полностью, а в начале нэпа пережили краткий период подъема, но государство постепенно вытесняло их. Сеть периодических изданий, сложившаяся к середине 20-х гг., в основном сохранялась на протяжении всех лет советской власти. Появилось новое средство массовой информации — радио. Регулярные передачи радиопрограмм начались с 1924 г. Несмотря на несовершенство аппаратуры, по радио транслировались музыкальные, литературные и драматические программы. С помощью радио слушатели могли знакомиться со многими произведениями из репертуара Большого театра.

10.4. Наука

Социальные потрясения создавали неблагоприятные условия для развития науки. Научный потенциал страны был подорван. Серьезно пострадала материально-техническая база, почти полностью прекратились контакты с научным миром, сократились издательские возможности. Очень тяжелым было материальное положение научной интеллигенции. По свидетельству академика С. Ф. Ольденбурга, «ученые гибли один за другим, не выдерживая небывалого напряжения жизни и тяжелых лишений того исключительного времени...». Зимой 1919/20 г. в Петрограде умерли от голода известный кристаллограф академик Е. С. Федоров, профессор ботаники Х. Я. Гоби, зоолог В. Л. Бианки, знаменитый геолог А. А. Иностранцев.

Российские ученые по-разному относились к новой власти, но большинство из них оставались верны своему профессиональному долгу. Сеть научных учреждений была сохранена. Из 10 240 научных работников, которых насчитывала Россия в 1914 г., эмигрировали около 500 (включая высланных в 1922 г.). Среди эмигрантов преобладали философы, юристы, историки, представители отраслей знания, судьба которых была предрешена в Советской России. Ученые-естественники могли продолжать профессиональную деятельность независимо от политических убеждений.

Политика новой власти в области науки была направлена на то, чтобы восстановить научный потенциал страны и подчинить его задачам социалистического строительства. Наука должна была давать быструю практическую отдачу. Большевистские лидеры хорошо понимали, что заставить ученых работать насильно нельзя. Надо было налаживать деловые контакты с научными коллективами и отдельными учеными. В начале 1918 г. при Наркомпросе и ВСНХ (Высший совет народного хозяйства) были созданы специальные центры по привлечению к сотрудничеству научных работников. Так, в работе ученого совета Наркомздрава участвовал И. П. Павлов, помощь Наркомзему оказывал Д. Н. Прянишников. В годы Гражданской войны использовались и такие крайние формы привлечения специалистов, как трудовая мобилизация.

С целью сохранить научные кадры с 1920 г. была введена особая форма обеспечения ученых — натуральный академический паек (выдавался до октября 1923 г.). 500 наиболее выдающихся специалистов были освобождены от трудовой повинности, предусматривались меры по охране их жилищ. При Совнаркоме была создана Центральная комиссия по улучшению быта ученых — ЦЕКУБУ (1921—1931).

Перестраивалась система организации науки. При сохранении существующих учреждений, включая Академию наук, университетские кафедры, научные институты и общества, создавались новые специализированные научно-исследовательские институты. Они носили преимущественно прикладной характер, т. е. были нацелены на решение проблем, связанных с развитием промышленности и сельского хозяйства. С 1917 по 1922 г. число научно-исследовательских учреждений выросло втрое, но далеко не все они смогли выжить в условиях острой нехватки средств и слабой материальной базы.

Новые обществоведческие учреждения носили исключительно марксистский характер: Социалистическая академия общественных наук (1918, с 1924 г. — Коммунистическая академия), Институт К. Маркса и Ф. Энгельса (1921, с 1931 г. слит с Институтом В. И. Ленина — ИМЭЛ), Институт В. И. Ленина (1923—1931), Истпарт (Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б), 1920; с 1928 г. слита с Институтом В. И. Ленина), Академия коммунистического воспитания имени Н. К. Крупской (1923—1935).

После Гражданской войны быстро росла численность научных работников. К 1927 г. их насчитывалось около 25 тыс., т. е. в два с

лишним раз больше, чем до революции. Научные кадры готовились в научно-исследовательских институтах, университетах и вузах. В 1925 г. была учреждена аспирантура. Отличительными особенностями в подготовке научной смены стали внесение в общеобразовательную программу марксистской методологии и целенаправленная пролетаризация кадров.

Новой чертой организации науки была ее плановость. Большинство научных учреждений составляли годовые, а с 1923 г. пятилетние планы работы. В связи с нехваткой средств и научных кадров все имевшиеся ресурсы сосредоточивались на тех участках, которые отвечали самым насущным хозяйственным требованиям. Главным направлением в первое послереволюционное десятилетие считалось комплексное исследование производительных сил страны. До революции естественные богатства России использовались слабо. Промышленность Петрограда и военный флот Балтики снабжались углем из Англии, от заграничного сырья зависели многие отрасли промышленности, даже брусчатка для московских-мостовых доставлялась шведскими фирмами. Мировая война разрушила традиционные хозяйственные связи. В 1915 г. была создана Комиссия Академии наук по изучению естественных производительных сил России (КЕПС, с 1930 г. — Совет по изучению естественных производительных сил — СОПС) под председательством В. И. Вернадского, которая должна была способствовать созданию сети государственных научно-исследовательских учреждений в области изучения полезных ископаемых. После революции эта комиссия, поддержанная советскими государственными органами, стала крупным научным учреждением.

Первые экспедиции по изучению месторождений полезных ископаемых были проведены еще во время Гражданской войны, впоследствии экспедиционная деятельность Академии наук приобрела большой размах. Были исследованы Курская магнитная аномалия, залежи апатитов на Кольском полуострове, богатства Кара-Богаз-Гола — залива Каспийского моря.

В области естественных наук работали такие выдающиеся ученые, основатели научных школ, как И. П. Павлов, В. И. Вернадский, А. П. Крылов, Н. Е. Жуковский, А. П. Карпинский. Труды Вернадского положили начало новому направлению в науке — геохимии и учению о биосфере. Работы Н. И. Вавилова, Н. К. Кольцова, А. С. Серебровского внесли существенный вклад в развитие генетики. Ленинградские ученые С. В. Лебедев и Б. В. Бызов изобрели способ получения искусственного каучука.

Для общественных наук первое десятилетие советской власти было периодом их становления на основе марксистской методологии. Научная деятельность в этой сфере не носила кабинетного характера. Ученый-марксист был бойцом идеологического фронта, популяризатором и пропагандистом идеологии, которая должна была стать господствующей в обществе. Воинствующее отношение к инакомыслящим и чрезмерная идеологизация обедняли советское обществоведение. По существу, исследовательская работа сводилась к обоснованию политической линии партии.

В 20-е гг. началась работа по приобщению естественнонаучной интеллигенции к марксизму. Этим занимались кружки по марксистской философии в вузах, научные общества марксистов, Общество воинствующих материалистов, специальные научные институты. В середине 20-х гг. прошли дискуссии по философским проблемам естествознания, в которые вовлекались и ученые этой отрасли.

Для развития отечественной науки большое значение имело восстановление международных контактов. Возобновилось членство Российской академии наук в международных организациях, советские ученые принимали участие в международных конференциях, в заграничных научных экспедициях. Первым официальным выступлением ученых Советской России за границей был доклад Н. И. Вавилова и А. А. Ячевского на международном конгрессе по борьбе с болезнями хлебных злаков в 1921 г. в США. Проводились совместные научные исследования: В. И. Вернадский и Д. В. Скобельцын работали в Радиовом институте в Париже, В. В. Бартольд участвовал в создании Тюркологического института в Стамбуле. В 1925 г. в России состоялся первый после революции международный научный форум — Третий лимнологический конгресс (лимнология — наука о пресных водах).

Укреплению связей ученых способствовало широкое празднование 200-летнего юбилея Российской академии наук в 1925 г., в котором приняли участие более 130 ученых из 25 стран. Академия была признана высшим научным учреждением страны и переименована в Академию наук СССР. С одной стороны, это было признанием ее высокого авторитета, с другой — положило начало подчинению научно-исследовательской работы партийным и государственным органам. В 1926 г. создаются постоянные государственные органы по руководству наукой: межведомственная

комиссия при СНК для содействия Академии наук, отдел научных учреждений СНК, комитет по заведованию учеными и учебными учреждениями при ЦИК СССР.

10.5. Художественная культура

После 1917 г. относительная замкнутость художественной культуры стала разрушаться, усиливалась ее зависимость от социального заказа. Революция, выдвинувшая лозунг «искусство — народу», открыла широкие возможности для приобщения к искусству и занятий творческой деятельностью. Потребности и вкусы массовой аудитории не могли не влиять на художественную культуру. Правящая партия рассматривала литературу и искусство как средства идеологического воздействия на массы и стремилась установить контроль над художественным творчеством.

Осенью 1918 г. немногие деятели литературы и искусства откликнулись на обращение Наркомпроса с призывом о сотрудничестве. Судьбы многих деятелей культуры складывались в переломную революционную эпоху непросто. Трагическое ощущение времени передал О. Э. Мандельштам в стихотворении «Век» (1922):

Век мой, зверь мой, кто сумеет
Заглянуть в твои зрачки
И своею кровью склеит
Двух столетий позвонки?
Кровь-строительница хлещет
Горлом из земных вещей,
Захребетник лишь трепещет
На пороге новых дней.

Современникам трудно было оценить пророческий смысл этих строк, но многие из них воспринимали происходящее в России как катастрофу, гибельную для страны и ее культуры. Значительная часть художественной интеллигенции не могла понять и принять новую революционную Россию и предпочла эмиграцию.

Художественные силы республики в первое послереволюционное десятилетие значительно обновились. Массовой школой подготовки пролетарских писателей, художников и артистов стали студии Пролеткульта. Особенно велика была их роль в годы Гражданской войны, когда новая система профессионального художественного образования еще не сложилась. В этих студиях начинали свою творческую деятельность известные кинорежиссеры, драматурги, актеры: С. М. Эйзенштейн, И. А. Пырьев,

Г. В. Александров, А. Н. Афиногенов, А. Д. Попов, М. М. Штраух, А. Н. Арбузов, Э. П. Гарин.

Возникло множество новых театральных коллективов, как правило, недолговечных, потому что они создавались исключительно на энтузиазме и не имели материальной базы. Большую роль в становлении советского театрального искусства сыграли основанные в те годы театры — Большой драматический в Ленинграде, первым художественным руководителем которого был А. А. Блок, Театр имени Вс. Мейерхольда (1920—1938), Театр имени Евг. Вахтангова (1926 — по настоящее время), Театр имени МГСПС (1923, с 1938 г. — Театр имени Моссовета). К этому времени относится открытие первого профессионального театра для детей (1921, ныне — Центральный детский театр), у истоков которого стояла Н. И. Сац. Некоторые коллективы, возникшие как самодеятельные, впоследствии переросли в профессиональные. До середины 30-х гг. самодеятельным был Русский народный хор имени М. Е. Пятницкого (с 1910 г. — по настоящее время), на основе самодеятельности был создан в 1928 г. Ансамбль песни и пляски Красной Армии (ныне — Ансамбль песни и пляски Российской Армии имени А. В. Александрова).

Талантливая молодежь, прошедшая Гражданскую войну, приходила в литературу. Только с 1920 по 1926 г. впервые выступили в печати более 150 писателей, среди них В. А. Каверин, Н. С. Тихонов, Н. Н. Асеев, Л. Н. Сейфуллина, А. А. Жаров, Л. М. Леонов, М. А. Шолохов, А. А. Фадеев. Известными фигурами в художественной жизни тех лет были литераторы и художники, творческая деятельность которых началась и была признана еще до революции, такие, как В. Я. Брюсов, В. В. Маяковский, С. А. Есенин, Д. Бедный, М. Горький, А. С. Серафимович, К. С. Станиславский, Вс. Э. Мейерхольд, А. Я. Таиров, К. С. Петров-Водкин, Б. М. Кустодиев, С. Т. Коненков. Эти имена олицетворяли собой преемственность в развитии русской художественной культуры, ее богатство, многообразие стилей и направлений.

Первые попытки художественного осмысления свершившейся революции относятся к ее первым месяцам и годам. Это стихи В. В. Маяковского, поэма А. А. Блока «Двенадцать». Восприятие революции с другой стороны баррикад отразилось в дневнике И. А. Бунина «Окаянные дни». В живописи навеянные революцией образы воплотились в картинах А. А. Рылова «В голубом просторе», К. Ф. Юона «Новая планета», К. С. Петрова-Водкина

«1918 год в Петрограде». Символом нового направления в искусстве стал проект «Башни III Интернационала» В. Е. Татлина. Первым советским спектаклем стала «Мистерия-буфф» — пьеса В. В. Маяковского в постановке Вс. Мейерхольда с оформлением К. Малевича (состоялось всего три представления).

Широкое распространение в советском революционном искусстве получили агитационно-массовые формы. Для произведений этого жанра были характерны аллегории, условный отказ от изображения личности, злободневная тематика.

Заметным явлением культурной жизни стали массовые театрализованные праздники. Подготовка к ним объединяла усилия поэтов, актеров, художников, режиссеров, музыкантов, а действие предполагало участие нескольких тысяч человек. Первый такой праздник под названием «Мистерия освобожденного труда» состоялся 1 мая 1920 г. на ступенях Фондовой биржи в Петрограде.

Весной 1918 г. был принят декрет Совнаркома «О памятниках республики», который предусматривал снятие памятников, воздвигнутых «в честь царей и их слуг», и создание новых — в честь революции. В соответствии с принятым планом монументальной пропаганды в течение трех лет были заложены и открыты десятки новых памятников: в Москве — Марксу и Энгельсу, Робеспьеру, Марату, Дантону, Разину, обелиск Советской Конституции, в Петрограде — Марксу, Лассалю, Гейне и др. Открытие каждого из них проходило торжественно, с участием партийных руководителей. Другим важным условием проведения плана монументальной пропаганды было всенародное обсуждение памятников. Они сооружались из непрочных материалов, поэтому большинство из них не сохранилось до наших дней. В Москве сохранились памятники Герцену и Огареву (около старого здания МГУ), Достоевскому (ул. Достоевского). Обелиск Советской Конституции был установлен на месте памятника герою русско-турецкой войны генералу Скобелеву напротив здания Московского совета. Сейчас на этом месте находится памятник Юрию Долгорукому.

Художественная жизнь первого послереволюционного десятилетия была чрезвычайно пестра. Появлялись новые литературно-художественные группировки, заявлявшие о себе ширококестательными манифестами. Многие из них быстро исчезали, не оставив и следа. Среди наиболее заметных групп были «Кузница» (1920), «Серапионовы братья» (1921), «Октябрь» (1922), Московская ассоциация пролетарских писателей — МАПП (1923), «Ле-

вый фронт искусств» — ЛЕФ (1922), «Перевал» (1923), Российская ассоциация пролетарских писателей — РАПП (1925), Всесоюзная ассоциация пролетарских писателей — ВАПП (1923), Литературный центр конструктивистов — ЛЦК, Всесоюзное объединение крестьянских писателей — ВОКП (1926). Художественная практика не вписывалась в эстетические декларации и была сложнее их. Шли напряженные поиски новых средств художественного воплощения революционной действительности. Условно можно выделить два основных течения: одно вело поиски в русле традиционного реалистического искусства, другое, так называемый левый фланг искусства, искало новые формы. Каждое из этих направлений было неоднородным и выдвигало разные эстетические концепции.

Партийное вмешательство в дела литературы и искусства первоначально ограничивалось лишь политической цензурой. До появления специальных органов (Главлита и Главреперткома) функции цензоров возлагались на работников руководящих партийных органов. Эстетическим спорам был дан полный простор. Нарком А. В. Луначарский писал в 1924 г. в статье с программным названием «Художественная политика Советского государства»: «Нельзя провозглашать государственной ни школу реализма, ни школу футуризма. Нельзя объявлять без воли самого пролетариата, пока не могущего произнести своего приговора, истинно пролетарским ни какой-либо с иголочки новенький и еще сумбурный конструктивизм, ни равным образом, требующий всяческого присмотра, хотя бы народнический реализм».

При отсутствии четкой партийной линии в области художественной культуры организаторы пролетарского литературного движения сформулировали свою программу создания новой литературы силами писателей-пролетариев. Активными борцами за ее претворение в жизнь стали журнал «На посту» (создан в 1923 г. как орган МАПП) и ассоциации пролетарских писателей (ВАПП, МАПП, РАПП). По мнению их руководителей, литературно-художественные силы тех лет делились на три лагеря: пролетарские писатели, крестьянские и «попутчики». Слово «попутчики» по отношению к писателям впервые употребил Л. Д. Троцкий в 1923 г., и оно широко вошло в практику. К ним относили писателей непролетарского происхождения, которые принимали советскую власть, сотрудничали с ней, но заявляли о своем политическом нейтралитете. Напостовцы оценивали произведения искусства с точки зрения их идейного содержания, отводя второстепен-

ную роль профессиональному мастерству и эстетической зрелости. Они негативно относились к творчеству «попутчиков».

Противоположную позицию занимал журнал «Красная новь», который публиковал наиболее яркие и талантливые произведения вне зависимости от политических убеждений и социального происхождения авторов. Поводом для обострения разногласий и начала полемики между журналами «На посту» и «Красная новь» послужила публикация в сентябре 1923 г. в «Правде» статей Троцкого о пролетарской культуре и партийной политике в области литературы (эти статьи вошли в его книгу «Литература и революция», опубликованную в том же году). Автор считал, что надо работать над созданием социалистической литературы, а не пролетарской, поскольку при переходе к социализму классы исчезнут.

Дискуссии по вопросам партийной политики в области художественной литературы на совещании в ЦК в мае 1924 г., а затем на Всесоюзной конференции пролетарских писателей в январе 1925 г. усилили поляризацию позиций. Главный редактор «Красной нови» А. К. Воронский выступал за главенство эстетических критериев над политическими. По его мнению, пролетарское литературное течение являлось равноправным среди других и не должно было пользоваться никакими привилегиями. Напостовец И. Вардин заявлял о необходимости диктатуры партии в области литературы, считая ВАПП орудием этой диктатуры и выразителем воли партии. Напостовцы не стеснялись в выражениях, выдвигая политические обвинения против многих писателей, поэтов и критиков. В частности, разгромной критике подверглись В. Маяковский и М. Горький, впоследствии признанные корифеями советской литературы.

Резолюция ЦК ВКП(б) «О политике партии в области художественной литературы», принятая 18 июня 1925 г., подвела черту под двухлетней полемикой. Она носила компромиссный характер. С одной стороны, крайности «напостовской» линии были осуждены, с другой — высказывалась безусловная поддержка пролетарским литературно-художественным силам. Авторы резолюции рассматривали художественную жизнь с точки зрения классовой борьбы пролетариата за идейную гегемонию, но считали, что эта борьба должна была вестись в мирных организационных формах. Выдвигался лозунг «бережного отношения к «попутчикам», что должно было помочь им перейти на позиции коммунистической идеологии. В эстетической сфере объявлялось свободное соревнование различных течений и группировок.

Партийное вмешательство на время усмирило страсти, кипевшие вокруг «попутчиков», и успокоило самих писателей. Ультра-левые руководители — С. А. Родов, Г. Лелевич, И. В. Вардин были вытеснены из ВАППа более умеренными. Но коренных изменений в позиции «неистовых ревнителей» пролетарской чистоты не произошло.

Театры оказались одним из наиболее устойчивых элементов культурной жизни. Г. Уэллс, посетивший Советскую Россию в 1920 г., был поражен, что «русское драматическое и оперное искусство прошло невредимым сквозь все бури и потрясения и живо по сей день». В Петрограде в это время ежедневно давалось более 40 представлений. Ставилась преимущественно классика. Новых пьес было мало, успехом, как это было с «Мистерией-буфф», они не пользовались. В театры пришел неискушенный зритель, которого, по словам К. С. Станиславского, надо было учить сидеть во время спектакля тихо, не курить, не грызть орехов и снимать шляпу. Но демократичная зрительская аудитория оказалась чрезвычайно отзывчивой и благодарной, что вдохновляло актеров.

В 1920 г. Вс. Мейерхольд, который в то время возглавлял театральный отдел Наркомпроса, выдвинул лозунг «Театрального Октября». Его программа была направлена на революционное преобразование театра. Великий режиссер считал, что новый театр должен быть тенденциозным, политическим, агитационным и обязательно массовым, чтобы зрители становились участниками спектакля. Академические театры (как их тогда называли «аки») не поддерживали «Театральный Октябрь», и само их существование оказалось под вопросом. Надежды на обновление театрального искусства связывались со студиями, которые в большом количестве возникали при академических театрах.

Новаторские поиски Мейерхольда не были понятны и интересны массовому зрителю. А именно на такого зрителя рассчитывали левые реформаторы. В 1923 г. театры повернули «назад к Островскому», т. е. к традициям отечественного театрального искусства. Грань между «левыми» и «аками» стала постепенно стираться.

В середине 20-х гг. появились первые советские пьесы, написанные в реалистической традиции. Крупными событиями театральных сезонов 1925—1927 гг. стали «Шторм» В. Билль-Белоцерковского в Театре имени МГСПС, «Любовь Яровая» К. Тренева

в Малом театре, «Разлом» Б. Лавренева в Театре имени Евг. Вахтангова и Большом драматическом, «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова во МХАТе. Прочное место в репертуаре занимала классика. Попытки ее нового прочтения делали как «аки» («Горячее сердце» А. Островского во МХАТе), так и «левые» («Лес» А. Островского и «Ревизор» Н. Гоголя в Театре имени Вс. Мейерхольда).

Если драматические театры к концу первого советского десятилетия перестроили свой репертуар, то главное место в репертуаре оперных и балетных коллективов по-прежнему занимала классика. Единственным удачным спектаклем на современную тему стала постановка балета Р. Глиэра «Красный мак» («Красный цветок») в Большом театре в 1927 г.

Ведущее место в изобразительном искусстве сразу после революции заняли левые течения, представители которых первыми откликнулись на призыв власти к сотрудничеству и встали во главе отдела изобразительных искусств Наркомпроса. Как говорилось в обращении этого отдела, «революционеры художественных форм протянули руку революционерам жизни». Однако произведения авангардного искусства были непонятны массам, поэтому руководство Наркомпроса переориентировалось на традиционное искусство.

Значительной поддержкой власти пользовалась группа АХРР (Ассоциация художников революционной России), ядро которой сложилось из бывших участников Товарищества передвижных художественных выставок. Входившие в ассоциацию художники стремились к отражению современной действительности в формах, доступных восприятию широкой публики. Примерами ахровских работ могут служить портрет Дмитрия Фурманова, написанный С. Малютиным, «Делегатка» Г. Ряжского, «Заседание сельячейки» Е. Чепцова, знаменитая «Тачанка» М. Грекова.

Группа ОСТ (Общество станковистов), включавшая молодежь первого советского художественного вуза ВХУТЕМАС (Высшие художественно-технические мастерские, основаны в 1920 г.), ставила своей задачей воплощение в образах взаимоотношений человека и современного производства. Новаторство остовцев наиболее ярко выразилось в таких картинах, как «Оборона Петрограда» А. Дейнеки, «Тяжелая индустрия» Ю. Пименова, «Шар улетел» С. Лучишкина.

Группа «Четыре искусства» и ОМХ (Общество московских художников), объединявшие мастеров старшего поколения, были

близки в программном требовании «величайшей действенности и выразительности формальных сторон творчества, образующих неразрывное единство с идеологической...». Художники отличались друг от друга по своей творческой манере. Среди членов группы «Четыре искусства» были К. Петров-Водкин, П. Кузнецов, М. Сарьян, В. Фаворский. Наиболее активные художники ОМХа — П. Кончаловский, И. Машков, А. Лентулов, А. Куприн, Р. Фальк — до революции входили в объединение «Бубновый валет».

Процесс демократизации захватил музыкальную жизнь страны. После революции во многих городах — Харькове, Севастополе, Витебске, Минске и других — были открыты народные консерватории, подобные той, которая была создана в Москве в 1906 г. Общедоступные симфонические и хоровые концерты, часто сопровождаемые просветительскими лекциями, собирали полные залы.

Российская ассоциация пролетарских музыкантов (РАПМ), возникшая в 1923 г., ставила своей задачей распространить гегемонию пролетариата на музыкальную область. Ее творческие усилия были направлены главным образом на создание массовой революционной песни. К ней была близка организация молодых музыкантов Московской консерватории «Производственный коллектив» (Проколл), созданная в 1925 г. и впоследствии влившаяся в РАПМ. Проколл пытался внедрить практику коллективного сочинения музыки, преимущественно хоровой.

Стремление к коллективизму привело к появлению в 1922 г. уникального оркестра без дирижера — Первого симфонического ансамбля (Персимфанс, существовал до 1932 г.). Ансамбль внес большой вклад в популяризацию симфонической музыки, давая концерты в рабочих клубах и красноармейских казармах. Судя по тому, что с ним выступали такие выдающиеся исполнители, как В. Горовиц, М. Юдина, В. Софроницкий, А. Нежданова, Н. Обухова, ансамбль высоко оценивался в профессиональных кругах.

Другая тенденция в развитии музыкального искусства была воплощена в деятельности Ассоциации современной музыки (АСМ), возникшей в 1924 г. и занимавшейся распространением новой русской и иностранной музыки. В нее входили Н. Мясковский, Б. Асафьев, Ю. Шапорин, Д. Шостакович, В. Шебалин и др. АСМ устраивала концерты, выставки нот и книг, приглашала на гастроли выдающихся зарубежных музыкантов. Были организованы выступления П. Хиндемита, Д. Мийо, А. Онеггера и др.

Известная фраза Ленина «из всех искусств для нас важнейшим является кино» определила то громадное внимание, которое партийные и государственные органы уделяли кино как действенному средству пропагандистской и культурной работы в массах. Первые шаги в этой области были направлены на то, чтобы сохранить кинопроизводство в стране. Большинство кинофабрикантов, режиссеров и актеров бежали за границу или в регионы, не контролируемые большевистским правительством, увозя с собой кинотехнику. Оставшаяся часть кинопромышленности была национализирована и передана в ведение Наркомпроса. Выпуск фильмов и их прокат были поставлены под контроль специальных кинокомитетов.

Раннее советское кино ориентировалось на документальные фильмы, наиболее простые и доступные формы. В этой области был совершен кардинальный переворот: появились новые жанры (киноплакат, историко-революционный монтаж). Авангардное движение кинохроникеров, «киноков», возглавил Дзига Вертов, открывший новое направление, в основе которого было художественное истолкование документальных фактов.

В историю мирового кинематографа вошли фильмы С. Эйзенштейна 20-х гг. — «Броненосец Потемкин» и «Октябрь», положившие начало освоению революционной темы в кино.

10.6. Культура русского зарубежья

История русской эмиграции как массового явления началась после 1919 г., когда в результате революции и Гражданской войны около 2 млн человек оказались за рубежом. К 1921 г. сложилось несколько основных центров расселения русских эмигрантов со своей собственной культурной жизнью — газетами, журналами, издательствами, школами, университетами и научными институтами. Это Париж, Берлин, Прага, Белград, София и Константинополь (первое время), через который шел основной поток беженцев. Большие русские колонии сложились в государствах, ранее входивших в Российскую империю, — Польше, Литве, Латвии, Эстонии. По существу, русским городом был Харбин.

Несмотря на расстояния и границы, эмигранты поддерживали тесные контакты между собой, что позволяет говорить о культурной общности русского зарубежья. Большинство беженцев рассматривали свое положение как временное. Надеясь на скорое падение большевистского режима, они жили мечтой о возвращении на родину, что объясняет их нежелание интегрироваться в общест-

ва стран проживания и стремление вести привычную для русских жизнь. Они рассматривали эмиграцию не только как способ физического выживания, но и как возможность сохранить ценности и традиции культуры, попираемые на родине большевиками. К середине 20-х гг., когда иллюзии о слабости советской власти и о возможности скорейшего возвращения на родину рассеялись, эмиграция утверждается в осознании своей высокой духовной миссии по сохранению национальной культуры.

В эмиграции были представлены все слои русского дореволюционного общества, но средний образовательный уровень был выше, чем в России. Среди эмигрантов было много людей умственного труда, правда, далеко не всем удалось найти работу по специальности. За пределами России оказались известные писатели, ученые, артисты, художники, музыканты. По разным причинам и в разное время родину покинули А. Аверченко, К. Бальмонт, И. Бунин, З. Гиппиус, Д. Мережковский, А. Куприн, И. Северянин, С. Черный, М. Цветаева, А. Толстой, П. Милуков, П. Струве, Н. Бердяев, Н. Лосский, П. Сорокин, А. Бенуа, К. Коровин, С. Рахманинов, Ф. Шаляпин и многие другие выдающиеся деятели.

Русская культура в эмиграции продолжала дореволюционные традиции. Вместе с тем опыт выживания в отрыве от родины, трудные взаимоотношения с властями стран, давших им приют, идейно-политическая борьба различных течений в эмигрантской среде оказывали существенное влияние на условия культурной жизни в российской диаспоре. Русские культурные учреждения существовали на средства эмигрантских общественных организаций, пожертвования частных лиц, международных фондов и правительств стран проживания. В целом материальные возможности были очень скудными, отсутствие средств было частой причиной закрытия учреждений культуры.

В эмиграции были представлены все виды художественной культуры, наука, развитая система образования, издательская деятельность. Доминирующее место занимала литература, которая выступала в роли хранительницы русской культуры в эмиграции. Это отчасти определялось той особой ролью, которую традиционно играла художественная литература в российской культуре, отчасти спецификой эмигрантской жизни. Научно-техническая интеллигенция, музыканты, художники легче интегрировались в культуру страны проживания, чем литераторы, которые нуждались в русском читателе.

Налаживанием культурной работы занимались многочисленные общественные организации. Среди них большую роль сыграли Всероссийский земский союз и Всероссийский союз городов. Лишь в некоторых странах, таких, как Югославия, Болгария и Чехословакия, русские учебные заведения получали материальную поддержку от правительства. Особую акцию помощи провело правительство Чехословакии, где в 1921—1925 гг. начали работать около 20 русских культурных учреждений, включая высшие учебные заведения, различные школы, гимназии и курсы.

Основная цель системы образования в эмиграции состояла в сохранении русского самосознания в подрастающем поколении. Начальная школа давала азы грамотности и религии на русском языке, далее, как и в дореволюционной России, обучение продолжалось в гимназии или реальном училище. Упор делался на гуманитарные предметы — русский язык и русскую литературу, историю. Естественные предметы преподавались по программам стран проживания. Для детей, посещавших местные учебные заведения, были открыты воскресные русские школы. Преподавание было преимущественно традиционным. Первоначально школы работали по старой орфографии, хотя реформа правописания, принятая в Советской России, была фактически подготовлена до революции. Постепенно был осуществлен переход на новые правила.

Вузовским центром русского зарубежья стала Прага, где при поддержке чехословацкого правительства были открыты Русский университет, состоящий из двух факультетов — юридического и историко-филологического, Технический институт и сельскохозяйственная школа. Для тех, кто не мог посещать занятия днем, был создан Народный университет. Создание русских вузов дало возможность для эмигрантской молодежи получить стипендии для обучения, а для многих ученых-гуманитариев продолжить профессиональную деятельность. В этих высших учебных заведениях читали лекции С. Франк, Ф. Степун, П. Струве, П. Милюков. Центром изучения религиозных дисциплин стал Свято-Сергиевский Богословский институт, открытый в 1925 г. в Париже.

Незаменимую роль в поддержании единства русского зарубежья играла издательская деятельность. В 1920—1922 гг. в разных городах мира возникло множество русских периодических изданий. Жизнь большинства из них была коротка; к концу 1923 г. осталось не более 100 газет. Наиболее популярными были газеты «Последние новости» (1920—1940) и «Возрождение» (с 1925 г.), из-

дававшиеся в Париже, а также берлинская газета «Руль». Самым значительным журналом, издававшимся в эмиграции, был журнал «Современные записки» (выходил в Париже с конца 1920 по 1940 г.). Журнал объявил себя внепартийным и был посвящен прежде всего вопросам культуры. По задачам и составу сотрудников он продолжал традиции «Русского богатства». В нем печатались многие известные писатели и поэты русского зарубежья: И. Бунин, Д. Мережковский, К. Бальмонт, М. Цветаева, А. Ремизов, И. Шмелев, М. Осоргин, Ф. Степун, из младшего поколения — Н. Берберова, М. Алданов, В. Набоков. В журнале публиковались также философские, общественно-публицистические, научные статьи, имелся критико-библиографический отдел.

Среди эмигрантских толстых журналов следует упомянуть также «Русскую мысль», выходившую с 1921 по 1924 г. сначала в Софии, затем в Праге и Берлине под редакцией П. Б. Струве. Журнал являлся продолжением дореволюционного издания.

Издательская деятельность в эмиграции была крайне сложна из-за бедности издателей, низкой покупательной способности русских читателей. В этом отношении условия, сложившиеся в начале 20-х гг. в Берлине, можно считать уникальными. Инфляция и относительная дешевизна создавали здесь благоприятные условия. Кроме того, Германия была единственной страной в Западной Европе, имевшей с 1922 г. дипломатические отношения с Советской Россией, и в Берлин часто приезжали советские писатели и художники.

В Берлине было создано много издательств, которые были готовы обслуживать как советский, так и эмигрантский рынок и печатать как советских, так и эмигрантских авторов. Самым крупным из них было издательство З. Гржебина, который в конце 1920 г. перенес свою деятельность из Петрограда сначала в Стокгольм, а затем в Берлин. Гржебин вел переговоры о продаже книг в СССР, главным образом классики, но советская сторона сорвала их, и он разорился.

В начале 20-х гг. в Берлине возникло содружество «Веретено» с отделением в Москве, объединявшее около 120 русских писателей и художников. В городе был создан свой Дом искусств по образцу петроградского Дома литераторов. Здесь встречались эмигрантские и советские писатели, свои произведения читали А. Ремизов, В. Ходасевич, В. Маяковский, В. Шкловский. В «Литературных записках», издании петроградского Дома литераторов, регулярно печатались сведения об эмигрантских публи-

кациях, списки выходивших за границей русских книг. Информацию о культурной жизни эмиграции давал советский журнал «Красная новь». В 1923—1925 гг. в Берлине по инициативе М. Горького издавался журнал, предназначенный для Советской России, однако туда не допущенный.

Некоторых литераторов, проживавших тогда в Берлине, трудно с уверенностью отнести к советскому или эмигрантскому лагерю (А. Белый, В. Ходасевич, В. Шкловский, И. Эренбург). Из них лишь Ходасевич впоследствии остался в эмиграции. Некоторые примкнувшие к сменовеховству, например А. Толстой, вернулись на родину. Неопределенным было положение М. Горького, который уехал за границу в 1921 г. под предлогом лечения, но задержался там до 1928 г.

Издательство «ИМКА-пресс», существующее и поныне в Париже, было изначально создано европейским представительством американской христианской молодежной ассоциации, которое издавало учебную и религиозную литературу для военнопленных. С середины 20-х гг. оно занималось изданием книг по философии и религии, а затем учебной и художественной литературы для русской эмиграции.

С 1925 г. возникла традиция ежегодного проведения Дней русской культуры, единственного торжества, объединявшего все русское зарубежье. Эта традиция продолжалась до Второй мировой войны и возобновилась, но уже в более скромном масштабе в 1947 г. Для русского национального праздника культуры была выбрана символическая дата — день рождения Пушкина. Ни одна идея, ни одно мероприятие не собирало вокруг себя столько участников, сколько Дни русской культуры.

Оторванная от родной почвы физически, оказавшись в изгнании, эмигрантская интеллигенция душой и сердцем оставалась с Россией. В начале 20-х гг. возобновились старые споры об исторической роли интеллигенции, о месте России в мировой цивилизации. Обсуждались пути национального возрождения, возможности эволюции большевистского режима. Возникали новые течения и группы.

Заметным явлением идейно-политической жизни эмиграции стало евразийство. Это течение впервые заявило о себе сборником статей со сложным названием «Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев», опубликованным в Софии в 1921 г. Его авторы — П. Н. Савицкий, П. П. Сувчанский, Н. С. Трубецкой и Г. В. Флоровский — были неизвестны широкой

публике. Впоследствии Трубецкой стал выдающимся лингвистом, Флоровский прославился как богослов и деятель экуменического движения (движение христианских церквей разных направлений за объединение). Идеи евразийцев разделяли историк Г. В. Вернадский, философы Л. П. Карсавин и В. Н. Ильин.

В основе этой идеологии лежало представление о России как о самобытной державе, существующей на стыке двух миров — Востока и Запада. Евразийцы отстаивали самобытность русской культуры и выступали против западничества. Они считали, что оторванность большей части интеллигенции от национальной почвы и духовных основ народа сыграла роковую роль в революции. Большевизм оценивался противоречиво: с одной стороны, как итог европейской культуры, с другой — как широкое народное движение, восстание народа против европеизированной интеллигенции.

Это течение имело как поклонников, так и противников. Если одни видели в евразийстве проявление великорусского национализма и упрекали его лидеров в примирении с большевистским режимом, то другие, напротив, считали их выразителями пробуждающейся национальной идеи.

Обстановка экономического и политического кризиса, поразившего послевоенную Европу, усиливала недоверие к западному парламентаризму и способствовала распространению евразийских идей. Издавались новые сборники статей. В 1926 г. была опубликована детальная политическая, социальная и культурная программа евразийства. Но вскоре внутри движения наметился раскол, а увлечение его идеями пошло на спад.

Эволюция политических настроений эмигрантской интеллигенции нашла отражение в сменовеховстве. Сборник «Смена вех» увидел свет в Праге в 1921 г. и сразу привлек внимание как эмиграции, так и советских властей. Его авторы (Ю. В. Ключников, Н. В. Устрялов, А. В. Бобрищев-Пушкин, С. С. Лукьянов, С. С. Чахотин, Ю. Н. Потехин) пытались найти место для интеллигенции в новой России, определить ее отношения с большевистской властью. «Трудно любить Россию, красную от пожара и крови, но иного пути нет для русского» — таким был лейтмотив сборника. Интеллигенция меняла «вехи», признавала историческую правоту большевизма. Сменовеховцы считали, что многолетний спор, который вела интеллигенция с властью, закончен. «Большевизм не только сумел вовремя учесть стремление масс — он пришел безоговорочно исполнить и заветы истории русской

интеллигенции», — писал Ключников. Сменовеховцы призывали отказаться от вооруженной борьбы с советской властью и всеми силами способствовать культурному и экономическому возрождению России. Не принимая большевизм идеологически, сменовеховцы надеялись, что он сможет воссоздать крепкую государственность. Они считали, что переход к новой экономической политике приведет к постепенной эволюции большевизма, что красное знамя «зацветает национальными цветами». Устрялов называл свою идеологию национал-большевизмом.

Сменовеховские идеи были сочувственно встречены большевистским руководством, хотя расценивались как буржуазно-реставраторские. Для налаживания мирной жизни страна нуждалась в квалифицированных кадрах. Эмигрантов, готовых служить советской власти, охотно брали на работу в советские учреждения за границей, им разрешали возвращаться на родину. В Советской России было разрешено издание сменовеховского журнала «Новая Россия» (1922—1926, впоследствии — «Россия»).

В эмигрантской среде сменовеховство не получило широкого распространения. Парижский журнал «Смена вех» и берлинская газета «Накануне», поддерживаемые из Москвы, не пользовались уважением, а литераторы, сотрудничавшие с ними, подвергались ostrакизму. К середине 20-х гг. сменовеховское движение сошло на нет.

К этому времени завершился период адаптации эмигрантов. Большинство из них решили бытовые проблемы, нашли источники существования. Во второй половине 20-х гг. количество русских издательств резко сократилось. Художественные произведения публиковались главным образом в «Современных записках» и в издательстве «Петрополис». Философская, религиозная и отчасти художественная литература издавалась в «ИМКА-пресс». В 1928 г. при Сербской академии наук на средства югославского правительства была создана особая издательская комиссия. Это было результатом всеэмигрантского писательского съезда, проведенного в Белграде при поддержке властей. Комиссия стала выпускать ранее не изданные произведения писателей русского зарубежья в серии под общим названием «Русская библиотека», а также серию «Детская литература». Были изданы книги Бунина, Куприна, Мережковского, Шмелева, Ремизова, а также сборники русских народных сказок.

Периодом расцвета литературы русского зарубежья стал конец 20-х — начало 30-х гг., когда большинство писателей создали свои

наиболее значительные произведения. Среди них «Митина любовь», «Дело корнета Елагина», «Жизнь Арсеньева» Бунина, проза Цветаевой, первые романы Набокова, романы Мережковского. В 1933 г. Бунин был удостоен Нобелевской премии, что свидетельствовало о международном признании факта существования русской литературы в изгнании.

В это же время в эмигрантской среде возникли сомнения в возможности и нужности русской литературы за рубежом в отрыве от развивающегося языка, от родины. Писатели нуждались в русском читателе, а эмигрантская читательская аудитория уменьшалась. Русских книг издавалось все меньше. Существовать литературным трудом могли только те писатели, произведения которых переводились на иностранные языки. Таких было немного. Литература русского зарубежья не была популярна на Западе. Молодые писатели-эмигранты, вступая на литературную стезю, обрекали себя на нищенское существование. Некоторые из них интегрировались в литературу тех стран, где жили.

Однако и в 30-е гг. появлялись новые журналы, объединявшие главным образом молодое поколение эмиграции, — «Числа», «Встречи», «Утверждения». В 1937 г. в Париже возник второй после «Современных записок» крупный литературно-общественный журнал «Русские записки» (редактор П. Милюков), поставивший перед собой задачу «перекинуть мост» между эмигрантской «столицей» и крупной русской колонией на Дальнем Востоке. Но решить эту проблему не удалось, и журнал превратился в двойника «Современных записок» с большей регулярностью выхода.

Журнал «Новый град» (1931—1939) отразил духовные поиски эмиграции тех лет. Его редактировали известные философы Ф. Степун и Г. Федотов. На его страницах печатались произведения Н. Бердяева, С. Булгакова, Н. Лосского. С целью оказания влияния на литературную молодежь журнал организовал общество «Круг» и выпустил три альманаха под тем же названием. Молодая эмигрантская литература заметно отличалась от той, которая создавалась старшим поколением. Для нее было характерно чувство глубокого одиночества, проистекавшего из социальной отверженности. Это объясняло ее углубленность в себя, в мир души, в хаос кошмаров и навязчивых идей. Причины кризиса русской зарубежной литературы были не столько специфически эмигрантскими (оторванность от родины, от языка), кризис переживала западноевропейская литература, под влияние которой все больше попадали русские литераторы.

Заслуга эмиграции состояла в сохранении исторической памяти. Мемуарная литература занимала немаловажное место в эмигрантской периодике и книжных издательствах. С первых лет эмиграции выходил «Архив Русской революции», основанный И. В. Гессеном, позднее в Париже стала выходить «Русская летопись».

В 30-е гг. система русского образования сокращается. Надежд на возвращение на родину уже не было, и подрастающее поколение должно было адаптироваться к условиям стран проживания. Большинство детей стали учиться в местных школах, резко упала популярность русских вузов.

Приближение Второй мировой войны окрасило жизнь русской эмиграции тревожным ожиданием катастрофы. На первый план выходят политические споры: какую позицию она должна занять в случае нападения Германии на Советский Союз. При поддержке советских представителей во Франции и в ряде других стран были созданы «Союзы возвращенцев», которые агитировали эмигрантов за возвращение в СССР. Эта пропаганда имела успех. В СССР вернулись А. Куприн, художник И. Билибин, муж и дочь М. Цветаевой — С. и А. Эфрон, вслед за ними последовала сама Цветаева.

С началом войны история русского зарубежья как особой культурной общности завершилась. Произошла смена поколений. Эмигрантская молодежь была двуязычной и легко интегрировалась в общества стран проживания. Вторая волна беженцев из СССР не рассчитывала на скорое возвращение, а напротив, стремилась адаптироваться к новой жизни.

Глава 11

Культура конца 20-х — 30-е гг.

11.1. Политические и идеологические условия развития культуры

Новый партийный курс на строительство социализма в одной стране, принятый во второй половине 20-х гг., оказал значительное влияние на культуру. В стране складывался репрессивный политический режим с жестким контролем над всеми сферами жизни общества и деятельности людей, ограничением доступа к ин-

формации, наличием единой обязательной для всех идеологии. Общая направленность культурной политики осталась неизменной по сравнению с предшествующим десятилетием. Все сферы культуры рассматривались с точки зрения задач классовой борьбы пролетариата за социализм. Тезис об обострении классовой борьбы по мере продвижения к социализму, выдвинутый И. В. Сталиным в 1928 г., распространялся и на культуру, что служило оправданием идеологических чисток и политических репрессий в этой сфере.

Задачи культурного строительства стали пониматься более упрощенно. В 20-е гг. лидеры партии представляли культурную революцию как многогранный процесс преодоления культурной отсталости страны. В. И. Ленин, который впервые ввел этот термин в 1923 г. в статье «О кооперации», употребил его именно в этом смысле. В выступлении Сталина в марте 1929 г. культурная революция сводилась к введению обязательного начального, а затем среднего образования.

Укрепление власти Сталина повлекло за собой кадровые перестановки во всех звеньях партийно-государственного руководства: ленинская гвардия вытеснялась более молодым поколением деятелей партии. Не стал исключением и Наркомат просвещения. Вместо ушедшего в 1929 г. в отставку А. В. Луначарского, вызванной его несогласием с реформой в системе профобразования, был назначен А. С. Бубнов. Он отстаивал необходимость широкой общеобразовательной подготовки рабочих в противовес принятому плану узкопрофессионального обучения. Первый и второй наркомы просвещения олицетворяли собой разные типы руководителей и разные этапы культурной политики. Луначарский, по отзывам многих современников, был широко, хотя и поверхностно образованным человеком. Он говорил на нескольких иностранных языках, писал литературно-критические статьи, драмы, был прекрасным оратором. Он выступал на публичных диспутах, тесно общался с литературно-художественной интеллигенцией, благодаря жене-актрисе был близок к артистической среде. Луначарский не участвовал во внутрипартийной борьбе 20-х гг., но с уходом с политической арены старой большевистской гвардии он не смог вписаться в сталинское окружение.

Нужны были такие люди, как Бубнов, верные солдаты партии, способные стать хорошими исполнителями решений вышестоящих органов. На посту наркома Бубнов много сделал для введения

всеобщая, но честная и верная служба не спасла его от опалы. В 1937 г. он был смещен с поста наркома и вскоре репрессирован.

С начала 30-х гг. проводилась реорганизация органов управления культурой. Основное направление перестройки — усиление специализации и централизации. Создавались новые органы отраслевого управления — Союзкино (1930), Всесоюзный комитет по радиофикации и радиовещанию (1933), Комитет по высшей технической школе (1932, с 1936 г. — Всесоюзный комитет по делам высшей школы), Всесоюзный комитет по делам искусств (1936). Эти органы создавались как общесоюзные, в отличие от наркоматов просвещения, которые являлись республиканскими. Со второй половины 30-х гг. в ведении наркомпросов осталась только система просвещения.

Особую роль в утверждении сталинского диктата в области искусства сыграл Всесоюзный комитет по делам искусств при СНК СССР (КДИ). Он занимался вопросами кинематографии, изобразительного искусства, архитектуры, театрами, цирками, музыкальными учреждениями. По мнению историка Л. В. Максименкова, председатель КДИ П. М. Керженцев выполнял роль чрезвычайного комиссара в области искусств с неограниченными полномочиями, беспрецедентными в истории советской культуры.

На политическом уровне вопросы культуры находились в ведении Отдела культуры и пропаганды ленинизма ЦК ВКП(б), во главе которого с 1930 г. стоял А. И. Стецкий. В 1935 г. этот отдел был разделен на четыре самостоятельных подразделения: Отдел партийной пропаганды и агитации во главе со Стецким, Отдел школ, науки, научно-технических изобретений и открытий во главе с Б. М. Волиным, Отдел культурно-просветительной работы под руководством А. С. Щербакова и Отдел печати во главе с Б. В. Талем. В результате кадровых перемещений и арестов в Отделе культурно-просветительной работы, в ведении которого находилась художественная культура, за три года сменилось четыре заведующих. Очевидно, что кадровая чехарда мешала этому подразделению выполнять функции идеологического руководства искусством, фактически эта роль была возложена на КДИ во главе с Керженцевым. Приоритет государственного органа над партийным был недолгим. В 1938 г., когда Отдел культурно-просветительной работы возглавил А. А. Жданов, монополии КДИ был положен конец, и он был разделен на три самостоятельных ведомства: Комитет по делам искусств, Кинокомитет и Комитет по делам архитектуры. Активную роль в руководстве «культурным фронтом»

играл Сталин, при участии которого принимались все решения по идеологическим вопросам.

Введение общегосударственного пятилетнего планирования с 1928 г. распространялось также и на культурное строительство. Приоритетным финансированием пользовались отрасли, имевшие оборонное значение, бюджетные ассигнования на культуру выделялись по остаточному принципу. Уровень материальной обеспеченности отраслей культуры всегда отставал от потребностей.

В 30-е гг. произошел скачок в развитии средств распространения культуры. Росли тиражи книг, газет и журналов. Благодаря росту грамотности все больше людей приобщались к чтению. Постепенно в быт входили радиоприемники и патефоны, становилось доступным кино. Однако материальные и технические возможности для развития средств массовой информации были очень ограничены. Лишь около 30 млн человек (примерно один из шести) могли слушать радио накануне войны. По производству бумаги СССР находился на последнем месте в мире.

Изменились методы руководства культурой. Если в 20-е гг. многие вопросы обсуждались на профессиональных съездах и конференциях, на специальных совещаниях в ЦК партии, то в последующие десятилетия совещания и съезды работников культуры собирались все реже. Перестали существовать многие общественные организации. Получил распространение авторитарно-бюрократический стиль руководства наукой, литературой и искусством.

С 30-х гг. началось утверждение культа личности Сталина. Первой «ласточкой» стала статья К. Е. Ворошилова «Сталин и Красная Армия», опубликованная в 1929 г. к пятидесятилетнему юбилею генерального секретаря, в которой вопреки исторической правде преувеличивались его заслуги. Постепенно Сталин становился единственным и непогрешимым теоретиком марксизма. В общественное сознание внедрялся образ мудрого вождя, «отца народов».

Официальные оценки состояния дел в стране не соответствовали истинному положению. Так, в 1934 г. на XVII съезде партии было заявлено, что за годы первой пятилетки СССР превратился в страну передовой культуры. На следующем съезде в 1939 г. уже говорилось о завершенности культурной революции, что подразумевало ликвидацию неграмотности, введение начального образования и создание кадров новой интеллигенции. Средства массовой

информации, полностью подчиненные задачам пропаганды, создавали далекую от реальности картину жизни страны и мира. Сократились международные культурные контакты.

Большинство людей верили всему, что читали в газетах и слышали по радио. Страна менялась на глазах, и это прибавляло уверенности в завтрашнем дне и увеличивало доверие к партийному руководству. Высокие цели, ощущение слияния с эпохой, вера в светлые идеалы, устремленность в будущее, которое казалось близким, — в этом были источники оптимизма, энтузиазма и счастья людей того времени. Бедность, бытовые неудобства, теснота жилищ, материальные стороны жизни отступали на задний план перед величием задач, в осуществлении которых выпало счастье участвовать. На фоне грандиозных задач и великих свершений факты, которые не вписывались в общую картину, казались случайными, нетипичными. Нагнетаемая в обществе атмосфера подозрительности, взаимной слежки, доносительства делала любые сомнения опасными.

1929 год стал переломным в отношениях советской власти и церкви. Церковь была обвинена в поддержке кулачества, в организации саботажа хлебозаготовок. В ряде сталинских выступлений звучали призывы подавить реакционное духовенство, развернуть антирелигиозную работу. Государственные органы получили широкие права контроля над деятельностью религиозных организаций. Началось массовое закрытие монастырей, церквей и приходов. Для практической борьбы с религией на базе Союза безбожников была создана массовая общественная организация — Союз воинствующих безбожников (руководитель Ем. Ярославский). В Казанском и Исаакиевском соборах в Ленинграде и в Страстном монастыре в Москве открылись антирелигиозные музеи. Но успехи в борьбе с религией были невелики. По данным Ярославского, по всей вероятности завышенным, к 1937 г. полностью порвали с религией около половины взрослого населения.

На рубеже 20—30-х гг. усилились репрессии по отношению к интеллигенции. В 1928 г. состоялся процесс над группой технических специалистов из города Шахты на Донбассе (Шахтинское дело), в 1930 г. — процесс над Промышленной партией. Репрессии, волна которых нарастала на протяжении 30-х гг., унесли жизни сотен тысяч деятелей культуры, искалечили судьбы миллионов и имели тяжелые последствия для всей страны.

Усиление утилитарного подхода к культуре и враждебности к религии и старой интеллигенции негативно сказалось на политике

в отношении культурного наследия. Система охраны памятников, созданная после революции, практически бездействовала. Церкви и монастыри безжалостно сносились. Во время реконструкции Москва потеряла около трети памятников зодчества, включая церковь Спаса на Бору, Чудов и Вознесенский монастыри в Кремле, Сухареву башню, Красные ворота, храм Христа Спасителя. Закрывались музеи усадебного типа, а здания передавались в коммунальное хозяйство. Проводились чистки библиотек от книг репрессированных авторов.

Некоторый поворот в отношении к культурному наследию прошлого намечился в 1933—1934 гг., когда были приняты постановления ВЦИК и СНК «Об охране исторических памятников», «Об охране архитектурных памятников» и «О преподавании гражданской истории в школах СССР». История потребовалась сталинскому режиму для пропагандистских целей. Были восстановлены исторические факультеты в университетах, в школах — уроки истории, историческая тематика прочно вошла в литературу и искусство.

11.2. Народное образование и просвещение

Главные задачи в сфере образования оставались те же, что и в 20-е гг., — ликвидация неграмотности и введение всеобщего начального образования. Но политический поворот, происшедший в стране, конец нэпа, объявление курса на построение социализма в одной стране, начало форсированной индустриализации влияли на темпы и методы культурных преобразований. Обстановка штурмовщины из хозяйственной сферы распространилась на народное образование. Одновременно и в кратчайшие сроки решались задачи ликвидации неграмотности, введения всеобщего обязательного начального обучения, массовой подготовки специалистов. Система образования не была готова к этому. Ставка делалась на чрезвычайные меры.

Борьба с неграмотностью. В 1928 г. по инициативе комсомола был объявлен всесоюзный культпоход за грамотность. В ходе этого массового движения была проведена перепись неграмотных и запись добровольцев в культармии. Употребление военизированной лексики в таком мирном деле, как обучение грамоте, отражало атмосферу времени. О масштабах мероприятия можно судить по тому, что численность культармии составляла около миллиона человек. Культармейцы, среди которых были учителя, инженерно-тех-

нические работники, врачи, студенты, учащиеся, домохозяйки, рабочие, работали бесплатно.

Не хватало помещений для занятий, бумаги, письменных принадлежностей, букварей. В начале 30-х гг. в Московской и Ленинградской областях на 10 обучаемых приходился один букварь, во многих деревнях на Урале букварей вообще не было. Обучение грамоте рассматривалось как часть общей культурно-просветительной работы. Ликвидаторы неграмотности проводили беседы на антирелигиозные и санитарно-оздоровительные темы, организовывали политзанятия.

Методы, используемые для пробуждения массового энтузиазма в сфере промышленности, — социалистическое соревнование, массовые кампании — переносились в работу по ликвидации неграмотности. Искражалась отчетность. При высоких темпах проведения мероприятия качество обучения было низким.

По данным переписи 1939 г., массовая неграмотность к этому времени была преодолена — доля грамотных по РСФСР в возрасте 9—49 лет составила 89,7%. Различия между городом и деревней, между мужчинами и женщинами по данному показателю сохранялись, но не столь значительные, как раньше. Вместе с тем с точки зрения современного определения грамотности эти показатели были явно завышенными (по определению, принятому ЮНЕСКО, грамотный человек умеет читать и может написать простой рассказ о событиях повседневной жизни). Много неграмотных оставалось среди лиц старше 50 лет. Большинство взрослых, обученных в ходе чрезвычайной кампании, едва умели читать и поставить подпись.

Школа. Преодоление массовой неграмотности было невозможно без введения всеобщего обучения детей. Постановление ЦК ВКП(б) «О всеобщем обязательном начальном обучении» было принято 25 июля 1930 г. Всеобуч вводился с 1930/31 учебного года для детей 8—10 лет в объеме 4 лет, для подростков, не прошедших начального обучения, в объеме ускоренных одно-двухгодичных курсов. Для детей, окончивших школу первой ступени в городах и рабочих поселках, устанавливалось обязательное обучение в школе-семилетке.

Осуществление всеобуча потребовало громадного напряжения сил. Специальные комиссии по всеобучу были созданы при многих государственных и общественных организациях, при местных советах были организованы специальные комитеты. Надо было решить массу проблем — от строительства новых школьных зда-

ний до обеспечения школьников тетрадями и учебниками. Завышенная отчетность, характерная черта того времени, не позволяет точно определить время введения всеобщего. По официальным данным (на начало учебного года без учета годового отсева), в 1932 г. 98% детей от 8 до 11 лет были охвачены учебой. Фактически всеобщее обучение вошло в жизнь не ранее 1937 г.

Значительные перемены происходили в школе второй ступени. В начале индустриализации встала проблема подготовки рабочих кадров, и в этой связи активно дискутировался вопрос о типе и задачах средней школы. Второе партийное совещание по народному образованию (1930) вынесло решение, что народное образование должно «повернуться лицом к социалистическому производству». В течение 1930—1932 гг. старшие классы общеобразовательной школы были реорганизованы в техникумы. Быстро росли новые типы школ — школы фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) и школы крестьянской молодежи (ШКМ).

Во второй пятилетке положение стабилизируется. С 1932 г. началось восстановление и расширение общего среднего образования, школы-семилетки реорганизовывались в десятилетки. К середине 30-х гг. советская школа приобрела тот вид, который она сохранила до последних лет советской власти. Руководящая роль в ней принадлежала не выборным организациям, а учителям. Урок стал основной формой организации учебного процесса, вводились строгое расписание занятий, десятилетний срок обучения для получения среднего образования, пятибалльная система оценок, экзамены, аттестаты и похвальные грамоты, строгие правила внутреннего распорядка.

Были переработаны школьные программы, созданы новые учебники. В 1934 г. было восстановлено преподавание гражданской истории и географии. Но гуманитарные предметы были слишком политизированы.

Школа стала массовой, но по качеству подготовки она отставала от дореволюционных гимназий и реальных училищ. Учителя начальной школы часто сами имели лишь начальное образование, а большинство преподавателей старших классов в лучшем случае заканчивали среднюю школу. Такие учителя нуждались в унифицированных учебных программах и методиках. Творческие поиски, педагогические эксперименты, дискуссии, характерные для предшествовавшего десятилетия, ушли в прошлое. Усилилась регламентация учебного процесса.

Тяжелый удар по педагогической науке был нанесен постановлением ЦК ВКП(б) 1936 г. о педологии. Это направление педагогики, изучавшее возрастные особенности ребенка, было объявлено «враждебной вылазкой». Кампания по осуждению педологии намного превышала масштабы деятельности самих педологов, которых насчитывалось всего около 500 человек в Москве и Ленинграде. На многие годы прекратились конкретно-социологические исследования детской психологии.

Высшая школа. Новый политический курс на форсированную индустриализацию и коллективизацию ознаменовал поворот в политике по отношению к дореволюционным специалистам. На смену «буржуазной» интеллигенции должны были прийти новые кадры, подготовленные в советских вузах. Было объявлено о разоблачении ряда контрреволюционных организаций, состоявших в основном из представителей старой интеллигенции. Борьба с «вредительством» помогала поддерживать в обществе атмосферу чрезвычайщины. Многочисленные несчастные случаи и аварии на производстве, происходившие в большинстве своем из-за низкой квалификации рабочих и нарушений технологии во имя высоких темпов, приписывались вредительству буржуазных специалистов. В массах разжигались настроения недоверия и подозрительности по отношению к специалистам старшего поколения. Растущие потребности страны в квалифицированных кадрах должны были удовлетворяться за счет выпускников советских вузов.

Другой стороной этой политики было быстрое социальное продвижение рабоче-крестьянской молодежи, которая, пройдя обучение в вузах, занимала руководящие должности на производстве. Эти кадры составили опору сталинского режима. Из этой среды сформировалось поколение советских руководителей, пришедшее на смену сталинскому окружению, поколение Л. И. Брежнева, А. Н. Косыгина, Н. В. Подгорного, К. Т. Мазурова. Все они, закончив вузы или техникумы в годы первых пятилеток, сделали быструю карьеру на волне сталинских чисток.

Социальный состав студенчества коренным образом изменился. Этому способствовало расширение сети рабфаков и курсов для подготовки рабоче-крестьянской молодежи в вузы, а также периодические чистки студенчества. Проводились наборы «парттысячников» — коммунистов, имевших опыт партийной, советской и профсоюзной работы. Для обучения выдвиженцев создавались факультеты особого назначения при вузах, курсы красных директоров, агрокурсы, промышленные академии, одно-двухгодичные

институты сельского хозяйства. Для обеспечения фактического равноправия женщин в получении образования с 1929 г. в вузах для них бронировалось определенное количество мест. Такая практика существовала до 1934 г.

С началом первой пятилетки система высшего и среднего специального образования вступила в период чрезвычайщины. За пять лет численность вузов в РСФСР увеличилась более чем в пять раз — с 94 до 498. Рост происходил преимущественно чисто административным путем: техникумы реорганизовывались в вузы, политехнические высшие учебные заведения делились на несколько отраслевых. На базе старших классов школ создавались новые техникумы.

Чтобы приблизить обучение к производству, руководство техническими вузами было передано промышленным наркоматам, сельскохозяйственными — Наркомзему. Вузы стали готовить специалистов узкого профиля в сжатые сроки. Понятно, что качество подготовки в таких условиях резко снизилось, тем более что была нарушена преемственность средней и высшей школы. Выпускники школ не были готовы к дальнейшему обучению. Последствия дезорганизации системы образования не замедлили сказаться. Некоторые вузы выпускали инженеров на уровне квалификации техников. Реформам был дан обратный ход. Если в начале 1930 г. проводилась реорганизация старших классов школ в техникумы, то уже в конце года было дано противоположное указание.

В годы второй пятилетки положение в системе подготовки кадров стабилизировалось. Поворот начался с постановления ЦИК СССР «Об учебных программах и режиме в высшей школе и техникумах» (1932) и создания Комитета по высшей технической школе (1932). Вновь было сформировано единое руководство высшей школой. Восстанавливались крупные вузы, традиционные проверенные методы обучения, в учебные программы были введены фундаментальные дисциплины, отменялись командировки-мобилизации на учебу. С декабря 1935 г. были отменены социальные ограничения при приеме в высшие учебные заведения.

В результате резкого расширения подготовки специалистов их численность росла очень быстро. К концу 30-х гг. новые пополнения, подготовленные за годы советской власти, составили 80—90% от общей численности специалистов.

Таким образом, сформировался новый слой советской интеллигенции. Старая российская интеллигенция как социальная категория перестала существовать. Это, однако, не означает, что она

была полностью истреблена. Отчасти она сохранилась в эмиграции. Отдельные ее представители сумели выжить в СССР, пойдя на службу советской власти или соглашаясь на профессиональное сотрудничество. Уйдя с исторической арены, российская интеллигенция оставила богатейшее культурное наследие. Востребованное лишь частично в советское время, оно продолжало жить в памятниках художественной культуры и помогло сохранению и в дальнейшем восстановлению культурной преемственности.

11.3. Наука

В условиях, когда все силы и средства страны были подчинены задаче форсированного индустриального рывка, наука не могла остаться в стороне. В 1927 г. была создана Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству (ВАРНITCO, существовала до 1938 г.) под руководством академика А. Н. Баха. Эта организация была призвана преодолеть аполитичность научной среды. На смену старому типу кабинетного ученого, стоящего в стороне от общественно-политической борьбы, должен был прийти новый тип ученого-новатора, связанного с производством. ВАРНИТСО проводила митинги и демонстрации, конференции, организовывала вечера «смычки науки и труда», консультации на заводах. В ее задачи входила также пропаганда марксизма-ленинизма среди научной общественности. В Академии наук стали проводиться семинары по изучению марксистско-ленинской теории.

Советизация науки была связана с обновлением кадрового состава ученых. В 1929 г. было принято специальное партийное постановление «О научных кадрах ВКП(б)», которое предусматривало создание условий для подготовки, продвижения и «правильного использования» коммунистов — научных работников. Для учрежденной в том же году аспирантуры предусматривались меры регулирования социального состава аспирантов, преимущество при зачислении получали рабочие и крестьяне и их дети.

Коренным образом перестраивалась деятельность Академии наук. В 1927 г. был принят ее новый устав (до этого времени действовал устав 1836 г.), в котором ставилась задача приблизить работу академических учреждений к потребностям социалистического строительства в СССР. По новому уставу право выдвижения кандидатов в Академию получил широкий круг научных учреждений и общественных организаций, а также отдельные ученые или группы ученых. Предусматривалась возможность лишения акаде-

мического звания по политическим мотивам, за деятельность, наносящую вред советскому государству.

Устав позволил исключить из Академии ученых, уехавших за границу после 1917 г. без разрешения Советского правительства, и начать подготовку к новым выборам. В результате тщательного отбора кандидатов, проведенного специальными выборными комиссиями с участием представителей партийных и государственных органов, на общем собрании Академии наук в январе 1929 г. было избрано 39 новых членов, из них 5 коммунистов. Три партийных кандидата — философ А. М. Деборин, историк Н. М. Лукин и литературовед В. М. Фриче — не получили необходимого большинства голосов и не были избраны. Власти расценили это как политическую демонстрацию академиков. Звучали предложения провести радикальную реформу. В этих условиях президиум Академии наук был вынужден ходатайствовать в СНК о проведении повторного голосования по этим кандидатурам. На экстраординарном общем собрании в феврале 1929 г. все трое ученых-коммунистов были избраны.

Эти события послужили толчком для проведения чистки Академии наук и ее реорганизации. В том же году комиссия НК РКИ во главе с Ю. П. Фигатнером, проверяя работу академических учреждений, обвинила руководство библиотеки АН (БАН), Пушкинского дома и Археографической комиссии в сокрытии важных документов, имевших политическое значение. Речь шла о документах департамента полиции, корпуса жандармов, центральных комитетов партии эсеров и кадетов, подлинников отречений от престола Николая II и Михаила Романова и др. Директор БАН и Пушкинского дома, возглавлявший одновременно Археографическую комиссию, видный историк С. Ф. Платонов был отстранен от работы, а в начале 1930 г. арестован, непременный секретарь Академии наук С. Ф. Ольденбург снят с должности. Были проведены массовые увольнения сотрудников академических учреждений. Более ста человек было арестовано, в том числе академики Е. В. Тарле, Н. П. Лихачев, М. К. Любавский, историки Ю. В. Готье, В. Г. Дружинин, В. И. Пичета, С. В. Бахрушин, Л. В. Черепнин и др. Их обвинили в заговоре с целью свержения советской власти и установления конституционной монархии. В печати началась кампания травли ученых старшего поколения — историков, музееведов, архивистов, этнографов. В результате арестов и увольнений видных краеведов по всей стране историче-

ское краеведение как направление научно-исследовательских работ было фактически уничтожено.

В мае 1930 г. был принят новый устав Академии наук, в котором говорилось о теснейшей связи академической работы с социалистическим строительством и о необходимости выработки единого научного метода на основе материалистического мировоззрения. По уставу к кандидатам в члены Академии предъявлялись требования активного участия в строительстве социализма. Обновилось ее руководство: неперменным секретарем стал В. П. Волгин, вице-президентами — В. Л. Комаров, Г. М. Кржижановский и Н. Я. Марр. Президентом оставался старейший академик А. П. Карпинский.

В середине 30-х гг. процесс советизации Академии наук был полностью завершен. Она была передана в ведение Совнаркома СССР и переведена из Ленинграда в Москву. Слияние ее с Коммунистической академией привело к образованию отделений марксистского обществоведения. Были установлены ученые степени и звания, заменившие единое звание, введенное в 1918 г., — «ученый специалист».

Значительный урон научному потенциалу страны нанесли репрессии. Политические процессы начала 30-х гг. привели к многочисленным арестам в среде научно-технической интеллигенции. Были арестованы, а впоследствии расстреляны видные экономисты А. В. Чаянов и Н. Д. Кондратьев. После убийства С. М. Кирова в 1934 г. волна арестов прошла среди научных работников Ленинграда. Проводились чистки библиотек и спецхранов, из которых изымались книги репрессированных авторов. В конце 30-х гг. ужесточилась система получения литературы из-за рубежа, что подрывало налаженный обмен научной информацией.

В результате массовых арестов ученых и специалистов в стране появился новый тип научно-исследовательского учреждения — закрытые конструкторские бюро (КБ) в системе НКВД, или «шарашки», в которых работали заключенные. Большинство из них вели работы в области оборонной промышленности (А. И. Солженицын, будучи заключенным, сам работал в таком КБ, он описал «шарашку» в романе «В круге первом»).

Ломалась система ценностей научного сообщества. Власть стремилась расколоть его по классовому признаку. В науку переносились методы политической борьбы. Однако научная элита вела борьбу за сохранение нормальных условий для творческой де-

тельности. В. И. Вернадский, который, по его собственному признанию, был идейно чужд как капиталистическому, так и социалистическому строю, неоднократно обращался к советскому руководству, протестуя против арестов ученых, против ограничения доступа к научной информации. П. Л. Капица в своих письмах на имя И. В. Сталина и В. М. Молотова требовал создания оптимальных условий для научной работы.

В годы первых пятилеток для сближения науки с производством широко проводились чрезвычайные выездные сессии, посвященные актуальным вопросам практики. Первая из них на тему «Что может дать наука для осуществления лозунга «Догнать и перегнать капиталистические страны» состоялась в Москве в 1931 г. На других выездных сессиях обсуждались вопросы производительных сил и ресурсов отдельных регионов.

Утилитарный подход к науке и упрощенное понимание ее связи с практикой негативно сказались на фундаментальных исследованиях. Использование классовых критериев для пополнения кадрового состава и политические задачи, поставленные перед учеными, не могли не оказать влияния на общий культурный уровень научной среды. Партийный билет и владение марксистскими формулировками не могли заменить необходимых профессиональных знаний. За утверждение марксистской методологии в науке часто брались люди, не имевшие достаточного образования. Не случайно в июне 1932 г. заведующий агитпропотделом ЦК партии А. И. Стецкий выступил в «Правде» со статьей «Об упрощенчестве и упрощенцах», в которой критиковал вульгаризаторов марксизма, стремившихся внедрить диалектику в рыбное хозяйство, хирургию и сталеплавильное производство.

В организацию научно-исследовательской работы механически переносились формы, которые были эффективны для подъема массового энтузиазма в промышленности. Академия наук СССР заключила договор о социалистическом соревновании с Белорусской и Всеукраинской академиями наук. Данный документ включал обязательства по «творческому овладению марксистско-ленинской теорией». В соревнование вступали также институты и отдельные научные работники. Был выдвинут лозунг «догнать и перегнать науку капиталистических стран» (в 1939 г. осужден как ошибочный).

Подчинение научных исследований общегосударственному планированию вызывало возражение многих крупных ученых. Против перенесения планирования из хозяйственной области в

научную возражали академики И. П. Павлов и В. И. Вернадский. Но в условиях усиления тоталитарных тенденций в стране наука не могла остаться вне сферы централизованного бюрократического управления. Первый общегосударственный план ее развития был принят на 1933—1937 гг. (годы второй пятилетки).

За годы первых пятилеток сеть научно-исследовательских учреждений значительно расширилась. Быстрее всего росла численность отраслевых НИИ, обслуживавших промышленность и строительство. С середины 30-х гг. стала развиваться вузовская наука. Крупным событием в научной жизни страны стало создание в 1928 г. Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина (ВАСХНИЛ), ее возглавил Н. И. Вавилов. Было создано много филиалов и баз АН СССР в союзных республиках и отдельных регионах России — Дальневосточный и Уральский филиалы, Кольская база и др.

Точные и естественные науки в меньшей степени, чем общественные, пострадали от политизации и некомпетентного вмешательства. В 30-е гг. окончательно оформились научные школы вокруг ученых старшего поколения — И. П. Павлова и В. И. Вернадского. Возникли школы физиков А. Ф. Иоффе, Д. С. Рождественского, математиков Н. Н. Лузина, И. М. Виноградова, А. Н. Колмогорова, биолога Н. И. Вавилова и др. Состоявшийся в СССР в 1935 г. Международный конгресс физиологов признал И. П. Павлова главой физиологов мира. На мировом уровне велись исследования в области ядерной физики. Циклотрон, пущенный в 1936 г. в Радиовом институте, был самым крупным в Европе.

В 30-е гг. начались работы по подготовке космических полетов. Большой вклад в теоретическое обоснование освоения космоса внесли труды К. Э. Циолковского. Практическая работа по исследованию реактивного движения и созданию ракетных аппаратов велась группами энтузиастов, создавших в 1933 г. Реактивный научно-исследовательский институт (РНИИ).

Огромный размах приобрели геологические и географические исследования. В 1930 г. был организован Совет по изучению производительных сил (СОПС) АН СССР, который объединял и координировал работу комплексных экспедиций и научных учреждений. Были открыты залежи полезных ископаемых — нефти между Волгой и Уралом, новых запасов угля в Подмосковном и Кузнецком бассейнах, железорудных месторождений на Урале и в других районах. Активно исследовался и осваивался Север. Это

позволило создать прочную материально-сырьевую базу для всех отраслей хозяйства и резко сократить импорт ряда видов сырья.

Вместе с тем некоторые научные направления были административным путем закрыты, так как считались неперспективными или даже ложными. Острая борьба развернулась в биологической науке. Под прикрытием защиты дарвинизма и мичуринской биологии большая группа биологов и философов во главе с Т. Д. Лысенко и И. И. Презентом выступила против генетики, объявив ее «буржуазной наукой». При поддержке партийного руководства влияние Лысенко росло. Власть использовала обвинения против генетиков для объяснения и оправдания отставания сельского хозяйства. На сессии ВАСХНИЛ 1936 г. и на совещании в ИМЭЛ, организованном журналом «Под знаменем марксизма» в 1939 г., выдающихся советских генетиков Н. И. Вавилова, Н. К. Кольцова, А. С. Серебровского подвергли необоснованной и малокомпетентной критике. В августе 1940 г. Вавилов был арестован и приговорен к расстрелу, который заменили на двадцатилетний срок заключения (в 1943 г. он скончался в тюрьме). Институт генетики после ареста Вавилова возглавил Лысенко, занимавший одновременно пост президента ВАСХНИЛ. Генетика не была уничтожена полностью, но ее развитие замедлилось.

Развитие общественных наук определялось партийными документами и личными указаниями Сталина. Особую роль сыграло его письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма», опубликованное в 1931 г. В нем выдвигалось требование «более последовательного утверждения принципа партийности в исторической науке». В том же году были изданы постановления ЦК ВКП(б) «О журнале «Под знаменем марксизма» и «О работе Комакадемии», где ставилась задача «преодолеть отставание науки от практики социалистического строительства».

В конце 20-х — начале 30-х гг. прошли дискуссии по основным теоретическим вопросам общественных наук. В ходе философской дискуссии о предмете философии как науки и ее методологических принципах, развернувшейся на страницах теоретических журналов, было подвергнуто критике механистическое течение, сторонники которого сводили высшие формы движения материи к механическим и физико-химическим взаимодействиям и утверждали, что законы естественных наук распространяются на все области бытия и мышления. Прошли дискуссии о закономернос-

тях развития социалистической экономики, смены общественно-экономических формаций.

Известный сталинский тезис об обострении классовой борьбы был распространен и на «теоретический фронт». Партийные требования к ученым-обществоведам ужесточились. Те из них, кто сомневался в абсолютной правильности политики партии и методов ее проведения в жизнь, кто предлагал сохранить принципы нэпа, предупреждал об опасности насильственной коллективизации, о нереальности форсированных темпов индустриализации, были отстранены от дел. В научных коллективах нагнеталась атмосфера страха. Проводились пристрастные проверки научной продукции с точки зрения ее политической и идеологической выдержанности. В ходе дискуссий выдвигались политические обвинения, звучали призывы очистить науку от «вражеских элементов».

В таких условиях в общественных науках расцвел догматизм. Изучение реального состояния общества подменялось популяризацией упрощенных сталинских схем. Широкое распространение получило представление о том, что соответствие производственных отношений характеру производительных сил при социализме полностью исключает какие-либо противоречия. Такое представление надолго задержало научное изучение реально существующих объективных противоречий развития общества, негативно отразилось в литературе и искусстве, породив «теорию бесконфликтности».

В 1938 г. под редакцией ЦК ВКП(б) и при участии Сталина был издан «Краткий курс истории ВКП(б)», который на долгие годы стал настольной книгой всех обществоведов. Возведение в догму «Краткого курса», представлявшего собой, по сути, историческое оправдание сталинизма, отрицательно повлияло на развитие исторической науки.

11.4. Художественная культура

Политический поворот конца 20-х гг. сказался и на художественной жизни общества. В литературной политике партии на первый план были выдвинуты задачи «консолидации сил», «активизации борьбы против враждебной идеологии в литературе и искусстве», «усиления партийного влияния в организациях писателей и художников». Литература и искусство, как и все сферы общественной жизни, должны были быть подчинены «задачам социалистического строительства». Социальный заказ стал более жестким.

Художник должен был отображать развитие общества в марксистском понимании и ориентироваться на актуальные политические и идеологические установки партии. Для сбора материала и жизненных впечатлений творческая интеллигенция отправлялась в командировки на стройки пятилеток и в районы колхозного строительства. Крылатыми стали сталинские слова о писателях как об «инженерах человеческих душ», выражавшие направленную педагогическую функцию литературы в советском обществе.

Уровень подготовленности и эстетические вкусы массового читателя, зрителя и слушателя оказывали все большее влияние на художественное творчество. Тяга к культуре в народе была очень высока. Но в рабоче-крестьянской аудитории превалировал интерес к информационной стороне искусства, подавляющий понимание его эстетической сущности. Зритель отдавал предпочтение произведению, несущим знания и одновременно несложным для понимания.

Искусство пошло навстречу потребностям широкой аудитории. Это привело к утрате многих художественных достижений предшествующего времени. Приобщение масс к искусству через его примитивные, но понятные формы стало основой эстетического образования и просвещения.

К концу 20-х гг. в целом по стране (включая союзные республики) насчитывалось около 40 различных литературно-художественных объединений. Новые задачи, возложенные на художественную культуру, можно было осуществить только путем централизации управления литературой и искусством. Тенденции к централизации наблюдались как сверху, так и снизу.

В 1928 г. в составе Наркомпроса был создан новый орган — Главискусство (через год преобразован в Совет по делам художественной литературы и искусства), на который было возложено идеологическое и организационное руководство этими сферами культуры. Материальная самостоятельность художественных организаций уменьшилась, средства концентрировались в Наркомпросе и стали использоваться для поощрения определенного направления искусства. Главискусство занималось организацией государственных конкурсов, премиальных фондов, закупками, заказами, выставками.

В конце 1926 г. на учредительном собрании литературных организаций была создана Федерация объединений советских писателей, в которую вошли РАПП, ВОКП, ЛЕФ, «Перевал», «Кузница», ЛЦК, а также некоторые писатели и общественные деятели, нахо-

дившиеся вне групп. Федерация ставила перед собой цель улучшить правовое и материальное положение писателей и способствовать вовлечению их в социалистическое строительство. При сохранении автономности каждой группы Федерация стремилась к созданию общей идеологической платформы. Однако борьба внутри группировок и между ними за влияние не прекратилась.

Наиболее активны были пролетарские художественные организации. Первый Всесоюзный съезд пролетарских писателей в 1928 г. объявил себя «отрядом пролетарской культурной революции», который осуществляет задачи, поставленные партией. Политическая активность компенсировала недостаток творческих успехов, поскольку больших художественных достижений пролетарская литература и искусство не имели.

Идейно-эстетические позиции руководителей РАПП были близки пролеткультовским и «напостовским». Они крайне нетерпимо относились к писателям, которых считали непролетарскими, и переносили в художественную жизнь формы и методы внутрипартийной борьбы тех лет. Чтобы «подчинить литературное производство общим темпам социалистического строительства» и «потребностям повседневной классовой борьбы», РАПП выдвинула целую серию кратких лозунгов. Среди них был лозунг «одемянивания» поэзии (от имени поэта Демьяна Бедного), призывавший к «созданию большевистской, правдивой, актуальной литературы, которая мысли и чувства миллионов рабочих (и крестьян) умеет выразить в понятной для этих миллионов форме». По инициативе РАПП возникло движение ударников в литературе. Известный лозунг первой пятилетки, перенесенный в область литературы, звучал так: «Догнать и перегнать классиков буржуазной литературы». Был и «разоблачительный» лозунг, призывавший к беспощадному искоренению всех неполадок в стране и ошибок отдельных личностей.

Лозунг «Не попутчик, а союзник или враг» еще больше обострил ситуацию в литературе. В 1929 г. началась целенаправленная кампания против «попутчиков вообще» и против Б. Пильняка и Е. Замятина в частности. Этих писателей критиковали и раньше, но теперь травля достигла своего апогея. Пильняка подвергли жесткой критике за роман «Красное дерево», содержащий якобы контрреволюционную оценку советской действительности, а Замятин — за роман «Мы», где писатель изобразил утопическое сверхтоталитарное государство будущего. Затем развернулись кампании против группы «Перевал», против литературных критиков и литературоведов.

Для лидеров пролетарского движения в литературе не существовало авторитетов. Когда М. Горький пытался использовать свое влияние для защиты писателей от несправедливых обвинений, он сам был подвергнут такой суровой критике и нападкам, что ЦК партии был вынужден принять специальную резолюцию в его защиту «О выступлении части сибирских литераторов и литературных организаций против Максима Горького».

Несмотря на отдельные разногласия, в целом партия поддерживала РАПП. В редакционной статье от 19 апреля 1931 г. «Правда» назвала РАПП «основным ведущим объединением пролетарской литературы, проводящим линию партии». К 1931 г. этой ассоциации удалось включить в свою структуру многие литературные группировки. Это достигалось, как правило, путем раскола группировки, привлечения на свою сторону членов партии и организаций нажима на остальных.

Объединение литературных сил вокруг РАППа не привело ни к подъему литературы, ни к преодолению разногласий между группировками. В печати и в письмах в ЦК нарастала волна протестов против нетерпимости и чванства рапповцев. Чтобы стабилизировать ситуацию в литературе и дистанцироваться от РАПП, 23 апреля 1932 г. ЦК партии принял постановление «О перестройке литературно-художественных организаций». Было решено ликвидировать Ассоциацию пролетарских писателей и «объединить всех писателей, поддерживающих платформу советской власти и стремящихся участвовать в социалистическом строительстве, в единый союз советских писателей с коммунистической фракцией в нем...». Такие же союзы предполагалось создать и в других видах искусства. Хотя в постановлении говорилось о ликвидации только пролетарских организаций, фактически это касалось всех литературно-художественных объединений.

Большинство художественной интеллигенции положительно восприняло партийное постановление, поскольку оно положило конец монополии РАПП. Исключением были рапповцы и деятели других пролетарских группировок.

Союз писателей был создан на Первом Всесоюзном съезде советских писателей, состоявшемся в августе 1934 г. в Москве. На нем был принят устав и избрано правление союза во главе с М. Горьким. Первым секретарем правления стал заведующий отделом культурно-просветительной работы ЦК партии А. С. Щербаков.

Создание других творческих союзов растянулось на долгие годы. В изобразительном искусстве пролетарское движение не было столь заметным, как в литературе. Российская ассоциация пролетарских художников (РАПХ) возникла только в 1931 г. Однако еще до ее возникновения политика «пролетаризации» искусства проводилась партийно-государственными органами. Как и в литературе, постановление 1932 г. временно сняло напряженность в художественной среде.

Формирование Союза советских художников началось снизу. В местные организации вступали члены почти всех существовавших в 1932 г. творческих объединений — АХРР, ОСТ, «Четыре искусства», ОМХ, «Октябрь», «Маковец» и др. Большинство составляли представители АХРР и РАПХ, выступавшие за введение жесткой регламентации творчества и подчинение искусства политическим задачам. Художники бывших авангардных течений пытались сопротивляться унификации искусства. Групповая борьба, продолжавшаяся в закамуфлированном виде, задержала процесс оформления Союза советских художников в масштабах всей страны. Оргкомитет по созыву Всесоюзного съезда художников был учрежден в 1939 г. после того, как была проведена чистка среди деятелей изобразительного искусства. До войны только архитекторам удалось провести свой съезд, на котором был организован Союз советских архитекторов и принят его устав.

Также медленно шел процесс объединения композиторов. В 30-е гг. в Москве, Ленинграде, столицах союзных республик и некоторых областных центрах были созданы оргкомитеты будущего союза. Но решение о создании оргкомитета на уровне СССР, созыве съезда и образовании музыкального фонда было принято только в 1939 г.

В конце 20-х — начале 30-х гг. широко обсуждался вопрос о новом художественном методе. Предполагалось, что в основе литературы и искусства советского общества, строящего социализм, должен лежать какой-то особый метод. Наиболее активно разрабатывали его рапповцы. Они предложили диалектико-материалистический метод, суть которого состояла в механическом перенесении категорий марксистской диалектики на художественное творчество. Художник, по их мнению, должен был показывать единство и борьбу противоположностей в сознании и поступках своих героев. Попытки механического внедрения марксизма привели к появлению вульгарно-социологических теорий в литерату-

роведении и искусствовзнании. Искусство выводилось непосредственно из классового бытия художника. В соответствии с таким подходом Пушкин считался «дворянским поэтом», а Достоевский — «дворянским писателем реакционного мещанства». Хотя эти теории были осуждены, их влияние сохранялось.

В области изобразительного искусства новый метод наиболее активно разрабатывался и пропагандировался Ассоциацией художников революционной России (АХРР). Ахрровцы начали с бытового реализма, правдивого изображения событий революции и текущей жизни, а затем ввели понятие героического реализма, увязывая его с социалистическим строительством.

В результате двухлетней дискуссии было найдено название новому художественному методу — социалистический реализм (соцреализм). В уставе Союза писателей 1934 г. он был провозглашен ведущим в советской литературе. Решающее значение придавалось идейному содержанию художественного произведения. От писателя требовалось «правдиво и исторически конкретно изображать действительность в ее революционном развитии. При этом правдивость и историческая конкретность художественного изображения действительности должны сочетаться с задачей идейной перделки и воспитания трудящихся в духе социализма».

Провозглашение соцреализма ведущим методом художественного творчества еще не означало его повсеместного внедрения. Для установления тотального контроля над художественной культурой по инициативе и под руководством ЦК партии в 1936—1938 гг. была развернута кампания борьбы против формализма и натурализма. Начало ей положила публикация в «Правде» 28 января 1936 г. редакционной статьи «Сумбур вместо музыки», содержащей уничижительную критику оперы Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда». За этой статьей в «Правде» последовали другие. В статье «Балетная фальшь» Шостаковича обвиняли в том, что музыка его балета «Светлый ручей» не учитывает духовных потребностей народа, и поэтому она вредна и политически опасна. Следующий удар обрушился на изобразительное искусство. В статье «О художниках-пачкунах» иллюстраторы детских книг В. Лебедев, В. Конашевич, П. Розенфельд были названы формалистами, наносящими моральный ущерб детской литературе. Формализм объявлялся «главным фронтом борьбы против буржуазной реакции».

Публикации в «Правде» были восприняты как команда сверху. Во всех творческих союзах прошли дискуссии о вреде формализма. Началась критическая кампания в печати. Несмотря на большое количество публикаций и выступлений о вреде формализма и его классово враждебной сущности, четкого определения этого понятия, приемлемого для всех видов искусства, не существовало. Борьба с формализмом по существу сводилась к травле талантливых художников, композиторов, деятелей кино и театра. Обвинения в «формалистических вывертах» предъявлялись кинорежиссерам С. Эйзенштейну и А. Довженко. Как формалисты осуждались режиссеры Вс. Мейерхольд и А. Таиров. В 1938 г. Театр имени Мейерхольда был закрыт, а его режиссер был репрессирован. В разное время к числу формалистов причисляли В. Татлина, В. Фаворского, А. Тышлера, А. Лентулова. П. Кончаловского, А. Родченко, С. Герасимова, Ю. Пименова и др.

Теоретически метод соцреализма не исключал стиливого и жанрового многообразия художественного творчества. Но на практике утверждались определенные нормативные каноны, на которые должны были ориентироваться все художники, работавшие в той или иной сфере искусства. В выборе образцов для подражания большую роль играли личные вкусы партийных лидеров. В изобразительном искусстве были возведены в догму традиции передвижников. В архитектуру механически переносились классические формы, что привело к появлению эклектичного сталинского ампира. В музыке в качестве образцов были выбраны М. Глинка и П. Чайковский. Эталоном в театральном искусстве был объявлен МХАТ.

Советское искусство, лишенное возможности поисков новых способов выражения и эксперимента с формой, переместилось в арьергард мирового художественного процесса. Достижения русского авангарда начала XX века, признанные во всем мире, были преданы забвению на родине. Не были востребованы и конструктивистские опыты архитекторов 20-х гг.

Классиками литературы зачастую становились не только благодаря таланту и художественным достижениям, но и по конъюнктурным политическим мотивам. Так, особое место в иерархии советской литературы занял М. Горький. Сталин сделал все возможное, чтобы вернуть писателя на родину после его затянувшегося пребывания за границей и приблизить к себе. Горький лучше всех остальных подходил на роль патриарха новой литературы, так как действительно был крупным писателем с мировой

известностью и авторитетной фигурой в литературном мире и, что немаловажно, в свое время был близок к Ленину. Однако в собрания его сочинений включали только те произведения, которые соответствовали образу советского классика, а сам М. Горький в последние годы жизни оказался в положении узника в золотой клетке.

Волей Сталина «лучшим и талантливейшим поэтом эпохи» был объявлен В. Маяковский, творчество которого было далеко от канонов социалистического реализма. По словам Б. Пастернака, «Маяковского стали вводить принудительно, как картофель при Екатерине. Это было его второй смертью».

Утверждение социалистического реализма в качестве господствующего метода обедняло советскую литературу и искусство. В художественных произведениях 30-х гг. жизнь выглядела проще, чем она была на самом деле. Широкое распространение получали примитивные конъюнктурные работы, написанные на политически актуальные темы и идеологически выдержанные. Отчетливо проявилась тенденция к бесконфликтности, выросшая из ложной идеи об отсутствии противоречий при социализме. Некоторые критики утверждали, что социалистическая действительность избавлена от антагонистических противоречий, соответственно художественные произведения, отображающие ее, могут базироваться лишь на конфликтах между хорошим и лучшим. В центре каждого из них должен обязательно стоять положительный герой, активный преобразователь жизни. Эта теория оказала особенно негативное влияние на послевоенную литературу и искусство.

В 30-е гг. ведущей стала тема революции и социалистического строительства. В классику советской литературы вошли романы М. Горького «Жизнь Клима Самгина», М. Шолохова «Тихий Дон», Н. Островского «Как закалялась сталь». Современность получила отражение главным образом в «производственных романах» с характерными для тех лет названиями: «Гидроцентральный» (М. Шагинян), «Энергия» (Ф. Гладков), «Время, вперед!» (В. Катаев), «Большой конвейер» (Я. Ильин), «Тракторстрой» (Н. Забила). Значительное место в литературе заняли произведения на исторические темы: «Петр Первый» А. Толстого, «Смерть Вазира-Мухтара» Ю. Тынянова, драмы М. Булгакова «Кабала святош» и «Александр Пушкин».

Блестящими образцами поэтического творчества стали стихотворения и поэмы А. Ахматовой, О. Мандельштама, Б. Пастер-

нака. В жанре сатиры успешно работали М. Зощенко, И. Ильф и Е. Петров. Была создана советская детская литература, не одно поколение детей воспитывалось на произведениях С. Маршака, А. Гайдара, К. Чуковского, Б. Житкова, написанных в эти годы.

С конца 20-х гг. на театральной сцене утвердилась советская пьеса. Среди премьер 30-х гг. в историю советского театра вошли «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского, поставленная в Камерном театре под руководством А. Я. Таирова, «Анна Каренина» — постановка В. И. Немировича-Данченко и В. Г. Сахновского (МХАТ), пьесы Горького на сцене Театра имени Евг. Вахтангова, спектакли Ленинградского театра комедии, поставленные Н. П. Акимовым, «Ромео и Джульетта» в постановке А. Д. Попова в Театре революции и др. Новым явлением в культурной жизни страны было открытие детских театров. К концу 30-х гг. их насчитывалось более 70 по всей стране.

Значительные шаги в своем развитии сделала советская кинематография. Уже к концу 20-х гг. отечественные фильмы постепенно вытеснили с экрана зарубежные. За годы первой пятилетки в этой сфере произошла настоящая техническая революция — был налажен выпуск отечественной пленки, началось производство отечественной киноаппаратуры, открылись новые киностудии. Росту популярности кино способствовало появление звуковых фильмов, первыми из которых были: «Путевка в жизнь» Н. Экка, «Одна» Г. Козинцева и Л. Трауберга, «Златые горы» С. Юткевича. Лучшие советские киноленты 30-х гг. рассказывали о современниках («Семеро смелых», «Комсомольск» С. Герасимова), о событиях революции и Гражданской войны («Чапаев» братьев Васильевых, «Мы из Кронштадта» Е. Дзигана, «Депутат Балтики» И. Хейфица и А. Зархи, трилогия о Максиме Г. Козинцева и Л. Трауберга). К этому же времени относятся музыкальные комедии Г. Александрова («Веселые ребята», «Цирк»). Во второй половине 30-х гг. появились исторические фильмы, повествующие о героических событиях прошлого России: «Петр Первый» В. Петрова, «Александр Невский» С. Эйзенштейна, «Богдан Хмельницкий» В. Пудовкина и «Суворов» М. Доллера.

С начала 30-х гг. стали проводиться всесоюзные выставки изобразительного искусства, обычно посвященные юбилейным датам. Характерной в этом отношении была выставка 1932 г. «Художники РСФСР за 15 лет», которая ставила задачу показать в произведениях живописи различные периоды истории советского государства. Очевидно, что произведения авангардистов не могли

служить иллюстрацией исторических событий и явлений современности, и преимущество реалистической живописи по силе агитационного воздействия на массы было налицо.

Из работ этого периода на революционные темы особенно выделялись полотна К. Петрова-Водкина «Смерть комиссара», А. Дейнеки «Оборона Петрограда», М. Грекова «Трубачи Первой Конной армии», Б. Иогансона «Допрос коммунистов». Успешно развивался портретный жанр, в котором работали М. Нестеров, П. Корин, П. Кончаловский. Символом времени стала скульптура В. Мухиной «Рабочий и колхозница» (1937). В конце 30-х гг. появилась официальная парадная живопись, характерными образцами которой стали «Колхозный праздник» С. Герасимова и «Сталин и Ворошилов на прогулке в Кремле» В. Ефанова.

Музыкальная жизнь страны в те годы связана с именами С. Прокофьева, Д. Шостаковича, А. Хачатуряна, Т. Хренникова, Д. Кабалевского, И. Дунаевского и др. Были созданы коллективы, впоследствии прославившие советскую музыкальную культуру: Квартет имени Бетховена, Большой государственный симфонический оркестр, оркестры государственной филармонии. Сформировалось молодое поколение дирижеров, среди которых были Е. Мравинский и Б. Хайкин.

Метод социалистического реализма, разумеется, не охватывал всех явлений художественной жизни страны в 30-е гг., тем более что он трактовался односторонне упрощенно и на практике использовался для политического контроля за творческим процессом. Помимо официального советского искусства, настойчиво внедряемого властью, продолжался реальный художественный процесс. Работы, которые не имели ярко выраженной политической тенденциозности в духе предъявляемых требований, зачастую рассматривались как идеологически сомнительные. Многие выдающиеся произведения, созданные в те годы, были утрачены, другие не сразу дошли до читателя и зрителя. Только в 1966 г. был издан роман М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» (и то с купюрами), лишь в годы перестройки увидели свет «Ювенильное море», «Котлован» и «Чевенгур» А. П. Платонова, «Реквием» А. А. Ахматовой. До недавнего времени не выставлялись работы П. Н. Филонова, К. С. Малевича, других мастеров русского авангарда. Замалчивалось творчество репрессированных В. Э. Мейерхольда, Б. А. Пильняка, О. Э. Мандельштама, И. Э. Бабеля. Неоконченной осталась картина П. Д. Корина «Русь уходящая», о величии замысла которой можно судить по эскизам. Были запре-

щены съемки фильма «Бежин луг» о коллективизации (С. Эйзенштейн), а снятые эпизоды подлежали уничтожению. Только за 1937 г. было снято с репертуара и запрещено к постановке из-за «неблагонадежности» авторов 56 пьес.

Жесткий идеологический контроль распространялся также на литературу и искусство прошлых лет. Вычеркивались имена и целые историко-культурные пласты, которые не вписывались в создаваемые схемы. Практически недоступным стало русское искусство начала века, изымались из библиотек произведения русских философов-идеалистов, писателей, оказавшихся в эмиграции. Особенно пострадали памятники архитектуры.

Глава 12

Культура в годы Великой Отечественной войны

12.1. Перестройка культуры в условиях военного времени

Начало войны резко изменило жизнь общества. Страна превращалась в единый боевой лагерь. Все сферы культуры были также подчинены задачам борьбы с врагом.

Специального плана руководства культурой и всей системой культурных учреждений в соответствии с задачами военного времени не было. Но в партийно-государственных документах начального периода войны содержались общие установки по мобилизации страны, которые определяли направления перестройки и в области культуры. Был создан чрезвычайный орган, сосредоточивший всю полноту власти, — Государственный Комитет Оборона (ГКО). Комитет назначал уполномоченных для решения тех или иных вопросов, имевших оборонное значение. Уполномоченным ГКО по науке стал С. В. Кафтанов, председатель Комитета по делам высшей школы. При нем был создан Совет для координации научной работы в стране, в который входили академики А. Ф. Иоффе, П. Л. Капица, И. П. Бардин и др.

Идеологическое руководство культурной работой осуществляло Управление пропаганды и агитации ЦК партии (УПА), созданное в 1939 г. Начальником УПА был Г. Ф. Александров, курировал работу управления кандидат в члены Политбюро ЦК А. С. Щерба-

ков. Он же возглавлял Советское информационное бюро (Совинформбюро), созданное 24 июня 1941 г., в котором была централизована вся информационная служба. Культурно-идеологической работой в армии и на флоте занимались Главное Политическое управление Красной Армии и Главное политическое управление ВМФ, которые работали на правах отделов ЦК ВКП(б). В мае 1942 г. при Комитете по делам искусств была создана Комиссия по учету и охране памятников.

В начале войны были созданы новые общественные организации — антифашистские комитеты — советских ученых, советских женщин, советской молодежи, Еврейский антифашистский комитет. Их деятельностью руководило Совинформбюро, при котором также состояла группа деятелей литературы и искусства. В его постоянный авторский коллектив входили М. А. Шолохов, И. Г. Эренбург, К. М. Симонов, А. А. Фадеев и др. Деятели культуры работали в Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.

В годы войны изменилась государственная политика по отношению к религии и церкви. В 1941 г. Союз воинствующих безбожников был расформирован, и антирелигиозная пропаганда ослаблена. Патриотическая позиция церкви, ее участие в сборе средств для нужд обороны, усиление религиозных настроений в народе, интересы укрепления антигитлеровской коалиции побудили Сталина начать диалог с церковью. Поворот произошел в 1943 г., когда в Кремле встретились высшие руководители государства и православной церкви. В том же году состоялось избрание патриарха. Религиозные объединения получили больше возможностей для своей деятельности.

Опасность, нависшая над страной, требовала мобилизации всех духовных сил общества. В этих условиях классовый и интернациональный принципы, на которых базировалась советская официальная идеология, отходят на второй план. Поворот в идеологической работе получил зримое воплощение в роспуске Коминтерна в 1943 г. и утверждении нового государственного гимна (музыка А. В. Александрова, текст С. В. Михалкова и Г. Г. Эль-Регистана; впервые исполнен по радио в ночь на 01.01.1944) вместо ранее принятого «Интернационала». В докладе Сталина 6 ноября 1944 г. прозвучали знаменательные слова о «великой русской нации, нации Плеханова и Ленина, Белинского и Чернышевского, Пушки-

на и Толстого, Глинки и Чайковского, Горького и Чехова, Сеченова и Павлова, Репина и Сурикова, Суворова и Кутузова».

Историческая тематика заняла видное место в лекционной работе, в массовых пропагандистских изданиях, в произведениях художественной литературы и искусства. В лекционное бюро, созданное при Комитете по делам высшей школы, вошли крупные историки: Б. Д. Греков, Е. В. Тарле, С. В. Бахрушин, М. Н. Тихомиров, Н. С. Державин, М. В. Нечкина. Политуправления фронтов выпускали материалы, посвященные традициям русской армии и офицерства.

С началом войны и заключением союзных договоров со странами Запада стали расширяться творческие и личные контакты между советской и зарубежной интеллигенцией. Оживилась деятельность Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), активно работал Еврейский антифашистский комитет, много сделавший для развития культурных связей с США и Великобританией. Больше стали издавать произведений зарубежных авторов, выпускать в прокат зарубежные фильмы.

Война на время отодвинула на второй план идеологические проработки. Аппарат управления культурой был сокращен, идеологический контроль немного ослаблен. Репрессии по идейно-политическим мотивам продолжались, но в меньшем масштабе. В начальный период войны, когда Красная Армия терпела неудачи, пропаганда культа личности была несколько приглушена. По мере успехов на фронтах в массовое сознание внедрялся миф о Сталине как о «величайшем полководце всех времен и народов». В угоду этому мифу интерпретировались события войны. В его создании принимали участие практически все отрасли культуры. В 1944 г. Агитпроп организовал большую фольклорную экспедицию для сбора материалов о пребывании Сталина в Туруханском крае. Одновременно проводилась работа по созданию новых домов-музеев Сталина. Особые усилия пропагандистской машины были направлены на работу среди граждан, побывавших на оккупированной территории или репатриированных.

Война потребовала больших расходов, и ассигнования на культуру сократились. С 1943 г., когда в ходе войны произошел перелом, бюджет культуры стал расти. Во время войны на первый план выдвинулись наиболее оперативные, мобильные, доступные и эффективные формы культурной работы, такие, как радио, кинематография, печать.

Особенно возросло значение средств массовой информации, основным из которых являлось радио. Сводки Информбюро передавались 18 раз в день на 70 языках народов СССР, специальные передачи были адресованы бойцам Красной Армии, партизанам, молодежи. При железнодорожных вокзалах, морских и речных пристанях, при военкоматах, госпиталях, в частях действующей армии и на предприятиях были созданы агитпункты с целью информирования населения о военных событиях, разъяснения текущих задач.

Война внесла большие изменения в издательское дело. Перестали выходить более 4000 газет, в 2,5 раза сократились тиражи периодических изданий, в 4 раза — книг. Для военного времени характерен выпуск небольших по объему брошюр, инструктивных, агитационно-пропагандистских или научно-популярных по содержанию. С 1944 г. тиражи стали расти, увеличивался объем печатной продукции. Издавались книги о войне, по истории страны, особенно военной истории, художественная литература.

В годы войны не прекращалась работа учреждений культуры. В Москве даже в самые тяжелые дни октябрьского—ноябрьского наступления немецко-фашистских войск работали музеи и библиотеки. В блокадном Ленинграде были открыты библиотеки и театры. До сентября 1942 г. работал в осажденном Сталинграде один из драматических театров.

Многие учреждения были эвакуированы из районов, которым угрожала оккупация. Уже 27 июня 1941 г. были приняты специальные правительственные решения о вывозе из Москвы экспонатов Оружейной палаты, из Ленинграда — сокровищ Русского музея и Эрмитажа. Эта работа потребовала громадного напряжения сил работников музеев, которые должны были в кратчайшие сроки тщательно упаковать бесценные экспонаты и обеспечить их сохранность в пути и на новом месте. Только в Узбекскую ССР были эвакуированы 53 вуза и академических учреждения, около 300 творческих союзов и организаций. В Кустанае разместились коллекции Исторического музея, Музея революции, наиболее ценные книги Библиотеки имени В. И. Ленина, Библиотеки иностранных языков и Исторической библиотеки. В Пермь были вывезены сокровища Русского музея и Третьяковской галереи, в Свердловск — Эрмитажа. Секретариат правления Союза писателей и Литературный фонд СССР переехали в Казань. Президиум оргкомитета Союза художников СССР и Художественный фонд —

в Свердловск. На базе эвакуированных киностудий «Ленфильм» и «Мосфильм» в Алма-Ате была создана Центральная объединенная киностудия (ЦОКС), где работали выдающиеся советские режиссеры: С. Эйзенштейн, В. Пудовкин, братья Васильевы, Ф. Эрмлер, И. Пырьев, Г. Рошаль. 80% всех отечественных художественных фильмов в годы войны было выпущено этой студией. Уже к ноябрю 1941 г. в восточные районы страны были эвакуированы около 60 театров из Москвы и Ленинграда, Украины и Белоруссии. Ведущие творческие коллективы удалось сохранить.

12.2. Наука

В условиях военного времени роль науки объективно возросла. Партийно-государственное руководство научными исследованиями усилилось. Исход военного противостояния в значительной степени зависел от научно-технического потенциала страны. Члены Политбюро и секретари ЦК курировали развитие отдельных отраслей. В мае 1942 г. был создан Отдел науки ЦК ВКП(б) во главе с С. Г. Суворовым. Многие ученые были введены в руководство госкомитетов и главков, назначены госсоветниками. Процесс огосударствления и идеологизации науки, начатый еще до войны, продолжался, но давление на ученых ослабло. Был дан больший простор инициативе.

Политика в области науки была нацелена на ее мобилизацию в помощь фронту, поддержание научного потенциала страны. Для сохранения кадров решением ГКО запрещалось использовать научных работников и преподавателей вузов не по специальности. Тематика научных исследований определялась тремя главными направлениями: разработка военно-технических проблем, помощь промышленности, мобилизация сырьевых ресурсов. Возникли новые формы организации научной работы. Для решения каких-либо конкретных проблем создавались межотраслевые комиссии, объединявшие ученых различных специальностей. По их инициативе формировались комитеты и бригады для оказания научно-технической помощи производству.

В Академии наук была создана Тематическая комиссия, которая под руководством Научно-технического совета при уполномоченном ГКО С. В. Кафтанове занималась координацией оборонных работ. Помимо нее в Академии наук работали специальные оборонные комиссии по геолого-географическому обслуживанию Красной Армии (руководитель — академик А. Е. Ферсман), по на-

учно-техническим, военно-морским вопросам (руководитель — академик А. Ф. Иоффе), военно-санитарная комиссия (руководитель — академик Л. А. Орбели) и др.

Быстрое отступление Красной Армии в первые месяцы войны поставило под угрозу сохранение научного потенциала страны. В западных районах РСФСР, на Украине и в Белоруссии находились наиболее крупные научные центры. Работа по их эвакуации проводилась специально созданным Советом под руководством Н. М. Шверника и регламентировалась постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 27 июня 1941 г. «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества». Уполномоченным по эвакуации академических учреждений был назначен вице-президент АН СССР О. Ю. Шмидт, по эвакуации вузов и других научных учреждений — С. В. Кафтанов.

Очевидно, что в условиях быстрого отступления и в непосредственной близости к фронту организованно вывезти все имущество и людей было невозможно. В частности, блокада Ленинграда, установленная в сентябре 1941 г., помешала эвакуации научных учреждений из города. Около трети научных сотрудников ленинградских академических учреждений не пережили блокаду. Не успели вывезти архивы из Смоленской области, которые были захвачены немецко-фашистской армией и впоследствии оказались в США.

Эвакуация привела к распылению научных кадров. К началу 1942 г. из западных областей страны было вывезено 85 научных учреждений, около 4 тысяч научных сотрудников, включая 228 академиков и членов-корреспондентов АН. Все они были размещены в 45 пунктах.

Главными центрами эвакуации научных учреждений стали Казань, а также Урал и Средняя Азия. Учреждения по физико-математическим и химическим наукам разместились в Казани, по геологическим — на Урале, по биологическим — во Фрунзе, по гуманитарным — в Ташкенте и Алма-Ате. В восточных районах оказались многие представители интеллигенции. Их знания и опыт были использованы для подготовки и повышения квалификации местных кадров. С 1943 г. на базе эвакуированных научных учреждений началась работа по созданию филиалов и баз Академии наук на востоке страны. Были открыты Западно-Сибирский филиал в Новосибирске, Уральский — в Свердловске, Казанский и Башкирский филиалы, Карело-Финская база. В 1944 г. была создана Академия медицинских наук, первым президентом которой стал

выдающийся нейрохирург академик Н. Н. Бурденко. Всего за годы войны было открыто около 200 научных центров.

Высокий уровень и успехи научно-технических работ оборонного значения базировались на фундаментальных исследованиях довоенных лет. Так, работы Института физических проблем АН СССР в области физики низких температур, в частности открытие сверхтекучести жидкого гелия, сделанное П. Л. Капицей (организатор и директор института) в 1937 г., позволили в годы войны создать установки для производства кислорода для госпиталей и военных заводов. В 1943 г. было создано Главное управление кислородной промышленности при СНК (Главкислород) во главе с Капицей, объединившим научное и техническое руководство отраслью.

Большое значение имели работы по изучению природных ресурсов страны, которые велись еще во время Первой мировой войны силами специальной комиссии (КЕПС). В 1941 г. была создана Комиссия по мобилизации ресурсов Урала на нужды обороны, распространившая свою деятельность на Западную Сибирь и Казахстан. Комиссия во главе с академиками В. Л. Комаровым и И. П. Бардиным объединила около 60 научных и промышленных организаций. С 1942 г. началась деятельность Комиссии по мобилизации ресурсов Среднего Поволжья и Прикамья (председатель — академик Е. А. Чудаков).

Исследования в области радиолокации и радиотехники послужили базой для разработки радиоуловителя самолетов, широко использовавшегося в противовоздушной обороне. Работы ряда академических институтов в области оптики под руководством С. И. Вавилова позволили создать оптические методы контроля для различных видов оружия и маскировки орудий. Математический институт, возглавляемый президентом Академии наук Грузинской ССР Н. И. Мухелишвили, провел ряд исследований, имевших большое практическое значение для производства вооружения и боеприпасов. Огромную работу по излечению раненых воинов Красной Армии провели Институт физиологии и многочисленные медицинские научно-исследовательские институты. Сотрудники Института физиологии изучили влияние на организм человека взрывной волны и разработали систему мер по защите бойцов от возможной контузии. Ученым приходилось заниматься и частными вопросами, которые в экстремальных условиях приобретали жизненно важное значение. Так, для организации Дороги жизни по льду Ладожского озера из блокадного Ленинграда со-

трудники Физико-технического института провели исследование плотности ледяного покрова и разработали правила движения по ледовой дорожке.

В конце 1942 г. руководство страны поставило задачу создания ядерного оружия и средств его доставки, поскольку стало известно, что такая работа ведется в Германии и США. Предпосылки для исследований в этой области были созданы еще до войны. В 1940 г. по инициативе В. И. Вернадского начала работу комиссия президиума Академии наук по проблемам урана. Однако власть недооценила значение этого направления, и с началом войны исследования в области атомного ядра были прекращены. В феврале 1943 г. было принято решение ГКО «Об организации научно-исследовательских работ по использованию атомной энергии», и в Академии наук создана Теплотехническая лаборатория № 2 под руководством И. В. Курчатова. Курировал ее работу лично В. М. Молотов.

Советские ученые внесли весомый вклад в достижение победы над врагом. Благодаря их работе было улучшено вооружение армии, выявлены новые энергетические и сырьевые ресурсы Восточной Сибири и Крайнего Севера, около 70% раненых возвращены в строй.

Тематика исследований по общественным наукам также приблизилась к задачам военного времени. В исторических публикациях большое место заняли труды о героическом прошлом России. Широкий научный и общественный резонанс получили конференции в Московском университете, посвященные 700-летию Ледового побоища и роли русской науки в развитии мировой науки и культуры.

12.3. Народное образование

Во время войны были разрушены десятки тысяч школьных зданий, на одну треть сократилась численность учительских кадров, многие дети были лишены возможности учиться. Система народного образования перестраивалась в соответствии с условиями военного времени.

Были приняты меры по борьбе с детской беспризорностью, созданы учебные заведения нового типа — школы-интернаты, организованы вечерние школы для работающей молодежи и подростков. Благодаря мужеству учителей занятия не прекращались и в самых сложных условиях, в осажденных Одессе и Севастополе,

в блокадном Ленинграде. Было налажено обучение детей в ряде партизанских отрядов. Менялось содержание обучения и программы. Старшие школьники сочетали учебу с работой в сельском хозяйстве, на предприятиях, в мастерских. Была введена военная подготовка. Знаменательным фактом явилось создание в 1943 г. Академии педагогических наук РСФСР (с 1963 г. — АПН СССР, ныне — Российская академия образования) во главе с академиком В. П. Потемкиным.

Начиная с 1942 г. ассигнования на просвещение стали возрастать, и по мере освобождения территории от оккупантов началось восстановление школьной сети. Эта работа замедлялась острой нехваткой учительских кадров. К 1943 г. Наркомпрос РСФСР провел учет эвакуированных работников народного образования, чтобы организовать их отправку в освобожденные районы. Осуществлялась программа подготовки и переподготовки учителей в педучилищах и вузах.

Помимо количественного роста была поставлена задача повышения качества обучения, которое заметно упало в условиях военного времени. Постановление СНК СССР 1944 г. «О мероприятиях по улучшению качества обучения в школе» предусматривало введение выпускных экзаменов в начальной и семилетней школах, учреждение золотых и серебряных медалей для поощрения лучших выпускников, усиление ответственности учителя за качество обучения.

Большие потери во время войны понесла высшая школа. Некоторые наиболее крупные вузы Москвы и Ленинграда удалось эвакуировать: Московский и Ленинградский университеты, Московское высшее техническое училище имени Н. Э. Баумана (МВТУ), Московский энергетический институт (МЭИ), Московский авиационный институт (МАИ) и др.

Условия военного времени определили изменения в подготовке кадров специалистов. В 1941 г. прием в вузы был сокращен на 41% по сравнению с мирным временем, с 817 до 460 уменьшилось число вузов, численность студентов сократилась в 3,5 раза, более чем в 2 раза уменьшилось количество преподавателей. Чтобы стабилизировать студенческий контингент, проводилась работа по привлечению в вузы девушек. Были сокращены сроки обучения до 3—3,5 лет. В учебные программы вводились военное дело, основы противопожарной и противохимической защиты. Большинство студентов сочетали учебу с работой.

Восстановление системы высшего образования началось с 1943 г. По мере военных успехов Красной Армии появилась возможность демобилизовать часть вузовских преподавателей, освободить от призыва студентов некоторых технических вузов, начать реэвакуацию вузов. К концу войны количество высших учебных заведений и численность студентов приблизились к довоенному уровню, но этот рост был достигнут главным образом за счет Средней Азии, Казахстана и Закавказья. На оккупированных территориях и в прифронтовых районах было частично или полностью разрушено 334 вуза, восстановление которых требовало времени.

Особое внимание обращалось на ведущие университеты страны. В 1944 г. были приняты специальные постановления СНК СССР о мероприятиях по укреплению Московского и Ленинградского университетов. С мая 1942 г. возобновилась работа аспирантуры, что позволило восполнить потери профессорско-преподавательского состава и научных кадров.

Средние специальные учебные заведения в меньшей степени пострадали от войны: сроки обучения в них были короче, чем в высших, и контингент учащихся составляла молодежь допризывного возраста.

12.4. Художественная культура

Вопреки известному утверждению — «когда гремит оружие, музы молчат», — во время Великой Отечественной войны музы не молчали. Писатели, поэты и журналисты своими книгами и статьями, выступлениями перед бойцами на фронте, пьесами и стихами поднимали боевой дух народа. Более тысячи литераторов вступили в ряды действующей армии в качестве военных корреспондентов, более 150 кинооператоров работали на передовой линии военных действий и в партизанских отрядах. В период самых тяжелых боев под Москвой на фронте находились писатели А. Сурков, Е. Петров, А. Бек. Военными корреспондентами работали К. Симонов, М. Шолохов, А. Фадеев, Н. Тихонов, В. Закруткин, М. Джалиль, А. Гайдар. 10 писателей были удостоены звания Героя Советского Союза, среди них — С. Борзенко, П. Вершигора, М. Джалиль.

Война стала главной темой литературы тех лет. В «Ленинградской поэме» О. Берггольц и в «Пулковском меридиане» В. Инбер созданы образы защитников Ленинграда; повести «Дни и ночи» К. Симонова и «Направление главного удара» В. Гроссмана посвя-

щены Сталинградской битве. Характерной особенностью произведений военных лет является обращение к образам реальных людей, а не вымышленных героев. Среди них поэма М. Алигер «Зоя», роман А. Фадеева «Молодая гвардия», первые главы которого появились в годы войны. Огромной популярностью пользовались поэма А. Твардовского «Василий Теркин», проза и стихи К. Симонова, статьи И. Эренбурга.

В один ряд с публицистикой и гражданской лирикой встали театральные премьеры военных лет: «Нашествие» Л. Леонова, «Русские люди» К. Симонова, «Фронт» А. Корнейчука. Последние две пьесы были напечатаны на страницах «Правды» рядом со сводками Совинформбюро. Тема драмы Корнейчука, написанной в 1942 г., была особенно злободневна для начального периода войны. В ней сталкиваются позиции генералов двух разных поколений, старого, заслуженного участника Гражданской войны и молодого, понимающего специфику современной войны.

Особое место занимала поэзия военных лет. Лирические стихи публиковались во фронтовой печати, исполнялись в концертах. Во время войны сформировалось целое поколение поэтов-фронтовиков, которое оставило заметный след в литературе послевоенного периода. Это М. Кульчицкий, С. Гудзенко, А. Межиров, Б. Слуцкий, Ю. Друнина, Н. Майоров и др.

С 1943 г. идеологический контроль над литературой и искусством вновь усилился. По инициативе Сталина была запрещена киноповесть А. Довженко «Украина в огне» за «антиленинские ошибки и националистические извращения». В декабре 1943 г. были приняты постановления Секретариата ЦК «О контроле над литературно-художественными журналами» и «О повышении ответственности секретарей литературно-художественных журналов», а в августе следующего года постановления Оргбюро «О журнале «Знамя». Идеологические претензии предъявлялись И. Сельвинскому, М. Зощенко, В. Катаеву, А. Платонову, Б. Лавреневу, К. Чуковскому и другим писателям.

Критическая кампания была развернута против М. Зощенко за повесть «Перед восходом солнца», первая часть которой была напечатана в 1943 г. в журнале «Октябрь». Эта публикация была предварительно одобрена в Управлении пропаганды и агитации ЦК, но отсутствие второй части повести делало ее уязвимой для критики. Автор рассматривал свое произведение как антифашистское, доказывающее торжество разума над «низшими силами». В первой части на примерах из личной жизни писатель давал тон-

кий психологический анализ человеческой натуры, а во второй пытался проанализировать психологическую сущность фашизма. Но вторую часть журнал отказался публиковать. Статья «Об одной вредной повести», появившаяся в партийном журнале «Большевик» (1944, № 2), по тону и содержанию предвосхитила принятое через два года постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград». Критическая кампания против Зощенко имела подспудные причины, связанные с политической борьбой в высших эшелонах власти.

В начальный период войны театральная жизнь была дезорганизована. Часть коллективов не удалось вывести, эвакуированные театры не могли быстро начать работу. К 1943 г. их сеть стабилизировалась, хотя и сократилась почти в два раза по сравнению с довоенным временем.

Для обслуживания фронтовиков создавались бригады артистов, писателей, художников и даже специальные фронтовые театры. Первым из них стал театр «Искра», сформированный из актеров Театра имени Ленинского комсомола — добровольцев народного ополчения. Затем были организованы фронтовые филиалы Малого театра и Театра имени Евг. Вахтангова, комсомольский коллектив ГИТИСа. За годы войны в составе театрально-концертных бригад на фронтах побывали более 40 тыс. работников искусства, включая прославленных корифеев театра И. Москвина, А. Тарасову, Н. Хмелева, А. Яблочкину, М. Царева, Н. Черкасова.

В кинематографии особое внимание уделялось производству киножурналов и документальных фильмов. В конце 1941 г. на экраны кинотеатров вышел фильм «Разгром немецких войск под Москвой» (режиссеры Л. Варламов и И. Копалин; в 1942 г. фильм был награжден премией Американской киноакадемии «Оскар»). Всего за годы войны было выпущено около 500 киножурналов и 34 полнометражные картины, среди которых «Секретарь райкома» И. Пыррева, «Нашествие» А. Роома, «Радуга» М. Донского, «Два бойца» Л. Лукова, «Она защищает Родину» Ф. Эрмлера. В последние годы войны государственные и партийные органы много занимались вопросами кинопроката и кинообслуживания населения, однако довоенный уровень достигнут не был.

Одним из наиболее крупных кинопроектов военного времени была трехсерийная постановка «Ивана Грозного», осуществление которой было поручено от имени ЦК партии С. Эйзенштейну еще в январе 1941 г. История этого фильма, оставшегося незавершен-

ным, наглядно раскрывает роль Сталина в руководстве искусством. Первая серия, выпущенная в 1944 г., была награждена Сталинской премией I степени, а вторая — подвергнута уничтожающей критике главного кремлевского цензора. Вина автора заключалась в том, что его видение эпохи Ивана Грозного не совпало с официальным. Сталин обвинил режиссера в невежестве за то, что тот представил «прогрессивное войско опричников Ивана Грозного в виде шайки дегенератов», а самого царя, «человека с сильной волей и характером, — слабохарактерным и безвольным». Эти формулировки были воспроизведены в постановлении ЦК ВКП(б) 1946 г. «О кинофильме «Большая жизнь».

В изобразительном искусстве самым оперативным был жанр плаката. Художники-плакатысты первыми откликнулись на военные события. Уже через несколько часов после объявления войны появился плакат Кукрыниксов «Беспощадно разгромим и уничтожим врага!». Он был воспроизведен в газетах 103 городов страны. Громадной силой эмоционального воздействия обладала работа И. Тоидзе «Родина-мать зовет!». В первые дни Великой Отечественной войны начало работу содружество художников-плакатыстов и поэтов «Окна ТАСС», возродившее опыт аналогичного объединения времен Гражданской войны.

Одной из наиболее крупных художественных выставок этого периода стала открытая 7 ноября 1942 г. Всесоюзная выставка в Третьяковской галерее, посвященная войне. В картинах А. Платова, Г. Ряжского, С. Герасимова, А. Дейнеки, Кукрыниксов нашли отражение темы военного времени. Первая выставка в блокадном Ленинграде была проведена в январе 1942 г. в Доме художника. Впоследствии ее экспонаты были переправлены самолетом в Москву и выставлены в залах Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

В музыке ведущим жанром стала лирическая песня. «Землянка», «Вечер на рейде», «Соловьи», «Темная ночь» и другие песни военных лет вошли в золотой фонд песенной классики. Вторую жизнь получила написанная еще до войны песня «Катюша». Большим праздником для фронтовиков были концерты фронтовых бригад с участием Л. Утесова, К. Шульженко, Л. Руслановой. В 1943 г. из эмиграции вернулся А. Вертинский. Хотя его концертная деятельность ограничивалась преимущественно гастрольями в провинции, певец пользовался большой популярностью. Его романсы и песни на стихи С. Есенина, А. Блока, А. Ахматовой, И. Северянина восстанавливали связь с культурой Серебряного века.

Крупные музыкальные коллективы и театры были эвакуированы из Москвы и Ленинграда. Основная часть труппы Большого театра была вывезена в Куйбышев, Ленинградский академический театр оперы и балета имени С. М. Кирова — в Пермь, оркестр Ленинградской филармонии под руководством Е. Мравинского — в Новосибирск, Государственный симфонический оркестр — во Фрунзе. Но музыкальная жизнь в столице продолжалась. В Москве был создан филиал Большого театра, открывший сезон в ноябре 1941 г. оперой П. И. Чайковского «Евгений Онегин». В январе 1942 г. молодые артисты Большого театра, Московского музыкального театра имени К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко, выпускники Московской консерватории и Гнесинского училища организовали Фронтowej оперный театр.

Осенью 1941 г. в Ленинграде был создан оперный театр «Дебют». Но в первую блокадную зиму музыкальная жизнь в Ленинграде прервалась. Единственный оставшийся в городе оркестр Ленинградского радиокомитета под руководством К. И. Элиасберга дал последние концерты в филармонии и по радио в декабре 1941 г. Зимой из 105 музыкантов оркестра от голода погибло 27. Но к лету 1942 г. оркестр, оперный театр и Театр музкомедии возобновили выступления. Крупным событием стало исполнение в Ленинграде 9 августа 1942 г. Седьмой («Ленинградской») симфонии Д. Шостаковича, написанной композитором в эвакуации.

Деятельность ведущих театров и симфонических оркестров в эвакуации способствовала оживлению культурной жизни провинции и созданию новых творческих коллективов. Так, в Куйбышеве после двухлетнего пребывания там Большого театра появился первый в истории города симфонический оркестр, в Новосибирске открылся Театр оперы и балета, во Фрунзе — отделение Московской консерватории. В ряде городов были созданы новые отделения творческих союзов: Союза композиторов — в Новосибирске, Союза художников — в Тюмени, Томске, Кемерове.

Стихи и проза, спектакли и фильмы, песни военных лет находили горячий отклик в сердцах людей, вдохновляли их, вселяли уверенность в победе. Об этом свидетельствуют многочисленные письма писателям. «Я получил от вас точно какую-то награду», — писал гвардеец Шубин А. Твардовскому. «Это была не книга, письмо, письмо от близкого человека», — так писала ленинградка Абрамова Н. С. Тихонову. «В дни Великой Отечественной войны Вы, Алексей Николаевич, — писали бойцы с фронта А. Н. Толс-

тому, — тоже являетесь бойцом, — и мы чувствуем, как будто Вы находитесь с нами совсем рядом, плечом касаясь каждого в строю. У Вас иное оружие, но оно так же остро, как наши штыки... его огонь такой же убедительный, как огонь наших автоматов и пушек».

За годы войны произошли заметные изменения в духовной жизни общества. Более тесным стало межнациональное общение. Этому способствовали миграции населения в связи с мобилизацией и демобилизацией, эвакуацией и реэвакуацией. В творчестве писателей, художников, композиторов, эвакуированных в восточные республики, появились новые темы и мотивы. В творчестве военных лет композиторов С. Прокофьева, Н. Мяковского, А. Александрова, эвакуированных в Нальчик, слышны мотивы народной кабардинской и балкарской музыки. Время, проведенное в Ташкенте, наложило отпечаток на лирику военных лет А. Ахматовой. Активное участие в творческой жизни Казахстана приняли народные художники СССР А. Герасимов, Б. Иогансон, С. Меркуров, В. Мухина.

Возрос международный авторитет советской культуры, расширились ее зарубежные связи. В сентябре 1942 г. английский писатель Дж. Пристли писал: «...в течение последнего года английский народ узнал о России больше, чем за все предшествующие 20 лет». В годы войны в ведущих английских и американских газетах публиковались статьи Л. Леонова, К. Симонова, Е. Петрова, Б. Полевого, К. Федина, М. Шолохова и других видных советских писателей. На театральных сценах США и Великобритании шли пьесы А. Грибоедова, А. Чехова, А. Афиногенова, К. Симонова, Л. Леонова, на киноэкранах демонстрировались фильмы «Щорс», «Александр Невский», «Суворов», «Разгром немецких войск под Москвой». Большой популярностью пользовалась русская и советская музыка. Во многих зарубежных странах проходили фестивали русской музыки, выставки советского изобразительного искусства.

Однако война имела и негативные последствия для развития советской культуры. В декабре 1941 г. был создан Комитет из представителей различных учреждений и организаций культуры (АН СССР, Политуправление Рабоче-Крестьянской Красной Армии, Академия художеств СССР и др.). В задачи Комитета входили учет ущерба, причиненного фашистами, информация мировой общественности о размерах и формах вандализма фашистов в отношении культуры и искусства, а также восстановление и охрана памятников культуры в освобожденных районах. Отношение гит-

леровского командования к объектам культуры было достаточно определенно сформулировано в приказе генерал-фельдмаршала фон Рейхенау «О поведении войск на Востоке», обнародованном на Нюрнбергском процессе: «Войска заинтересованы в ликвидации пожаров только тех зданий, которые должны быть использованы для стоянок воинских частей. Все остальное, являющееся символом бывшего господства большевиков, должно быть уничтожено. Никакие исторические и художественные ценности на Востоке не имеют значения».

По сообщению Чрезвычайной государственной комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, опубликованному в «Правде» в сентябре 1945 г., всего было разрушено более 80 тыс. школ, сотни вузов и научно-исследовательских учреждений, разграблено 430 музеев из 991, находившихся на оккупированной территории, 44 тыс. дворцов культуры и библиотек. Были осквернены и разграблены дома-музеи Л. Н. Толстого в Ясной Поляне, А. С. Пушкина в Михайловском, И. С. Тургенева в Спасском-Лутовинове, П. И. Чайковского в Клину. В результате боевых действий и бомбардировок пострадали древние русские города — Новгород, Псков, Смоленск, Ржев, Вязьма, Киев, громадный ущерб был нанесен Ленинграду и Сталинграду. В Новгороде из 88 историко-культурных сооружений остались без значительных повреждений лишь 2. Всего на территории РСФСР было уничтожено и повреждено 2234 здания древних монастырей и церквей. Был разрушен Успенский собор Киево-Печерской лавры (XI в.). Погибла Симферопольская картинная галерея, были разграблены и сожжены дворцы Петергофа, Пушкина и Павловска. Больших средств потребовало проведение эвакуации и реэвакуации культурных ценностей.

Восстановительные работы как в народном хозяйстве, так и в сфере культуры начались еще во время войны по мере освобождения оккупированных территорий. В освобожденные районы направлялись оперативные группы архивистов и музейных работников, которые занимались розыском уцелевших ценностей и оценкой ущерба. С декабря 1945 до конца 1949 г. при Советской военной администрации в Германии (СВАГ) работала архивная служба, в задачи которой входил розыск и возврат на родину документов и ценностей, вывезенных из СССР во время войны. Часть ценностей удалось вернуть, но далеко не все. До сих пор не удалось обнаружить знаменитую Янтарную комнату. Многие произведения искусства, вывезенные из СССР, оказались в частных кол-

лекциях. Некоторые культурные ценности, находившиеся в советской зоне оккупации, включая награбленные фашистской Германией в других странах, были отправлены в СССР. Проблема реституций, возвращения культурных ценностей, перемещенных в годы войны, до сих пор остается нерешенной.

Многие материальные потери восполнить было невозможно. Безвозвратно утраченными для отечественной культуры оказались уничтоженные фашистами фрески XII в. в Софийском соборе в Новгороде, сожженные в Клину рукописи П. И. Чайковского. В Сталинграде погибли картины И. Е. Репина, В. А. Серова, И. И. Шишкина, А. К. Айвазовского. Невосполнимы были и людские потери. Численность специалистов с высшим и средним специальным образованием сократилась с 2,4 до 2,2 млн человек при том, что подготовка кадров в годы войны продолжалась. Почти полное отсутствие новых пополнений и тяжелые условия существования, ведущие к увеличению смертности ученых старшего поколения, привели к значительному сокращению численности научных кадров — на 28%. Все это впоследствии сказалось на развитии отечественной культуры.

Глава 13

Культурная жизнь в 1945—1953 гг.

13.1. Усиление административно-командных методов руководства культурой

Война оказала большое влияние на духовный климат советского общества. У людей возросло чувство собственного достоинства, стремление самостоятельно осмыслить пережитое. Участвуя в освобождении от фашизма европейских стран, советские воины впервые увидели за границу такой, какой она была в действительности, а не в изображении средств массовой пропаганды. Контраст между разоренным отечеством и побежденными странами Европы, относительно сытыми и благополучными, заставлял воинов-победителей о многом задумываться. Перенесенные тяготы военного времени рождали надежды, что после победы жизнь будет устроена намного лучше. Но этим надеждам не суждено было сбыться. Сталинский режим укрепился благодаря победе в войне. Репрессивная машина продолжала работать.

Массовый героизм, мужество, инициативность, патриотизм советских людей, проявившиеся на фронте и в тылу, не соответствовали роли «винтика» государственного механизма, которую отводил человеку сталинский режим. Само его существование требовало насаждения в советском обществе страха и подозрительности, установления жесткого контроля над умами. Центральное место в работе ЦК партии в послевоенные годы заняли идеологические вопросы. Партийные постановления касались широкого круга проблем: от подготовки идеологических кадров партии до работы некоторых редакций газет и журналов, от преподавания общественных наук в вузах до репертуара драматических театров и оценки отдельных фильмов и опер.

Все средства были направлены на пропаганду исключительных успехов советской экономики и культуры, достигнутых под мудрым руководством «гениального вождя всех времен и народов». Распространялись иллюзорные представления о коммунизме, который якобы будет построен за три с небольшим пятилетки. Образ процветающей державы, народ которой наслаждается всеми благами социалистической демократии, образ, предстающий со страниц газет и журналов тех лет, получивший отражение в «лакированных» книгах, картинах, фильмах, не имел ничего общего с реальностью. Правда о жизни народа, о прошедшей войне с трудом пробивала себе дорогу.

Раскол мира на два враждующих лагеря и начало «холодной войны» свели к минимуму международный культурный обмен. Изоляционистская политика советского руководства подкреплялась широкой идеологической кампанией борьбы с низкопоклонством перед Западом. Страницы газет и журналов заполнили статьи, восхваляющие все отечественное. Журналисты доказывали первенство русских практически во всех научно-технических открытиях: оказывалось, что даже паровая машина, телефон и киноаппарат впервые появились в России (изобретения Уатта, Эдисона, братьев Льюмьер). Нередки были случаи ареста только за то, что кто-то неосторожно позволял себе похвалить качество трофейного немецкого автомобиля или американской ленд-лизовой тушенки.

Кампания борьбы с низкопоклонством затронула и художественную жизнь. Страна, проложившая «путь человечеству к социализму», должна была обладать не только самой передовой в мире наукой, но и лучшими в мире литературой и искусством. В 1948 г. был закрыт Музей нового западного искусства. Слово «импрессионизм» приобрело такой же негативный оттенок, как и «форма-

лизм». На научной сессии Академии художеств в 1948 г. утверждалось, что «самое слабое произведение советской живописи и скульптуры несоизмеримо выше самых «модных» и прославленных произведений формалистов Америки, Франции и Англии».

28 января 1949 г. «Правда» опубликовала редакционную статью «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», которая положила начало кампании борьбы против «безродных космополитов». Известным критикам — Ю. Юзовскому, Г. Бояджиеву, А. Борщаговскому, Л. Малюгину, А. Гурвичу и другим — предъявили обвинения в низкопоклонстве перед Западом, в отсутствии патриотизма, в шельмовании лучших пьес отечественных авторов, в протаскивании в советское искусство «гнилой безыдейности и формализма». Борьба с космополитизмом приобретала особенно зловеший смысл на фоне других событий того времени: в декабре 1948 г. был распущен Еврейский антифашистский комитет, а его активные деятели арестованы, в 1949 г. убит С. Михоэлс (народный артист СССР, художественный руководитель Московского государственного еврейского театра). Закрывались еврейские культурные учреждения — театры, школы, газеты. В этих условиях выступление «Правды» против «критиков-антипатриотов», большинство из которых были евреями, воспринималось как часть антисемитской кампании. Она достигла апогея в последние месяцы жизни Сталина, когда была арестована группа видных врачей-евреев, работавших в Кремлевской больнице и обвиненных в преднамеренных убийствах высокопоставленных пациентов.

До статьи в «Правде» критика космополитизма в печати была безымянной и, как правило, направлена против Запада. Выбор именно театральных критиков в качестве первой мишени в борьбе с космополитизмом был обусловлен групповой борьбой в литературной среде, противостоянием объединения критиков Всероссийского театрального общества (ВТО, основано в 1877 г.) и секции драматургов Союза писателей. Критики, входившие в объединение ВТО и впоследствии заклеенные «Правдой» как антипатриоты, часто печатались в ведущих газетах и журналах. По их мнению, причина кризисного состояния советского театра заключалась в слабости советской драматургии. Однако ни драматурги, ни руководители Союза писателей с этим не могли согласиться. Конфликт между критиками и драматургами обострился в 1948 г., когда в ВТО и на пленуме Союза писателей обсуждался вопрос о выполнении постановления ЦК 1946 г. «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению». Каждая из

группировок имела поддержку в ЦК партии, но в закулисной политической борьбе победу одержал генеральный секретарь Союза писателей А. Фадеев. Выступая на пленуме Союза писателей, он возложил ответственность за положение дел в театре на критиков и назвал те имена, которые через месяц стали известны всей стране из статьи в «Правде». «Критики-антипатриоты» оказались подходящим поводом для активизации антикосмополитической кампании, которая отвечала политическим задачам Сталина и его ближайшего окружения. Решение выступить против «безродных космополитов и антипатриотов» было принято на заседании Оргбюро ЦК в январе 1949 г.

Эта кампания, затронувшая научную и художественную интеллигенцию, проводилась недолго. Через несколько месяцев поток разоблачительных публикаций иссяк. Собрания научных и художественных коллективов, посвященные критике космополитов, прекратились. Но и в последующие годы ярлык «космополита» служил серьезной помехой в творческой деятельности.

В 1950 г. положение дел в литературной критике также стало поводом для идеологической кампании, но гораздо меньших масштабов. Началом ей послужила статья А. Белика «О некоторых ошибках в литературоведении», опубликованная в порядке обсуждения в журнале «Октябрь» (1950, № 2). Сталин воспринял эту публикацию как возрождение рапповских теорий и обвинил автора в том, что он вульгаризаторски трактует понятие партийности, требуя от писателя обязательного членства в партии. «Правда» выступила с большой редакционной статьей «Против опошления литературной критики», направленной против «неорапповщины». Эту тему подхватили другие газеты. К. Симонов и А. Фадеев в статье, написанной для «Литературной газеты», предлагали вообще отказаться от понятия «большевистской партийной литературы», которое, по их мнению, вело к противопоставлению членов партии и беспартийных. Но в ЦК эти предложения не были одобрены. Принцип партийности литературы оставался незыблемым. Критика «неорапповцев» была свернута.

13.2. Народное образование

Главной задачей в области народного образования в послевоенные годы стало введение обязательного семилетнего обучения детей. Помимо государственных ассигнований на восстановление и строительство школ выделялись средства колхозов. Также проводились мобилизации местного населения на массовые воскресни-

ки для помощи школам и в фонд всеобща. Много школ было построено методом народной стройки. Для молодежи, не сумевшей получить образование в годы войны, создавались вечерние школы. Всеобщее семилетнее образование было введено с 1949/50 учебного года.

В первые послевоенные годы особенно трудным было положение с преподавательскими кадрами. Для массовой подготовки учителей были открыты краткосрочные курсы, куда принимались лица, не имевшие даже среднего образования. Расширялась сеть педагогических училищ и вузов.

Послевоенное восстановление сети высших учебных заведений и численности студентов заняло около трех лет. Для усиления государственного контроля за подготовкой специалистов Комитет по делам высшей школы был реорганизован в союзно-республиканское Министерство высшего образования.

Вузы пополнялись молодежью, вернувшейся с фронта, для которой были созданы льготные материальные и бытовые условия. Особенно быстро развивалась система вечернего и заочного образования. На многих крупных предприятиях открывались филиалы и отделения вузов и техникумов для подготовки инженерно-технических кадров из местных рабочих. Однако в заочных вузах был высокий отсев студентов и низкое качество подготовки.

Преподавание общественных наук было догматическим и начетническим, фактически оно сводилось к «промыванию мозгов». Многих студентов, особенно прошедших фронт, не мог удовлетворить подобный уровень преподавания. Э. Неизвестный, который в конце 40-х гг. учился одновременно в Академии художеств и на философском факультете МГУ, вспоминал: «О Ленине мы узнавали от Сталина, о Марксе мы узнавали от Ленина и Сталина, о Дюринге мы узнавали из «Анти-Дюринга». В студенческой среде возникали законспирированные кружки самообразования. Эти ростки свободомыслия набирали силу и впоследствии дали свои плоды.

13.3. Наука

Идейно-политическая обстановка в стране в рассматриваемый период не была благоприятной для развития науки. Получили распространение догматизм, начетничество, цитатничество, отрыв теории от жизни. Критерием истины становилась не практика, а высказывания по данному вопросу авторитетов. Пренебрежительное отношение к достижениям научно-технической мысли за-

рубежных стран, стремление утвердить отечественные приоритеты во всех областях науки и техники замедляли научный прогресс. Некоторые крупные открытия, сделанные зарубежными учеными в области физики, квантовой механики, химии и кибернетики, объявлялись враждебными материализму.

Специальных партийных решений по вопросам науки, как это делалось в отношении литературы и искусства, не принималось. Политическое руководство предпочитало направлять ее развитие, используя форму научных дискуссий. Это свидетельствовало об особом месте науки и ее деятелей в советском обществе. В послевоенные годы были существенно повышены оклады и введены льготы для научной интеллигенции. Щедро платя ученым, власть требовала от них безоговорочной преданности.

Точные и естественные науки пользовались относительной независимостью в силу того, что имели оборонное значение, хотя и они не были избавлены от административного вмешательства. Так, директор Института физических проблем АН СССР и руководитель созданного в годы войны Главкислорода академик П. Л. Капица был освобожден от всех должностей за то, что позволил себе резко отозваться о работе Л. П. Берия в спецкомитете по атомной проблеме. Сталин не дал санкции на арест ученого, как того хотел Берия, но согласился на отставку. В результате работы в области перспективного направления физики низких температур, которые возглавлял Капица, были прерваны на семь лет. В 1955 г. он вновь был назначен директором Института физических проблем, а в 1958 г. постановление Совета Министров 1946 г. в части отрицательных оценок деятельности ученого было отменено. В 1978 г. П. Л. Капица был удостоен Нобелевской премии за фундаментальные изобретения и открытия в области физики низких температур.

Наибольшее значение в те годы имели такие новые развивающиеся отрасли, как ядерная физика и физика полупроводников, биохимия и биофизика, радиационная биология. С возникновением новых отраслей и научных направлений создавались научно-исследовательские коллективы. Во второй половине 40-х гг. были открыты Институт точной механики и вычислительной техники, Институт радиотехники и электроники, Институт прикладной геофизики, Институт физической химии, Институт атомной энергии, Институт ядерных проблем и др.

Особое внимание уделялось исследованиям в области использования атомной энергии, которые велись под руководством ака-

демика И. В. Курчатова. Результатами этой работы стали осуществление управляемой ядерной реакции в атомном реакторе в 1946 г., испытание атомной бомбы в 1949 г. и впоследствии использование атомной энергии в народном хозяйстве. С. И. Вавилов, И. Е. Тамм, И. М. Франк и П. А. Черенков внесли значительный вклад в изучение люминесценции (в 1958 г. за работы в области люминесцентного анализа советские ученые получили Нобелевскую премию). Интенсивные исследования велись в области полупроводников (академик А. Ф. Иоффе), ракетостроения (С. П. Королев), средств механизации и автоматизации.

В биологической науке ученые-генетики предприняли попытку разоблачить антинаучные взгляды академика Т. Д. Лысенко и его сторонников, которые отрицали существование материальных носителей наследственности — генов и преувеличивали влияние среды на формирование наследственных свойств организма. Сразу после войны в ЦК партии поступило несколько писем о вреде монополии Лысенко. Эти обращения находили положительный отклик некоторых работников Агитпропа. В частности, косвенную поддержку генетики нашли у Ю. А. Жданова (сына секретаря ЦК ВКП(б), назначенного в декабре 1947 г. заведующим сектором науки Агитпропа). По мнению молодого партийного функционера, имевшего естественнонаучное образование, в биологии шла борьба между двумя научными школами. Такой подход существенно отличался от принятой сторонниками Лысенко интерпретации дискуссий в биологии как борьбы передового научного направления против реакционного.

Позиция Ю. А. Жданова воодушевляла некоторых ученых-генетиков для публичных критических выступлений на научных конференциях в МГУ и в Академии наук. Но Лысенко предпочел научной дискуссии прямую апелляцию к высшему партийному руководству. Он обратился лично к Сталину и А. А. Жданову с жалобой на организованную травлю мичуринского направления в биологической науке. Поддержка вождя помогла лжеученому сохранить монопольное положение в биологии. Очередные выборы в ВАСХНИЛ, которые могли дать преимущество противникам Лысенко, были отменены, а новые члены Академии были назначены лично Сталиным. На сессии ВАСХНИЛ в августе 1948 г. генетика объявлялась лженаукой, а ученые-генетики — идеалистами, что в те годы было серьезным политическим обвинением. Около 3 тыс. биологов были отстранены от работы. Исследования в об-

ласти генетики и других важных разделов общей биологии практически прекратились.

В 1950 г. по инициативе Сталина была проведена совместная сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук по проблемам физиологии («Павловская сессия»). Вопросы развития физиологии рассматривались на заседании Политбюро ЦК. Учение Павлова объявлялось единственно правильным, что, по существу, вело к его компрометации. Ряд видных ученых, крупных специалистов в области физиологии, психологии, теоретической медицины, были подвергнуты разгромной критике и сняты с работы за «отступления от павловской физиологии».

В 1951—1952 гг. угроза некомпетентного вмешательства сверху нависла над физико-математическими науками, оказавшимися якобы «на передовой позиции идеологического фронта». Физиков и математиков спасало то обстоятельство, что сфера их научных разработок имела большое значение для обороны страны.

Отсутствие свободного доступа к информации, ограничения в выборе тематики исследований, утверждение «генеральной — единственно правильной» научной линии пагубно сказались на развитии общественных наук. Даже собрания сочинений классиков марксизма-ленинизма, изданные в те годы, носят следы административного контроля, некоторые произведения классиков оказались крамольными для сталинского режима и не публиковались. В четвертое издание собрания сочинений В. И. Ленина не вошли многие из его последних работ, например, так называемое политическое завещание.

Ведущее место в исследовательской и педагогической практике обществоведов занимали работы Сталина, идеи которого воспринимались как непререкаемые истины, а также «Краткий курс истории ВКП(б)», написанный при его участии.

Обстановка, сложившаяся в общественных науках, наглядно отразилась в дискуссиях 40-х — начала 50-х гг., организованных по указаниям сверху. В 1947 г. прошла дискуссия по философии, в 1950 г. — по языкознанию, в 1951 г. — по политэкономии. В них приняли участие руководители партии: по философии — член Политбюро ЦК А. А. Жданов, занимавшийся вопросами идеологии, по языкознанию и политэкономии — И. В. Сталин.

Первая из дискуссий была посвящена обсуждению книги Г. Ф. Александрова «История западноевропейской философии» (Г. Ф. Александров — известный философ, академик, лауреат Сталинской премии 1946 г. работал в аппарате ЦК партии). Поводом

для нее послужило письмо Сталину профессора МГУ З. Я. Белецкого с критикой работы Александрова. По решению секретариата ЦК в январе 1947 г. было проведено публичное обсуждение книги в Институте философии АН СССР. Однако его итоги не удовлетворили ЦК партии, и в июне было созвано новое совещание философов для повторного обсуждения. На этот раз его проводил лично А. А. Жданов.

Это мероприятие было только по форме похоже на научную дискуссию, но по существу таковой не являлось. Оно проводилось по указанию сверху без учета потребностей науки. Ход и содержание встречи определяли вступительная и заключительная речи Жданова. Остальные ее участники, включая главного виновника, говорили то, что от них хотели услышать. В центре внимания выступавших были «политические ошибки» Александрова, заключавшиеся в объективизме и недостаточно критическом отношении к домарксистской философии.

Таким образом, в академическую среду переносились черты внутрипартийной жизни: публичная критика и самокритика. Встреча ученых с политическим руководством убедительно свидетельствовала, что высокое положение в научной иерархии и даже должности в партийном аппарате не избавляют от критики. Вскоре Александров был освобожден от должности начальника Агитпропа (его сменил М. А. Суслов), но карьера ученого на этом не закончилась. Он был назначен директором Института философии АН СССР, а впоследствии министром культуры СССР.

Дискуссия по языкознанию, так же как и по философии, была инициирована сверху. Поводом для нее послужили следующие события. В апреле 1950 г. руководители Грузии преподнесли Сталину в подарок «Толковый словарь грузинского языка» и представили главного редактора этого издания — видного лингвиста А. С. Чикобава. Ученый воспользовался этой встречей, чтобы рассказать партийному лидеру о положении, сложившемся в лингвистике. Чикобава был ярким противником официально утвердившегося в советской лингвистике нового учения о языке, созданного еще в 1920-е гг. академиком Н. Я. Марром в противовес общепринятой индоевропейской теории. Внедрение учения Марра на рубеже 20—30-х гг. рассматривалось в то время как утверждение марксизма в данной области науки. В действительности оно содержало ряд абсурдных положений, таких, как идея о классовом характере языка, о процессе слияния языков и др. Сталин предложил Чикобава изложить свои взгляды письменно, и статья ученого

была опубликована в «Правде» как дискуссионная. На страницах газеты печатались выступления как последователей Марра, так и его оппонентов, пока 20 июня 1950 г. не появилась статья самого Сталина «Относительно марксизма в языкознании». С научной точки зрения лидер партии излагал правильные, но тривиальные положения, что в сочетании с характерным стилем отмечает сомнения относительно его авторства. Участие Сталина в дискуссии придало ей иную направленность. Марристы перешли от наступательной позиции к самокритике. На смену их монополии в лингвистике пришла другая.

В 1951 г. была опубликована книга Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», положения которой стали основой для пересмотра тематики и направлений научных исследований и программ филологических факультетов. Был создан Институт языкознания АН СССР, во главе которого встал академик В. В. Виноградов.

Дискуссия по политэкономии, проходившая в ЦК партии в ноябре—декабре 1951 г., была посвящена обсуждению макета учебника. Работа над ним началась еще до войны под личным контролем Сталина, когда было принято решение ЦК о создании учебных пособий по всем обществоведческим дисциплинам. Подготовка книги затягивалась, так как ни один из предложенных вариантов не устраивал Сталина. Наконец текст учебника, написанный большим авторским коллективом и рассмотренный комиссией ЦК партии, был вынесен на обсуждение. Осенью 1951 г. около 240 научных сотрудников, преподавателей вузов, партийных и советских руководителей из 24 городов после предварительного знакомства с текстом были приглашены на закрытое обсуждение в ЦК.

Дискуссия по макету учебника вылилась в обсуждение состояния экономической науки. Многие выступавшие говорили о слабой теоретической разработке проблем социалистической формации, о недоступности статистических данных, необходимых для анализа экономики страны, критиковали сложившуюся систему наклеивания политических ярлыков в ходе научных дискуссий. Самые осторожные ограничивались критикой частных вопросов по тексту.

Сталин не принимал участия в обсуждении, но внимательно изучил все ее материалы. В феврале 1952 г. сталинские «Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 г.», были разосланы членам ЦК и участникам встречи. Эти

замечания и ответы Сталина на многочисленные вопросы были опубликованы в журнале «Большевик» и в «Правде» в октябре 1952 г., а затем отдельным изданием под названием «Экономические проблемы социализма в СССР». Положения этой книги стали незыблемыми для советской экономической науки и в значительной степени определили экономическую политику.

В целом дискуссии конца 40-х — начала 50-х гг. показали, что, несмотря на жесткий идеологический диктат, в научном сообществе сохранялся плюрализм и способность к отстаиванию собственных позиций. В условиях тоталитарного режима в борьбе научных школ и направлений решающую роль играла поддержка власти. Поэтому конкурирующие академические группировки апеллировали к высшим партийным инстанциям и руководителям. Но даже поддержка власти не обеспечивала полного искоренения альтернативных течений. В биологической науке при монополии Лысенко продолжали существовать его противники, в языкознании при господстве марристов были и оппоненты Марра. Хотя все дискуссии послевоенных лет завершились однозначным утверждением одного направления, очевидно, что идея тотального контроля над наукой была утопична.

13.4. Художественная культура

Теоретические основы и общая направленность политики партии в области художественной культуры оставались неизменными. Литература и искусство по-прежнему рассматривались как средства воспитания масс. Большинство интеллигенции надеялось, что после победы в войне политический и идеологический контроль над художественным творчеством будет смягчен. Ожидание перемен подогревалось некоторыми признаками потепления, как оказалось иллюзорными. Весной 1946 г. был отправлен в отставку секретарь Союза писателей Д. Поликарпов, известный своими диктаторскими замашками. Это решение было принято в ЦК партии в ответ на жалобы писателей на самодурство и грубость Поликарпова. (В 1955 г. он вновь был направлен ЦК на работу в Союз писателей, а затем был назначен заведующим Отделом культуры ЦК.) Было отменено постановление секретариата ЦК «О контроле над литературно-художественными журналами». Органы госбезопасности, осведомленные по донесениям агентов о настроениях в писательской среде, сообщали в ЦК партии, что «писатели ждали большего».

Ответом на эти настроения стали постановления ЦК ВКП(б) 1946 г.: «О журналах «Звезда» и «Ленинград» (14 августа), «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» (26 августа) и «О кинофильме «Большая жизнь» (4 сентября). В 1948 г. за ними последовало постановление «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели».

Журнал «Звезда» был подвергнут критике за публикацию рассказа М. Зощенко «Приключения обезьяны», который расценивался как «злостно хулиганское изображение» советской действительности (нелепость обвинений заключалась в том, что этот детский рассказ об убежавшей из зоопарка обезьяне неоднократно публиковался ранее), а также за популяризацию стихов А. Ахматовой, «пропитанных духом пессимизма и упадничества». Журнал «Ленинград» критиковали за произведения, «проникнутые духом низкопоклонства по отношению ко всему иностранному». По всей стране прошли писательские собрания, которые единодушно поддерживали решение ЦК. В Ленинграде такое собрание проводил лично А. А. Жданов.

Это постановление было связано с политической борьбой в ближайшем окружении Сталина, в частности, с попытками бросить тень на руководство ленинградской парторганизации, в том числе на Жданова. Рассматривая этот документ в историко-культурном контексте, стоит отметить, что он сыграл роль предупреждающего удара хлыстом для интеллигенции. Выбор объектов для критики в значительной степени был случаен. На месте Зощенко и Ахматовой могли оказаться и другие литераторы. Партийное руководство не ставило задачу наказывать конкретных лиц за их ошибки. Зощенко и Ахматову исключили из Союза писателей, но уже в 1951 г. Ахматова была восстановлена, а рассказы Зощенко продолжали печататься в журналах. Главной целью было дать понять писателям, что ни талант, ни признание в литературе не дают права на аполитичность, что партия прочно держит в своих руках бразды правления и не допустит никаких идеологических послаблений.

Постановление Оргбюро ЦК партии «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» не содержало резкой персональной критики. В нем говорилось о неправильной линии Комитета по делам искусств, ослабившего контроль над театральным репертуаром, в результате чего на сцене преобладали драмы на исторические темы и произведения зарубежных авторов. ЦК рекомендовал театрам ставить ежегодно не менее двух-трех пьес о сов-

ременной советской действительности. Постановление предусматривало изменение сложной системы прохождения пьес через различные инстанции и повышение уровня театральной критики.

Постановление Оргбюро ЦК «О кинофильме «Большая жизнь» обвиняло его создателей (режиссер Л. Луков, автор сценария П. Нилин) в искаженном изображении советских рабочих и инженеров, работающих на восстановлении Донбасса (речь шла о второй серии фильма, в то время как первая была удостоена Сталинской премии). Критике были подвергнуты также режиссеры С. Эйзенштейн — за вторую серию «Ивана Грозного», В. Пудовкин — за фильм «Нахимов», Г. Козинцев и Л. Трауберг — за фильм «Простые люди».

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 февраля 1948 г. было посвящено музыке. Опера В. Мурадели «Великая дружба», поставленная Большим театром к 30-й годовщине Октябрьской революции, объявлялась порочной как в музыкальном, так и в сюжетном отношении. Партийные руководители сочли музыку оперы «невнятной и бедной». По их мнению, сюжет оперы, рассказывающий о событиях Гражданской войны на Северном Кавказе, создавал неверное представление, будто грузины и осетины находились в те годы во враждебных отношениях с русским народом. В постановлении также назывались имена Д. Шостаковича, С. Прокофьева. В. Шебалина, которых обвиняли в формалистических извращениях.

Вновь актуальной стала борьба с формализмом. В постановлении Политбюро ЦК прямо говорилось о значении статьи 1936 г. «Сумбур вместо музыки» как программного политического и идеологического документа. А. А. Жданов, выступая на музыкальном совещании в Москве в январе 1948 г., сравнил «ошибки» Шостаковича с «ошибками» в опере Мурадели и обильно цитировал статью двенадцатилетней давности.

В 1948 г. состоялся Первый Всесоюзный съезд советских композиторов и трехдневное совещание деятелей советской музыки в ЦК партии. На них проявилось стремление искусственно разделить композиторов на реалистов и формалистов. Музыкальные произведения оценивались преимущественно с точки зрения доступности для массового слушателя.

Постановления 1946—1948 гг. сыграли свою роль в рассеянии надежд интеллигенции на потепление идеологического климата. Как вспоминал об этом времени театральный критик К. Рудницкий, «сочинять, ставить, играть — все равно, что гулять по зами-

нированному полю — шаг вправо — взрыв и гибель, шаг влево — взрыв и гибель».

Предъявляя жесткие идеологические и эстетические требования к творческой деятельности художественной интеллигенции и требуя их беспрекословного выполнения, власть щедро поощряла послушание. Ни в одной стране писатели, художники, композиторы не пользовались такой материальной поддержкой, как в СССР. В отличие от своих западных коллег, члены советских творческих союзов могли зарабатывать на жизнь творческим трудом. Исключительными привилегиями (высокие гонорары, премии, государственные квартиры, дачи, мастерские, поездки за границу) пользовались руководящие работники творческих организаций и коллективов, художественная элита.

Победа в войне дала мощный импульс творчеству. В литературу вступило поколение фронтовиков, новый жизненный опыт которых нуждался в осмыслении. Одним из первых попытался сказать правду о прошедшей войне В. Некрасов в повести «В окопах Сталинграда». Классикой тех лет считался роман А. Фадеева «Молодая гвардия». Но тема войны была объявлена исчерпанной, она отвлекала читателя от актуальных задач, навевала тяжелые воспоминания. «Нам нужна праздничная литература, поднимающая человека над мелочами и случайностями», — требовала официальная критика. Известные произведения тех лет — «Русский лес» Л. Леонова, «Первые радости» и «Необыкновенное лето» К. Федина, «Времена года» В. Пановой, «Открытая книга» В. Каверина — отражают общее состояние литературного процесса, в котором отсутствовал новаторский поиск, довлела идеологическая схема, не было жанрового и стилистического многообразия.

В условиях жесткого идеологического контроля легко проходили цензурные преграды бесконфликтные произведения, такие, как романы С. Бабаевского «Кавалер Золотой Звезды» и «Свет над землей», Е. Мальцева «От всего сердца». Характерно, что все они были посвящены послевоенной деревне.

Из одного произведения в другое переходили сюжеты о конфликте новатора с консерватором, о превращении отсталого колхоза в передовой. Подобная литература отражала уровень понимания общественных проблем того времени. Вина за недостатки возлагалась на зазнавшегося директора или председателя колхоза. Выход из трудностей всегда связывался с приходом нового руководителя или перевоспитанием старого.

В духе борьбы с низкопоклонством перед Западом в искусстве была сделана «установка на шедевры». Считалось, что страна, идущая в авангарде мирового прогресса, должна превосходить всех и в художественной культуре. Музеи должны были экспонировать лишь высочайшие образцы отечественного искусства. Все, что не соответствовало официальному представлению о магистральном направлении русского реалистического искусства, отправлялось в запасники. Данная политика вела к мелочной опеке над художниками, драматургами, кинорежиссерами. Вводилась практика жесткой регламентации и контроля над всеми стадиями создания фильмов и спектаклей. Каждое произведение принималось и обсуждалось по частям, авторы бесконечно переделывали свои работы в соответствии с рекомендациями вышестоящих инстанций.

В кино подобная политика привела к резкому сокращению числа новых фильмов. Если в 1945 г. было выпущено 45 полнометражных художественных фильмов, то в 1951 г. — всего 9, причем часть из них — снятые на пленку спектакли. Установка на «малюкартинье» была принята решением Совета Министров СССР в 1948 г. Министерству кинематографии вменялось в обязанность рассматривать и утверждать все стадии кинопроизводства от литературного сценария и проб актеров до готового фильма, включая эскизы декораций и костюмов, музыкальные партитуры и генеральные репетиции с актерами. Бесконечные замечания, поправки, доработки затягивали производство картин. Съемки доверяли только маститым режиссерам, большинство из которых, несомненно, были профессионалами высокого уровня. «Малюкартинье» имело негативные последствия для развития советской кинематографии. Прекратился приток новых кадров в режиссуру. Отечественные фильмы оказались вытесненными с экрана трофейными и довоенными кинолентами.

Заметное место на экране заняли историко-биографические фильмы, схематичные и помпезные, — «Пирогов» Г. Козинцева, «Жуковский» и «Адмирал Нахимов» В. Пудовкина, «Академик Иван Павлов» Г. Рошала. Самое выдающееся кинопроизведение в историческом жанре — фильм С. Эйзенштейна «Иван Грозный», законченный в 1945 г., был запрещен. Идея трагической расплаты за коварство и жестокость царя Ивана в борьбе за единовластие наводила на аналогию с современностью. (Запрет относился ко второй серии, первая успела выйти на экраны и получить Сталинскую премию.) Событиям войны был посвящен фильм «Падение Берлина» М. Чиаурели, фальсифицирующий историю и прослав-

ляющий Сталина. Среди премьер того времени были кинофильмы, полюбившиеся зрителям, — «Подвиг разведчика» Б. Барнета, «Сельская учительница» М. Донского, «Молодая гвардия» С. Герасимова, «Кубанские казаки» И. Пырьева.

В сложном положении оказались театры. Аншлаги военных лет сменились полупустыми залами. Задача ставить в сезон по крайней мере две-три пьесы на современную тему, как это требовало постановление ЦК партии 1946 г., оказалась непосильной. Из-за многоступенчатой системы приема лишь небольшое число новых драматических произведений проходило все цензурные инстанции. Одни и те же спектакли шли по всей стране. Рекорд поставили пьесы Б. Лавренева «Разлом» и «За тех, кто в море!», которые шли более чем в 100 театрах в сезон 1947/48 года.

Театры создавались и закрывались решениями сверху. Так, в 1949 г. был отстранен от занимаемой должности главный режиссер Камерного театра А. Таиров, а сам театр объединен с другим. В том же году с должности художественного руководителя Ленинградского театра комедии был смещен Н. Акимов. Эталоном театрального искусства продолжал оставаться МХАТ, который пользовался особой любовью Сталина еще с довоенных времен. В подражание МХАТу в большинстве коллективов на сцене возобладавал бытовой реализм. На общем сером фоне театральной жизни исключением выглядели постановки М. Лобанова в Московском театре имени Ермоловой «Старые друзья» (пьеса Л. Малюгина) и «Спутники» (пьеса В. Пановой), пользовавшиеся большим успехом у зрителей.

Основные требования, которые предъявлялись к изобразительному искусству, — правдоподобие, следование традициям русских передвижников, понятность массам, наличие положительного идеала, мажорный оптимизм — сковывали творческий поиск. Сложился набор апробированных тем, сюжетов, композиционных и колористических решений. Ведущее место на ежегодных художественных выставках занимали сложные многофигурные композиции, изображавшие Ленина или Сталина в решающие моменты их революционной и государственной деятельности. Названия этих полотен говорят сами за себя: «Ленин провозглашает советскую власть» (В. Серов), «Выступление И. В. Сталина на торжественном собрании, посвященном 24-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции» (И. Тоидзе), «В Кремлевском дворце 24 мая 1945 года» (Д. Налбандян). Официальной критикой было провозглашено, что образ Сталина является самым

убедительным свидетельством идейно-творческой зрелости искусства. В день семидесятилетия вождя в 1949 г. в Третьяковской галерее была открыта выставка «И. В. Сталин в изобразительном искусстве», а в залах Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина разместились выставка подарков Сталину, которая заняла место полотен импрессионистов. Вместе с тем изобразительное искусство тех лет не исчерпывалось официозом. Об этом свидетельствуют пейзажи С. Герасимова, М. Сарьяна, работы П. Корина, А. Пластова и др.

Созданная в 1947 г. Академия художеств СССР (первый президент А. М. Герасимов) с первых лет своего существования активно включилась в борьбу с «формализмом». На практике это означало травлю талантливых мастеров, навешивание идеологических ярлыков, фальсификацию искусства прошлого. Наступление на формализм исключило из художественной жизни А. Осмеркина, Р. Фалька, А. Шевченко, оставило тяжелый след в творческой судьбе С. Герасимова, П. Корина, М. Сарьяна.

Положение дел в сфере художественной культуры вызывало беспокойство творческой интеллигенции. Генеральный секретарь Союза писателей А. Фадеев признавал, что «общая неудовлетворенность уровнем литературы и искусства существует в народе» и мучительно переживается лучшими представителями самой литературы. Б. Пастернак в частном письме выразился еще более определенно: «литературы сейчас не существует».

Кризисное состояние художественной культуры осознавалось и сталинским руководством. В апреле 1952 г. в передовой статье «Правды» «Преодолеть отставание драматургии» была осуждена теория бесконфликтности. Ответственность за положение дел в театре газета возложила на драматургов. В печати началась критика административных методов руководства и чрезмерной бюрократизации системы управления литературой и искусством. Новые установки прозвучали в докладе Г. М. Маленкова на XIX партийном съезде в октябре 1952 г.: «Наша советская литература и искусство должны смело показывать жизненные противоречия и конфликты». Было принято решение об увеличении производства кинофильмов.

Однако борьба с бесконфликтностью превратилась в очередную конъюнктурную кампанию, которая вызвала поток произведений, изображающих «сор жизни» — ревизии, семейные драмы, разбор персональных дел партийными комитетами. В уже готовые пьесы включались отрицательные персонажи — жулики, бю-

рократы, карьеристы. Кризис художественной культуры был частью системного кризиса сталинизма, его преодоление требовало глубокого обновления общественно-политической жизни страны.

Глава 14

Культура в 1953-м — середине 60-х гг.

14.1. «Оттепель» в культурной жизни

Реформы, начавшиеся после смерти Сталина, создавали более благоприятные условия для развития культуры. Образным определением новых веяний стало название романа И. Эренбурга «Оттепель», изданного в 1954 г. и вызвавшего бурные дискуссии. Однако изменения не были устойчивыми, идеологические послабления сменялись грубым административным вмешательством, и к середине 60-х гг. «оттепель» сошла на нет. Но ее значение выходит за рамки кратких всплесков культурной жизни. Был сделан первый и решающий шаг в преодолении сталинизма, началось возвращение культурного наследия эмиграции, восстановление культурной преемственности и международного культурного обмена. В годы «оттепели» сформировались «шестидесятники», поколение интеллигенции, которое впоследствии сыграло важную роль в период перестройки.

Потепление идеологического климата и оживление культурной жизни происходило на фоне значительных социокультурных изменений в советском обществе. Быстро росла численность городского населения, которая на рубеже 1950—1960-х гг. превысила пятидесятипроцентный рубеж. Миллионы сельских жителей становились горожанами, приобщались к городской культуре. Обратной стороной урбанизации было опустение деревни и упадок традиционной культуры.

В рассматриваемый период в повседневный быт советских людей вошли радио, телевидение, магнитофоны. Это давало возможность жителям самых отдаленных районов увидеть лучшие спектакли столичных театров, услышать игру выдающихся исполнителей. Но технический прогресс имел и негативные последствия — активные формы культурного досуга вытеснялись пассивными, распространялась унифицированная массовая культура.

Крупная реформа системы руководства культурой была проведена в марте 1953 г., вскоре после смерти Сталина. Государственное управление всеми отраслями культуры было сосредоточено в союзно-республиканском Министерстве культуры, которое заменило несколько министерств и комитетов — высшего образования, кинематографии, трудовых ресурсов, радиовещания и радиотелевизионной информации, по делам искусств. Перестраивались и партийные органы: Отдел художественной литературы и искусства ЦК КПСС вошел в состав Отдела науки и культуры.

Новый управленческий орган оказался чересчур громоздким. С 1954 г. началось разукрупнение Министерства культуры. Из него выделились Министерство высшего образования, комитеты по культурным связям с зарубежными странами, по радиовещанию и телевидению, по кинематографии.

Первым министром культуры СССР был назначен П. К. Пономаренко, секретарь ЦК партии, занимавший до этого должность министра заготовок. После смены нескольких таких же случайных лиц (Г. Ф. Александров, Н. А. Михайлов) на пост министра культуры была назначена Е. А. Фурцева (1960—1974). Была проведена и реорганизация партийных органов — Отдел науки и культуры был разделен на два.

Хотя Министерство культуры и Отдел культуры ЦК явились непосредственными преемниками ранее существовавших органов, в их деятельности происходили определенные перемены. Популярными лозунгами стали: «восстановление ленинских норм партийно-государственного руководства» и «преодоление последствий культа личности». Расширялась самостоятельность творческих коллективов, критиковался бюрократизм.

Негласными, но весьма важными подразделениями в системе руководства культурой оставались органы цензуры. Фактически цензурные функции выполняли все редакторы, секции творческих союзов, Министерство культуры, местные партийные органы, управления культуры исполкомов советов, внутренний цензор сидел в каждом авторе. Но и пройдя через все обсуждения и редактирование, произведение могло быть допущено к печати только после визы Главлита. Его функции выходили за рамки охраны государственных и военных тайн. Органы цензуры были обязаны «не допускать к опубликованию и распространению политически вредных, идеологически чуждых, безыдейных, халтурных, искажающих советскую действительность произведений».

Возросла роль творческих союзов. Регулярно стали собираться съезды художественной интеллигенции. В 1954 г. состоялся Второй съезд писателей СССР (Первый съезд — 1934). В 1957 г. прошел Первый Всесоюзный съезд художников, завершивший оформление Союза художников СССР. В 1957 г. был созван Второй Всесоюзный съезд композиторов (Первый съезд — 1948). В 1958 г. состоялся Первый съезд писателей РСФСР, на котором был образован Союз писателей Российской Федерации. Состоялись Всесоюзные совещания строителей и архитекторов (1954), историков (1962).

Однако демократизация системы управления культурой носила формальный характер. Творческие союзы действовали как иерархические бюрократические организации, подчиненные партийно-государственному руководству. Концепция культурной политики не изменилась. Культура рассматривалась как «участок коммунистического строительства», а ее деятели были «бойцами идеологического фронта».

Большое значение для духовной жизни советского общества имели осуждение культа личности Сталина и реабилитация тех, кто безвинно пострадал в годы массовых репрессий. Было восстановлено доброе имя многих деятелей науки, литературы и искусства, ставших жертвами беззакония: Н. И. Вавилова, В. Э. Мейерхольда, Б. А. Пильняка, О. Э. Мандельштама, И. Э. Бабеля и многих других.

Критика культа личности и начавшаяся реабилитация давали надежду на пересмотр постановлений ЦК партии 1946—1948 гг. по вопросам литературы и искусства. Однако этого не произошло. Напротив, в партийной печати подчеркивалась преемственность в культурной политике и непреходящее значение основных положений партийных документов сталинского времени. Были внесены коррективы только в оценки отдельных произведений. Большую роль в этом сыграло постановление ЦК КПСС «Об исправлении ошибок в оценке опер «Великая дружба», «Богдан Хмельницкий» и «От всего сердца», принятое 28 мая 1958 г. Его содержание не исчерпывалось вопросами музыкального искусства. Дело в том, что постановление 1948 г. «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели» содержало оценки народов Северного Кавказа, которые необходимо было исправить в связи с их политической реабилитацией.

Несмотря на свою ограниченность, постановление 1958 г. имело положительные последствия. Оно способствовало более широ-

кому исполнению произведений Д. Шостаковича, С. Прокофьева, А. Хачатуряна, В. Шебалина и других композиторов, с которых были сняты обвинения в формализме, а также послужило толчком к отмене других запретов. В 1961 г. с разрешения ЦК партии была возобновлена работа над оперой Д. Шостаковича «Леди Макбет Мценского уезда», запрещенной в 1936 г. Специальным решением ЦК КПСС от 26 июля 1958 г. кинорежиссеру Л. Лукову была предоставлена возможность подготовить к выпуску на экраны вторую серию фильма «Большая жизнь», которая была запрещена постановлением 1946 г. Уже в декабре фильм был готов к выпуску в прокат. В 1961 г. вышел в свет сборник избранных произведений А. Ахматовой, первый после постановления 1946 г.

Инерция старых привычных методов руководства была велика. При поддержке сверху в биологической науке сохранялось монопольное положение Т. Д. Лысенко и его сторонников. Непривычные по форме и содержанию произведения литературы и искусства с трудом пробивали дорогу к читателям и зрителям. Случались рецидивы публичных проработок, как это было с Б. Л. Пастернаком в связи с публикацией на Западе его романа «Доктор Живаго» и присуждением ему Нобелевской премии. В 1958 г. выдающийся поэт был несправедливо исключен из Союза писателей (восстановлен в 1987 г. посмертно). С резкой критикой молодых поэтов и художников выступал Н. С. Хрущев. Оценки, даваемые руководителем партии и правительства, воспринимались как непреложные указания вышестоящих органов. Беспрецедентной репрессивной акцией стало изъятие в 1961 г. органами госбезопасности рукописи романа В. С. Гроссмана «Жизнь и судьба».

Эти события четко обозначили предел отступления на «литературно-художественном фронте». Власти готовы были признать ошибочность отдельных оценок, вынесенных от имени партии при Сталине, но общая партийная линия оставалась неизменной. При Хрущеве не принималось специальных постановлений по вопросам литературы и искусства. Творческие союзы все больше сами занимались проработкой и наказанием «виновных».

Большую роль в общественной и художественной жизни играли журналы. Противостояние обновительной и охранительной тенденций, наметившееся в среде интеллигенции после смерти Сталина, нашло свое отражение и развитие в деятельности журналов «Новый мир» и «Октябрь». Возглавляемый с 1958 г. А. Т. Твардовским «Новый мир» выступал за преодоление стереотипов со-

знания предшествующей эпохи, за правдивое изображение жизни, отдавая приоритет художественным достоинствам литературы перед ее идейностью. Идеологические схемы и установки прошлого отстаивал журнал «Октябрь», главным редактором которого с 1961 г. был В. А. Кочетов. Для данного издания идейное содержание произведения было важнее его художественного уровня. Обе тенденции не выражались прямолинейно, но прослеживались в подборе авторов, в художественной направленности публикуемых произведений, характере рецензий. Каждый из журналов имел свой круг читателей.

С середины 60-х гг., когда «оттепель» в духовной жизни общества стала постепенно сменяться «заморозками», деятельность «Нового мира» встречала все больше препятствий со стороны властей. Журнал стали обвинять в очернительстве советской истории и действительности. Каждый номер задерживался цензурой и приходил к читателям с большим опозданием. Однако смелость и последовательность в отстаивании идей XX съезда партии, высокий художественный уровень публикаций создали общественный авторитет «Новому миру» и его главному редактору.

«Оттепель» в культурной жизни обернулась ухудшением отношений между государством и церковью. В 1958 г. возобновились гонения на верующих и церковников, напоминавшие о воинствующем безбожии рубежа 1920—1930-х гг. Активизация атеистической работы стала одним из идеологических барьеров на пути возвращения культурного наследия прошлого, начавшегося в эти годы. Многие пласты отечественной общественной мысли, в частности творческое наследие выдающихся писателей и философов религиозного направления, остались невостребованными. Серьезные проблемы были связаны с сохранением архитектурных памятников, большинство из которых носили культовый характер.

Отличительной чертой культурной жизни периода «оттепели» было расширение культурного обмена с зарубежными странами. Событиями в культурной жизни страны стали первый фестиваль итальянских фильмов и гастроль «Комеди Франсез» в 1954 г. Был возобновлен и стал регулярным Московский кинофестиваль (впервые состоялся в 1935 г.). Высокий авторитет в музыкальном мире приобрел Международный конкурс исполнителей имени П. И. Чайковского, проводимый в Москве с 1958 г. Организовывались выставки зарубежных музейных собраний: Дрезденской галереи, музеев Индии, Ливана, Франции. Широкий общественный резонанс получила выставка работ Пабло Пикассо в 1956 г.

Культурная закрытость общества постепенно исчезала, что способствовало нарастанию плюралистических тенденций в его духовной и культурной жизни. Появляются различные направления неофициальной культуры. В литературе нет единого адекватного термина для обозначения культуры, альтернативной официальной, что объясняется сложностью данного явления. Грани между признанными направлениями и неофициальными были размыты. Чаще всего употребляются следующие близкие между собой, но не полностью идентичные термины: неофициальная или альтернативная культура, искусство андерграунда, художественная оппозиция. К неофициальной культуре можно отнести произведения литературы и искусства, стилистически и идейно не укладывавшиеся в жесткие рамки партийно-государственных требований. Их путь к читателю и зрителю лежал через самиздат и квартирно-кухонные выставки.

Заметной становится молодежная субкультура. В 50-е гг. в Москве, Ленинграде и других крупных городах появились «стиляги», молодые люди, стремившиеся выделиться на фоне серого окружающего мира ярким внешним видом, образом жизни, музыкальными предпочтениями. Молодежная революция, начавшаяся на Западе в 60-е гг., оказала влияние и на советскую молодежь, среди которой также появились хиппи и панки. Появилось рок-движение, на первых порах подражательное Западу.

Консервативные и реформаторские тенденции были тесно переплетены в политике и в культурной жизни периода «оттепели». Противостояние шло не по линии интеллигенция — власть, а внутри интеллигенции и среди высшего партийного руководства. Демократическая и сталинистская интеллигенция в борьбе друг с другом искали поддержки наверху, так же, как «консерваторы» и «реформаторы» из ЦК партии искали союзников в среде интеллигенции, размежевание которой углублялось в поворотные моменты этого периода. Власть, напротив, консолидировалась.

Первая волна «оттепели» относится к 1953—1954 гг., когда в ряде журнальных статей были подняты острые вопросы положения дел в литературе и искусстве. Эти публикации вызвали большой общественный резонанс, так как многие проблемы выходили за рамки литературной жизни. В центре полемики оказалась статья В. Померанцева «Об искренности в литературе» («Новый мир», 1953, № 12). Мнение читателей, поддержавших автора, коренным образом разошлось с позицией критики, обвинившей его в забвении принципа партийности литературы. Результатом дискуссии

стали закрытое решение ЦК партии об ошибках журнала «Новый мир» и отстранение А. Твардовского от должности главного редактора в августе 1954 г.

Вторая волна «оттепели» была связана с общественной реакцией на доклад Н. С. Хрущева на XX съезде КПСС о культе личности Сталина. Часть интеллигенции, поддерживавшая курс на преодоление последствий культа и выступавшая за его последовательное осуществление во всех сферах политической и культурной жизни, невольно оказалась главной мишенью партийной критики. Брожение умов после XX съезда партии было расценено как «праворевизионистские шатания». В 1957 г. по стране прошла волна арестов, направленных на ликвидацию зарождающихся диссидентских групп. В Ленинграде были арестованы группа Р. Пименова «Союз коммунистов», в Москве — «Союз революционного ленинизма» и группа Л. Краснопевцева. Организационно разрозненные, они были объединены общими идеями. Их сторонники считали, что сталинизм искажил природу социалистического строя, и видели выход в возрождении революционного коммунистического идеала. Но ни аресты, ни кампания борьбы с «ревизионизмом» и с «очернительством советской действительности» не смогли полностью уничтожить свободомыслия. Из-за невозможности открытого обсуждения общественных проблем большая социальная нагрузка ложилась на литературу и искусство. Литературно-художественные дискуссии периода «оттепели», вовлекавшие в свой круг не только профессионалов, но и массового читателя, создавали благоприятные условия для выражения гражданской позиции ее участников.

По мере укрепления личной власти Хрущева консервативные тенденции в культурной политике усиливались. На июльском Пленуме ЦК партии 1963 г. прозвучало требование «привести в боевой порядок все виды идейного оружия». Политика нового руководства, пришедшего после отставки Хрущева, не оставляла надежд на перемены.

14.2. Наука

В послевоенные годы в странах Запада началась глобальная научно-техническая революция, которая ознаменовала их вступление в постиндустриальную стадию развития. Это было новым вызовом для СССР в его экономическом соревновании с капиталистическим миром.

В середине 50-х гг. в Советском Союзе был принят курс на ускорение научно-технического прогресса и соединение науки с производством, обозначивший поворот в научной политике. Если раньше в партийных документах роль науки сводилась к исполнению заданий, выдвигаемых потребностями производства, то теперь она стала рассматриваться как непосредственная производительная сила общества, как часть единого научно-производственного комплекса. В то же время прагматический подход в этой области сохранялся.

Государственные расходы на науку за 20 лет выросли почти в 12 раз: с 1 млрд рублей в 1950 г. до 11,7 млрд рублей в 1970 г. Численность научных работников увеличилась за этот период почти в 6 раз и составила одну четвертую часть от их общего числа в мире.

Возрастание социальной роли науки повлияло на самосознание ученых. Вера в то, что научно-технические и технологические достижения способны решить большинство проблем, в том числе экономических и гуманитарных, повышала их самооценку, внушала уверенность в безграничные возможности науки. Научная интеллигенция активно принимала участие в дискуссиях, касавшихся не только профессиональной сферы, но и важнейших общественно-политических проблем.

Оживлению научной жизни способствовало издание новых научных журналов. Количество естественнонаучных и специальных технических периодических изданий увеличилось более чем на 100 названий. Появились новые журналы по различным отраслям гуманитарных и общественных знаний: «Вестник истории мировой культуры», «Мировая экономика и международные отношения», «История СССР», «Вопросы истории КПСС», «Новая и новейшая история», «Вопросы языкознания» и др.

Формирование новых научных коллективов отразило две тенденции в развитии науки — углубление специализации и появление современных отраслей науки. Было открыто много новых институтов: в области физико-математических наук — Институт полупроводников, Институт электронных управляющих машин, Институт физики высоких давлений, крупнейший в мире объединенный Институт ядерных исследований в Дубне; в области химии и биологии — Институт электрохимии, Институт радиационной и физико-химической биологии.

Изменилось территориальное размещение научно-исследовательских учреждений. В конце 50-х гг. сформировался крупный научный центр на востоке страны — Сибирское отделение Акаде-

мии наук СССР. В его состав вошли Дальневосточный, Западно-Сибирский и Восточно-Сибирский филиалы АН СССР, а также институты, находившиеся в Красноярске и на Сахалине.

В 1961 и 1963 гг. была проведена реорганизация Академии наук СССР. Было ликвидировано Отделение технических наук, а прикладные институты выведены из состава Академии. Однако это не принесло желаемых результатов. Освобожденные от «академических пут» прикладные институты были ориентированы на решение преимущественно сиюминутных задач, что снизило их научный потенциал. Спустя 25 лет Отделение технические наук было восстановлено в составе Академии, что можно считать косвенным признанием ошибочности реорганизации. На Академию наук были возложены функции государственного органа управления развитием теоретической науки. Она получила право определять основные направления фундаментальных исследований и планировать их в масштабах страны. Управление техническими науками было передано в ведение Государственного комитета СССР по науке и технике (ГКНТ, сформирован в 1965 г. на базе Государственного комитета СССР по координации научно-исследовательских работ).

Значительные результаты были достигнуты в области атомной энергетики, металлургии, ракетной техники, в решении отдельных теоретических проблем фундаментальной науки. В 1954 г. в СССР была пущена первая в мире атомная электростанция, началось строительство мощных Сибирской, Воронежской и Белоярской атомных станций. В 1957 г. был спущен на воду первый в мире атомный ледокол «Ленин», предназначенный для плавления в отдаленных труднодоступных районах Арктики. Было налажено производство автоматических и полуавтоматических линий, средств автоматизации и вычислительной техники. В 1956 г. впервые в воздух поднялся турбореактивный самолет Ту-104, что положило начало советской реактивной авиации. 4 октября 1957 г. в СССР был произведен запуск первого в мире искусственного спутника Земли.

В течение «оттепельного» десятилетия семеро советских ученых стали лауреатами Нобелевской премии. Премия 1956 г. в области химии была присуждена Н. Н. Семенову за разработку теории химических цепных реакций. В 1958 г. нобелевскими лауреатами по физике стали П. А. Черенков, И. М. Франк и И. Е. Тамм. В 1962 г. Л. Д. Ландау была присуждена Нобелевская премия за разработку теории жидкого гелия. В том же году Л. Д. Ландау и

Е. М. Лифшиц были удостоены Ленинской премии за труд «Курс теоретической физики». Нобелевской премией были отмечены в 1964 г. фундаментальные исследования Н. Г. Басова и А. М. Прохорова в области квантовой электроники (совместно с американским физиком И. Таунсом). В СССР был создан первый молекулярный генератор — лазер, открыта цветная голография, дающая возможность получать объемные изображения предметов.

В рассматриваемый период удалось сохранить приоритет в космических исследованиях. В 1961 г. в Советском Союзе впервые был осуществлен запуск пилотируемого корабля, положивший начало регулярным полетам на корабле «Восток». В последующие годы разрыв между СССР и США в этой сфере быстро сокращался.

Достижения советской науки были очевидны, но научно-технический прогресс носил «островной» характер. Успехи были достигнуты преимущественно в тех областях, которые были связаны с военно-промышленным комплексом. Структура научно-исследовательских институтов отражала гипертрофированное влияние военного сектора науки. Значительный объем научно-исследовательской работы приходился на долю закрытых институтов, так называемых «почтовых ящиков».

Медленно и с трудом преодолевались тяжелые последствия сталинизма. В вузы и научно-исследовательские учреждения возвращались ученые, освобожденные из мест заключения, а также уволенные с работы в ходе идеологических чисток. Началось возвращение научного наследия тех, кто был реабилитирован посмертно. Более свободными стали научные дискуссии. Впервые за многие годы стала возможна открытая критика догматических положений «Краткого курса истории ВКП(б)», экономических воззрений Сталина, лженаучных идей Т. Д. Лысенко и О. Б. Лепешинской.

Одной из наиболее драматических страниц в истории отечественной науки была борьба с лысенковщиной. Только благодаря научному сообществу, в недрах которого сохранялось скрытое сопротивление некомпетентному вмешательству властей и монополии псевдоученых, лженаука в конце концов потерпела поражение.

Важной вехой на этом пути стало письмо, направленное в 1955 г. в Президиум ЦК КПСС большой группой ученых, вошедшее в историю как «письмо трехсот». Его подписали крупные биологи, среди которых были академики и члены-корреспонденты

АН СССР и ВАСХНИЛ. К письму было приложено краткое заявление от представителей других отраслей наук, которые не могли оставаться равнодушными к положению в биологии. В «письме трехсот» говорилось о пагубности монополии в биологической науке Лысенко, который, пользуясь своим положением, навязывал ложные антинаучные идеи и внедрял в сельскохозяйственную практику ошибочные рекомендации. Авторы письма требовали неотложной смены руководства научных учреждений биологического профиля, а также «гласного заявления» от руководящих органов, что взгляды Лысенко не являются директивами партии.

Беспрецедентный массовый протест ученых имел весьма скромный результат. Лысенко ушел с поста президента ВАСХНИЛ, но вместо него был назначен его сторонник П. П. Лобанов. Что касается Отделения биологических наук АН СССР, то там руководство действительно обновилось. Академика-секретаря А. И. Опарина, покровительствовавшего Лысенко, сменил В. А. Энгельгардт, не запятнавший себя сотрудничеством с «народным академиком». Хрущев продолжал оказывать покровительство Лысенко, рассчитывая с помощью его рекомендаций улучшить сельскохозяйственные показатели.

В 1956 г. в Институте биологической физики АН СССР была создана лаборатория радиационной генетики под руководством Н. П. Дубинина. В нее удалось привлечь ученых, уволенных с работы после 1948 г., и исследовательская работа в области генетики и других наук, пострадавших от засилья лженауки, возобновилась. В 1957—1959 гг. были открыты Институт цитологии в Ленинграде, Институт цитологии и генетики в Академгородке под Новосибирском, Институт физико-химической и радиационной биологии в Москве. Стали издаваться новые журналы «Биофизика» и «Цитология». В то же время на биологических факультетах многих университетов продолжали господствовать последователи Лысенко, которые по-прежнему учили студентов по старым учебникам. Абсурдное сосуществование науки и лженауки сохранялось вплоть до отставки Хрущева.

Не менее драматичные события развернулись в общественных науках. Огромное влияние в этой сфере имел секретный доклад Хрущева на XX съезде партии, а также постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий». Задача преодоления культа воспринималась обществоведами прежде всего как «очищение ленинских идей от догматических наслоений». Этим определялось направление перестройки в научных исследо-

ваниях и ее ограниченность. Однако не стоит недооценивать сделанного. Ученые получили доступ к архивам. Широко публиковались документальные источники, мемуарная литература, статистические материалы. Это способствовало постепенному расширению тематики исследований, особенно в изучении советского периода, восстановлению исторической правды в отношении некоторых деятелей партии, государства и армии, ставших жертвами беззакония. Появились новые исторические журналы.

Ограниченность перемен не только задавалась сверху, но определялась догматизмом мышления самих обществоведов, воспитанных на «Кратком курсе». Не умея вести научную дискуссию, ученые-сталинисты обращались за поддержкой в ЦК партии. Так, в духе недавнего прошлого была инспирирована проработочная кампания против журнала «Вопросы истории». В 1956 г. этот журнал опубликовал ряд статей, восстанавливающих историческую правду, фальсифицированную в годы сталинизма. Одной из наиболее ярких стала публикация Э. Н. Бурджалова «О тактике большевиков в марте—апреле 1917 г.», в которой была сделана попытка объективно показать, каково было положение дел в партии после Февральской революции. Постановление ЦК партии «О журнале «Вопросы истории» от 9 марта 1957 г. осудило «объективистский подход», а Бурджалов был снят с должности заместителя главного редактора. Вмешательство ЦК в работу научного журнала и административные меры имели серьезные последствия для всей исторической науки. Постановление пресекало другие попытки объективного изучения истории партии, требовало бдительности от руководителей научных коллективов и редакторов, придавало больше уверенности ретроgrадам.

Власть настойчиво направляла деятельность историков в нужное ей русло. Большой размах придавался юбилейным конференциям. Приоритетное финансирование получали многотомные коллективные труды, в которых нивелировались различия в точках зрения и подходах. Была завершена десяти томная «Всемирная история», «История Великой Отечественной войны», «История русского искусства», этнографическая серия «Народы мира». Велась работа над изданиями «История философии», «История русской экономической мысли», «История Коммунистической партии Советского Союза», «История СССР с древнейших времен до наших дней» и др.

В связи с подготовкой и проведением хозяйственной реформы 1965 г. выросло значение экономической науки. Развернулись ис-

следования по методологическим вопросам, широко стали использоваться математические методы в планировании и решении экономических задач.

В 50-е гг. началось возрождение социологических исследований, широко проводимых в стране в 20-е гг. и прерванных в последующие десятилетия. В Москве, Ленинграде, Новосибирске, Горьком, Тарту и других городах стали создаваться научные социологические коллективы, что привело в конце десятилетия к формированию Советской социологической ассоциации. В 1968 г. был создан Институт конкретных социальных исследований АН СССР (с 1972 г. — Институт социологических исследований).

14.3. Народное образование

Перспективы развития школы связывались прежде всего с повышением обязательного образовательного минимума. Еще до войны была поставлена задача введения всеобщего среднего образования. XIX партийный съезд, состоявшийся в октябре 1952 г., назвал сроки, когда переход ко всеобщему среднему образованию должен быть завершён — в крупных городах к 1955 г., в остальных городах и сельской местности к этому времени должны быть подготовлены условия для такого перехода.

Однако практическая постановка задачи и конкретные сроки ее решения не были увязаны ни с потребностями народного хозяйства в кадрах, ни с возможностями системы народного образования, ни с социально-демографической ситуацией. Расширение среднего образования обострило проблему трудоустройства выпускников. Средняя школа ориентировала своих питомцев преимущественно на продолжение обучения в вузе. Пока большинство молодежи ограничивалось семилеткой, конкурсы в высшие учебные заведения были невелики. С середины 50-х гг. ситуация резко изменилась. Если в 1951 г. из 4 выпускников средней школы 3 становились студентами, то в 1954 г. — лишь 1. Выпускники средней школы, не поступившие в вузы, вынуждены были идти работать на производство, к чему они были не готовы ни психологически, ни профессионально.

Таким образом, в середине 50-х гг. перспектива введения всеобщего среднего образования отодвинулась на второй план. Главным направлением перестройки школы стало «укрепление ее связи с жизнью». Этот лозунг, модный в те годы, означал, что школа должна готовить своих выпускников к будущей работе. С 1955/56 учебного года в средней школе вводились новые планы и про-

граммы, основанные на принципах политехнического обучения. Увеличивалось время на предметы физико-математического и естественного циклов за счет некоторого сокращения объема гуманитарных дисциплин. Было введено преподавание ручного труда в 1—4 классах, практические занятия в мастерских и на опытных учебных участках в 5—7 классах, практикумы по сельскому хозяйству, машиноведению и электротехнике в 8—10 классах. В новых программах был определен минимум политехнических знаний и навыков, которые должна давать средняя школа в области промышленного и сельскохозяйственного производства.

Новый курс нашел свое воплощение в Законе «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР», принятом Верховным Советом СССР в декабре 1958 г. после его всенародного обсуждения. В основу школьной реформы была положена идея о соединении общего среднего и профессионального образования. Вместо семилетнего — вводилось всеобщее обязательное восьмилетнее. Полное среднее образование осуществлялось на основе соединения обучения с производительным трудом в дневной или вечерней школе либо в техникуме. Два дня в неделю вместо уроков учащиеся старших классов дневных школ должны были работать на предприятиях или в сельском хозяйстве. Срок обучения увеличивался с 10 до 11 лет. Выпускники средней школы наряду с аттестатом зрелости получали свидетельство о специальности.

Среднее образование, хотя оно не было обязательным, стало намного доступнее благодаря расширению сети вечерних школ. В ходе реформы была поднята оплата труда учителей вечерних школ (раньше они получали меньше, чем их коллеги в дневных школах), введены льготы для учеников (сокращенный рабочий день, дополнительные отпуска).

Согласно Закону 1958 г., было перестроено и профессионально-техническое образование: вместо школ ФЗО (фабрично-заводское обучение), ремесленных, горно-промышленных и строительных училищ, училищ механизации сельского хозяйства создавалась единая сеть профессионально-технических училищ со сроком обучения от одного до трех лет. Создание единой системы подготовки рабочих кадров способствовало повышению общего культурно-технического уровня новых кадров рабочего класса.

Высшая школа тоже должна была «укреплять связь с жизнью». Для этого в 1957 г. были введены новые правила приема в вузы, облегчавшие поступление в них молодежи с производства. Регулирование состава студенчества было направлено на то, чтобы сгладить различия в стартовых возможностях выходцев из различных слоев и способствовать социальной мобильности рабочей молодежи. Кроме того, увеличение рабочей прослойки должно было «оздоровить» идеологическую обстановку в вузах. Начало «оттепели» показало, что студенчество оказалось самым неустойчивым в идейном отношении. В вузах издавались «сомнительного» содержания рукописные журналы, студенты были склонны задавать «провокационные» вопросы на лекциях и семинарах по общественным дисциплинам и допускать «ошибочные» высказывания на собраниях. Общественная жизнь в вузах бурлила, выходя из-под надзора партийного и институтского руководства.

Система обучения в высших учебных заведениях максимально приближалась к практике. Студенты младших курсов технических вузов должны были независимо от формы обучения сочетать учебу с работой на производстве. Изменилось соотношение между различными формами обучения. Преимущественное развитие получили заочная и вечерняя формы. Около половины студентов дневных отделений уже имели опыт работы.

Положительные черты перестройки вузовского образования — сближение его с производством, более осознанный выбор профессии и серьезное отношение к учебе взрослых студентов — сочетались с негативными. Приоритет социального положения перед знаниями привел к снижению уровня подготовки поступающих на первый курс. Это сказывалось на успеваемости студентов, на качестве их знаний. Увеличился отсев. Обязательная сменная работа учащихся технических вузов на предприятиях отвлекала их от учебы и отрицательно влияла на успеваемость. Некоторые выпускники средних школ, стремившиеся получить высшее образование, устраивались на работу на короткий срок только ради стажа. Считать их рабочими или колхозниками можно было лишь условно.

Реформа 1958 г. в значительной степени себя не оправдала, поскольку школы не располагали необходимой материальной базой для организации профессионального обучения. Предприятия-шефы, на которых возлагалась эта обязанность, не всегда были заинтересованы в работе школьников. В результате профессиональная подготовка часто носила формальный характер. Слабо велась ра-

бота по профессиональной ориентации учащихся. Лишь небольшой процент выпускников средних школ работали по специальностям, полученным в школе. В то же время снизилась общеобразовательная подготовка школьников, выросли расходы в связи с увеличением сроков обучения.

В 1964 и 1966 гг. в Закон «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР» были внесены некоторые изменения. Школа вернулась к 10-летнему сроку обучения при сохранении восьмилетнего образования как обязательного. Профессиональная подготовка была оставлена в тех учебных заведениях, которые располагали для этого необходимой материальной базой, и проводилась за счет уроков труда и в порядке внеклассных занятий.

В середине 60-х гг. правила приема в вузы были изменены: конкурс для школьников и производственников проводился отдельно. Была отменена обязательная работа студентов технических вузов. Это не означало, что общий курс в развитии высшей школы изменился. Он остался прежним: «обеспечивать растущие потребности народного хозяйства в квалифицированных кадрах, укреплять связь образования с практикой, привлекать в вузы рабочую и колхозную молодежь». В последующие годы продолжался поиск путей решения этих задач.

Общая тенденция сделать образование более доступным отразилась в дискуссии по поводу реформы правописания русского языка, развернувшейся в 1962—1964 гг. Введение обязательного восьмилетнего образования, расширение сети вечерних школ, льготы производственникам при поступлении в вузы резко увеличили число учащихся, для которых правописание вызывало трудности. Количественный рост школ затруднял поддержание высоких качественных стандартов обучения. Среди части учителей, родителей, самих школьников возникло стремление к упрощению правил правописания, поддержанное в ЦК.

Проект усовершенствования русской орфографии, предложенный в сентябре 1964 г. специальной комиссией, в которую входили крупнейшие специалисты, носил противоречивый характер. С одной стороны, утверждалось, что существующая система правописания не нуждается в коренной ломке. С другой — внесенные предложения затрагивали нормы и традиции языка. Споры приняли острый характер. Главным аргументом защитников проекта была забота о будущих поколениях, которые сэкономят драгоценное время, столь необходимое строителям коммунизма для всесторон-

него развития, но впустую растрчиваемое на зазубривание правил грамматики. Противники реформы, среди которых были известные писатели, предостерегали от орфографического новаторства и ратовали за сохранение традиций. Обсуждение проекта было недолгим. Смена политического руководства страны в октябре 1964 г. сняла реформу с повестки дня.

14.4. Художественная культура

Литература «оттепели» не пережила своего времени, даже в лучших своих произведениях, таких, как роман В. Дудинцева «Не хлебом единым», рассказы Д. Гранина «Собственное мнение» и А. Яшина «Рычаги», поэма С. Кирсанова «Семь дней недели». Писатель в те годы, по выражению Б. Слуцкого, был учителем в школе для взрослых, а современный читатель эту школу уже закончил. Художественные произведения тех лет, которые оказались в центре читательских споров и нападок официальной критики, сейчас интересны как документы эпохи, своеобразный барометр общественных настроений. В художественной форме ставились проблемы, жизненно важные для общества, многие из которых нельзя было обсуждать открыто из-за идеологических запретов. Эти вопросы поднимались на читательских конференциях и при обсуждении новых произведений литературы в писательских организациях. «За» или «против» в таких литературных дискуссиях означало гораздо больше, чем понравились или нет тот или иной рассказ или повесть. Это было выражением общественной позиции.

Переломные моменты жизни общества дают импульс развитию оперативных жанров. Как в первые годы горбачевской перестройки, так и в начале хрущевской «оттепели» на первый план вышел очерк, занявший едва ли не ведущее место в литературном процессе. Можно сказать, что литература этого периода началась с публикации в 1953 г. очерков В. Овечкина «Районные будни», в которых поднималась проблема методов руководства сельским хозяйством. В отличие от «лакировочной» литературы предшествующих лет, Овечкин пытался в меру своего понимания и цензурных ограничений рассказать о реальном положении дел в деревне. За «Районными буднями» последовали очерки на деревенские темы В. Тендрякова и Е. Дороша, Г. Тропольского и С. Залыгина, А. Яшина и других писателей.

Публикация романа В. Дудинцева «Не хлебом единым» в «Новом мире» в 1956 г. выходила за рамки событий литературной

жизни. Номера журнала, где публиковался роман о судьбе изобретателя-одиночки, который ведет неравную борьбу с бюрократами, были нарасхват. По словам одного из читателей, «Не хлебом единым» переболела вся читающая Россия. Писатель подводил читателя к мысли о бюрократии как о новой мощной силе, господствующей в советском обществе. Имена персонажей книги становились нарицательными для обозначения бюрократов-перерожденцев.

Если роман Дудинцева можно считать манифестом демократического лагеря общественных сил, то такую же роль для консерваторов сыграл роман В. Кочетова «Братья Ершовы» (1958), откровенно направленный против интеллигенции. Все положительные герои романа были рабочими, а отрицательные — интеллигентами. Некоторые персонажи были узнаваемы — в карикатурном виде автор изобразил известных писателей, а иллюстрации подчеркивали сходство персонажей с их прототипами.

Поводом для дискуссий стали рассказы Д. Гранина «Собственное мнение» и А. Яшина «Рычаги» (1956), посвященные проблемам нравственных деформаций в обществе, в котором господствует лицемерие.

В творческих поисках в литературе и искусстве главным стало стремление показать жизнь такой, какая она есть, без парадности и шумихи, без надуманного героизма, т. е. жизнь обыкновенных людей с их повседневными заботами, огорчениями и радостями. На смену сильным, не знающим сомнений, всегда побеждающим героям пришли обычные люди. Как сказал В. Аксенов о первой повести А. Гладилина «Хроника времен Виктора Подгурского» («Юность», 1956, № 9), «влюбленный неудачник впервые потеснил плечом розовощеких роботов комсомольского энтузиазма». Это происходило и в поэзии, и в кино, и в театре, и в живописи.

Большой популярностью пользовалась поэзия. Поэтические сборники молодых Евг. Евтушенко, Р. Рождественского, А. Вознесенского раскупались мгновенно. Характерной приметой времени стали поэтические вечера, которые проводились в школах, вузах, НИИ, музеях.

В годы «оттепели» все более заметной становится бесцензурная литература. Получил распространение самиздат, куда попадали как произведения советских авторов, по тем или иным причинам отвергнутые издательствами, так и русских эмигрантов, прозаические и поэтические сборники начала века. Часто это проис-

ходило без участия авторов, а иногда против их желания. Так, к большому огорчению Твардовского, с 1954 г. по Москве в рукописи ходила его поэма «Теркин на том свете».

С 1958 г. немало беспокойства для властей доставляли поэтические чтения у памятника Маяковскому в Москве — «на Маяке». Они возникли стихийно и стали характерной приметой времени. Состав участников был пестрым: молодые талантливые поэты и графоманы, приверженцы «чистого» искусства и те, кто увлекался политикой. В этой среде распространялись рукописные альманахи собственных произведений, стихи эмигрантских и репрессированных поэтов. В начале 60-х гг. встречи «на Маяке» были прекращены.

По мере изменения идеологического климата в стране началась реабилитация жертв сталинских репрессий. К началу 60-х гг. только по Союзу писателей было реабилитировано 617 человек, из них 304 посмертно. Главлит пересмотрел списки произведений, запрещенных по политическим мотивам или принадлежавших репрессированным авторам. Из 30 тыс. названий книг, хранившихся в спецхранах библиотек, около 18 тыс. были переданы в открытое пользование, еще 8 тыс. были списаны как устаревшие (агитационно-массовая литература, популярные брошюры, учебно-методические разработки). Главлитовский список запрещенных авторов сократился с 3310 до 675 имен. Это была первая ревизия спецфондов со времени их создания в 1922 г.

Произведения авторов, творчество которых долгие годы замалчивалось, вновь стали издаваться. Появились публикации стихотворений М. Цветаевой, Б. Пастернака, Н. Коржавина, Я. Смелякова, произведений И. Бунина. Осуществлялись постановки пьес Н. Эрзмана (была восстановлена мейерхольдовская постановка «Мандата»), М. Зощенко («Парусиновый портфель»). Но утвердившиеся в литературоведении и искусствоведении оценки пересматривались медленно, так как это подрывало устоявшуюся иерархию деятелей советской культуры.

Художественные произведения и мемуарная литература постепенно расширяли узкие рамки официально разрешенной правды, вынося на общественное обсуждение ранее закрытые темы. Крупным общественно-литературным событием стала публикация повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», в которой была поднята тема сталинских лагерей («Новый мир», 1962, № 11).

Период «оттепели» стал ренессансом отечественной кинематографии. Пришло новое поколение режиссеров, имевшее за плечами фронтовой опыт. Выпуск фильмов стал быстро расти, что было особенно заметно на фоне «малокартинья» предшествующих лет. Киноискусство стало ориентироваться на реальную жизнь. Возрождалась серьезная некомплементарная критика, профессиональные обсуждения кинолент. Постепенно вырабатывалась новая эстетика «оттепельного» кинематографа, внешне сходная с итальянским неореализмом, хотя многие режиссеры отрицали это влияние.

Поворот к человеку в кино начался с фильма В. Пудовкина «Возвращение Василия Бортникова» (1954), посвященного драме разрушенной войной семьи, и И. Хейфица «Большая семья» (1954), в котором рассказывалась история рабочей семьи. За ними последовали кинофильмы, на долгие годы завоевавшие популярность зрителей: «Дело Румянцева» (И. Хейфиц, 1956), «Дело было в Пенькове» (С. Ростоцкий, 1958), «Простая история» (Ю. Егоров, 1960), «Девчата» (Ю. Чулюкин, 1962), «Живет такой парень» (В. Шукшин, 1962), «Девять дней одного года» (М. Ромм, 1962), «Я шагаю по Москве» (Г. Данелия, 1964) и многие другие. Главными героями картин все чаще становились обычные люди со своими недостатками и простыми житейскими заботами. Характерные образы тех лет создали такие актеры, как Н. Рыбников, А. Баталов, Н. Румянцева, Н. Мордюкова, В. Шукшин. Кино «оттепели» утверждало новые ценности — право человека на собственный выбор, терпимость к человеческим ошибкам и слабостям. Возрождался жанр комедии, процветавший в 30-е гг. и практически утраченный после войны. Триумфальный успех имели «Карнавальная ночь» (Э. Рязанов, 1956), «Солдат Иван Бровкин» (И. Лукинский, 1955).

Выдающихся успехов достигла отечественная кинематография в фильмах на военную тему, таких, как «Летят журавли» (М. Калатозов, 1957), «Баллада о солдате» (Г. Чухрай, 1959), «Судьба человека» (С. Бондарчук, 1959), «Иваново детство» (А. Тарковский, 1962).

Многие киноленты, получившие впоследствии признание критиков и зрителей, с трудом проходили через цензурные барьеры. Нелегко складывалась судьба первого фильма Чухрая «Сорок первый», снятого в 1956 г. по рассказу Б. Лавренева, о любви девушки-красноармейки и белогвардейского поручика. Работа М. Швейцера «Тугой узел» (1956) дошла до зрителя лишь в 1989 г. В 1956 г.

автор смонтировал значительно измененный вариант фильма, который под другим названием — «Саша вступает в жизнь» — был выпущен на экраны. «Идейная ущербность» этой картины, по мнению официальной критики, заключалась в неправильном показе образов коммунистов-руководителей.

Особую настороженность вызывала тема отношений между поколениями. Даже естественные конфликты между родителями и детьми в фильмах «А если это любовь?» и «Без страха и упрека» расценивались критиками из Отдела культуры ЦК партии как надуманные, невозможные в советском обществе. Сложной оказалась судьба картины «Застава Ильича» режиссера М. Хуциева, где тема отношений между поколениями была одной из центральных. Упреки в адрес этого кинофильма высказал Хрущев во время встречи с интеллигенцией, и это было равносильно окончательному приговору. Авторы обвинили в клевете на советскую действительность и разжигании противоречий между поколениями. Хуциеву пришлось переделать фильм, и в 1965 г. он был выпущен на экраны под названием «Мне двадцать лет».

В середине 50-х гг. началось возрождение театра. Это было связано с появлением новых драматических произведений и театральных коллективов. Одной из первых театральных постановок «оттепели» стал спектакль Л. Зорина «Гости», поставленный в Московском театре имени М. Н. Ермоловой в 1954 г. В нем поднималась острая для того времени проблема ответственности за деформации революционных идеалов в годы сталинщины. Молодые герои обличали приспособленцев-родителей и находили духовную связь с теми, кто, несмотря на репрессии, сохранил верность идеалам революции.

Появились пьесы, где главными героями были выведены реабилитированные коммунисты: Г. Березко — «Возмездие» (репетировалась в МХАТе), А. Штейн — «Гостиница «Астория» (Московский театр имени Вл. Маяковского), Н. Погодин — «Верность». В этих драмах проводилась мысль о том, что в годы культа личности Сталина выживали приспособленцы, а лучшие люди гибли.

Самым ярким событием театральной жизни 50-х гг. было открытие в Москве нового театра — «Современник» (1957). Впервые за послевоенные годы театр был создан не сверху, по приказу из Министерства культуры, а снизу, как творческий коллектив единомышленников. Программа «современников», выпускников мхатовской школы, творческим лидером которых был О. Ефре-

мов, вдохновлялась общими идеями «оттепели». Заявив о себе премьерным спектаклем «Вечно живые» по пьесе В. Розова, театр возвращал на сцену героя, в жизнь которого тяжелым испытанием вторглась война. Знаменитая трилогия — «Декабристы», «Народовольцы», «Большевики», поставленная в театре «Современник», — отразила характерную для того времени веру в революционные идеалы. Революционная тема не исчерпала себя до конца «оттепели». Не случайно другой театр — Московский театр драмы и комедии на Таганке, созданный Ю. П. Любимовым уже на ее закате, в 1964 г., — поставил спектакль, пользовавшийся неизменным успехом у зрителей, — «Десять дней, которые потрясли мир» по книге Джона Рида.

Когда театр обратился к реальным проблемам, волновавшим общество, полупустые залы сменились аншлагами. Как никогда велика была его социальная роль. Зрители шли в театр не столько развлечься, сколько подумать и посопереживать. В условиях многоступенчатого контроля над репертуаром творческая свобода театральных коллективов была предельно ограничена. Некоторые спектакли запрещались на стадии репетиций, как это было в «Современнике» с «Матросской тишиной» А. Галича и пьесой «Олень и шалашовка» А. Солженицына. Другие, как, например, «Теркин на том свете», поставленный по поэме А. Твардовского в Театре Сатиры, снимались из репертуара после премьеры.

Озабоченность партийных идеологов вызывала «утрата четких партийных позиций в изображении советской действительности». Имелись в виду спектакли и фильмы о повседневной жизни обыкновенных людей, в которых не находилось места для казенного оптимизма. Больше всего критиковались пьесы А. Володина и фильмы по его сценариям, в которых действовали «безвольные неустроенные люди», «не было волевых характеров, преобразующих жизнь», отсутствовали «жизненные перспективы». Это не мешало популярности володинских драм и кинофильмов среди интеллигенции.

Помимо профессионального театра, значительное место в культурной жизни периода «оттепели» занимали самодеятельные коллективы. Именно в те годы возник и быстро завоевал популярность среди молодежи КВН, телевизионные соревнования студенческих команд в остроумии, находчивости и талантах. Открылся студенческий театр МГУ под руководством М. Розовского, где начинали свою творческую деятельность многие признан-

ные впоследствии авторы и актеры — Г. Горин, А. Арканов, А. Демидова и др.

Изменения в изобразительном искусстве стали заметны сразу после смерти Сталина. В связи с подготовкой к Всесоюзному съезду художников в Московском союзе художников начались дискуссии. В журнале «Искусство» развернулась критика порочных методов руководства искусством со стороны Академии художеств. Осуждался помпезный стиль в живописи и скульптуре, порочная практика «откликаться на события», «бригадный метод». Это совпало с борьбой с украшательством и помпезностью в архитектуре, начавшейся в 1954 г. со Всесоюзного совещания строителей и архитекторов. Были «реабилитированы» импрессионисты, хотя и с оговорками. Их работы вернулись из запасников музеев в залы. Стали обсуждаться проблемы формирования культурной среды обитания. Обилие скульптурных изображений девушек с веслом, пионеров с барабаном и портретов вождей при отсутствии подлинных образцов искусства не могло не сказаться на эстетических вкусах большинства населения, особенно в провинции.

Со второй половины 50-х гг. художественная жизнь разделяется на два направления — официальное и неофициальное. На больших официальных выставках продолжали господствовать известные художники старшего поколения, преобладала привычная тематика и стилистика. Небольшие, часто однодневные выставки, проводимые в домах культуры, клубах, НИИ, свидетельствовали о появлении новых имен в искусстве. Они вызывали большой интерес и бурные споры в среде интеллигенции. Такой была выставка работ молодых московских художников Б. Биргера, П. Никонова, Н. Андропова, Э. Неизвестного, А. Васнецова и других в ЦДЛ (Центральный Дом литераторов) 22 октября 1959 г.

Важным событием в становлении нового живописного языка стала выставка «девяти» на Беговой (Москва) в начале 1961 г. (ядро участников было тем же, что и в ЦДЛ). В ходе ее обсуждения четко определилось противостояние руководства Союза и молодых художников. Мэтры обвиняли молодежь в групповщине, в том, что она противопоставляет себя всему советскому искусству и «скатывается к абстракционизму». Обвинения звучали неубедительно. Фактически, как справедливо говорили во время обсуждения участники выставки — П. Никонов, Э. Неизвестный и Н. Андронов, — в своем творчестве они продолжали традиции советской живописи, но только не сталинского периода, а 20-х гг.

Помимо творческого наследия 20-х гг., большое влияние на формирование альтернативного направления в искусстве оказало знакомство молодых живописцев с современными художественными процессами на Западе. Революционным событием в культурной жизни Москвы и Ленинграда стала первая в СССР выставка крупного современного западного художника — П. Пикассо. Как вспоминал живописец В. Немухин, ошеломляющее впечатление на него и его друзей произвела выставка современного искусства, проведенная в Москве в рамках Международного фестиваля молодежи и студентов в 1957 г. Художественные отделы национальных выставок США (1959) и Франции (1960) также давали возможность увидеть работы современных авторов. Большое внимание публики привлек показ произведений изобразительного искусства социалистических стран, проходивший в Москве с декабря 1958 по март 1959 г. Особенно много споров вызвал польский отдел, где были представлены работы, далекие от канонов соцреализма.

Круг посетителей выставок альтернативного искусства был довольно узок. Ограниченный доступ и отсутствие информации о них только подогревали интерес публики. Однако массовый зритель, воспитанный на традициях русских передвижников и мастеров социалистического реализма, не только не воспринимал новые веяния в искусстве, но был настроен агрессивно по отношению к ним.

Отношение власти к новым направлениям в изобразительном искусстве изменилось после посещения Н. С. Хрущевым и другими партийно-государственными руководителями выставки в Манеже 1 декабря 1962 г., посвященной 30-летию Московского отделения Союза художников. Наряду с работами художников старшего поколения на ней были представлены произведения Э. Неизвестного, В. Янкилевского, а также живописцев студии Э. Белютина и др. Непривычные, далекие от казенного оптимизма работы вызвали гнев Хрущева. Как и в сталинские годы, мнение партийного лидера сыграло решающую роль в определении приоритетов художественной политики. После скандала в Манеже начались гонения на «абстракционистов», официальные выставки для них были закрыты.

Конец легальному существованию «нереалистических направлений» положил Второй съезд советских художников, состоявшийся в апреле 1963 г. Его главной темой стала борьба с буржуазной идеологией в творческих организациях страны. В решениях

съезда говорилось, что «все советские художники обязаны вести наступательную борьбу против любых проявлений формализма, абстракционизма, несовместимых с принципами искусства социалистического реализма».

Глава 15

Культура во второй половине 60-х — первой половине 80-х гг.

15.1. Политика в области культуры

Два десятилетия, отделившие реформы Хрущева от перестройки Горбачева, вошли в историю как годы «застоя». Действительно, на фоне хаотичных преобразований предшествующих и последующих лет время Брежнева было политически стабильным и экономически относительно благополучным. Но процессы, происходившие в культуре, никак не укладываются в понятие «застой».

В отличие от Хрущева, новые руководители лично не вмешивались в сферу культуры, не выступали на съездах творческой интеллигенции, публично не высказывали критических замечаний в ее адрес. Однако это не означало, что власть ослабила контроль над наукой, литературой и искусством. Напротив, идеологическое давление усилилось. Возросла роль органов государственной безопасности.

Важным поворотным моментом стал арест в 1965 г. писателей А. Синявского и Ю. Даниэля по обвинению в распространении антисоветских взглядов путем публикации за границей литературных произведений. Суд, состоявшийся в феврале 1966 г., стал первым открытым политическим процессом после смерти Сталина. Он произвел гнетущее впечатление на современников: писателей судили за литературу, и, несмотря на давление, они не признали своей вины.

Брежневское руководство выдвинуло тезис об обострении идеологической борьбы между социализмом и капитализмом, служивший обоснованием для ужесточения идеологического контроля внутри страны. Тема преступлений сталинизма считалась исчерпанной, так как партия якобы преодолела «последствия культ личности». Имя Сталина все чаще стало упоминаться в положи-

тельном контексте. Ввод советских войск в Чехословакию в 1968 г. окончательно определил выбор советского руководства в пользу сталинской модели социализма и уничтожил надежды либеральной интеллигенции на продолжение реформ. Коллективные письменные обращения к властям против реабилитации Сталина или в защиту осужденных по политическим мотивам Синявского и Даниэля оставались без ответа.

Постановление секретариата ЦК 1969 г. «О повышении ответственности руководящих органов печати, радио, телевидения, кинематографии, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара» повлекло за собой дальнейшее ужесточение цензуры. Развернулась клеветническая кампания против А. И. Солженицына. Писатель был исключен из Союза писателей. С отставкой А. Твардовского с поста главного редактора «Нового мира» в 1970 г. журнал утратил свою роль органа демократических сил.

Формы управления культурой не соответствовали истинному положению дел. Регулярные съезды и конференции учителей, работников высшей школы, творческой интеллигенции, обществоведов были парадными мероприятиями, проводимыми по заранее согласованному сценарию. Административный контроль усиливался. Трудные, порой невыносимые условия создавались для деятельности педагогов-новаторов, однако вне критики оказывались научные работы авторов, занимавших высокие посты. Росло число талантливых произведений, не укладывавшихся в установленные каноны и потому не доходивших до читателя или зрителя.

Сложные условия работы вынуждали некоторых деятелей науки, литературы и искусства покидать страну. Эмиграция нанесла существенный урон интеллектуальному и творческому потенциалу СССР. Имена вынужденных эмигрантов вычеркивались из советской культуры, их книги изымались из библиотек. Негласные запреты превратились в норму.

Идеологические и организационные проблемы культурной жизни усугублялись материальными трудностями. С одной стороны, нельзя не отметить качественный скачок в развитии материальной базы культуры. Радикальные изменения произошли в развитии средств массовой информации. Появление транзисторных теле- и радиоприемников, кассетных и видеомагнитофонов, стереозаписей, цветного телевидения; цветного широкоформатного кино, совершенствование полиграфической промышленности

значительно расширили культурно-информационное пространство советского общества.

С другой стороны, средств, выделяемых на нужды культуры, не хватало. Ассигнования на социально-культурные мероприятия в целом выросли с 1970 по 1985 г. более чем в 2 раза. Однако доля этой статьи расходов государственного бюджета сократилась с 36,2% до 32,5%, заметно уменьшилась доля затрат государства на науку и просвещение. При росте абсолютных показателей удельный вес расходов по этой статье снизился с 16,0% в 1970 г. до 12,8% в 1985 г. Продолжал действовать принятый еще в довоенные годы остаточный принцип финансирования культуры. Это было связано как с экономическими трудностями, возрасставшими в 70-е — начале 80-х гг., так и с недооценкой этой сферы.

Постоянная нехватка средств, а зачастую и бесхозяйственность в их использовании замедляли развитие науки, просвещения, высшего образования. Пренебрежительное отношение к материальной базе вело к тому, что проблемы накапливались. В середине 80-х гг. на срочную реставрацию одновременно закрылись крупнейшие культурные центры столицы — Третьяковская галерея, Государственный исторический музей. Под угрозой оказалась сохранность фонда главного книгохранилища страны — Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (ныне — Российская государственная библиотека, РГБ).

Наращение коррупции, воровства, бесхозяйственности и организованной преступности, разрыв между политическими решениями и реальным состоянием дел, догматизация официальной идеологии негативно влияли на духовную атмосферу в обществе. Провозглашаемые идеалы и цели не могли вдохновлять, они становились объектом политической игры, формальным признаком благонадежности. В поиске идейных и нравственных ориентиров многие люди стали обращаться к религии, в том числе к нетрадиционным верованиям и учениям.

Более заметным стал разрыв между официальной и неофициальной культурой. Среди интеллигенции дальнейшее развитие приобрел самиздат, в котором распространялись произведения официально не признанных писателей и поэтов, русских эмигрантов, переводные произведения. Организовывались квартирные выставки альтернативной живописи.

В молодежной среде набирало силу рок-движение. Возникнув как подражание западному музыкальному направлению, в 70-е гг.

русский рок приобрел свои специфические черты. Если на Западе это движение явилось протестом молодежи против буржуазных устоев жизни старшего поколения, то в СССР оно выражало протест против тотальной несвободы и неправды, которыми была пронизана вся общественная жизнь. Новое направление охватывало разные сферы культуры — от морали до искусства, но наиболее полное воплощение получило в музыке. В отличие от западного рока, где главным был ритм, в русском роке главным было слово, что отвечало национальной культурной традиции. Громадная популярность русских рок-групп, таких, как «Машина времени», основывалась на том, что они поднимали социально-этические и философские проблемы человеческого бытия, волновавшие молодежь, но не обсуждавшиеся открыто.

15.2. Народное образование

В рассматриваемый период в СССР было введено всеобщее среднее образование. В 1975 г. 86% молодежи, вступающей в жизнь, имели полное среднее образование, более 96% выпускников восьмилетней школы обучались в различных учебных заведениях, дающих среднее образование. Это явилось значительным социальным и культурным завоеванием.

В связи с переходом ко всеобщему среднему образованию остро встала проблема оптимального соотношения между различными формами обучения. Средняя общеобразовательная школа по-прежнему сохраняла ведущую роль. Возросло значение профессионально-технических училищ и техникумов, так как они непосредственно готовили учащихся для работы в народном хозяйстве. С конца 60-х гг. все профтехучилища стали давать среднее образование.

В средней школе на первый план выдвинулись вопросы профессиональной ориентации, подготовки молодежи к труду. С переходом ко всеобщему среднему образованию они превратились в серьезные народнохозяйственные и социальные проблемы. Выпуски средней школы стали увеличиваться, основная масса учащихся, окончивших школу, должна была идти работать. Знания и навыки, полученные молодыми людьми в средней школе, не были востребованы. Во многих отраслях промышленности, сельском хозяйстве и строительстве была велика доля физического труда, неквалифицированных монотонных операций. Противоречие между завышенными социальными ожиданиями и реальностью

становилось серьезным психологическим испытанием для выпускников.

В 70-е гг. было принято несколько постановлений, направленных на улучшение подготовки молодежи к труду в сфере материального производства. Создавались учебно-производственные комбинаты для трудового обучения и профессиональной ориентации старшеклассников. Развивалась система профессионально-технического образования.

Были пересмотрены учебные программы. Курс начальной школы сократился до трех лет. С 1971 г. систематическое изучение основ наук началось уже не с 5 класса, а с 4-го. В условиях научно-технической революции, когда объем информации стал быстро увеличиваться и в то же время ускорилось «старение» знаний, вопрос о содержании школьного образования приобрел особую остроту. Включение в программы новейших достижений науки и техники увеличивало объем материала и делало их более сложными. Возникла необходимость менять не только содержание, но и методы обучения. Это относилось ко всем ступеням и формам образования, но прежде всего к средней школе, так как именно школа должна была давать базу для дальнейшего обучения.

Традиционно школа требовала от учащихся усвоения определенной суммы знаний. Настало время, когда необходимо стало менять ориентацию, формировать у школьников навыки самостоятельно пополнять знания и потребность в самообразовании, учить их самостоятельно мыслить. Такая перестройка образования была связана с изменением программ, учебников, методов обучения, она требовала определенной подготовки учительских кадров.

Учителя-новаторы вели поиски в этом направлении. Опыт В. Ф. Шаталова, Е. И. Ильина, Ш. А. Амонашвили и других педагогов показал путь решения многих проблем, назревших в школе (падение интереса к учебе, низкое качество знаний, формализм в учебной и воспитательной работе). Но система управления народным образованием не способствовала распространению новых методов. Оценка деятельности учебных заведений по формальным показателям создавала видимость благополучия и не отражала реальных трудностей. Проблемы образования в 70-х — начале 80-х гг. постепенно накапливались.

В 1983 г. была выдвинута задача реформы школы, разработан проект, который после его всенародного обсуждения в апреле 1984 г. стал законом. Предусматривалось в течение десятилетия

дополнить всеобщее среднее образование молодежи ее всеобщим профессиональным образованием. Таким образом, цели реформы 1984 г. совпадали с целями неудавшейся реформы 1958 г. с тем отличием, что обучение профессии осуществлялось на базе обязательного среднего образования, а не восьмилетнего.

В системе высшего образования большое внимание уделялось развитию университетов. К 1985 г. их число достигло 69. Однако созданные, как правило, на базе педагогических вузов, новые университеты были намного слабее старых.

В 1969 г. возродились рабфаки. Теперь они назывались подготовительными отделениями и в отличие от рабфаков 20-х гг. не принимали абитуриентов без среднего образования. 20 % мест на первых курсах вузов отводилось для выпускников подготовительных отделений, которые сдавали только выпускные экзамены и освобождались от вступительного конкурса. Эти меры были направлены на регулирование социального состава студентов и укрепление студенческих комсомольских и партийных организаций. Через подготовительные факультеты вузы пополнялись выходцами из рабоче-крестьянской среды, которые были комсомольцами или членами партии.

15.3. Наука

В 70-е гг. темпы роста численности научных работников в СССР снизились, стабилизировалась сеть научных учреждений. На первый план выдвинулись задачи интенсификации науки, наиболее рационального использования имеющегося научного потенциала.

Шел поиск организационных форм, которые позволили бы объединять научные силы для решения важнейших задач независимо от их ведомственной принадлежности — академические институты, отраслевые научные учреждения или высшая школа. Создавались региональные межведомственные координационные научные советы. Один из первых таких советов появился в 1979 г., он координировал научные исследования по Ленинграду и Ленинградской области. Были образованы научно-производственные организации, такие, как Ленинградское оптико-механическое объединение, завод-институт Уралмаш, завод-втуз ЗИЛ и др. В 1985 г. в стране действовало 250 подобных производственных учреждений. Однако проблема ведомственной разобщенности научных сил не была решена.

В 70-е — первой половине 80-х гг. делались попытки долгосрочного научного планирования. Однако практические результаты этой работы были невелики, так как даже при правильном определении перспектив научно-технического прогресса существовавший механизм управления наукой не способствовал их реализации.

Одной из центральных научно-технических задач являлось обеспечение энергетических потребностей страны. Выросла роль атомной энергетики, был построен ряд мощных атомных реакторов для исследовательских целей, электростанций, энергетических установок ледокольного флота. Эта работа проводилась под научным руководством академика А. П. Александрова.

Большое внимание уделялось развитию нефтегазовой энергетики. Новые методы геофизической разведки полезных ископаемых позволили открыть и начать разработку крупных месторождений нефти и газа. Был разработан новый способ изготовления многослойных труб для газопроводов большой протяженности из Западной и Северо-Западной Сибири в Европу. Продажа природных ресурсов за границу лишь на некоторое время отсрочила нарастание кризисных явлений в экономике.

В области физики успешно развивались исследования по квантовой электронике и лазерной технике. Расширилось применение лазеров, они использовались в энергетических и технологических целях, а также в медицине. Постепенно преодолевалось отставание в биологических науках, связанное с последствиями лысенковщины. Хотя со сменой политического руководства в стране «народный академик» лишился покровителя в лице Хрущева, в высших партийных и государственных органах и в академических кругах оставались его сторонники. В 1965 г. комиссия президиума АН СССР, Министерства сельского хозяйства и ВАСХНИЛ, проверявшая работу опытной станции в Горках, возглавляемой Т. Д. Лысенко, пришла к выводу о несостоятельности практических рекомендаций академика. Однако и после этого работа станции продолжалась.

Значительное развитие получили исследования по расшифровке структуры белка. Специалистам Института биоорганической химии имени М. М. Шемякина удалось получить искусственные гены, найти подходы к изменению наследственных свойств растений и организмов.

Успехи в области астрофизики и астрономии были связаны с созданием нового современного оборудования и космическими

исследованиями. В 70-е гг. главным направлением в освоении космоса стала работа долговременных орбитальных станций, длительные космические экспедиции. Практическая отдача от полетов в космос повысилась. Спутники связи использовались для передачи на огромные расстояния радио- и телевизионных программ, системы метеоспутников повышали надежность метеорологических прогнозов. Результаты космических исследований земной поверхности использовались в геологии, сельском хозяйстве, рыболовстве. Значительный опыт накопили космическая биология и медицина. Были созданы новые мощные телескопы, среди которых радиотелескоп РАТАН стал крупнейшим в мире.

Научный потенциал страны был велик, но использовался он недостаточно эффективно. Особенно это касалось отраслевых институтов, где было сосредоточено более половины всех ученых страны, а также вузов. В высшей школе, где работало свыше 35 % общей численности научно-педагогических специалистов, в том числе около половины докторов наук, выполнялось не более 10 % научных исследований.

Оторванность науки от производства, слабая его восприимчивость к научно-техническим открытиям — эти проблемы были вызваны существовавшей системой управления экономикой. Многие научные открытия, крупные изобретения годами не находили практического применения, так как ведомства и руководители, от которых зависело решение ряда вопросов, не были заинтересованы в их внедрении.

Ученые-обществоведы стали шире привлекаться к обсуждению многих конкретных вопросов экономического развития и разработке политических документов. Активное участие они принимали в разработке проекта Конституции СССР 1977 г., в создании новой генеральной схемы развития и размещения отраслей народного хозяйства страны. Значительное развитие получили социологические научные разработки.

Существенным недостатком обществоведения была нечеткость в определении новых тем. Предметом исследования чаще всего становились вопросы, по которым были приняты политические решения, а не реальные проблемы. Идеологические «ошибки» в общественных науках, т. е. малейшие отклонения от официальной концепции, считались недопустимыми, всячески критиковались и наказывались. Это мешало созданию творческой атмосферы в научных коллективах, порождало догматизм и начетничество.

Итогом деятельности официальной исторической науки стали многотомные коллективные труды. Были изданы очередные тома «Истории Коммунистической партии Советского Союза», «Истории СССР с древнейших времен до наших дней», а также «История Второй мировой войны» в 12 томах; было подготовлено 30-томное издание Большой советской энциклопедии. Значительное количество работ обществоведов выходило в связи с юбилеями. Подготовка этих трудов требовала больших усилий и времени, но, как правило, они обобщали известные в науке результаты и не содержали ничего нового. Авторская позиция в коллективных работах нивелировалась. В освещении истории советского периода продолжала господствовать схема «Краткого курса».

Даже ограниченная критика Сталина, допускавшаяся после XX съезда партии, стала встречать ожесточенное сопротивление. Так, книга А.М. Некрича «22 июня 1941 г.» (выпущена в 1965 г. к 20-летию победы в Великой Отечественной войне), где анализировались причины неудач начального периода войны, была расценена в ЦК партии как клеветническая. Ее обсуждение в ИМЭЛ, состоявшееся в феврале 1966 г., показало, что многие историки были не согласны с такой оценкой. Против них применялись меры партийного и административного воздействия. Автор, не признавший ошибочности своей концепции, был исключен из партии. Ограниченный в возможностях продолжения профессиональной деятельности, Некрич через несколько лет был вынужден эмигрировать. Не была опубликована в СССР работа историка Р. А. Медведева «К суду истории» о Сталине и сталинизме, написанная в середине 60-х гг. Книга была издана большими тиражами на Западе, а на родине ее автора исключили из партии.

Несмотря на сохранение жесткой централизованной структуры управления наукой и кадровой политики, возникает феномен академического диссидентства. Отдельные ученые открыто выступают с критикой партийной государственной политики и действий властей. Большая группа научных работников и деятелей культуры подписала обращение к Л. И. Брежневу и XXIII съезду КПСС, протестуя против попыток реабилитации Сталина. Среди подписавших были академики Л. А. Арцимович, П. Л. Капица, М. А. Леонтович, А. Д. Сахаров, С. Д. Сказкин, И. Е. Тамм. Известны выступления ученых в защиту писателей А. Э. Синявского и Ю. Д. Даниэля, математика и правозащитника А. С. Есенина-Вольпина, биолога Ж. А. Медведева, против введения советских войск в Чехословакию в 1968 г. Активную общественную де-

тельность вел академик Сахаров, ставший одним из лидеров правозащитного движения.

Формируется интеллектуальная оппозиция в общественных науках, связанная с деятельностью ученых, чьи взгляды не укладывались в рамки официальной концепции. За социологический роман «Зияющие высоты», сатирически изображавший советское общество, философ А. А. Зиновьев был лишен ученых степеней и вынужден эмигрировать.

15.4. Художественная культура

«Оттепель», несмотря на ее непоследовательность и противоречивость, дала громадный импульс творческим поискам, принесшим значительные результаты в последующие десятилетия. Советская художественная культура стала более открытой по отношению к мировой и отечественной культуре прошлых лет, менее идеологизированной и стилистически более многообразной.

Ярким явлением в литературе этого времени стала так называемая деревенская проза, представленная творчеством Ф. Абрамова, Б. Можая, В. Белова, Е. Носова. В их произведениях исследовались нравственные вопросы, источники силы народного духа, взаимосвязь человека с природой, с историей народа — вечные проблемы, которые с особой остротой ощущались обществом в рассматриваемый период.

Большой общественный резонанс имели произведения Ю. Трифонова «Обмен», «Предварительные итоги», «Другая жизнь», в которых автор показал духовную разобщенность и драматизм повседневного существования городской интеллигенции.

Духовные поиски 70-х гг. вели к более глубокому осмыслению культурного наследия прошлого. Историческая преемственность в культуре, разрушенная в 30-е гг., начала постепенно восстанавливаться в период «оттепели». Этот процесс продолжился в последующие десятилетия. Во всех областях художественной культуры стал заметен интерес к классике, как отечественной, так и зарубежной. В течение 60-х — первой половины 80-х гг. были экранизированы многие произведения Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, И. С. Тургенева, А. П. Чехова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, романы Ч. Диккенса, Т. Манна, пьесы О. Уайльда и многих других авторов. Возросло количество посетителей картинных галерей. Популярностью пользовались выставки старых мастеров из собраний зарубежных музеев. Большими тиражами (более 300 тысяч экземпляров) вышли «Библиотека всемирной ли-

тературы» и «Библиотека мировой литературы для детей». Классические произведения, по-новому осмысленные современным поколением, продолжали жить в духовной культуре народа, обогащая ее.

Распространение получил культурно-исторический туризм. Началось широкое общественное движение по охране памятников истории и культуры. В 1966 г. возникло добровольное Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры (ВООПИК). Материальный вклад этой организации в охрану памятников составляли не только взносы, но и непосредственное трудовое участие в реставрационных работах (движение добровольных помощников реставраторов возникло в 1971 г.). Все это дает основание говорить о начале нового этапа в освоении советской культурой духовных ценностей прошлых лет.

Большая открытость по отношению к культуре прошлого позволила вернуть то, что отвергалось в предшествующие годы. Стали публиковаться произведения А. М. Ремизова, Б. А. Пильняка, Игоря Северянина, О. Э. Мандельштама. Началось издание русской философской классики. Но стереотипы идеологических оценок пересматривались медленно.

В рассматриваемый период настоящий бум переживало театральное искусство. По сравнению с литературой и кино театр имел относительно небольшую аудиторию. Поэтому этот вид искусства играл роль своеобразного клапана для выхода критического напряжения, существующего в обществе. Зрители стояли в очередях ночами, чтобы посмотреть спектакли Театра на Таганке (главный режиссер — Ю. Любимов), попасть в «Современник» (главный режиссер — О. Ефремов, после 1971 г. — Г. Волчек) или в Ленинградский Большой драматический театр (БДТ, главный режиссер — Г. Товстоногов). Популярностью пользовались драматические произведения, поднимавшие острые социальные вопросы: «Сталевары», «Заседание парткома», «Обратная связь» (МХАТ), «Человек со стороны» (Московский драматический театр на Малой Бронной). Каждый из этих спектаклей рождался не только в творческих муках, но и в борьбе с многочисленными идеологическими кураторами.

В кино большой интерес вызывали картины В. Шукшина, Н. Михалкова, А. Митты. Самым кассовым в эти годы стал фильм В. Меньшова «Москва слезам не верит». Однако работы таких талантливых мастеров, как А. Тарковский, А. Герман, К. Муратова, не стали достоянием широкой киноаудитории.

Процессы, происходившие в изобразительном искусстве, были плохо известны широкому зрителю. На юбилейных выставках в Манеже, самом крупном выставочном центре страны, преобладал определенный круг авторов, работавших в традиционной манере и официально признанных.

Выход в свет книги, премьеры спектакля, выпуск на экраны кинофильма зависели от большого количества инстанций, для которых запрет был более надежным и безопасным, чем разрешение. Административно-бюрократические преграды заставляли авторов постоянно приспосабливаться. Терялась вера в свои силы, вырабатывалась готовность к компромиссам. Но вернуться к практике сталинского времени, когда любые расхождения с официально установленными канонами сурово и публично карались, было уже невозможно. Органы руководства литературой и искусством были вынуждены идти на уступки. В сентябре 1974 г. выставка на окраине Москвы художников-авангардистов (О. Рабин, В. Немухин, Л. Мастеркова, О. Целков и др.) была разгромлена бульдозерами, а многие ее участники задержаны милицией. Уже через две недели после «бульдозерной выставки» эти живописцы получили разрешение показать свои работы в парке Измайлово. Картины художников-нонконформистов стали экспонироваться на ежегодных отчетных выставках в ЦДРИ (Центральный Дом работников искусств). Проводились и неофициальные показы на квартирах.

Стремясь поставить альтернативное искусство под контроль, власти создавали официальные творческие объединения для художников-нонконформистов. Такой организацией стал Московский объединенный комитет художников-графиков, под эгидой которого проводились выставки.

В фильмохранилищах по разным причинам оказывались многие достойные ленты, однако некоторые из них, «сомнительные» с точки зрения официальных канонов, все же выпускали на экраны в ограниченном количестве копий. Так, демонстрировались «Зеркало» А. Тарковского и «Короткие встречи» К. Муратовой.

Актом протеста против бюрократических запретов в литературе и искусстве стало самодеятельное издание в 1978 г. литературно-художественного альманаха «Метрополь», в котором приняли участие В. Аксенов, А. Битов, Ф. Искандер, В. Ерофеев и другие авторы. Альманах носил подчеркнуто аполитичный характер, однако был воспринят властями как антисоветская акция.

Некоторые представители творческой интеллигенции, которые не могли приспособиться и у которых не хватило сил, что-

бы бороться, покидали родину. После запрещения нескольких готовых спектаклей уехал за границу главный режиссер Театра на Таганке Ю. Любимов, остался работать на зарубежных студиях А. Тарковский. Эмигрировали художник Э. Неизвестный и скульптор М. Шемякин, поэты И. Бродский, Н. Коржавин, А. Галич, писатели В. Некрасов, В. Максимов, В. Аксенов, А. Гладилин, С. Довлатов. Был выслан из страны и лишен советского гражданства А. Солженицын, лишили гражданства М. Ростроповича и Г. Вишневу, которые дали приют опальному писателю.

Творчество многих писателей, художников, музыкантов, режиссеров, оказавшихся за пределами родины, официально было вычеркнуто из советской культуры, их имена не упоминались даже в исторических и искусствоведческих исследованиях. Но и «вычеркнутые» произведения продолжали жить в списках, ксерокопиях, на кино-, фото- и магнитных пленках.

Одним из ярких проявлений неофициальной культуры стало песенное творчество В. Высоцкого. Демократичность, широта творческого охвата жизни, глубокое понимание русского духа сделали его поистине народным поэтом и артистом, хотя никаких званий и наград при жизни он не получал. Феномен популярности Высоцкого — характерная черта времени. Лишь некоторые его песни при жизни автора звучали с экрана, по радио или были записаны на пластинки. Основным же источником распространения его произведений были магнитофонные записи.

Выступления отечественных рок-групп также распространялись в магнитофонных записях. Во второй половине 60-х гг. власти попытались адаптировать новое музыкальное направление к советской эстраде. Бит-группы под названием вокально-инструментальных ансамблей — «Поющие гитары» в Москве и «Веселые ребята» в Ленинграде — не могли составить конкуренцию независимому рок-движению. В 70-е гг. самостоятельные группы прорываются на профессиональную сцену. В 1978 г. прошел первый рок-фестиваль в Черноголовке (под Москвой), в 1980 г. — в Тбилиси. Не имея возможности остановить новое музыкальное движение, власти попытались взять его под контроль. С 1981 г. при домах самостоятельного творчества создаются официальные рок-клубы. Вводится порядок регистрации групп и утверждения репертуара, 80 % которого должно было состоять из произведений членов Союза композиторов. Одновременно в печати развертыва-

ется кампания против безыдейности и безвкусицы новой музыки. Однако это не могло подорвать ее популярность среди молодежи.

Своеобразным феноменом неофициальной культуры стали «кухонные» диспуты московской интеллигенции. На кухнях в дружеском кругу обсуждались публицистические и художественные произведения, распространявшиеся в самиздате. Интеллигенция существовала по законам двойного сознания: демонстрировала свою послушность на работе и партийных собраниях и критиковала власть в кулуарах. К середине 70-х гг. оформились «почвенническое» и «западническое» направления общественной мысли, манифестами которых стали, с одной стороны, письмо А. Солженицына «Вождам Советского Союза», а с другой — ответ А. Сахарова на это письмо.

Глава 16

Культура в годы перестройки: 1985—1991 гг.

16.1. Новые тенденции культурной жизни

Обновление государственной системы, начатое партийным руководством во главе с М. С. Горбачевым в 1985 г., имело большие последствия для всех отраслей культуры. Общественно-культурная жизнь стала несравненно сложнее, разнообразнее, многовариантнее.

Решающее значение имела политика гласности, а также смягчение или частичный пересмотр некоторых постулатов официальной идеологии. Классовый подход с его идейной непримиримостью постепенно вытеснялся приоритетом общечеловеческих ценностей и «социалистического плюрализма» мнений.

Ослабление цензуры вызвало бурный поток публикаций на ранее запретные темы. На первый план выдвинулось обсуждение и осуждение «деформаций социализма», которых накопилось немало за 70 лет существования советской власти. Среди авторов остро критических публицистических статей преобладали «шестидесятники». Эта часть интеллигенции активно поддержала линию Горбачева, справедливо считая ее продолжением антисталинских реформ «оттепели». «Дети XX съезда» стали «прорабами перестройки». Выделилось демократическое крыло газетно-журнальной периодики: газеты «Аргументы и факты», «Московские новос-

ти», «Московский комсомолец», журналы «Огонек», «Новый мир», «Знамя», «Дружба народов». Им противостояли издания националистического и коммунистического толка — газеты «Правда», «Советская Россия», журналы «Наш современник», «Молодая гвардия». Тиражи журналов и газет быстро росли.

Периодика оказывала громадное влияние на общественное сознание. Постепенно процесс расширения гласности стал выходить из границ, заданных партийными реформаторами. Антисталинский критический заряд публицистики перерастал в антикоммунистический. Идеологии перестройки был нанесен серьезный удар. Во многих публикациях речь шла уже не о сталинских преступлениях и деформациях социализма, а о порочности самой системы. В сознании общества укреплялась мысль о невозможности «возвращения к истокам».

Произошел поворот в политике в области литературы и искусства. В этом отношении заметным событием стал Пятый съезд Союза кинематографистов, состоявшийся в мае 1986 г., на котором впервые прозвучала публичная критика государственного вмешательства в творческий процесс. Требования деятелей киноискусства возымели действие. Вскоре после съезда была отменена практика утверждения сценариев и получения санкции Госкино на выпуск фильмов в прокат, а в последующие два года государственное управление кинопроизводством и кинопрокатом было почти полностью свернуто.

Аналогичные перемены происходили и во взаимоотношениях государственных органов и театральных коллективов. В 1987—1988 гг. сначала в порядке эксперимента, а затем и по всей стране театральные коллективы получили право формировать репертуар и выпускать спектакли без санкции вышестоящих инстанций. Параллельно проводилась апробация хозрасчетных моделей в театрах. С конца 80-х гг. утвердилась многоканальная система финансирования культуры.

Новые кадры пришли в Министерство культуры СССР, во главе которого встал актер Театра на Таганке и кинорежиссер Н. Н. Губенко, сменилось руководство президиума Академии наук, творческих союзов, редколлегий многих литературно-художественных журналов.

Закон СССР 1990 г. «О печати и других средствах массовой информации», отменивший цензуру, завершил разрушение советской системы партийно-государственного руководства культурой.

Культурно-информационное пространство, в котором жило общество, расширялось. Массовый читатель получил доступ к

литературе, которая десятилетиями находилась в спецхранах. За несколько лет толстые литературно-художественные журналы вернули читателям десятки произведений ранее запрещенных авторов. Граница между подцензурной литературой и самиздатом исчезла. На экраны возвращались «полочные» (не пропущенные в свое время цензурой) фильмы, на сцены театров — «старые новые» пьесы. Своего апогея достигло рок-движение. Началась реабилитация диссидентов. В декабре 1986 г. в Москву из ссылки вернулся академик А. Д. Сахаров.

Перестройка принесла большие перемены в международные контакты СССР. Противостояние двух систем постепенно уходило в прошлое, падение Берлинской стены в 1989 г. символизировало конец «холодной войны». «Железный занавес», отделявший страну от внешнего мира, исчез, как и идеологические фильтры, контролировавшие информацию извне. Массовая западная культура потоком хлынула в СССР осваивать новый рынок. Расширялись культурные контакты. В повседневную жизнь вошли обмены между школами и вузами, частные поездки.

Налаживались отношения с русским зарубежьем, хотя этот процесс шел нелегко. В отличие от западной общественности бывшие советские граждане, эмигранты третьей волны, настороженно отнеслись к перестройке. В 1987 г. десять известных деятелей культуры, в разное время высланных из СССР, опубликовали на Западе письмо, где выражали серьезные сомнения в возможности реформирования советской системы. Письмо было подписано Ю. Любимовым, В. Аксеновым, В. Максимовым, Э. Неизвестным, Ю. Орловым, А. Зиновьевым и др. «Московские новости» перепечатали его в апреле 1987 г., сопроводив разоблачительными комментариями. Но уже на следующий год тон публикаций об эмигрантах резко меняется. Возобновились личные контакты эмигрантской и советской интеллигенции. Творчество эмигрантов третьей волны возвращалось на родину.

Нестабильность политической и экономической ситуации и облегчение процедуры выезда из страны привели к новой волне эмиграции, которая носила преимущественно национальный характер (еврейская и немецкая эмиграция), но включала и интеллигенцию. Выбор заграницы для места жительства уже не означал разрыва с родиной. Нормализация отношений с русским зарубежьем и современные средства транспорта и коммуникации помогали поддерживать единство российской культуры. В СССР стали свободно продаваться эмигрантские периодические издания.

В годы перестройки усилился процесс размежевания интеллигенции. Многие ее представители поддерживали реформаторский курс партии. Властителями дум стали журналисты и ученые, авторы ярких публицистических статей: Г. Попов, И. Клямкин, В. Селюнин, А. Стреляный, Н. Шмелев. Большой общественный резонанс имел публицистический сборник «Иного не дано», вышедший в 1988 г. под редакцией Ю. Н. Афанасьева.

Часть интеллигенции находилась в оппозиции курсу Горбачева. Манифестом ортодоксально-коммунистического течения стала статья преподавателя вуза Н. Андреевой «Не могу поступиться принципами», опубликованная в газете «Советская Россия» в марте 1988 г. Среди лидеров национально-патриотического течения оказались известные писатели — В. Солоухин, В. Белов, В. Распутин, Ю. Бондарев, художник И. Глазунов. Они выступали против вестернизации страны и констатировали наличие «гражданской войны» в литературе. Сходные идеи высказывали и некоторые эмигранты, например философ А. Зиновьев.

Идейные и политические разногласия раскололи некогда единые творческие союзы. Из парадных казенных мероприятий съезды творческой интеллигенции стали местом, где велись острые дискуссии. Появлялись новые творческие объединения и коллективы.

Курс на демократизацию предполагал расширение самостоятельности трудовых коллективов. Научные лаборатории и институты, вузовские кафедры, театральные коллективы получили право выбирать руководителей. Как и в народном хозяйстве, это новшество не принесло ожидаемых результатов. Вспыхнули конфликты в Театре имени Евг. Вахтангова и Московском драматическом театре имени А. С. Пушкина. Во МХАТе в 1987 г. конфликт привел к расколу театра.

В годы перестройки кардинально изменилось отношение государства к религии и церкви. Перелом произошел в 1988 г., когда Русская православная церковь отмечала 1000-летие крещения Руси. Началось восстановление закрытых за годы советской власти монастырей, церквей и приходов. Были сняты запреты на религиозное обучение, распространение религиозной литературы и предметов культа. Люди возвращались в лоно церкви.

Политика «открытых дверей» в культурном обмене облегчила проникновение в СССР сотен проповедников различных конфессий, религиозных школ и сект, которые открывали свои отделения в стране и вели активную работу среди населения. При несовер-

шенстве законов, регламентирующих деятельность религиозных объединений, появились секты тоталитарного направления, представлявшие опасность для общества, такие, как «Белое братство», «Аум Сенрикё».

16.2. Народное образование

Перестройка внесла некоторые коррективы в проводившуюся с 1984 г. школьную реформу. В духе лозунга на «ускорение» была выдвинута задача всеобщего компьютерного обучения школьников. Но, как и многие начинания тех лет, компьютеризация школы осталась красивым призывом, оторванным от реальности. На практике реформа свелась к введению 11-летнего срока обучения, частичному пересмотру учебных программ и повышению зарплат учителей. Соединения учебы с производительным трудом, как это предусматривалось в Законе 1984 г., не получилось. Не изменилась и громоздкая структура управления народным образованием. Реформа не разрешила, а напротив, обострила кризис, в котором находилась школа.

С началом перестройки состояние дел в школе стало широко и открыто обсуждаться на страницах «Учительской газеты», которая стала центром притяжения лучших педагогических сил страны. Под влиянием общественного педагогического мнения партийно-государственное руководство признало необходимость пересмотра положений реформы 1984 г.

В 1988 г. был взят новый курс в развитии школы: отказ от тотальной унификации и профессионализации общеобразовательной школы, всесторонняя демократизация и гуманизация образования. Новая концепция общего среднего образования была разработана временным научно-исследовательским коллективом «Школа», так как Академия педагогических наук заняла консервативную позицию. Суть новой реформы заключалась в смене статичной модели образования, ориентированной на воспроизведение существующей структуры, на более динамичную. Авторы реформы стремились создать принципиально новую школу, способную к саморазвитию.

Предусматривалось введение обязательного образовательного минимума в объеме девятилетнего обучения. Среднее одиннадцатилетнее образование объявлялось не обязательным, как раньше, а всеобщим, то есть государство гарантировало его доступность. Снижение обязательного образовательного минимума должно было повысить качество обучения.

Начавшаяся реформа изменила облик советской школы. Появились новые типы учебных заведений (лицей, гимназии), ослабла регламентация школьной жизни, по-новому стали преподавать предметы гуманитарного цикла. Однако кардинальная перестройка системы общего образования требовала длительного времени и к тому же замедлялась отсталостью материальной базы школ и низкой оплатой труда педагогов. Указ № 1 Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, подписанный им через месяц после избрания в июле 1991 г., «О первоочередных мерах по развитию образования в РСФСР» и предусматривавший выделение средств на школу, включая существенное повышение зарплаты учителям, имел чисто политическое значение. Практически реализован он не был.

Ранее, в 1987 г., были приняты «Основные направления перестройки высшего и среднего специального образования», и началась реформа высшей школы. Ее необходимость назрела давно. С начала 80-х гг. численность студентов начала сокращаться, престиж высшего образования падал. Уровень подготовки выпускников, особенно технических вузов, не отвечал возросшим потребностям страны. Из-за низкой оплаты труда многие дипломированные инженеры работали не по специальности. Таким образом, государственные расходы на бесплатное образование давали очень низкую отдачу. Главным направлением перестройки высшей школы стала интеграция образования, производства и науки. С целью усилить взаимную заинтересованность вузов и предприятий в повышении уровня подготовки специалистов и их оптимальном использовании на производстве между ними вводились договорные отношения. Предприятия и организации должны были заказывать вузам специалистов нужного профиля и оплачивать их подготовку. Вузы, в свою очередь, обязаны были готовить студентов в соответствии с потребностями конкретного предприятия. Упор делался на подготовку кадров широкого профиля, способных быстро адаптироваться к изменениям на производстве. Реформа предполагала введение гибкого учебного плана, сокращение аудиторных занятий и развитие самостоятельной работы студентов. Отменялись льготы и привилегии при поступлении в высшие учебные заведения.

Договорные отношения между вузами и предприятиями не получили широкого распространения. Очень немногие предприятия имели средства для подготовки специалистов на заказ. Учреждения здравоохранения, народного образования, культуры продол-

жали получать кадровые пополнения по системе государственного распределения.

Следующим шагом реформы было создание системы непрерывного образования. В 1988 г. управление всеми образовательными учреждениями от школы до вуза было объединено в одном органе — Государственном комитете СССР по народному образованию. Однако эта верхушечная административная перестройка не принесла реальных результатов. Госкомитет просуществовал недолго и вскоре был разукрупнен.

16.3. Наука

Для естественных и точных наук годы перестройки стали временем больших кадровых потерь. Перед учеными открылись легальные возможности получить работу в зарубежных университетах и научных институтах. Высокий авторитет советской научной школы и низкая оплата научно-исследовательского труда в СССР привели к заметной «утечке мозгов», особенно в физике, математике, химии и биологии. Сокращение научного потенциала происходило также за счет перехода некоторых ученых в другие сферы деятельности, главным образом в предпринимательство и политику.

В отличие от естественных и точных общественные науки в этом отношении практически не пострадали, если не считать, что из обществоведов вышли политические деятели нового поколения, что, однако, не носило массового характера. Сохранив свой кадровый потенциал, науки, базировавшиеся на «единственно верной» методологии марксизма-ленинизма, оказались в кризисном положении. Попытка перестроить их на основе «восстановления ленинской традиции научного поиска» внесла раскол в ряды ученых. Одни с энтузиазмом восприняли призыв к гласности, к преодолению догматизма и начетничества, другие увидели в этом угрозу. В годы хрущевских реформ подобное противостояние закончилось победой консерваторов, поддержанных партийным руководством. Перестройка, завершившаяся падением коммунистического режима, привела марксистское обществоведение к кризису.

Знаменательным фактором духовной жизни перестроечных лет стал интерес к отечественной истории. Массовыми тиражами переиздавались труды русских историков — Н. М. Карамзина, С. М. Соловьева, В. О. Ключевского. Широкий резонанс получила борьба, развернувшаяся в исторической науке по проблемам со-

ветской истории. Общество, долгие годы лишенное правдивой информации о собственном прошлом, проявляло к нему большой интерес. Историческая тема заняла значительное место в художественной прозе и публицистике. В газетах и журналах появились постоянные рубрики на исторические темы. Публичные лекции по отечественной истории собирали большие аудитории. Мифологизированная советская история разрушалась под напором новых фактов и данных. Но на смену одним мифам приходили другие. Процесс перестройки исторического сознания общества, как и исторической науки, был чрезвычайно сложным.

16.4. Художественная культура

За период перестройки произошли принципиальные изменения во взаимоотношениях художественной культуры с властью и с обществом. С одной стороны, литература и искусство избавились от идеологического диктата сверху, с другой — художественные произведения перестали играть роль единственного «клапана» для выхода социальных эмоций. В первые перестроечные годы роль литературы была чрезвычайно велика. Общественное мнение было буквально взбудоражено повестями В. Распутина «Пожар» и В. Астафьева «Печальный детектив», романом Ч. Айтматова «Плаха», в которых резко и бескомпромиссно говорилось о нравственных недугах, поразивших современное общество. Художественная проза открывала правду об историческом прошлом. Ключевыми публикациями тех лет стали романы А. Рыбакова «Дети Арбата», В. Дудинцева «Белые одежды», Ю. Домбровского «Факультет ненужных вещей», А. Жигулина «Черные камни», Д. Гранина «Зубр», пьесы М. Шатрова «Брестский мир» и «Дальше, дальше, дальше...». Многие из этих произведений были написаны задолго до их издания.

В отечественную культуру возвращались ранее запрещенные произведения. С середины 80-х гг. стали печататься стихи Н. Гумилева, В. Ходасевича, Г. Иванова, проза и стихи В. Набокова. Широко стали публиковаться произведения М. Цветаевой, М. Булгакова, А. Ахматовой, А. Платонова, А. Солженицына. В 1987 г. был опубликован роман Б. Пастернака «Доктор Живаго», в 1988 г. — роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба», изъятый в начале 60-х гг. у писателя органами госбезопасности, в 1989 г. — «Архипелаг ГУЛАГ» А. Солженицына, за который автор расплатился высылкой из страны. Шаг за шагом журналы увеличивали пространство гласности. Поток публикаций нарастал, и печатный дефицит сменился печатным изобилием.

Открыв свои запасники, литература отнюдь не иссякла, но изменилась роль, которую она традиционно играла в российском обществе. Художественная литература перестала быть единственным средством для выражения гражданской позиции, единственным источником слов правды. Обострение политической борьбы, ухудшение экономической ситуации, конкуренция с телевидением переключали общественное внимание с книжных новинок на текущие события.

Сходные процессы влияли и на театральную аудиторию. Театр, бывший в доперестроечные годы и в начале перестройки рупором общественных идей, вынужден был уступить место драме жизни. Репертуар стал более разнообразным, появилось множество новых театров и студий, но зрительские залы пустели.

Перестройка в кино началась с выхода на экран «полочных» фильмов: «Тугой узел» М. Швейцера, «Проверка на дорогах» и «Мой друг Иван Лапшин» А. Германа, «Агония» Э. Климова, «Комиссар» А. Арнольдова. Развитие получила кинодокументалистика, тематический диапазон которой расширился от освещения «белых пятен» истории («Больше света», режиссер М. Бабак) до постановки острых социальных проблем («Легко ли быть молодым?», режиссер Ю. Подниекс). Самым крупным событием тех лет стал фильм Т. Абуладзе «Покаяние» (1987), в котором впервые в философско-аллегорической форме раскрывалась тема сталинизма.

По мере ослабления идеологического диктата в киноискусстве все более заметным становился диктат рынка. Фильмы Ф. Феллини, И. Бергмана, А. Тарковского, А. Сокурова, вышедшие большими тиражами на экраны, очень быстро были вытеснены массовой американской кинопродукцией.

Бесконечно многообразной стала художественная жизнь. Зрители впервые получили возможность увидеть полотна современных молодых художников, произведения эмигрантов, а также работы мастеров, хранившиеся в запасниках и частных коллекциях. Прошли персональные выставки П. Филонова, А. Лентулова, К. Малевича, В. Кандинского, М. Нестерова и др.

Расширился музыкальный репертуар. Стали исполняться произведения современных композиторов-новаторов, таких, как С. Губайдулиной, А. Шнитке. Полную творческую свободу получили рок-группы. Однако в условиях гласности русский рок утратил свою общественную роль и потерял популярность. Все, о чем пели рок-певцы, можно было говорить свободно. При коммерциализа-

ции рок-музыки большинство отечественных групп не могли конкурировать с западными ни по художественному уровню, ни по технической оснащенности.

Глава 17

Культурная жизнь России в 90-е гг.

17.1. Новые условия развития культуры

Процессы культурного развития не прерываются с распадом государственных структур и падением политических режимов. Культура новой России органически связана со всеми предшествующими периодами истории страны. Вместе с тем новая политическая и экономическая ситуация не могла не сказаться на этой сфере.

Кардинальным образом изменились взаимоотношения с властью. Государство перестало диктовать свои требования, и культура утратила гарантированного заказчика. Исчез общий стержень культурной жизни — централизованная система управления, разрушены принципы, на которых базировалась единая культурная политика. Определение путей дальнейшего развития стало делом самого общества и предметом острых разногласий. Диапазон поисков чрезвычайно широк — от следования западным образцам до апологии изоляционизма. Некоторые воспринимают отсутствие объединительной социокультурной идеи как проявление глубокого кризиса, в котором оказалась российская культура к концу XX в. Другие считают культурный плюрализм естественной нормой цивилизованного общества.

Государственная культурная политика в постсоветской России нацелена на решение общенациональной задачи — сохранение и накопление культурного потенциала страны и обеспечение преемственности традиций. Государство стремится поддерживать систему образования, научные исследования, разнообразные течения и направления в художественной жизни города и села, центра и провинции, а также обеспечивать доступность образовательных и культурных учреждений. Новая концепция политики была положена в основу Федеральных целевых программ сохранения и развития культуры и искусства, принятых в 1993 и 1997 гг. и получивших статус президентских. В дополнение к ним были разработаны и приняты аналогичные региональные программы. В 1996 г.

был создан Совет по культуре и искусству при Президенте Российской Федерации. Последнее десятилетие XX в. отмечено активной законодательной деятельностью, направленной на создание новой правовой базы существования и развития учреждений культуры, а также творческой деятельности научной и художественной интеллигенции.

Практические меры государства в культурной сфере явно отставали от законодательских. Федеральные и региональные программы финансировались лишь на 65—70% от запланированного, поэтому остались в значительной степени невыполненными. Совет при Президенте играл роль декоративно-совещательного органа.

Экономическая реформа 1992 г., нацеленная на переход к рыночной экономике, нанесла ощутимый урон социальной сфере. Государственное финансирование культуры стало сокращаться. В 1993 г. оно составило 81% от уровня 1991 г., в 1995-м — 63%, в 1997-м — 60%. С 1985 по 1995 г. бюджетное финансирование науки сократилось в 15—18 раз в сопоставимых ценах.

Учреждения культуры вынуждены были искать альтернативные источники финансирования. Возникла система платного образования. Были созданы фонды материальной поддержки научно-исследовательских проектов, а также открыты российские отделения зарубежных и международных фондов. Появилось спонсорство — финансирование коммерческими структурами культурных организаций или мероприятий. Многие учреждения культуры сами занялись предпринимательской деятельностью. Хотя все эти новые источники не покрывали потребностей в средствах, большинству научных институтов, вузов, театров, музыкальных коллективов удалось выжить. Более того, в 80-е гг. было создано множество новых научных институтов, университетов, академий, музеев, киностудий, оркестров, театров, концертных залов. Так, в Санкт-Петербурге к трем существовавшим государственным симфоническим оркестрам в 1992—1993 гг. прибавилось шесть новых. С 1990 по 1997 г. в стране было открыто более 500 новых музеев. Число научных учреждений выросло за этот период на 40%. Данные изменения были следствием освобождения науки и культуры от административного контроля.

Однако далеко не всем учреждениям культуры и науки, зарегистрированным в первой половине 90-х гг. удалось выжить. Многие из них оказались невостребованными. Тяжелые материально-бытовые условия, в которых оказалось большинство населения в условиях экономической реформы, ограничивали возможности

культурного досуга. Сократилась посещаемость музеев, при том что их сеть выросла на 30%.

Произошел резкий спад кинопроизводства, особенно заметный после подъема предшествующих лет. Если в 1985 г. было выпущено 86 художественных фильмов, то в 1991 г. — 375, а в 1996 г. — 30. Резко сократилась зрительская аудитория российского кино, не способного конкурировать с американским. Критическое состояние отечественного кинопроизводства потребовало принятия в 1996 г. Федерального закона «О государственной поддержке кинематографии Российской Федерации». Хотя предусмотренные законом меры не были реализованы в полном объеме, некоторый рост производства фильмов наметился. В 1997 г. было создано 56 картин. Развитию отечественной кинематографии способствует активизация фестивальной жизни. Ежегодно, а не раз в два года, как в советский период, проводится Московский международный кинофестиваль. Традиционными стали фестивали в Сочи, Выборге и других российских городах.

Децентрализация управления культурой привела к подъему культурной жизни российской провинции. Провинциальные города стали местом проведения крупных научных конференций, различных фестивалей и праздников народного творчества, выставок изобразительного искусства. Активизировалась издательская деятельность.

В рассматриваемый период было многое сделано для сохранения культурного наследия: возвращены исторические названия многим русским городам и улицам, переименованным за годы советской власти, созданы новые музеи исторического и краеведческого профиля. Значительный вклад в восстановление памятников культового зодчества вносит Русская православная церковь, в ведение которой переходили закрытые в советское время церкви и монастыри. Наиболее ценные объекты, относящиеся к общенациональному достоянию, такие, как соборы Московского Кремля, используются совместно государством и церковью. Наиболее ценные коллекции икон остались в распоряжении государственных музеев.

Далеко не все проблемы культурного наследия решены. По-прежнему остро стоит вопрос о сохранности книжных фондов в крупнейших библиотеках страны, большинство из которых не имеют современно оборудованных книгохранилищ. Нуждаются в реставрации и технической реконструкции Большой театр, Большой зал Московской консерватории и некоторые другие объекты

общенационального значения. Продолжаются переговоры о возвращении культурных и исторических ценностей, вывезенных и ввезенных в СССР в результате Второй мировой войны.

17.2. Народное образование

Административно-командная система руководства сферой образования, разрушенная в годы перестройки, сменилась государственно-общественным управлением. В ведении государства остались вопросы единого образовательного стандарта, сохранения преемственности среднего и высшего образования, обеспечение конституционных прав граждан в этой сфере.

Кардинальным образом изменилась сеть средних учебных заведений: наряду с государственными общеобразовательными школами появились лицеи, гимназии, колледжи, частные школы, что дало возможность выбора формы образования.

В 1992 г. были приняты Закон Российской Федерации «Об образовании», утверждавший гуманистические принципы образования, и Государственная программа развития высшего образования до 2005 года.

С принятием Закона 1992 г. школьная реформа, начавшаяся в 1988 г., вышла на государственный уровень. Однако в условиях проведения экономических преобразований ее реализация осложнялась сокращением государственного финансирования системы образования и падением уровня жизни основной массы населения.

В ряде регионов школы не отапливались, значительная часть зданий нуждалась в капитальном ремонте. В середине 90-х гг. с ростом детской беспризорности и безнадзорности число детей, не посещавших школу, достигло 30 %.

В конце 90-х гг. положение в школе стабилизировалось. Стали вводиться образовательные стандарты и санитарные нормы, разработанные Министерством общего и профессионального образования. В 2000 г. была принята концепция модернизации системы образования в стране, предусматривающая увеличение финансирования, повышение качества образования, переход к 12-летнему обучению в средней школе, введение единого экзамена для выпускников, по результатам которого будет проводиться зачисление в вузы.

Развитие высшего образования осложняется тяжелым материальным положением большинства высших учебных заведений, низким уровнем жизни преподавателей и студентов. Но несмотря

на трудности, система высшего образования продолжала развиваться, а с середины 90-х гг. прием студентов был расширен.

Сфера высшего образования была перестроена на принципах вузовской автономии и академических свобод. Были созданы многообразные виды образования по срокам, программам и формам обучения: предвузовская подготовка, второе высшее образование, курсы повышения квалификации и т. д. Некоторые вузы перешли к трехуровневой системе, принятой во многих зарубежных странах: 1-й уровень — общенаучное образование (2 года), 2-й — базовое высшее профессиональное образование (2 года), 3-й — углубленная профессиональная подготовка (2 года).

Наиболее заметные изменения произошли в преподавании общественных наук. Их деполитизация потребовала переподготовки преподавателей, введения новых программ и предметов, создания новых учебников.

17.3. Наука

После распада СССР прямой наследницей и преемницей Академии наук СССР стала Российская академия наук. 90% академических учреждений находилось на территории России, но часть исследовательской базы — обсерватории, биостанции, лаборатории — осталась в распоряжении бывших советских республик — ныне независимых государств.

Ликвидация идеологических преград позволила отечественной науке выйти из относительной изоляции и органически войти в мировое научное сообщество. Вместе с тем крах социалистической системы привел к разрушению налаженных научных связей с бывшими советскими республиками и странами Восточной Европы.

С 1994 г. резко сократилось финансирование научных учреждений, упал спрос на научную продукцию. Ранее 70% государственных ассигнований на науку выделялись на проекты, имевшие оборонное значение. Свертывание ВПК неизбежно сказалось на обслуживавшей его научно-исследовательской базе. Невостребованной оказалась прикладная наука.

Поскольку средняя зарплата ученого составляет около 70% от средней зарплате по стране, усилилась внутренняя «утечка мозгов» из науки. Возникли проблемы с воспроизводством кадров, с научно-вспомогательным персоналом, изданием научной литературы. Нарушается система научных коммуникаций.

Материально-финансовые трудности значительно ограничивают те позитивные сдвиги, которые произошли в научной сфере в

постсоветское время. К ним, безусловно, относятся деидеологизация общественных наук, свобода в выборе темы исследования, облегчение процедуры издания научной литературы, расширение контактов с зарубежной наукой, деятельность научных фондов.

17.4. Художественная культура

Изменилась культурная среда. На первый план вышла массовая культура, продукция которой наводнила книжный рынок, радио- и телеэфир, заполнила экраны кинотеатров и видеотеки. Бесконечное разнообразие периодических изданий вытеснило из обихода толстые литературно-художественные журналы.

Переход к рынку ликвидировал хронический дефицит бумаги, с ним исчез и книжный дефицит. Спрос определялся предложением: на первых порах книжные прилавки заполнились детективами, эротической, оккультной литературой, различными практическими руководствами. Вместе с тем впервые за долгие годы книжный рынок смог удовлетворить любые запросы читателей. Идеологические барьеры здесь были полностью ликвидированы.

Увеличился разрыв между массовой и элитарной культурой. Литературно-художественная жизнь стала все больше замыкаться на узком круге творческой интеллигенции.

Ведущее место в постсоветской литературе и искусстве занял постмодернизм — влиятельное интеллектуальное течение конца XX в. Он заявил о себе еще в 70-е гг. в произведениях Абрама Терца (псевдоним А. Синявского) «Прогулки с Пушкиным», В. Ерофеева «Москва—Петушки», Саши Соколова «Школа для дураков» и ряде других, распространявшихся в самиздате, а также на выставках нереалистического искусства. Пафос нового направления заключался в освобождении литературы и искусства от нехудожественных задач, утверждение их самоценности, преодоление пут нормативной эстетики. С конца 80-х гг. постмодернизм выходит из подполья и становится предметом изучения и дискуссий. На русский язык переводятся работы мэтров западной постмодернистской культуры. Появляются журналы и альманахи, ориентирующиеся на это направление: «Вестник новой литературы», «Соло», «Новое литературное обозрение». Постмодернистские тенденции отражены в творчестве Л. Петрушевской, В. Пелевина, Д. Галковского, В. Пьецуха и других авторов, довершавших развенчание советской идеологии, мифов перестроечного времени и национальных мифов.

Вместе с тем целенаправленная деконструкция художественного стиля советской эпохи не уничтожила искусство социалистиче-

ского реализма. Оно остается востребованным массовой аудиторией. Его лучшие художественные произведения стали классикой отечественной культуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Развитие отечественной культуры в XX веке происходило на фоне глубоких социальных катаклизмов и в условиях быстрого научно-технического прогресса. Это определило высокую динамичность историко-культурных процессов.

На протяжении семидесяти лет в общегосударственном масштабе проходил эксперимент по созданию нового, более высокого типа культуры, предусматривавший формирование нового типа человеческой личности. Все сферы культуры были подчинены этой цели, что привело к известному разрыву преемственности в их развитии и к нарушению культурного обмена с другими странами.

Тем не менее отечественная культура продолжала развиваться в русле общемировых культурных процессов. Громадный скачок был сделан в области народного просвещения и образования: от массовой неграмотности до всеобщего среднего образования. Благодаря научно-техническим достижениям кардинальным образом изменилось культурно-информационное пространство.

В конце XX века Россия вновь оказалась на перепутье. Но как бы ни сложилась ее судьба в следующем столетии, русская культура остается главным богатством страны и залогом единства нации.

Контрольные вопросы и задания

- Каковы характерные черты Серебряного века русской культуры?
- Как изменялась система образования на протяжении XX века?
- Сравните советскую и постсоветскую культурную политику.
- Что такое официальная и неофициальная (альтернативная) культура? Приведите примеры.
- Каковы основные черты и главные проблемы современного этапа развития отечественной культуры?

Список литературы

Общий раздел

- Абрамов К. И.* История библиотечного дела в СССР. М., 1980.
- Аронов А. А.* Мировая художественная культура. Россия: Конец XIX—XX век. М., 1998.
- Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры: 1917—1927/Отв. ред. М. П. Ким. М., 1985.
- Вережагина А. Г.* Художник. Время. История: Очерки русской исторической живописи XVIII — начала XX в. Л., 1973.
- Виргинский В. С.* Очерки истории науки и техники XVI—XIX вв. М., 1984.
- Воронин Н. Н.* Зодчество Северо-Восточной Руси XII—XVII вв.: В 2 т. М., 1961—1962.
- Дмитриев С. С.* Очерки истории русской культуры начала XX в. М., 1985.
- Зак Л. М.* История изучения советской культуры. М., 1981.
- Жегалова К. С.* Художественная культура русской деревни XVII—XVIII вв. М., 1983.
- Из истории русской культуры: В 5 т. М., 1995—1996.
- Ильин М. А.* Каменная летопись Московской Руси: Светские основы каменного зодчества XV—XVII вв. М., 1966.
- История культуры Древней Руси: В 2 т. / Под ред. Б. Д. Грекова, М. И. Артомова. М.; Л., 1948—1951.
- История педагогики / Под ред. М. Д. Шабаевой. М., 1982.
- История педагогики: В 2 ч. / Под ред. А. И. Пискунова. М., 1998.
- История русского и советского искусства / Под ред. Д. В. Сарабьянова. М., 1989.
- История русской архитектуры / Под ред. Ю. С. Ушакова, Т. А. Славинной. СПб., 1994.
- Кондаков И. В.* Введение в историю русской культуры. М., 1997.
- Кондаков И. В.* Культура России. Ч. 1: Русская культура: Краткий очерк истории и теории. М., 2000.
- Коржихина Т. П.* Извольте быть благонадежны! М., 1997.
- Краснобаев Б. И.* Русская культура второй половины XVII — начала XIX в. М., 1983.
- Красовицкая Т. Ю.* Модернизация России: Национально-культурная политика 20-х гг. М., 1998.
- Куманев В. А.* Революция и просвещение масс. М., 1973.
- Лазарев В. Н.* Русская иконопись от истоков до начала XVII в. М., 1983.
- Лапшин В. П.* Художественная жизнь Москвы и Петрограда в 1917 году. М., 1983.

- Лихачев Д. С.* Человек в литературе Древней Руси. М., 1970.
- Лотман Ю. М.* Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII — начало XIX века). СПб., 1996.
- Максакова Л. М.* Культура Советской России в годы Великой Отечественной войны. М., 1997.
- Максименков Л.* Сумбур вместо музыки: Сталинская культурная революция 1936—1938. М., 1997.
- Манин В. С.* Искусство в резервации: Художественная жизнь 1917—1941 гг. М., 1999.
- Милюков П. Н.* Очерки по истории русской культуры: В 3 т. М., 1993.
- Муравьев А. В., Сахаров А. М.* Очерки истории русской культуры IX—XVII вв. М., 1984.
- Некрылова А. Ф.* Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XVIII — начало XX века. Л., 1988.
- Очерки истории русской культуры второй половины XIX века / Под ред. Н. М. Волынкина. М., 1976.
- Очерки русской культуры XIII—XV веков: В 2 ч. М., 1969—1970.
- Очерки русской культуры XVI века: В 2 ч. М., 1977.
- Очерки русской культуры XVII века: В 2 ч. М., 1979.
- Очерки русской культуры XVIII века: В 4 ч. М., 1985—1990.
- Очерки русской культуры XIX века. Т. 1: Общественно-культурная среда. М., 1998.
- Очерки русской культуры XIX века. Т. 2: Власть и культура. М., 2000.
- Очерки русской культуры XIX века. Т. 3: Культурный потенциал общества. М., 2001.
- Павлова Г. Е.* Организация науки в России в первой половине XIX в. М., 1990.
- Панченко А. М.* О русской истории и культуре. СПб., 2000.
- Панченко А. М.* Русская культура в канун петровских преобразований. Л., 1984.
- Пелипенко А. А., Яковенко И. Г.* Культура как система. М., 1998.
- Петровская И. Ф.* Театр и зритель провинциальной России: Вторая половина XIX в. М., 1979.
- Петровская И. Ф.* Театр и зритель российских столиц: 1895—1917 гг. Л., 1990.
- Плаггенборг Г.* Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000.
- Познанский В. В.* Очерки русской культуры первой половины XIX в. М., 1970.
- Предмет и метод истории культуры: Круглый стол «Истории СССР»// История СССР. 1979. № 6.
- Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции 1919—1939. М., 1994.
- Романов Б. А.* Люди и нравы Древней Руси. М.; Л., 1966.
- Рыбаков Б. А.* Из истории культуры Древней Руси. М., 1984.

- Рыбаков Б. А.* Язычество Древней Руси. М., 1987.
- Семенова Л. Н.* Очерки истории быта и культурной жизни России: Первая половина XVIII в. Л., 1982.
- Соболева Е. В.* Организация науки в пореформенной России. Л., 1983.
- Советская культура в реконструктивный период: 1928—1941. М., 1988.
- Степанов З. В.* Культурная жизнь Ленинграда 20-х — начала 30-х годов. Л., 1976.
- Стернин Г. Ю.* Художественная жизнь России начала XX века. М., 1976.
- Стернин Г. Ю.* Художественная жизнь России середины XIX века. М., 1978.
- Стернин Г. Ю.* Художественная жизнь России 1900—1910 годов. М., 1988.
- Страницы отечественной художественной культуры: 30-е годы. М., 1995.
- Яковкина Н. И.* История русской культуры XIX в. СПб., 2000.

Альбомы

- Аллатов М. В.* Древнерусская иконопись. М., 1984.
- Борисова К. А., Стернин Г. Ю.* Русский модерн. М., 1994.
- Бродский Б. И.* Сокровища Москвы. М., 1990.
- Государственная Третьяковская галерея. М., 2000.
- Государственный Русский музей. М., 2000.
- Даниэль С.* От иконы до авангарда: Шедевры русской живописи. СПб., 2000.
- Некрасова М.* Народное искусство России: Народное творчество как мир целостности. М., 1983.
- Передвижники. М., 1997.
- Портрет в русской живописи XVII — первой половины XIX века. М., 1986.
- Русские ювелирные украшения 16—20 веков. М., 1987.
- Русский лубок XVII—XIX веков. М.; Л., 1962.
- Русский музей. 100 лет: Сокровищница национального искусства. СПб., 1998.
- Русский плакат: XX век: Шедевры. М., 2000.
- Сердцем слушая революцию: Искусство первых лет Октября. М., 1985.
- Советское изобразительное искусство: Живопись, графика, скульптура, монументальное искусство. М., 1982.

Справочные издания

- Балет: Энциклопедия. М., 1981.
- Выставки советского изобразительного искусства: Справочник: В 4 т. М., 1965—1975.

Золотой век художественных объединений в России и СССР (1820—1932): Справочник. СПб., 1992.

Кино: Энциклопедический словарь. М., 1986.

Кирсанова Р. М. Костюм в русской художественной культуре 18 — первой половины 20 в.: Опыт энциклопедии. М., 1995.

Книговедение: Энциклопедический словарь. М., 1982.

Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. М., 1962—1975.

Культурология: XX век: Энциклопедия: В 2 т. СПб., 1998.

Музыка: Большой энциклопедический словарь. М., 1998.

Музыкальная энциклопедия: В 6 т. М., 1973—1982.

Педагогическая энциклопедия: В 4 т. М., 1964—1968.

Полный православный богословский энциклопедический словарь: В 2 т. М., 1992.

Популярная художественная энциклопедия: Архитектура, живопись, скульптура, графика, декоративное искусство: В 2 т. М., 1999.

Православная энциклопедия. М., 2000.

Рогов Е. Н. Атлас истории культуры России: Конец XVII — начало XX в. М., 1993.

Российская музейная энциклопедия: В 2 т. М., 2001.

Русская изба: Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2001.

Русские писатели: Биобиблиографический словарь: В 2 ч. М., 1990.

Русские писатели: Биобиблиографический словарь (древнерусские писатели, писатели XVIII—XIX вв.). М., 1971.

Русские писатели: XX век: Биобиблиографический словарь: В 2 ч. М., 1998.

Русские писатели: 1800—1917: Биографический словарь. М., 1992—1994.

Русские художники: Энциклопедический словарь. СПб., 2000.

Русские художники от А до Я. М., 2000.

Русский балет и его звезды. М., 1998.

Русский праздник: Праздники и обряды народного земледельческого календаря: Иллюстрированная энциклопедия. СПб., 2001.

Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции: Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М., 1997.

Советская историческая энциклопедия: В 15 т. М, 1961—1973.

Театральная энциклопедия: В 5 т. М., 1961—1967.

Энциклопедия русской живописи. М., 2001.

Оглавление

Предисловие	3
Введение	4

Раздел I

СРЕДНЕВЕКОВАЯ КУЛЬТУРА IX—XVII вв.

Глава 1. Древнерусская культура IX — первой половины XIII в.	16
1.1. Фольклор	20
1.2. Религия. Принятие христианства	22
1.3. Письменность. Просвещение. Книжное дело	25
1.4. Литература. Общественная мысль	31
1.5. Архитектура. Живопись	38
Глава 2. Культура второй половины XIII—XV в.	44
2.1. Фольклор	47
2.2. Просвещение. Книжное дело	49
2.3. Литература. Общественная мысль	51
2.4. Архитектура. Живопись	56
Глава 3. Культура конца XV—XVI в.	61
3.1. Фольклор	64
3.2. Просвещение. Начало книгопечатания	65
3.3. Общественная мысль. Литература	68
3.4. Архитектура. Живопись	76
Глава 4. Культура XVII в.	83
4.1. Просвещение	85
4.2. Научные знания	90
4.3. Общественная мысль	95
4.4. Литература	99
4.5. Архитектура. Живопись	104
Заключение	111
Контрольные вопросы и задания	112

Раздел II

КУЛЬТУРА НОВОГО ВРЕМЕНИ: XVIII ВЕК

Глава 5. Культурные преобразования первой половины XVIII в.	117
5.1. Образование и просвещение	119
5.2. Создание Академии наук	123
5.3. Общественная мысль	125
5.4. Художественная культура	127
5.5. Новые явления в культурной жизни	129
5.6. Судьба культурного наследия Петровской эпохи	131
Глава 6. Русская национальная культура второй половины XVIII в.	133
6.1. Образование и просвещение	134
6.2. Наука	140
6.3. Общественная мысль	142
6.4. Художественная культура	146
<i>Заключение .....</i>	<i>153</i>
<i>Контрольные вопросы и задания .....</i>	<i>154</i>

Раздел III

РУССКАЯ КУЛЬТУРА XIX ВЕКА

Глава 7. Культура дореформенного времени. Первая половина XIX в.	158
7.1. Система образования	162
7.2. Культурно-просветительные учреждения	180
7.3. Наука. Научные центры	185
7.4. Общественная мысль	190
7.5. Художественная культура	197
7.6. Город и деревня в культурной жизни накануне буржуазных реформ	210
Глава 8. Культура пореформенного времени. Вторая половина XIX в.	219
8.1. Система образования	222
8.2. Культурно-просветительные учреждения	241
8.3. Интеллигенция в общественно-культурной жизни	248

8.4. Наука	251
8.5. Общественная мысль	256
8.6. Художественная культура	259
8.7. Город и деревня в культурной жизни на рубеже столетий	276
<i>Заключение</i>	285
<i>Контрольные вопросы и задания</i>	286

Раздел IV

РУССКАЯ КУЛЬТУРА XX ВЕКА

Глава 9. Культура на рубеже столетий	294
9.1. Народное образование и просвещение	294
9.2. Наука	300
9.3. Художественная культура Серебряного века	303
Глава 10. Культура в 1917-м — 1920-е гг.	317
10.1. Революция 1917 г. и культура	317
10.2. Политика большевиков в области культуры	320
10.3. Изменения в системе народного образования и просвещения	329
10.4. Наука	337
10.5. Художественная культура	341
10.6. Культура русского зарубежья	349
Глава 11. Культура конца 20-х — 30-е гг.	357
11.1. Политические и идеологические условия развития культуры	357
11.2. Народное образование и просвещение	362
11.3. Наука	367
11.4. Художественная культура	373
Глава 12. Культура в годы Великой Отечественной войны	383
12.1. Перестройка культуры в условиях военного времени	383
12.2. Наука	387
12.3. Народное образование	390
12.4. Художественная культура	392
Глава 13. Культурная жизнь в 1945—1953 гг.	399
13.1. Усиление административно-командных методов руководства культурой	399

13.2. Народное образование	402
13.3. Наука	403
13.4. Художественная культура	409
Глава 14. Культура в 1953-м — середине 60-х гг.	416
14.1. «Оттепель» в культурной жизни	416
14.2. Наука	422
14.3. Народное образование	428
14.4. Художественная культура	432
Глава 15. Культура во второй половине 60-х — первой половине 80-х гг.	440
15.1. Политика в области культуры	440
15.2. Народное образование	443
15.3. Наука	445
15.4. Художественная культура	449
Глава 16. Культура в годы перестройки: 1985—1991 гг.	453
16.1. Новые тенденции культурной жизни	453
16.2. Народное образование	457
16.3. Наука	459
16.4. Художественная культура	460
Глава 17. Культурная жизнь России в 90-е гг.	462
17.1. Новые условия развития культуры	462
17.2. Народное образование	465
17.3. Наука	466
17.4. Художественная культура	467
<i>Заключение .....</i>	<i>468</i>
<i>Контрольные вопросы и задания .....</i>	<i>468</i>
<i>Список литературы .....</i>	<i>469</i>

Учебное издание

Шульгин Владимир Сергеевич
Кошман Лидия Васильевна
Сысоева Евгения Константиновна
Зезина Мария Ростиславовна

ИСТОРИЯ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ **IX—XX вв.**

Пособие для вузов

Зав. редакцией *Н. Е. Рудомазина*
Редактор *Н. П. Колобова*
Художественное оформление *Е. П. Корсина*
Технический редактор *М. В. Биденко*
Компьютерная верстка *Г. А. Фетисова*
Корректор *Т. К. Остроумова*

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.006315.08.03 от 28.08.2003.

Подписано к печати 03.06.04. Формат 60х90¹/16.
Бумага типографская. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 30,0. Тираж 4 000 экз. Заказ № 7962.

ООО «Дрофа».
127018, Москва, Суцевский вал, 49.

По вопросам приобретения продукции
издательства «Дрофа» обращаться по адресу:
127018, Москва, Суцевский вал, 49.
Тел.: (095) 795-05-50, 795-05-51. Факс: (095) 795-05-52.

Торговый дом «Школьник».
109172, Москва, ул. Малые Каменщики, д. 6, стр. 1А.
Тел.: (095) 911-70-24, 912-15-16, 912-45-76.

Магазины «Переpletные птицы»:
127018, Москва, ул. Октябрьская, д. 89, стр. 1.
Тел.: (095) 912-45-76;

140408, Московская обл., г. Коломна, Голутвин,
ул. Октябрьской революции, 366/2.
Тел.: (095) 741-59-76.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных диапозитивов в ОАО «Тульская типография».
300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.